

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Henry II Valois' Plan about
an Alliance with Ivan IV

The Colonisation of Other Planets
in Soviet Science Fiction

The Element of Freedom
in Colloquial Speech

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 7 | 2019 | № 3

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editor* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Executive Editor: Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Reviews Section Editor*: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Translation Editors*: Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU), PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate*: Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (United Kingdom, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr **Julia Zapary** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo ; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); выпускающий редактор: проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); *отдел рецензий*: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *редакторы перевода*: доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ), PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Орхидского); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Larisa Soboleva, Dmitry Redin, and Tatiana Itskovich. Archives and the Love of Space 3

Larisa Soboleva, Dmitry Redin, and Tatiana Itskovich. Archives and the Love of Space.....3

Problema voluminis

Советская эпоха:
проекты, мечты и... реальность

Наталья Дворцова. Михаил Пришвин о счастливых ослах и лестнице счастья для всех и каждого 721

Irena Vladimirskey. Knowledge is Power: The Story of the Great Soviet Encyclopaedia 736

Svetana Yurlova. *The Book of Tasty and Healthy Food: Mythology or Pragmatics?* 751

Татьяна Хоруженко. Принудительное счастье космической колонизации: советский проект в научной фантастике 761

Olga Filippenko. Ticket in ein neues Leben: Die Integration der Sondersieder durch Fachbildung (1950er Jahre, Tomsk) 776

Владислав Стаф. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа 791

Административные практики «старого режима»: судьбы и образы

Дмитрий Серов. «Вечером из русского лагеря прибыл... майор»: первые 34 года жизни Вилима Геннина 801

Алексей Раздорский. Государевы пожалования таможенных и кабацких голов и целовальников за казенную прибыль (1620-е – начало 1630-х гг.) 818

Наталья Матханова, Наталия Родигина. Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. 835

Наталья Дмитриева, Максим Крот. «К сожалению, не опору, а сопротивление встречает правительство»: сенаторская ревизия прибалтийских губерний 851

The Soviet Epoch:
Plans, Dreams and... Reality

Natalia Dvortsova. Mikhail Prishvin on Happy Donkeys and the Ladder of Happiness for Each and for All ... 721

Irena Vladimirskey. Knowledge is Power: The Story of the Great Soviet Encyclopaedia 736

Svetana Yurlova. *The Book of Tasty and Healthy Food: Mythology or Pragmatics?* 751

Tatiana Khoruzhenko. The Forced Happiness of Space Colonisation: The Soviet Project in Science Fiction..... 761

Olga Filippenko. A Ticket to a New Life: The Integration of Special Settlers through Vocational Education (Tomsk in the 1950s) 776

Vladislav Staf. The Tomsk NKVD Prison Museum: Issues of the Memorialisation of Gulag.....791

Administration Practices of the "Old Regime": Destinies and Images

Dmitry Serov. "In the Evening the Mayor Arrived from the Russian Camp": The First 34 Years of the Life of Wilhelm Henning.....801

Aleksey Razdorsky. Awards from the Sovereign for Replenishing the Customs and Excise Treasury (1620s – Early 1630s)..... 818

Natalia Matkhanova, Natalia Rodigina. The Image of Siberia in the Accounts of Governors-General in the Second Half of the 19th Century 835

Natalia Dmitrieva, Maxim Krot. "Unfortunately, the Government Has Met Resistance, Not Support": Senatorial Inspection of the Baltic Provinces 851

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Origines

<p><i>Эрик Дюро, Искра Шварц, Владимир Шишкин. В поисках союзников: послание Генриха II Валуа Ивану IV Васильевичу.....</i>871</p>	<p><i>Eric Durot, Iskra Schwarcz, Vladimir Shishkin. Searching for Allies: A Letter from Henry II de Valois to Ivan IV .....</i>871</p>
--	---

Hereditas: nomina et scholae

<p><i>Валерий Мокшенко. Борис Александрович Ларин: свободная стихия разговорной речи .....</i> 903</p>	<p><i>Valery Mokienko. Boris Aleksandrovich Larin: The Free Element of Colloquial Speech.....</i> 903</p>
--	---

Conceptus et conceptio

<p><i>Ирина Вепрева, Ирина Шалина, Тамара Матвеева. Русская разговорная речь: аспекты изучения и актуальная проблематика.....</i>919</p>	<p><i>Irina Vepreva, Irina Shalina, Tamara Matveeva. Russian Colloquial Speech: Aspects of Research and Relevant Issues .....</i>919</p>
--	--

Disputatio

<p><i>Elena Shelestyuk. A Review of Literature on the Language Policy of Imperial Russia and the Modern Linguistic Situation .....</i>939</p>	<p><i>Elena Shelestyuk. A Review of Literature on the Language Policy of Imperial Russia and the Modern Linguistic Situation .....</i>939</p>
<p><i>Лю Цзюань, Гун Лэй. Политика монолингвизма и мультилингвизма в Латвии и Казахстане.....</i> 955</p>	<p><i>Liu Juan, Gong Lei. The Policy of Monolingualism and Multilingualism in Latvia and Kazakhstan. ....</i>955</p>
<p><i>Татьяна Таирова-Яковлева. Участие запорожцев в восстании гайдамаков 1768 г. (Коліївщина) .....</i>969</p>	<p><i>Tatiana Tairova-Yakovleva. The Participation of Zaporozhian Cossacks in the 1768 Haidamaka Uprising (Koliivshchyna) .....</i>969</p>

Ars interpretandi

<p><i>Andrea Grominová. Motif of World Transfiguration in Ivan Zhdanov's Poem <i>Órans</i>.....</i> 983</p>	<p><i>Andrea Grominová. Motif of World Transfiguration in Ivan Zhdanov's Poem <i>Órans</i>.....</i> 983</p>
<p><i>Инна Тубалова, Юлия Эмер, Ван Хуа. «Швидкі ніженьки скували, білі рученьки зв'язали»: взаємодія поверхностної і глибокої семантики тексту ліричної пісні (формули с соматизмами) ..</i>992</p>	<p><i>Inna Tubalova, Julia Emer, Wang Ghya. "Fast legs shackled, white hands tied": The Interaction of Surface and Deep Semantics in Lyrical Songs (Somatic Formulae) .....</i>992</p>

Controversiae et recensiones

<p><i>Евгения Комлева. Каков же он, сибирский купец?.....</i>1009</p>	<p><i>Evgenia Komleva. What Is a Siberian Merchant Like? .....</i>1009</p>
<p><i>Ирина Починская. Возвращение к наследию Ивана Федорова .....</i>1018</p>	<p><i>Irina Pochinskaya. Returning to the Legacy of Ivan Fyodorov .....</i>1018</p>
<p><i>Об авторах.....</i>1026</p>	<p><i>On the Authors .....</i> 1026</p>
<p><i>Сокращения .....</i>1034</p>	<p><i>Abbreviations .....</i> 1034</p>

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2019.3.402

ARCHIVES AND THE LOVE OF SPACE

And leave omissions to be captured
In destiny, not text, and strive
To mark across the margins chapters
And scenes from an entire life.

Boris Pasternak*

The third issue of *Quaestio Rossica* for 2019 explores the embodiment of the Soviet era at the intersection of history and culture (*Problema voluminis*: “The Soviet Era: Projects, Dreams, and... Reality”). Today’s generation knows about this time not only from archival and artistic sources and hearsay, but also from their own experiences. Soviet life is close to us, but this does not eliminate the paradoxical aberration of memory about the events and emotions of that period. It seems necessary, therefore, to understand modern attempts at idealistic revision of the Soviet period, which are associated not only with appreciation for “resonant spring early hour” (Translation of Yesenin’s verse by Alec Vagapov, *WikiTranslate*), when everything seems achievable and vague prospects make life intriguing, but also with the collective memory of the “bright future” rhetoric embedded in collective consciousness by propaganda. To separate one from the other and to be able to see lies and distortions against a background of happy memories is a unique experience of this generation, sobering up from the “roaring lion” (Peter I) of dreaminess.

This section features articles that explore the ideas of Soviet people about the possibilities of a happy life, achieving fulfillment while also dealing with the surrounding dramatic reality. The article by *Natalia Dvortsova* (Tyumen State University) about the life and fate of the talented and very unusual writer Mikhail Prishvin (1873–1954) compares the writer’s search for personal happiness and the metaphoric structure of the theme of happiness in the changing motifs of his works. The writer succeeded in revealing this multifaceted theme, placing its connotations within the context of his personal biography and the country’s history, with all its turmoil. The article shows how the writer’s desire for external fulfillment and a feeling of inner happiness were uneasily combined.

---

* Transl. by Andrey Kneller.

The greatest attempt at regulating ways of thinking – the primordial desire of the communist regime – was realised in the first Soviet Encyclopaedia. *Irena Vladimirskaia's* article (Ahva Academic College, Be'er Tuvia, Israel) reveals the history and publication of the Encyclopaedia, and examines the ideological, financial, and organisational difficulties around the publication. The author claims that virtually every article in the Encyclopaedia contained propaganda about the Soviet way of life, backed by communist ideology. Another aspect of propaganda is shown in the work of *Svetlana Yurlova* (Ural Federal University, Yekaterinburg), which is based on the tremendously popular *Book of Tasty and Healthy Food* (1954). This taught readers how to use crystal and silverware and the wonders of consuming delicacies and fine wines in a poor, hungry country filled with the suffering of disabled WWII soldiers, female loneliness, and the misery of orphaned children amidst postwar devastation.

Achieving a happy society on other planets is a major theme of Soviet sciencefiction writing. On closer examination, it is in this context that the theme of the colonisation of new spaces and peoples first appears in Soviet literature. The lack of recognition for the colonising intent of the Soviet Empire in state ideology was compensated by the recurrent theme of conquering other planets; to the credit of Soviet science fiction, this process was not always painted in rosy colours. *Tatyana Khoruzhenko's* research (Ural Federal University, Yekaterinburg), exploring the sci-fi story by the Ural writer *Isaiah Davydov I Will Return in a Thousand Years* (1969) and its sequel, reveals the author's viewpoint on how the colonisation of an alien planet is accompanied by the personal misfortunes and tragedies of earthlings. The attempt at colonisation fails almost completely: the author attempts to mitigate the disappointment by building a "high civilisation" with the help of Soviet cosmonauts.

People's lives under state repression are studied in the two final articles of the section, echoing each other geographically (both are about Tomsk) and emotionally. The article by *Olga Filippenko* (Friedrich Schiller University, Jena, Germany) shows the long and painful readjustment back into the citizenry with a right to a normal life of people who suffered the disaster of forced "special resettlement". On the basis of archival and personal documents, she shows how the readjustment process functioned when ex-resettled people entered the education system. Indeed, higher and secondary professional education became a bridge (or a "ticket") to acquiring the status of a "normal" citizen. The adaptation took into account all parameters - from one's academic performance to volunteer work - except their post-traumatic mental scars. Meanwhile, the NKVD remand prison museum in Tomsk stands today as a monument to the extreme lawlessness of a state that still has neither faced its guilt nor repented. The article by *Vladislav Staf* (Higher School of Economics, Moscow) describes the history of this establishment and studies the neglect shown by the state to this noble initiative.

The second theme of the section, which we have dubbed “Administrative practices of the *ancien régime*: destinies and personalities”, echoes the previous one in so far as the articles collected here reveal to the reader the projects, dreams, and reality of people who lived before the Soviet era. The subjects of these articles are those who, at different times and at different levels, served the Russian state, ranging from modest elective positions (customs and tavern tax collectors in the 17th century) to major officials in the higher and local administrative echelons of the late empire. On the surface, it would seem that administrative practice, a stable and mundane affair, leaves no room for dreams. However, this can only be considered true if we understand administration as a mechanism. The components of administration are created and operated by people. Administration completely free from emotional and ethical layers might have only ever existed in Orwellian Oceania. In other words, administrative history can and should be interpreted through human destinies and the personal evaluations that create representations and imagery. As practice shows, the modern study of administrative history can hardly be undertaken without reference to personal sources and unofficial documents that reveal the human component of managerial interactions. Indeed, even official documentation, especially in its early stages, before it has become rigidly formalised, leaves a distinct “anthropological trace” between the lines of official orders. This is where there is a person, even when they are “buttoned up in an official uniform”: there is always a place for dreams and images, for the personal perception of events, and for the trajectory of personal history. The validity of the above supposition is supported by the articles in this section. *Alexey Razdorsky* (National Library of Russia, St Petersburg) shows what kind of remuneration was received by elected customs and excise tax collectors (“kabak heads”) for the collection of duties on the tsar’s behalf in the 1630s and 40s. The laconic records of state *prikazy* reveal a whole world of these personalities, each specifically identified by name. Because of this identification, the article, which is of special interest to economic historians, provides important historical and anthropological conclusions. The composition and value of the awards, Razdorskiy discovers, did not depend on the amount of profit received by the elected tax collectors, and the awards themselves were not economic, but rather symbolic for both the awarding and receiving parties, a fundamentally significant observation for understanding the relationship between the government and its agents in the pre-Petrine era.

Dmitry Serov (Novosibirsk State University of Economics and Management; Ural Federal University, Yekaterinburg) has provided an article about the early years and first steps in Russian service of the famous administrator, engineer, mining specialist, and founder of Yekaterinburg, George-Wilhelm (Vilim Ivanovich) Henning. Reconstructing little-known facts in the biography of the future general, in particular with regards to his nationality, level of primary education, and the nature of his service, the historian shows how an

ambitious young man with poor knowledge of Russian managed, starting from a modest position as master of the Armoury, to become a hero of the Northern War, to acquire influential patrons, to enter into the tsar's personal circle, and to realise his dreams, all of which was hardly possible at home. Two articles, one by *Natalia Matkhanova* (Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk) and *Natalia Rodigina* (Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of RAS; Novosibirsk State Pedagogical University) and the other by *Natalia Dmitrieva* and *Maxim Krot* (Southern Academic Center of RAS / Southern Federal University, Rostov-on-Don), take us to the late Russian Empire (the second half of the 19th century), revealing the specifics of the development of the eastern and western outskirts of Russia – Siberia and the Baltic. The first article is based on the reports of Siberian governors-general, while the second studies materials from an audit conducted in the Baltic provinces by Senator N. A. Manasein in 1882–1883. Both articles – one openly, the other subtly – present the histories of these dramatically different provinces, and the views of major officials on provincial affairs and prospects for their development. Both articles emphasise that while the procedure of writing official reports (*vsepoddanneishiy report*) intended directly for the emperor was rather formal, the personal characteristics of their dignified authors, as well as the information additionally reported in informal correspondence, played a major role in the evaluation of a given province's current state of affairs. The people who established administrative practices turn out to be creators of destinies, people who “charter chapters” in the lives of entire regions.

The *Origines* section offers our readers the first part of a large study on the early stages of Franco-Russian rapprochement in the 16th century. This subject is little studied but of extreme importance for understanding the history of international relations in Central and Eastern Europe in the early modern period. An international team of authors, including *Eric Durot* (Université of Paris – Sorbonne), *Iskra Schwartz* (University of Vienna), and *Vladimir Shishkin* (St Petersburg State University), present the results of their painstaking work in the archives of France, Germany, Austria, and Russia. The letters of Henry II Valois from a package belonging to Hans Schlitte, a Saxon merchant who represented the interests of the Muscovite court in Europe, including France, are published for the first time according to modern academic standards. Among these documents is a letter from the French monarch to Ivan IV the Terrible: although this did not reach the addressee, it is the only such letter to have survived to the present day. The publication will be continued in the next issue with the correspondence of the Polish King Henry of Valois (the future Henry III) and Ivan the Terrible. The publication is preceded by a detailed historical preface.

Trying to understand the phenomenon of the Soviet, the researcher inevitably turns his or her attention to the problem of personality, the

human being, and the scientist creating and thinking in an era of total un-freedom. Hence the *Hereditas: nomina et scholae* section opens with an article of *Valery Mokienko* (St Petersburg State University), dedicated to the personality and professional life of Boris Larin, a prominent academic and linguist who, confronting the “donkey kicking” of his colleagues and associates in both close and distant circles, “as if through a magic crystal” began to see a new trend in linguistics that was then completely marginalised, but today has become one of the most major study fields – that of colloquial speech.

The language/speech dichotomy described in the 19th century by Ferdinand de Saussure is continually relevant, and remains the focus of linguistics. A collective article by a team of researchers from the Ural School of Colloquial Studies, including *Irina Vepreva*, *Irina Shalina* (Ural Federal University, Yekaterinburg), and *Tamara Matveeva* (Perm State National Research University, *Conceptus et conceptio* section) shows the current trends in the study of modern Russian colloquial speech – spontaneous, lively, unique, creative, and personal. The authors set themselves the objective of identifying the most acute and urgent problems facing colloquial studies. The Soviet becomes a point of reference when linguists try to comprehend state policy in relation to language: this is a core part of the articles in the *Disputatio* section. In the literature review on the language policy of imperial and modern Russia by *Elena Shelestyuk* (Chelyabinsk State University), the author reveals that the Soviet Union, while rejecting almost wholesale the heritage of the Russian Empire on ideological grounds, still borrowed the main provisions of the latter in the field of language policy, which assumed, among other things, the preservation of ethnic and linguistic diversity. The Soviet Union and the Russian Federation continued the policy of preserving national identities and respect for national languages.

The destruction of the Soviet Union and the achievement of independence by the ex-republics led, in a pendulum-like motion, to a special attitude in the former member states towards the Russian language, which, as a former official state language, became the personification of unjust power and violence. *Liu Juan* (Jiangsu Ocean University, China) and *Gong Lei* (Guangdong University of Foreign Studies) study the state language policy of two post-Soviet states representing the West and the East, Latvia and Kazakhstan, and note the presence of two distinct vectors in these policies – mono- and multilingualism, respectively. The authors conclude that monolingualism fundamentally serves politics and occupies a weak position. In an era of globalisation, it is extremely difficult to establish a system of monolingualism in its strict sense; ultimately, it will be replaced by multilingualism.

The historical theme in this section is represented by the article of *Tatyana Tairova-Yakovleva* (St Petersburg State University), who assesses the motives, role, and significance of the Zaporizhia Cossacks’ participation in the Haidamaka uprising of 1768. Placing the *Koliivschyna* uprising

on a par with the rebellion of Bohdan Khmelnytsky in terms of their importance, the author proposes considering the former as a complex, multi-dimensional phenomenon in the context of geopolitical processes in Eastern Europe in the second half of the 18th century, as well as an event that strongly determined the history of the Zaporozhian Host.

In this issue of *Quaestio Rossica*, the editorial board opens up an opportunity for the presentation of a different direction in research – analytical interpretation, which may manifest the intuition of the researcher, socio-temporal allusions, and a sense of the art of narrative (the *Ars interpretandi* section). This objective is fully met by the article of *Andrea Grominová* (Trnava University, Slovakia), which discusses the motif of changing the world in a poem by Ivan Zhdanov, *Orans*. The delicate sense of the poetic word allows the author to correlate Christian symbolism with the problems of modernity, and to see the justification of disappointment in modern reality through the “forgiveness of eternity”.

A study of the deep and superficial semantics of East Slavic lyrical songs is the subject of an article by *Inna Tubalova, Julia Emer* (Tomsk State University) and *Wang Hua* (Shenyang Ligong University, China). Exploring numerous examples among the songs of the Eastern Slavs, the authors show that the superficial semantics of somatisms might be associated with the implementation of the underlying semantics of lyrical songs.

The criticism section (*Controversiae et recensiones*) features a review from *Yevgenia Komleva* (Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk) of a new study by N. I. Gavrilova on the Sibiryakovs, a Siberian merchant family. The idea that the discovery of new lands and their development were directly related to the organisation of trade is not new, and was indeed typical for many periods in world history. However, this study presents an important juxtaposition between the biographies of numerous members of the Sibiryakov family and the interaction of the individual with the state. It describes the family’s charitable activities and values, thus looking at all the aspects of human activity that form the nature of a historic epoch and thereby allowing us to see the larger trends of history in the atomic structure of the actors’ deeds. In an article on modern foreign studies of the Russian book printer Ivan Fyodorov, the representative of the Ural archaeographical school *Irina Pochinskaya* (Ural Federal University, Yekaterinburg) competently reflects on the possibilities of collecting new materials, on the importance of matching the professional life of this pioneer typographer with European trends, and on the serious deficiencies in the new research on Fyodorov. This review decisively pinpoints the objective of forming a closer bond between researchers from different countries and academic schools in the humanities – the same objective that is imperative for the editorial board of *Quaestio Rossica*.

Larisa Soboleva, Dmitry Redin, and Tatiana Itskovich
Ural Federal University,
Yekaterinburg

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.
Б. Пастернак

Третий выпуск журнала за 2019 г. открывает тему воплощения советской эпохи на пересечении истории и культуры (рубрика *Problema voluminis*, тема «Советская эпоха: проекты, мечты и... реальность»). Сегодняшнее поколение знает об этом времени не только из архивных и художественных источников и не понаслышке, а на собственном опыте. Советская жизнь рядом с нами, но это не избавляет от аберрации памяти о событиях и эмоциях того периода. Необходимо понимать закономерность современных попыток реанимации идеалистических взглядов на советский период истории. Она связана не только с признательностью к «весенней гулкой рани», когда все кажется достижимым и загадочность перспектив задает интригу в жизни, но и с памятью о внедренной в сознание риторике светлого будущего. Отделить одно от другого и увидеть на фоне светлых воспоминаний пропагандистскую ложь и искажения – неповторимый опыт поколения, отрезвляющий «рыкающего льва» (1 Петр : 1) мечтательности. В рубрике соединились статьи, в которых исследуются представления советских людей о возможностях счастливого бытия, достижения радости жизни и окружающей драматической реальности.

В статье *Натальи Дворцовой* (Тюменский государственный университет) о судьбе талантливого и очень необычного писателя Михаила Пришвина (1873–1954) сопоставляются поиски им своего личного счастья и образное воплощение темы счастья в системе меняющихся мотивов его произведений. Писателю удалось раскрыть эту многогранную тему, коннотация которой зависела от личной биографии и истории страны во всех ее противоречиях. Как соединялись у него желание внешнего и ощущение внутреннего чувства счастья – эти непростые вопросы обсуждаются в статье.

Регламентация образа мыслей – желание советского режима – оказалась реализована в создании первой советской энциклопедии. В статье *Ирены Владимирски* (Академический колледж «Ахва», Беэр-Товия, Израиль) раскрываются история и этапы публикации, рассматриваются идеологические, финансовые и организационные особенности работы над изданием. Автор утверждает, что практически в каждой статье энциклопедии присутствовала пропаганда советского образа жизни, связанного с коммунистической идеологией. Иной аспект пропаганды показан в работе *Светланы Юрловой* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) на основании популярной «Книги о вкусной и здоровой пище» (1954), в которой рассказывалось, как использовать хрусталь и столовые приборы при вкушении деликатесов и изысканных

вин в нищей, голодной стране, наполненной страданиями инвалидов, женским одиночеством и несчастьем детей в послевоенной разрухе.

Достижение счастливого состояния общества если не в реальности, то на других планетах – тема советской фантастики. При ближайшем рассмотрении именно в таком ракурсе появляется в советской литературе феномен колонизации новых пространств и народов. Отсутствие в советской идеологии признания в колонизаторских интенциях советской империи было компенсировано идеей завоевания других планет, и, к чести советской фантастики, этот процесс не всегда рисовался в радужных тонах. Исследование *Татьяны Хоруженко* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург), посвященное фантастической повести уральского писателя Исаия Давыдова «Я вернусь через 1000 лет» (1969) и ее продолжению, выявляет авторскую позицию, при которой колонизация чужой планеты сопровождается личной неустроенностью и трагедией землян. Попытка колонизации фактически терпит фиаско, и только потом, продолжая эту линию, автор смягчает общее разочарование построением высокой цивилизации усилиями советских астронавтов.

Репрессирующая грань судеб советских людей представлена в двух заключительных статьях раздела, перекликающихся между собой географически (город Томск) и эмоционально. В статье *Ольги Филиппенко* (Йенский университет имени Фридриха Шиллера, Германия) показан сложный процесс возвращения людей, перенесших катастрофу спецпереселения, в ряды граждан, имеющих права на нормальную жизнь. На основе архивных и личных документов автор показывает, как это происходило в процессе приобщения к образованию. Именно высшее или среднее специальное образование становилось мостиком («билетом») к обретению статуса равноправного гражданина. При этом учитывались все параметры – от успеваемости до общественной работы, кроме душевных посттравматических шрамов. Памятником крайнего беззакония до настоящего времени не повинившегося и не раскаявшегося государства становится музей «Следственная тюрьма НКВД» в Томске. Истории его создания, фактам пренебрежительного отношения к нему государства и благородной человеческой инициативы посвящена статья *Владислава Стафа* (Высшая школа экономики, Москва).

Вторая тема рубрики, названная нами «Административные практики “старого режима”: судьбы и образы», перекликается с предыдущей настолько, насколько статьи, собранные здесь, раскрывают перед читателем проекты, мечты и реальность людей, живших до советской эпохи. Герои этих статей – те, кто в разное время и на разных уровнях служили Российскому государству: от скромных выборных – таможенных и кабацких голов XVII в. до крупных чиновников высшего и местного аппарата власти поздней империи. Казалось бы, административная практика, вещь конкретная и приземленная, не оставляет места мечтам. Но это можно считать истиной, если понимать управление

только как механизм. Суть в том, что эти составные части властной машины создаются и приводятся в действие людьми. Власть, полностью свободная от эмоциональных и этических наслоений, если пока где-то и существовала, так только в оруэлловской Океании. А коль скоро это так, то административная история всегда может и должна быть интерпретируема через людские судьбы и личностные оценки, создающие представления и образы. Как показывает практика, современное изучение административной истории едва ли возможно без обращения к источникам личного происхождения, к неофициальным документам, раскрывающим человеческую составляющую любой управленческой интеракции. Даже официальная документация, особенно ранняя, не жестко формализованная, оставляет «антропологический зазор» между строк казенных распоряжений. А там, где появляется человек, пусть даже и «застегнутый в чиновничий мундир», всегда остается место мечтам и образам, личному восприятию событий, траектории судьбы. Справедливость сказанного вполне подтверждают собранные в подборке статьи. *Алексей Раздорский* (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург) показывает читателям, какие вознаграждения от царского имени получали за сбор таможенных и кабацких сборов с прибылью выборные головы и целовальники в 1630–1640-е гг. Лаконичные записи Казенного приказа раскрывают перед нами целый мир этих поименно выявленных людей. Благодаря этому статья, имеющая интерес для специалистов по экономической истории, тем не менее, разворачивается важным историко-антропологическим выводом. Состав и ценность награды не зависели от размера прибыли, полученной этими выборными, а сами награды имели не экономическое, а символическое значение как для награждающего, так и для награжденных – принципиально значимое наблюдение для понимания характера взаимоотношений между властью и ее агентами в допетровскую эпоху.

Юности и первым шагам на русской службе известного в будущем администратора, инженера и специалиста горного дела, одного из основателей Екатеринбурга Георга-Вильгельма (Вилима Ивановича) Геннина посвящена статья *Дмитрия Серова* (Новосибирский государственный университет экономики и управления; Уральский федеральный университет, Екатеринбург). Реконструировав малоизвестные факты биографии будущего генерала, в частности, установив его национальность, уровень первоначального образования и характер службы, историк показал, каким образом амбициозный юноша с плохим знанием русского языка сумел из скромного мастера Оружейной палаты стать героем сражений Северной войны, обзавестись влиятельными покровителями, попасть в поле зрения царя и воплотить мечты, реализация которых на родине едва ли была возможной. Две статьи – *Натальи Матхановой* (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск) и *Наталии Родигиной* (Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН, Новосибирский государственный педагогический университет)

и Натальи Дмитриевой и Максима Крота (Южный научный центр РАН / Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) переносят нас в эпоху поздней империи (вторая половина XIX в.), раскрывая перипетии развития крайней восточной и крайней западной окраин Российского государства – Сибири и Остзее. В основе первой – отчеты сибирских генерал-губернаторов, в основе второй – материалы ревизии, проведенной в прибалтийских губерниях сенатором Н. А. Манасеиным в 1882–1883 гг. Обе статьи – одна открыто, другая интенционно – представляют образы этих таких разных провинций, взгляды крупных чиновников на состояние дел и перспективы их развития. В обеих подчеркивается, что при всей формализованной процедуре написания официальных отчетов (всеподданнейших рапортов), направлявшихся на высочайшее имя, большую роль в оценке положения края играли личные характеристики составлявших их людей, а также та информация, которая дополнительно сообщалась сановными авторами в неофициальной корреспонденции. Творцы административных практик оказываются творцами образов, «отчеркивая главы» в судьбах целых регионов.

Рубрика *Origines* предлагает читателям первую часть большого исследования, посвященного ранним этапам франко-русского сближения в XVI в. – темы малоизученной и чрезвычайно важной для понимания истории международных отношений в Центральной и Восточной Европы раннего Нового времени. Интернациональный коллектив авторов в составе Эрика Дюро (Университет Париж – Сорбонна), Искры Шварц (Венский университет) и Владимира Шишкина (Санкт-Петербургский государственный университет) в результате кропотливой работы в архивах Франции, Германии, Австрии и России представил впервые выполненную на современном академическом уровне публикацию писем Генриха II Валуа из так называемого пакета саксонского купца Ганса Шлитте, представлявшего в Европе, в том числе во Франции, интересы московского двора. Среди этих документов – письмо французского монарха Ивану IV, не попавшее к адресату, но первое, дошедшее до наших дней. Продолжением публикации будет корреспонденция польского короля Генриха Валуа (будущего короля Франции Генриха III) Ивану Грозному. Публикация предваряется развернутым и обстоятельным историческим предисловием.

Пытаясь осознать феномен советского, ученый-исследователь неизбежно обращает внимание на проблему личности, человека, ученого, творящего и думающего в эпоху тотальной несвободы. В разделе *Hereditas: nomina et scholae* представлена статья Валерия Мокиенко (Санкт-Петербургский государственный университет), посвященная личности и профессиональной деятельности Бориса Александровича Ларина, ученого-лингвиста, который, противостоя «ослиному ляганью» коллег и сотоварищей из ближнего и дальнего круга, «как сквозь магический кристалл» прозревает новое направление в лингвистике, в то непростое время находившееся на периферии, фактически мар-

гинальное, но сегодня ставшее одним из актуальных и востребованных, – исследование стихии живой разговорной речи.

Дихотомия язык/речь, отмеченная еще в XIX в. Фердинандом де Соссюром, по-прежнему остается в фокусе внимания лингвистики. Статья коллектива исследователей Уральской школы коллоквиалистики *Ирины Вепревой, Ирины Шалиной* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург), *Тамары Матвеевой* (Пермский государственный научно-исследовательский университет) (раздел *Conceptus et conceptio*) посвящена современному состоянию изучения современной русской разговорной речи, спонтанной, живой, неповторимой, творческой, лично обусловленной. Авторы ставят задачу выявления наиболее острых и актуальных проблем, встающих перед исследователями.

Советское становится точкой отсчета на шкале времени, когда лингвисты пытаются осмыслить государственную политику в отношении языка. В рубрике *Disputatio* размещены статьи, посвященные государственной языковой политике. Так, в обзоре *Елены Шелестюк* (Челябинский государственный университет) «Обзор литературы по языковой политике императорской России и современной языковой ситуации» выявляется, что Советский Союз, отвергая на идеологическом основании практически все наследие Российской империи, заимствовал основные положения последней в области языковой политики, которая предполагала сохранение этнического и языкового разнообразия. Советский Союз, а затем Российская Федерация продолжили политику сохранения национального своеобразия и бережного отношения к национальным языкам.

Разрушение Советского Союза, обретение самостоятельности отдельными республиками приводит в последних по принципу маятника к особому отношению к русскому языку как бывшему государственному, ставшему олицетворением несправедливой власти и насилия. Китайские исследователи *Лю Цзюань* (Цзянсуский океанологический университет) и *Гун Лэй* (Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли) изучают государственную языковую политику на территории двух постсоветских государств, олицетворяющих Запад и Восток, Латвии и Казахстана, и фиксируют наличие двух разных векторов в языковой политике этих стран – соответственно, моно- и мультилингвизма. Авторы приходят к выводу, что монолингвизм, обслуживая политические запросы, находится в слабой позиции. В эпоху глобализации крайне сложно утвердить систему монолингвизма в ее строгом смысле, на смену ей рано или поздно утвердится мультилингвизм.

Историческая тематика в этой рубрике представлена статьей *Татьяны Таировой-Яковлевой* (Санкт-Петербургский государственный университет), посвященной оценке мотивов, роли и значения участия запорожцев в гайдамацком восстании 1768 г. Сопоставляя «Колиивщину» по значимости с восстанием Богдана Хмельницкого, автор предлагает рассматривать ее в контексте геополитических про-

цессов в Восточной Европе второй половины XVIII в. как сложный, внутренне многовекторный феномен, повлиявший в конечном итоге и на судьбу самого Войска Запорожского Низового.

В этом номере редколлегия открывает возможности для презентации иного направления в исследованиях – аналитической интерпретации, в которой проявляются интуиция исследователя, социовременные аллюзии и ощущение природы словесного искусства (рубрика *Ars interpretandi*). Именно решению таких задач посвящена статья *Андрея Громиновой* (Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Словакия) о мотиве изменения мира в стихотворении современного поэта Ивана Жданова «Оранта». Чувство поэтического слова позволяет автору соотнести христианскую символику с проблемами современности, поиск ответов на «вечные вопросы» жизни и смерти, веры и разрыва с Богом, добра и зла – с оправданием преступного разочарования в современной реальности. Изучение глубинной и поверхностной семантики восточнославянских лирических песен является целью статьи исследователей *Инны Тубаловой*, *Юлии Эмер* (Томский государственный университет) и *Ван Хуа* (Шеньянский политехнический университет, Китай). На многочисленных примерах из песен восточных славян авторы показывают, что поверхностная семантика соматизмов связана с реализацией глубинной семантики лирической песни.

В разделе критики (*Controversiae et recensiones*) помещена статья *Евгении Комлевой* (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск) о новом исследовании Н. И. Гавриловой купеческого сословия – рода сибирских купцов Сибириковых. Идея, что открытие новых земель и их развитие были напрямую связаны с организацией торговли, не нова и характерна для многих периодов мировой истории, но в данной работе представлено важное соотношение биографий многочисленных представителей рода и взаимодействия личности с государством, показаны масштабы благотворительности, мировоззренческие установки, то есть все аспекты деятельности, которые формируют характер времени и позволяют увидеть тенденцию истории в атомарной структуре поступков. В статье, посвященной современным зарубежным студиям о русском книгопечатнике Иване Федорове, представитель Уральской археографической школы *Ирина Починская* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) компетентно размышляет о возможностях привлечения нового материала, о важности сопоставления деятельности первопечатника с европейскими тенденциями и в то же время о серьезных недостатках в знании современной информации, касающейся трудов русского деятеля XVI в. Эта рецензия доказательно обрисовывает проблему формирования более тесного взаимодействия исследователей разных стран и научных школ в мировой гуманитаристике, к чему стремится редколлегия журнала.

Лариса Соболева, Дмитрий Редин, Татьяна Ицкович
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Problema voluminis

THE SOVIET EPOCH: PLANS, DREAMS AND... REALITY

ADMINISTRATION PRACTICES OF THE "OLD REGIME":
DESTINIES AND IMAGES

М. М. Пришвин с женой В. Д. Лиорко (Лебедевой). 1940-е гг.
Фото из архива Л. А. Рязановой

M. M. Prishvin and his wife V. D. Liorko (Lebedeva). 1940s.
Photograph from L. A. Ryazanova's archive

Problema voluminis

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА: ПРОЕКТЫ, МЕЧТЫ И... РЕАЛЬНОСТЬ
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ «СТАРОГО РЕЖИМА»:
СУДЬБЫ И ОБРАЗЫ

THE SOVIET EPOCH: PLANS, DREAMS AND... REALITY

DOI 10.15826/qr.2019.3.403

УДК 821.161.1-311.1Пришвин+17.023.34+141.82

МИХАИЛ ПРИШВИН О СЧАСТЛИВЫХ ОСЛАХ И ЛЕСТНИЦЕ СЧАСТЬЯ ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО*

Наталья Дворцова

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

MIKHAIL PRISHVIN ON HAPPY DONKEYS AND THE LADDER OF HAPPINESS FOR EACH AND FOR ALL

Natalia Dvortsova

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article is the first attempt to determine the structure and dynamics of the 'text of happiness' in M. M. Prishvin's works, including his *Diaries* (1905–1954) in their unabridged and uncensored version, the short stories *The Pharmacy of Happiness* (1915) and *Hunt for Happiness* (1926), the essay *Old Vita* (1918), the poem *Phacelia* (1940), the fairytale *Mast-Tree Grove* (1954), and the diary book *You and I*. The author searches for new approaches to Prishvin's prose, including fiction published in the Soviet and post-Soviet periods, eighteen volumes of his *Diaries* published from 1991 to 2017, and *The Colour and the Cross* collection (published in 2017). The research methodology is based on a reconstruction and motif analysis of Prishvin's text of happiness in terms of its structure and dynamics from 1905 to 1954. The text of happiness in Prishvin's prose relates to the topics of personal fate, a life journey existing between individual and common being (natural, social, and transcendental), and the freedom to create one's own destiny. According to Prishvin, happiness is universal, unconditional, ephemeral, and has innumerable forms. Prishvin's path to his own happiness is a story of critical reflection and distancing from the Marxist (1900–1920s), Nietzschean (the turn of the 1940s), and Soviet atheistic understanding of happiness (1930–1950s). A central strand of this

---

* *Citation*: Dvortsova, N. (2019). Mikhail Prishvin on Happy Donkeys and the Ladder of Happiness for Each and for All. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 721–735. DOI 10.15826/qr.2019.3.403.

Цитирование: Dvortsova N. Mikhail Prishvin on Happy Donkeys and the Ladder of Happiness for Each and for All // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 721–735. DOI 10.15826/qr.2019.3.403 / Дворцова Н. Михаил Пришвин о счастливых ослах и лестнице счастья для всех и каждого // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 721–735. DOI 10.15826/qr.2019.3.403.

story is defending one's right to be true to oneself and "to stand on one's own rock". Prishvin's text of happiness recreates a unique life experience in the first half of the twentieth century as an individual transitions from unhappiness to happiness: part of this experience is a feeling of shame about one's own happiness and the happiness of self-destruction. The text of happiness in Prishvin's literary oeuvre is structured with a system of leitmotifs, each of which is realised through a system of individual motifs. The author considers the evolution of the motif of the hunt for happiness, reconstructing the evolution of the motif of happiness for all and everyone: from Prishvin's defence of the personal right to happiness (1900–1920s) to his recognition of equal rights for one and all when at the turn of the 1940s, when, after experiencing the trauma of Soviet collectivism, he began looking for new forms of human unity. His fairytale *Mast-Tree Grove* is interpreted not as the end of Prishvin's understanding of happiness but as one step on the ladder.

Keywords: M. M. Prishvin; Prishvin studies; motif of happiness; text of happiness; Marxism; Nietzscheanism.

В статье впервые выявляются структура и динамика текста счастья в творчестве М. М. Пришвина, включающего в себя «Дневники» 1905–1954 гг. в их полной 18-томной нецензурированной версии, рассказы «Аптека счастья» (1915), «Охота за счастьем» (1926), очерк «Старушка Vita» (1918), поэму «Фацелия» (1940), повесть-сказку «Корабельная чаша» (1954), дневниковую книгу «Мы с тобой» (1996). Актуальность работы определяется поиском новых подходов к изучению прозы Пришвина в ее нынешней целостности, представленной, помимо художественных произведений, изданных в советские и постсоветские времена, 18 томами «Дневников», издававшихся с 1991 по 2017 г., и книгой «Цвет и крест» (2017). В основе методологии исследования – реконструкция и мотивный анализ пришвинского текста счастья в его структуре и динамике – от 1905 к 1954 г. Текст счастья в творчестве Пришвина связан прежде всего с темой личной судьбы, жизненного пути человека, существующего между индивидуальным и общим (природным, социальным, трансцендентным) бытием, а также с проблемой свободы человека творить собственную жизнь. Счастье, по Пришвину, универсально, безусловно, бесчисленнолико и эфемерно. Путь Пришвина к собственному счастью – это история критического осмысления и дистанцирования от марксистского (1900–1920-е гг.), ницшеанского (рубеж 1930–1940-х гг.) и советского атеистического (1930–1950-е гг.) понимания счастья, трудное отстаивание права быть самим собой, стоять «на своем камне». Текст счастья Пришвина воссоздает уникальный опыт жизни человека первой половины XX в., переходящего от несчастья к счастью, включающему в себя чувство стыда за собственное счастье и счастье самоуничтожения. Структурируется текст счастья в творчестве Пришвина системой лейтмотивов, каждый из которых реализуется в системе частных мотивов. Раскрыта эволюция мотива охоты за счастьем. Воссоздана эволюция мотива счастья всех и каждого: от защиты писателем права на счастье каждого (1900–1920-е гг.) до признания равенства прав каждого и всех, когда При-

швин на рубеже 1930–1940-х гг. от переживания травмы советского коллективизма переходит к поиску новых форм человеческого единства в русле народной и христианской традиции. Повесть-сказка «Корабельная чаща» интерпретируется не как итог пути Пришвина в осмыслении счастья, а как одна из его ступеней на лестнице счастья.

Ключевые слова: М. М. Пришвин; пришвиноведение; мотив счастья; текст счастья; марксизм; нищезанство.

С началом публикации «Дневников» М. М. Пришвина на рубеже 1980–1990-х гг. в сознании читающей публики и историков литературы стало складываться представление о нем как писателе неоткрытом и неизвестном [Варламов; Подоксенов]. Оно явилось на смену различным версиям единой в литературоведении 1950–1980-х гг. концепции жизни и творчества Пришвина как «сложного и трудного пути» художника, пришедшего к социалистическому реализму «с грузом заблуждений» Серебряного века и отстаивающего свое право существовать в советской литературе «со своим путиком» [Хмельницкая; Хайлов; Ершов; Курбатов].

С завершением в 2017 г. публикации «Дневников» Пришвина в их полной 18-томной нецензурированной версии [Рязанова, с. 3] начинается новый этап осмысления творческого пути писателя. Впервые у литературоведов и читающей публики появилась возможность понять все написанное Пришвиным в тайных «Дневниках» (1905–1954), доступных сегодня не только на бумаге, но и в «цифре» [Электронная библиотека М. М. Пришвина], и в художественных произведениях, опубликованных в советский и постсоветский периоды. И пока в Интернете продолжают дискуссии на темы «Пришвин и Гитлер», «Пришвин и антисемитизм» и т. п., открывающие новый образ писателя, в литературоведении идут поиски новых подходов к его творчеству.

Очевидно, закономерно поэтому появление новой тенденции, пришедший на смену системным концепциям и характеризующейся вниманием к локальному, в частности, к конкретным элементам поэтики писателя, как это делает, например, Е. А. Худенко [Худенко, с. 107–118]. В русле этой тенденции – нового открытия поэтики прозы Пришвина – создана данная работа о тексте счастья, структурированном в творчестве писателя системой мотивов счастья.

В книге «Незабудки» (1969), созданной В. Д. Пришвиной на основе «Дневников» М. М. Пришвина 1905–1954 гг. и состоящей, по завещанию писателя, из основных (36 – по числу глав) тем и мотивов его творчества, мотив счастья/несчастья в их ряду отсутствует. Вместе с тем его «Ранний дневник» (1905–1913) начинается с мотива несчастья [Пришвин, 2007, с. 5]. В последнем произведении Пришвина, завершеном за месяц до его смерти, повести-сказке «Корабельная чаща», а также в «Дневниках» 1952–1954 гг. тема счастья – одна из основных.

Существуя на периферии творческого сознания Пришвина, мотив счастья/несчастья, таким образом, является сквозным, сопровожда-

ющим его на протяжении всей жизни, что и определяет задачи этого исследования: 1) реконструировать текст счастья в творчестве Пришвина, обозначив входящие в него произведения, выявив его мотивную структуру и динамику; 2) понять логику развития мотива счастья в контексте творческого пути Пришвина, писателя Серебряного века, становящегося признанным советским писателем. Новизна работы обусловлена не только предметом исследования (текст счастья в творчестве Пришвина, структурированный мотивами счастья), но и его материалом, представленным «Дневниками» Пришвина в их целостности, а также впервые опубликованной книгой прозы писателя 1906–1924 гг. «Цвет и крест» (2017), включающей в себя, в частности, рассказ «Аптека счастья» (1915) и очерк «Старушка Vita» (1918). Работа создана в русле современных исследований счастья [Топография счастья; Добренко; Лоргус; Чинакова] и представляет собой первое системное исследование текста счастья в творчестве («Дневниках» и художественных произведениях) Пришвина, осуществленное на основе мотивного анализа локального текста [Гаспаров].

Счастье и несчастье – две меры судьбы

В «Раннем дневнике» (1905–1913) и рассказе «Аптека счастья» (1915), структурирующих текст счастья Пришвина досоветского периода, мотив счастья существует в оппозиции «счастье – несчастье» и напрямую связан с темой судьбы, жизненного пути человека и проблемой соотношения между индивидуальным и коллективным бытием, а следовательно, счастьем личным и всеобщим, достигаемым революционным путем.

В «Раннем дневнике» мотив счастья является важнейшим в разделе «Любовь», носит биографический характер и связан с историей отношений Пришвина с В. П. Измалковой и Е. П. Смогалевой. «Счастье и несчастье – это две богини – как их назвать! Такие богини, которых держат в уме, чтобы объяснить непонятное», – пишет автор [Пришвин, 2007, с. 139]. Свои отношения с женой он называет счастьем и несчастьем одновременно [Там же, с. 141, 104]. В 1912 г. в «Раннем дневнике» возникает завершенная афористическая формула: «...счастье и несчастье – это только две меры судьбы: счастье – в ширину, несчастье – в глубину» [Там же, с. 136]. Формулу эту Пришвин повторяет позднее, в 1926 г., в рассказе «Охота за счастьем».

«Ранний дневник» отражает реальный опыт пришвинского переживания счастья как особого чувства природной жизни. Автор называет его «счастливым режущим чувством чего-то святого» [Там же, с. 6]. Мотив счастья в его особом значении – как цели революционного движения и вместе с тем замены и подмены естественного семейного счастья человека – связан здесь с увлечением Пришвина марксизмом, приведшим к его аресту в 1897 г. и году одиночного тюремного заключения. В разделе «Начало века» он пишет об этом, осмысляя весь свой путь:

Два светила восходят в сознании русского мальчика конца прошлого века: Маркс, а потом Ницше. Маркс стоит во главе движения, цель которого есть счастье среднего человека... Ницше – представитель иной цели – сверхчеловека, личности... быт в России разлагается, семейная жизнь теряет всякий образ. <...> На пустом месте становится идеал общего счастья и мыслимая близость с несчастными всех стран – пролетариями [Там же, с. 300, 302].

Своего рода итогом размышлений Пришвина о счастье в 1900–1910-е гг. является рассказ «Аптека счастья» (1915), который можно назвать притчей о немецком счастье, русском несчастье и невозможности всеобщего счастья. В центре рассказа – история Вильгельма Федоровича, которому «трудно было... где-то в русской глухой провинции, но он все-таки никогда не падал духом, не расставался с мечтой о службе в большой-большой аптеке, в большом-большом городе и даже о собственной аптеке». Вильгельм Федорович «скопил порядочную сумму денег, взял отпуск на месяц», обошел все аптеки в Петербурге и, наконец, в последней «добился места провизора». Во время войны 1914 г. он, защищая свое счастье, сменил имя, стал русским человеком Василь Василычем [Пришвин, 2017б, с. 295].

История фрау Вейс, которая на Малой Охте с ее «невылазной грязью, капустниками, лачугами пропащих столичных людей» создала рядом со своим домом сад с сиренью, соловьями, граммофоном и играющими детьми, вроде бы подтверждает мысль о том, что человек сам, своими силами и в любых условиях может устроить собственное счастье. Однако история мужа фрау Вейс, большого фабриканта, у которого «не было вкуса к немецкому счастью, не было охоты его достигать», и он в этом смысле «был очень похож на русского» [Там же, с. 296], опровергает эту мысль и переводит сюжет о достижении счастья на метафизический уровень. И немецкое счастье, и русское несчастье оказываются явлением таинственным, непостижимым, не зависящим, как и судьба, от усилий человека. Более того, не существует общего счастья, и каждый по-своему несчастен. Важно подчеркнуть, что накануне событий 1917 г. вопрос о счастье для Пришвина – это не вопрос о революции и ее целях, а о личности и ее судьбе, предопределенности судьбы и свободе человека творить ее самому.

«Старушка Vita» и «Охота за счастьем»

Текст счастья в творчестве Пришвина 1920-х гг., помимо «Дневников» этого периода, представлен автобиографическим рассказом «Охота за счастьем» (1926). Писатель вновь дистанцируется здесь от идеи всеобщего счастья, достигнутого путем революционного насилия, и, опираясь на авторитет Л. Н. Толстого («Человек обязан быть счастливым»), пишет о свободе человека творить счастье собственной

жизни вопреки власти судьбы, олицетворением которой становится для него революция.

Своего рода предисловием к истории мотива счастья в творчестве Пришвина в советский период является очерк «Старушка Vita» (1918). Поводом для его возникновения послужила, как пишет Пришвин, публикация в одной советской газете, где в отделе «Местная жизнь» «было напечатано, что вместе с ворами и разбойниками за контрреволюционную деятельность расстреляны родственники наши». «В провинции, – пишет об этой ситуации Пришвин, – все – родня» [Пришвин, 2017б, с. 220].

История «нескольких без суда казненных где-то в провинции человечков» заставляет его сделать вывод о катастрофических последствиях «большевистского бунта»:

Обыватель отказывается от счастья всего человечества, если ради этого делается небольшой пропуск: жизнь человека знакомого. Наоборот, обыватель острова Советской республики готов ради человечества пропустить и всю жизнь, старушку Vita... при нынешних наших исследованиях мы пропускаем старушку Жизнь [Там же, с. 220].

В «Дневниках» 1927 г. Пришвин пишет:

Нет, не верю я больше никакому общему счастью, никакому общему слову, пока не разгляжу за ним жизнь отдельного существа [Пришвин, 2003, с. 498].

Тема старушки Vita в 1920-е гг. превращается в ключевую для творчества Пришвина идею «оправдания бытия», жизни как «основы всего», важнейшим атрибутом (свойством) которой является счастье. Главным итогом революции станет для него мысль о том, что «пережить несчастье и выйти из него с радостью ко всему живущему... есть подвиг... за который человек награждается истинной свободой» [Там же, с. 216]. В «Охоте за счастьем» Пришвин назовет несчастье «этапом в творчестве счастья» [Пришвин, 1982–1986, т. 3, с. 14].

Из размышлений писателя о возрождении жизни после революции как несчастья, которое необходимо пережить, чтобы вновь ощутить счастье жизни, с нашей точки зрения, и рождается автобиографический рассказ «Охота за счастьем». С рассказом «Аптека счастья» его объединяет тема двойной загадочной природы счастья, которое, с одной стороны, необъяснимым образом дается даром, а, с другой, достигается трудом, усилиями и даже ухищрениями (вплоть до смелых героических подвигов). Амбивалентный в своем значении образ охоты за счастьем также, с нашей точки зрения, восходит к образу охоты/неохоты достижения счастья в «Аптеке счастья».

В «Дневниках» 1920-х гг. слова «охота», «охотник» Пришвин использует в трех основных словосочетаниях: «охотник жизни», «охо-

та за червонцами», «охота за счастьем». «Охотой за червонцами» он называет свое ремесло журналиста – создание произведений, обращенных к читателю-современнику, публикация которых дает возможность обеспечивать семью. Охотники жизни, с его точки зрения, это художники и торговцы, которых объединяет «страсть к веществу жизни и расположение на счастье, на судьбу, на случай... зоркость глаза и мертвая хватка, когда увидел свое» [Пришвин, 1999, с. 103]. О природе страсти охотника (поэта в душе) и художника Пришвин пишет также:

Редко охотник отдает себе отчет в том, что очаг его страсти не в рюмке зари, а в пламени пороха, выбрасывающего свинец в живую тварь. Охотник предвкушает наслаждение впустить свинец в живое тело.

И дело здесь, утверждает он, «не в поэзии, а в овладении предметом страсти: птица должна быть убита» [Там же, с. 312].

Об издании своей первой книги «В краю непуганых птиц» и о своем вхождении в литературу в «Охоте за счастьем» Пришвин пишет:

Я схватил свое счастье, как птицу на лету, одним метким выстрелом. Но мало того, что я схватил, мне кажется, я тут же и посолил свое счастье, чтобы оно не испортилось [Пришвин, 1982–1986, т. 3, с. 17].

Образ счастья как соленой мертвой птицы – не только свидетельство пришивинского понимания современного ему «цивилизованного» человека, в душе которого «продолжает обитать инстинкт дикаря» [Там же, с. 12], но и свидетельство двойственности, амбивалентности самого счастья, достижение которого становится его утратой. Поэтому, очевидно, Пришвин воссоздает множество эпизодов своей жизни, каждый раз заново повторяя слова о своем счастье или даже величайшем счастье, которое он испытал в том или ином случае. И рассказ о жизни как охоте за счастьем оказывается рассказом о счастье как эфемерном, но безусловном свойстве самой жизни.

Дневник 1926 г. завершается у Пришвина словами: «Это был год для меня исключительно счастливый, проведенный у родников Берендеева царства» [Пришвин, 2003, с. 175]. Он перечисляет главное, что произошло в его жизни в этом году. Публикация рассказа «Охота за счастьем» в ряду этих событий отсутствует. Вместе с тем 5 декабря Пришвин пишет:

Рассказ «Охота за счастьем», несомненно, имеет глубочайший успех в обществе, вероятно, тема о «счастье» – теперь общественная тема. Оно и понятно: очень люди намучились [Там же, с. 135, 167].

Успешным «Охоту за счастьем», очевидно, делало то, что это приключенческий рассказ о человеке в поисках счастья, в которых ему нередко помогает охотничье ружье. Это, кроме того, история

о человеке, которому счастье не только дается как случай, чудо, но который достигает его в борьбе с многочисленными препятствиями. Как счастливый случай Пришвин оценивает свое первое и второе вхождение в литературу. Если первое он связывал с тем, что его «писания имели успех прежде всего в высших литературных кругах» [Пришвин, 1982–1986, т. 3, с. 18], то второе – с тем, что рассказ совпал с настроениями людей, намучившихся, как он пишет, в годы революции и вернувшихся после возрождения жизни к естественному ощущению счастья жить. Принципиален еще и тот факт, что созвучным настроениям людей оказался рассказ, в котором Пришвин отстаивал свое право быть самим собой и писать об охоте, природе и детстве.

«Фацелия»: от травмы коллективизма к поиску нового единства

Текст счастья в творчестве Пришвина на рубеже 1930–1940-х гг., времени, переломном в его судьбе, помимо «Дневников», включает в себя поэму «Фацелия» (1940) и дневниковую книгу «Мы с тобой», созданную совместно с В. Д. Пришвиной и впервые опубликованную в 1996 г.

Семантика мотива счастья в 1930–1950-е гг., с нашей точки зрения, определяется духовным переворотом писателя, совпавшим с его встречей с В. Д. Лиорко (В. Д. Пришвиной) [Пришвин, 2012, с. 317]. Важнейшим свидетельством этого переворота стал тот факт, что во время переписи населения в январе 1937 г. он, «чтобы постоять за себя», признал себя человеком православным. Он пишет в «Дневниках»:

Православие – это моя связь со всей моей родиной, и в нем таится для моего нравственного сознания готовность идти к желанному счастью через страдание и, если понадобится, через смерть [Пришвин, 2010, с. 441].

Духовный переворот становится для Пришвина переоценкой всех сторон собственной мысли и жизни. В контексте темы счастья принципиальное значение имеет переосмысление Пришвиным отношений всех и каждого, возвращение всем их созидательной роли, движение его мысли от реальной ситуации «насилия всех над каждым» к понятию «мы» («мы с тобой») в его глубочайшем религиозном смысле, когда становится ясно, что «тайна Вселенной – в понятии “мы”, причем “мы” означает первоначально “мы с тобой”, а вглядеться поглубже – это вся Вселенная» [Пришвин, Пришвина, с. 337].

Можно утверждать, что от переживания травмы советского коллективизма («насилия всех над каждым») Пришвин приходит к поиску новых форм человеческого единства, которое для него существует не столько как теоретическая проблема, сколько как ре-

альный опыт внутри самой жизни. Актуальным для него становится не столько отказ от идеи общего коммунистического счастья для всех, сколько критическое осмысление способа и формы его собственного противостояния этой идее. Эту форму противостояния в 1940 г. он назовет «формой охотника и ницшеанца», а свою жизнь со времени возвращения из Германии до встречи с В. Д. Пришвиной оценит как «кокетливую игру в уединенного человека, как одну из форм эстетического демонизма. Странническое блуждание по неустроенной стране в костюме охотника с дикаркой и детьми, вызов мещанскому обществу и т. д. – все до точности происходит от ницшеанского сверхчеловека в русском издании», – пишет он [Пришвин, 2012, с. 257]. Оба кумира его юности – Маркс и Ницше – окажутся поверженными, а счастье своей прошлой жизни Пришвин оценит как мнимое (ложное) и глупое (ослиное): «Это настоящий переворот, переход от “счастливой” и глупой, застоявшейся жизни к серьезной» [Там же, с. 122].

Новое понимание счастья наиболее полно предстает в поэме «Фацелия», которую, с нашей точки зрения, можно назвать пришвинской энциклопедией счастья: в ней сосредоточены едва ли не все мотивы, связанные с этой темой. В их ряду – мотивы, традиционные для Пришвина: счастья как «острого чувства природы», «счастливых мгновений» при встрече человека и природы («лови мгновенье, как дитя, и будь счастлив»); счастья, которое добывается неустанным трудом и дается даром, так что ключом к нему может стать что угодно, например, «венчик крохотной гвоздики», поэтому надо трудиться над счастьем, но придет оно само. В «Фацелии» наиболее отчетливо, чем ранее, выражена мысль Пришвина о ступеньках (лестнице) счастья и о ложном счастье. Он говорит в «Фацелии» о счастье всех (вне контекста марксистской идеи): «не я один, а и все могли бы быть счастливы... счастье творческое могло бы сделаться религией человечества». Кроме того, «любовь есть счастье».

Образ охотника в «Фацелии», в отличие от «Охоты за счастьем», представлен не как образ победителя, метким выстрелом добывающего свою птицу счастья, а как образ человека, потерпевшего внешнее поражение, но одержавшего внутреннюю победу: мотив «охотник, охотник, отчего ты тогда ее не удержал» перейдет в «Фацелию» из «Женьшенья». На месте «охотника и ницшеанца» из «Охоты за счастьем» в «Фацелии» появится обычный человек, счастье которого – «быть, как все хорошие люди» [Пришвин, 1982–1986, т. 5, с. 11, 15, 16, 24, 42]. Важно подчеркнуть, что и само счастье предстанет в «Фацелии» не как мертвая соленая птица из «Охоты за счастьем», а как множество чудесных синих птиц, прилетевших из далекой страны и оставивших после себя «свои синие перья» – «яркое поле цветов» «медоносной травы фацелии» [Там же, с. 6, 7]. Сам образ «поля синих цветов», где каждый и все соединились в гармоническое единство

целого, очевидно, является одним из предшественников образа корабельной чащи из повести-сказки Пришвина.

На рубеже 1930–1940-х гг. Пришвин дистанцируется не только от ницшеанского, но и от советского атеистического понимания счастья, отстаивая свое право быть счастливым на общем человеческом, освященном христианской идеей пути страдания и радости.

Рецепт счастья с первой ступени его лестницы

В 1950-е гг., последние годы жизни Пришвина, текст счастья в его творчестве представлен повестью-сказкой «Корабельная чаша» и «Дневниками», которые можно рассматривать как своего рода леса к повести.

Один из лейтмотивов «Дневников» – грядущее и свершившееся 80-летие (5 февраля 1953 г.), заставившее автора так или иначе подводить итоги собственной жизни. Он пишет: «По правде сказать, жил я свои 80 лет как счастливый и настоящего горя не знал». В декабре 1953 г., немногим более чем за месяц до смерти, он напишет о своей жизни: «Я лично понимаю себя неудачником, достигающим счастья» [Пришвин, 2017а, с. 316, 493]. «Дневники» Пришвина, таким образом, начинаются в 1905 г. с мотива несчастья и завершаются мотивом счастья. Во многом это обусловлено историей его любви, встречей в 1940 г. и совместной жизнью с В. Д. Пришвиной. В январе 1953 г. в памятный день этой встречи он напишет: «За нами осталось тринадцать лет нашего счастья» [Там же, с. 271].

Главное, с нашей точки зрения, состоит в том, что свою счастливую жизнь за несколько дней до смерти Пришвин оценивает всего лишь как «первую площадку» на лестнице счастья, а свое состояние автора только что вышедшей книги «Весна света» – как состояние счастливого осла. Он пишет: «Похоже, будто вступил по лестнице счастья на первую площадку. Площадок на лестнице много, и, пока доберусь, не принялись бы меня подгонять, как счастливого осла» [Там же, с. 507].

Идея лестницы счастья в «Дневниках» Пришвина становится более понятной в связи с другой его идеей – величайшего разнообразия счастья жизни. Представление писателя о бесконечном разнообразии его форм, как нам кажется, может соперничать в его творчестве только с его пониманием природы как бесчисленноликого небывалого, в наиболее завершенном виде представленном в «Книге бытия» Пришвина «Календарь природы» (1925–1935).

Прежде всего важен тот факт, что счастье у Пришвина – это способ существования не только человека, но и всей живой природы: «жизнь есть счастье». Так, он расскажет о «собачьем счастье» или о том, что земля, «как счастливый человек, в сорочке родится». В жизни человеческой он различает счастье детства, молодости, семейное, старости, а также «последнее и окончательное», кажущееся недостижимым счастье войти «в царство Твое вечное», Царство Божье. Чувствовать

себя «в руках Божьих» для автора счастье [Там же, с. 75, 103, 112, 140, 372, 204, 419].

Все эти ступени лестницы счастья являются, по Пришвину, «раскрытием существа личности», поэтому «путь счастливых», помимо естественного физического счастья (не болеть, не быть калекой), это переживание «счастья свободы», «счастья творчества», счастья быть собой и вместе с тем быть, как все хорошие люди, особенного счастья писателя и т. д. Счастье, с точки зрения Пришвина, может быть неверным, невыразимым, но оно по-прежнему, как и в «Раннем дневнике», будет «обжигающим чувством» [Там же, с. 13, 17, 151, 153, 231, 234, 359, 391, 134, 103].

Пришвинская философия счастья будет неполной без акцентирования мотива стыда за собственное счастье: стыдно быть счастливым, когда «жертвы безмолвствуют». В ситуации, когда вопрос о счастье сталкивается с «лесом этических вопросов», он пишет, например:

Можно ли быть счастливым, когда все близкие люди умерли и знаешь, что сам дышишь на ладан, а главное, нечто такое познал, перед чем все искусство – только игра, а деятели его – недоросли, шалуны [Там же, с. 77, 146, 257].

Здесь есть также апокалиптический мотив счастья гибели, самоуничтожения:

...загорается в душе пожар, подобно староверскому самосожжению... И втайне даже хочется, как счастья, чтобы все сгорело и сам со всем сгорел [Там же, с. 339].

Можно утверждать, что «Дневники» Пришвина фиксируют богатейший сокровенный опыт счастливой жизни человека в условиях советской жизни начала 1950-х гг.

«Дневники» 1950-х гг. воссоздают поиск ответов на вопросы, появившиеся у писателя уже в 1890-е гг. Все эти вопросы-ответы так или иначе тяготеют к двум: о счастье всех и каждого и о счастье и правде. О «рецепте счастья для всех» Пришвин пишет:

Единственное для всех я могу сказать, что каждый должен непременно сам взяться за это и достигнутое самим обратить в пример для других (подчеркнуто М. М. Пришвиным. – Н. Д.) [Там же, с. 288].

Завершением размышлений о счастье всех и каждого является, с нашей точки зрения, мысль о двух законах жизни:

Тот и другой законы, и для себя и для всех – эгоизм и общее дело, поодиночке чудовищны, но в борьбе того и другого рождается личность [Там же, с. 222].

Счастье и правда

Ключевой для понимания «Корабельной чащи», с нашей точки зрения, является дневниковая запись Пришвина о том, что «слово правды делается всеми человеческими и нечеловеческими правдами и неправдами, а не тобой одним» [Пришвин, 2017а, с. 411]. Писатель называет «Корабельную чащу» повестью-сказкой, ставя ее в один ряд с «Женьшенем», герой которого сознательно выходит из войны и обращается к творчеству «новой, лучшей жизни людей на земле» [Пришвин, 1982–1986, т. 4, с. 78]. Не случайно действие в повести происходит главным образом весной 1945 г.

«Лесная повесть» Пришвина – в соответствии с логикой ее сюжета – сказка о «заповедной корабельной чаще» как народной «святыне» и ее спасении, в котором участвуют «хорошие простые люди» и небеса. В романе «Журавлиная родина» (1929) Пришвин уже создавал сюжет о спасении одного-единственного живого существа – реликтовой водоросли кладофоры. Герой и автор «Журавлиной родины» отказываются от идеи создания «Золотой луговины» (общества социального благоденствия), если это будет сделано ценой гибели озера и живущего в нем уникального растения. Роман стал историей о защите каждого в условиях победы всех. Корабельная чаща, в которой «дерево стоит за всех и все деревья стоят за каждое» [Пришвин, 1984, с. 221, 411, 416], – сказочный символический образ правды истинной, фиксирующий попытку Пришвина найти такую идеальную форму жизни, в которой признаются, как он пишет, равные права закона и закона каждого и которая является народной святыней.

Правда истинная в лесной повести Пришвина предстает не в виде некой известной величины, а понимается как путь, общий для всех и особенный для каждого. Авторская позиция в повести возникает из взаимодействия трех точек зрения: советской (В. Веселкин), народной (Мануйло, полесники, охотники, «мы» как форма субъекта речи), иносказательной религиозной, представленной фразами, подобными следующей: «Свет великий, могучий и страшный» [Там же, с. 224].

Благодаря Мануйле, сказочнику и охотнику, в «Корабельной чаще» появляется тема охоты, полемически обращенная к рассказу «Охота за счастьем». Самая значительная из охотничьих историй в повести, по нашему мнению, это история о поющих глухарях, дом жизни которых – Красные Гривы – уничтожили, оставив на месте деревьев пни, где они сидели и пели. В их пении о неуничтожимости и непобедимости жизни охотники расслышали вечный человеческий закон: помирать собирайся – рожь сей. Эта история диалогически обращена к истории птиц, парящих в воздухе над разрушенным храмом Христа Спасителя [Пришвин, 2006, с. 588].

«Дневники» фиксируют сомнения и тревогу Пришвина о судьбе «Корабельной чащи», вышедшей в свет в «Новом мире» Твардовского

уже после смерти автора. Его восприятие «Корабельной чащи» внутренне противоречиво. Он, например, пишет о ней: «Слово правды» вышла повесть чистая, вроде Храма». Он вместе с тем анализирует ситуацию с редактором В. И. Пелевиным, который «попробовал читать “Чащу” и бросил», видя в ней приспособление, «сергианство» Пришвина, объясняя которое, писатель утверждает: «В нравственном плане оказывается невозможным стать на ту сторону, и оттого тынет стать на свой камень» [Пришвин, 2017а, с. 388, 443].

«Дневники» с их живой сложностью и «Корабельная чаща» с ее сказочной простотой дополняют и толкуют друг друга.

* * *

В пришвинском тексте счастья отчетливо выделяются два направления: воссоздание опыта переживания жизни как счастья/несчастья и осмысление феномена счастья. Первое фиксируется в основном в «Дневниках», второе – в художественных произведениях и «Дневниках».

Текст счастья в творчестве Пришвина структурируется системой лейтмотивов: жизнь как счастье; счастье и несчастье; счастье всех и каждого; лестница счастья; путь к счастью; счастье, которое добывается и которое дается как дар и чудо; охота за счастьем; счастье и правда и др.

Пришвинский текст счастья свидетельствует о единстве миропонимания писателя досоветского и советского периодов. Изменение смыслов мотивов счастья в его творчестве определяется не внешними социально-историческими обстоятельствами времени, «проектом советской эпохи», а логикой его пути «строительства борьбы за жизнь вне идейного человека», и прежде всего духовным переворотом 1930–1940-х гг., в результате которого меняются его представления о счастье всех и каждого.

Список литературы

- Варламов А. Н.* Пришвин. М. : Молодая гвардия, 2003. 848 с.
- Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы : Очерки по русской литературе XX века. М. : Наука, 1993. 304 с.
- Добренко Е. А.* Рецензия на кн. : Топография счастья: этнографические карты модерна / сост. Н. В. Ссорин-Чайков. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 408 с. // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 165–172.
- Ершов Г. А.* Михаил Пришвин: жизнь и творчество. М. : Худож. лит., 1973. 192 с.
- Курбатов В. Я.* Михаил Пришвин: жизнеописание идеи. М. : Сов. писатель, 1986. 224 с.
- Лоргус А.* Книга о счастье. М. : Никея, 2017. 144 с.
- Подоксенов А. М.* Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века. Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина ; Кострома : Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2012. 334 с.
- Пришвин М. М.* Собр. соч. : в 8 т. / под ред. В. В. Кожина и др. М. : Худож. лит., 1982–1986.

- Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой : Дневник любви. М. : Худож. лит., 1996. 351 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1920–1925. М. : Моск. рабочий, 1995. 334 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. М. : Рус. книга, 1999. 416 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. М. : Рус. книга, 2003. 592 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. СПб. : Росток, 2006. 704 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб. : Росток, 2010. 992 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М. : РОССПЭН, 2012. 880 с.
- Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. СПб. : Росток, 2017а. 832 с.
- Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905–1913. СПб. : Росток, 2007. 800 с.
- Пришвин М. М. Цвет и крест / сост. В. А. Фатеев. СПб. : Росток, 2017б. 608 с.
- Рязанова Л. А. Благодарности // Пришвин М. М. Дневники. 1952–1954. СПб. : Росток, 2017. С. 3–4.
- Топография счастья : Этнографические карты модерна : сб. ст. / сост. Н. В. Ссорин-Чайков. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 408 с.
- Хайлов А. И. Пришвин: творческий путь. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 163 с.
- Хмельницкая Т. Ю. Творчество Михаила Пришвина. Л. : Сов. писатель, 1959. 284 с.
- Худенко Е. А. Киргизская степь в путевых записках и очерках М. М. Пришвина: имагология и поэтика // Проблемы исторической поэтики. Т. 15. 2017. № 2. С. 107–118. DOI 10.15393/j9.art.2017.4322.
- Чинакова Н. В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Мир экономики и управления. Т. 16. 2016. № 1. С. 101–115.
- Электронная библиотека М. М. Пришвина : [сайт]. URL: <http://elsu.ru/prishvin.html> (дата обращения: 20.03.2019).

References

- Chinakova, N. V. (2016). *Ekonomika schast'ya: sovremennye issledovaniya i diskussii* [The Economics of Happiness: Modern Research and Discussions]. In *Mir ekonomiki i upravleniya*. Vol. 16. No. 1, pp. 101–115.
- Dobrenko, E. A. (2015). *Retsenziya na knigu: Topografiya schast'ya: Etnograficheskie karty moderna* [Book Review: Ssorin-Chaikov, N. V. (2013). *The Topography of Happiness: Ethnographic Maps of Modernity*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 408 p.]. In *Antropologicheskii forum*. No. 25, pp. 165–172.
- Elektronnaya biblioteka M. M. Prishvina* [Electronic Library of M. M. Prishvin] [website]. URL: <http://elsu.ru/prishvin.html> (mode of access: 20.03.2019).
- Ershov, G. A. (1973). *Mikhail Prishvin: zhizn' i tvorchestvo* [Mikhail Prishvin: Life and Literary Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 192 p.
- Gasparov, B. M. (1993). *Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoi literature XX veka* [Literary Leitmotifs. Essays on the Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, Nauka. 304 p.
- Khailov, A. I. (1960). *Prishvin: tvorcheskii put'* [Prishvin: The Creative Journey]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 163 p.
- Khmel'nitskaya, T. Yu. (1959). *Tvorchestvo Mikhaila Prishvina* [Mikhail Prishvin's Oeuvre]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 284 p.
- Khudenko, E. A. (2017). *Kirgizskaya step' v putevykh zapiskakh i ocherkakh M. M. Prishvina: imagologiya i poetika* [The Kyrgyz Steppe in Travel Notes and Essays: Imagology and Poetics]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 15. No. 2, pp. 107–118. DOI 10.15393/j9.art.2017.4322.
- Kurbatov, V. Ya. (1986). *Mikhail Prishvin: zhizneopisanie idei* [Mikhail Prishvin: A Biography of Ideas]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 224 p.
- Lorgus, A. (2017). *Kniga o schast'e* [A Book about Happiness]. Moscow, Nikeya. 144 p.

Podoksenov, A. M. (2012). *Khudozhestvennyi mir Mikhaila Prishvina v kontekste mirovozzrencheskogo diskursa russkoi kul'tury XX veka* [The Artistic World of Mikhail Prishvin in the Context of the Worldview Discourse of 20th-Century Russian Literature]. Elets, Eletskii gosudarstvennyi universitet imeni I. A. Bunina, Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet imeni N. A. Nekrasova. 334 p.

Prishvin, M. M. (1982–1986). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works. 8 Vols.] / ed. by V. V. Kozhinov et al. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Prishvin, M. M. (1995). *Dnevnik. 1920–1925* [Diaries. 1920–1925]. Moscow, Moskovskii rabochii. 334 p.

Prishvin, M. M. (1999). *Dnevnik. 1923–1925* [Diaries. 1923–1925]. Moscow, Russkaya kniga. 416 p.

Prishvin, M. M. (2003). *Dnevnik. 1926–1927* [Diaries. 1926–1927]. Moscow, Russkaya kniga. 592 p.

Prishvin, M. M. (2006). *Dnevnik. 1930–1931* [Diaries. 1930–1931]. St Petersburg, Rostok. 704 p.

Prishvin, M. M. (2007). *Rannii dnevnik. 1905–1913* [The Early Diary. 1905–1913]. St Petersburg, Rostok. 800 p.

Prishvin, M. M. (2010). *Dnevnik. 1936–1937* [Diaries. 1936–1937]. St Petersburg, Rostok. 992 p.

Prishvin, M. M. (2012). *Dnevnik 1940–1941* [Diaries. 1940–1941]. Moscow, ROSSPEN. 880 p.

Prishvin, M. M. (2017a). *Dnevnik. 1952–1954* [Diaries. 1952–1954]. St Petersburg, Rostok. 832 p.

Prishvin, M. M. (2017b). *Tsvet i krest* [The Colour and the Cross] / ed. by V. A. Fateev. St Petersburg, Rostok. 608 p.

Prishvin, M. M., Prishvina, V. D. (1996). *My s toboi. Dnevnik lyubvi* [You and I. A Diary of Love]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 351 p.

Ryazanova, L. A. (2017). *Blagodarnosti* [Acknowledgements]. In Prishvin, M. M. *Dnevnik. 1952–1954*. St Petersburg, Rostok, pp. 3–4.

Ssorin-Chaikov, N. V. (Ed.). (2013). *Topografiya schast'ya: Etnograficheskie karty moderna* [The Topography of Happiness: Ethnographic Maps of Modernity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 408 p.

Varlamov, A. N. (2003). *Prishvin* [Prishvin]. Moscow, Molodaya gvardiya. 848 p.

The article was submitted on 01.04.2019

KNOWLEDGE IS POWER: THE STORY OF THE GREAT SOVIET ENCYCLOPAEDIA *

Irena Vladimirsky

Achva Academic College,
Beer Tuvia, Israel

This article focuses on the history of national encyclopaedia publishing in Soviet Russia, which was similar to the national encyclopaedias of France, Great Britain, the US, and the pre-revolutionary Russian Brockhauz – Efron Encyclopaedic Dictionary. The Soviet enterprise was an attempt to create an encyclopaedia combining universal knowledge and ideological values. Every revolution starts with a new understanding of reality and public access to a certain type of knowledge, for which encyclopaedias are emblems. The history of encyclopaedia publishing in Soviet Russia demonstrates how difficult and even dangerous encyclopaedias are in times of social transition and political strife. Encyclopaedias were claimed to reshape their users' mentality and change their habits: they represented a newly established social order based on a monopoly over knowledge and power. Two editions of the Great Soviet Encyclopaedia are used to illustrate the transition from new, revolutionary, and sometimes even provocative content to an entirely institutionalised enterprise with a measured dose of truth, strict censorship, and a system of checking and double-checking. The total financial dependence of encyclopaedia publishers, editors, and contributors on the state turned the encyclopaedia into an additional tool in the communist education of Soviet citizens.

Keywords: Soviet encyclopaedias; knowledge and power; totalitarianism; censorship in the Soviet Union; institutionalisation of knowledge; readership in the Soviet Union; State Publishing House.

Рассмотрена история создания национальной энциклопедии в Советской России, подобной национальным энциклопедиям Великобритании, Франции, Германии, США и дореволюционного российского издания Брокгауза и Эфрона. Новая советская энциклопедия изначально планировалась как издание, сочетающее идеологические установки своего времени с универсальными интеллектуальными ценностями. Каждая революция начинает свой путь с осмысления созданных ею новых реалий и системы образования, публичным выражением которых и является национальная энци-

---

*¹*Citation:* Vladimirsky, I. (2019). Knowledge is Power: The Story of the Great Soviet Encyclopaedia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 736–750. DOI 10.15826/qr.2019.3.404.

Цитирование: Vladimirsky I. Knowledge is Power : The Story of the Great Soviet Encyclopaedia // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 736–750. DOI 10.15826/qr.2019.3.404.

клопедия. История советской энциклопедии наглядно демонстрирует, насколько сложен и опасен путь ее создания, особенно если он начинается с эпохи глобальных общественных и политических коллизий. Энциклопедия задумывалась как издание, способное выработать новый тип мышления, сформировать культуру самообразования у своих читателей, направленную на понимание концепции «знание – сила». Период между первым и вторым изданием Большой Советской энциклопедии демонстрирует переход от нового, неординарного и даже провокативного содержания к четкой институализированной структуре со строго дозированной долей правды, внутренней цензурой, узаконенными правилами написания статей и системой многоуровневого рецензирования. Финансирование энциклопедии, зарплаты редакторов и авторов статей также регламентировались государственными установками, одной из которых была пропаганда почти в каждой статье коммунистического образа жизни и мышления.

Ключевые слова: советские энциклопедии; наука и власть; тоталитаризм; цензура; институализация системы знания; политика самообразования; Государственное издательство.

Encyclopaedias play the roles of important social agents which document moments of social and cultural as well as political transition. The Bolshevik revolution of 1917 created a new vision of reality associated with the released activity of the toiling masses and the need to produce a new conception of knowledge, a new constellation of power, and a new vision of the self and the other. Bolshevik ideology pretended to be global and universal, so it is not surprising that the encyclopaedia genre was chosen in order to establish a new source of truth and authoritative information for citizens in Russia and abroad.

Almost immediately after the revolution, the new Bolshevik authorities decided to reconstruct intellectual life and form a new academic elite according to revolutionary ideological patterns. In the eyes of the regime, the birth of a national encyclopaedia symbolized maturity, seriousness, the progress of intellectual life, academic activity, and the readiness of academicians to contribute to civil society's universal bank of knowledge [От редакции, 1926]. After a period of reconstitution which included a bloody civil war (1918–1920) and different economic experiments (war communism of 1918–1920 and the beginning of the New Economic Policy in 1921), the time came to rearrange intellectual life in Russia, along with its academic and educational institutions, on a new ideological basis. The People's Commissariat for Education (Narkompros) was responsible for a whole system of formal and informal education, as well as the development of science, literature, arts, music, museums, and theatres: this was directed by the strong hand of true political ideology. The first state of the proletariat searched for new kinds of educational activity that would establish a revolution in human knowledge similar to the changes in the existing social hierarchy. The development of creative thinking and new ed-

educational programmes in physics, mathematics, and chemistry were especially welcomed. These were based on group activity according to the subjects' principles, with teachers or professors serving as mentors. Great numbers of Schools of the Working Youth were established in order to promote the study of industrial technology, agriculture, medicine, zoology, and pedagogy by representatives of the working class. From 1924, institutions of higher education accepted new students mostly on the class principle; representatives of the bourgeois classes were limited to 20 percent of all students. 75 percent of the newly accepted proletarian and peasant students were very poor, and so were provided with state stipends and accommodation. At the same time, the Bolsheviks felt the lack of qualified institute and university staff, so several state decrees were adopted in order to improve the working and living conditions of prominent scientists and professors. In 1921, a special decree was adopted: "On establishing favourable working conditions for the academician Ivan Pavlov", the only Nobel Prize laureate of Bolshevik Russia [Декреты Советской власти, т. 12, с. 313]. From 1926, *Narkompros* was the only body responsible for the activity of the Russian Academy of Sciences, universities, and other institutions of higher education. Under the auspices of the Council of the People's Commissars, the Department of Science Development and Regulation was responsible for the activity and practical achievements of scientific institutions within the Academy of Sciences, the People's Commissariat of Agriculture, and the Supreme Soviet of the National Economy (*VSNKH – Vysshii Sovet Narodnogo Khozyaistva*).

Book and encyclopaedia publishing were not among the highest priorities of the new Bolshevik regime, so its turn came only in 1924. Up to 1924, the Soviet government accumulated the necessary resources for publishing activity. In 1918, a technical soviet on publishing house management was established. Its duty was to register all private publishing houses and their property and to control their activity. Most private publishing houses, including the one most famous for its high-quality dictionaries and encyclopaedias, Brockhaus – Efron, were subjected to nationalization. It was strictly forbidden to buy and sell printing equipment or move printing and binding equipment and typographic fonts within the Russian Federation without the special permission of the printing department of the *VSNKh*. All 1,573 registered publishing houses in the Russian Federation were nationalized by 1922 [Симзен, с. 211–214].

The initiative to institutionalize the Soviet encyclopaedia business was strongly advocated by Miron Vol'fson (1870–1932), a prominent personality of the State Publishing House (*GIZ – Gosudarstvennoe Izdatel'stvo*) and one of the few people with experience in encyclopaedia publishing from pre-revolutionary times. He saw encyclopaedia publishing as an important means to influence and educate the vast masses of the population and to satisfy the demands of Soviet Marxist doctrine. He found support from the prominent scientist and party member Otto Schmidt (1891–1956), who ran the *GIZ* in 1921–1924. In such a traditional and religious country as Russia, the new proletarian encyclopaedia had to outdo the Bible as the

one authoritative guide to daily life [Kassof, p. 55–57; Steila, p. 100–102]. In earlier printed dictionaries and encyclopaedias, different and sometimes contradictory opinions co-existed peacefully. The new Soviet encyclopaedia had to define a uniform worldview based on dialectical materialism [Вольфсон, с. 3–4]. In 1924 by the Decree of the Central Executive Committee of the USSR, a cooperative publishing house called 'Soviet Encyclopaedia' (*Sovetskaia Entsiklopediia*) was organized under the auspices of the GIZ. The Soviet bureaucrats who ran the Soviet Encyclopaedia publishing house thought that publishing the encyclopaedia would be as easy as taking over the Winter Palace, and planned that the first complete edition of the *Great Soviet Encyclopaedia* (in 25 volumes) would be finished within three years, 1924–1927. However, this original plan could not be fulfilled without intensive preliminary work. First of all, it was necessary to find an appropriate building for the encyclopaedia staff and publishing equipment. Then, it was necessary to define the encyclopaedia's structure, the structure of its departments and sub-departments, and the list of contributors. In addition, every new appointment had to be approved by several Soviet committees.

The creation of ideological encyclopaedias as an important educational tool became one of the more complicated tasks of the new Soviet regime. The Great October Revolution and the strengthening of Soviet power established the necessary political conditions for the proletariat as a new ruling class to be able to approach universal knowledge as concentrated in encyclopaedias [Энциклопедии советские, с. 498–502]. The process of building the socialist project and the involvement of the toiling masses in political and economic life resulted in increasing demand for encyclopaedias. Soviet encyclopaedias became an easily available and concentrated essence of the knowledge created, adopted, and recommended by the state. The proletariat needed encyclopaedic knowledge in order to reconstruct the state machine, rehabilitate an economy destroyed by WWI and the Civil War, study and employ new technology, create the new Red Army, and establish a new system of education. According to the Bolsheviks, pre-revolutionary encyclopaedias were the intellectual product of bourgeois society and reflected an anti-proletarian and anti-revolutionary ideology unacceptable in a socialist society.

The first volume of the first edition of the *Great Soviet Encyclopaedia* (GSE) was released only in 1926, while its last volume was published in 1947. The general work on the Soviet encyclopaedia was coordinated by the presidium of the GSE, which consisted of party and soviet authorities. The main GSE editorial board was responsible for connecting and communicating with Soviet higher educational and research institutions and coordinating its editorial sections. The list of departments, sub-departments, and their members was printed within every GSE volume, the frequently changing names showing how easily one could find favour or disgrace in the eyes of the new regime. The list of department and sub-department editors within the first volume can be used as an illustration of the great Stalinist purges of 1937–1938: ten out of twelve department

editors were repressed or died. Finding the proper match between academic research and the political attitude of encyclopaedia editors and contributors was a difficult mission, especially for the natural and technical sciences. Among the editors and contributors of the first volumes of the GSE were the names of many scientists and researchers who had begun their professional and academic career long before the Bolshevik revolution. Nevertheless, a minimum of Bolshevik political orientation was essential even for ordinary encyclopaedia contributors [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 546. Л. 60]. The encyclopaedia's scientific departments consisted of the natural and theoretical sciences; the technical and applied sciences; the technique and agricultural sciences; economics; the scientific organization of labour; history and law; philosophy, logic and dialectical materialism; pedagogy and people's education; literature, art, and linguistics; and the military sciences [Редакторы отделов]. The departments' names show an innovative approach to different social and economic problems, an attempt to find a scientifically-explained foundation to quick changes in reality, and a strong belief in revolutionary energy. Membership of the Communist Party was mandatory for department and sub-department editors. Some of them even performed party and soviet duties.

For the encyclopaedia's editorial board, it was very difficult to define the degree to which revolutionary thinking should influence the natural sciences. The only possible solution was to declare that new discoveries in technology and physics were closely connected with the creative energy of the toiling masses freed by the revolution. In the social sciences, dialectical materialism became the only accepted doctrine: the theoretical and applied sciences had to use the Marxist dialectical method in their research as well. At the same time, however, political voices distinct from Marxist theory were also represented. The first edition of the GSE was to be clearly written and understood by workers, peasants, intelligentsia, party and soviet administrators, students, peoples, and even housewives [От редакции, 1926]. Soviet and party workers should find within its pages reference material which they could use as guidelines in their everyday work. Entries including information of a purely professional character and defined as relevant for a limited number of encyclopaedia readers was to be printed in smaller characters.

The editors promised to publish 30 encyclopaedia volumes within six years: each volume was to consist of 25–27 printing sheets with two columns on every page, 8–10 colourful geographical maps, and 20 illustration plates. Additional visual material such as tables, technical illustrations, diagrams, and sketches were included within the text of the relevant entry. The encyclopaedia did not plan to make any commercial profit; it was purely a state enterprise. After the publishing of the first five volumes, it was evident that the general number of volumes would be greater than expected. Editors did not put a length limit on encyclopaedia entries: indeed, such was hardly possible, especially if the entry was written by distinguished soviet or party authorities. Very often, new entries were included without preliminary arrangement or were recommended by party and soviet bodies on the spot.

By 1929, the number of planned volumes grew to fifty. There were 80,000 private and collective subscribers. The organization of the subscription was arranged by *GIZ*, and it was mandatory for all state, soviet, and cultural organizations (libraries, institutions of higher education, central and local administrations, etc.). Subscribers sent letters to the encyclopaedia editing board, complaining that the GSE publishing house was releasing only four volumes annually and that it would take ten more years to publish the complete set. Not all the volumes were published in alphabetical order, since they were released as soon as they were ready for print: volume ten was published after volume twelve and volume eleven was published at the end of 1930. The subscription price was relatively high even for collective subscribers. Individual subscription was opened for German and American citizens and organizations [Осинский, с. 1]. A special commission of the Workers' Inspectorate (*Rabkrin*) was appointed to check all subscriber complaints, but it decided to support the further publishing of this first Marxist encyclopaedia as an important enterprise for the world's first socialist state.

Encyclopaedia contributors were obliged to include Russian-language sources together with a bibliography of entries in foreign languages and a Russian translation of the main works of foreign writers and poets: these had to be accurate with regards to the original names of works and the place and year of their publication. Encyclopaedia contributors who themselves were the subjects of entries were always asked to check the entry devoted to them and make corrections if necessary. The usual payment to a contributor was 240 rubles for one printed sheet, which was a considerable sum of money at that time [РГБ. Отд. рукописей (Архив А. Горенфельда). Ф. 221. Д. 358. Л. 2]. After the monetary reform of 1924, the monthly salary of a qualified worker was about 40 rubles, while state clerks got about 100 rubles and qualified specialists were paid about 165 rubles [Барсенков, Вдовин, с. 345–347].

Special critical attention was paid to the history and law sections. Marxist historians were asked to place more focus on modern revolutionary movements and the history of socialism in Europe and Asia. The idea of the permanent revolution was still popular, so the number of entries on ancient and medieval history was considerably reduced in favour of general theoretical entries on the universality of the Bolshevik revolutionary experience in social and economic issues [Зайдель, с. 239–244]. The use of the encyclopaedia as a substitute for university and institutional text-books was so great that it was decided to strengthen the encyclopaedia's publishing committee with Grigorii Broido, rector of the Communist University of the Toiling People of the East, and Karl Radek, the main adviser of the Executive Committee of the Communist International [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 546. Л. 57].

The great Stalinist purges of 1937–1938 had an enormous influence on the encyclopaedia's content. In June 1937, editor-in-chief Otto Schmidt wrote a letter to the Political Bureau of the Communist Party where he

mentioned the necessity of preparing the second edition of the GSE as soon as possible. Numerous biographical entries and associated entries on the social, political, military, and economic policy of the Soviet Union should be revised or rewritten. He also proposed providing the editorial board with exclusive censorship rights and even adopting a special binding that would allow for the easy replacement of ideologically incorrect pages [ПТАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 981. Л. 30]. Despite numerous difficulties, the first edition of the GSE was completed in 1947, with sixty-five volumes in print.

The experience and recommendations of the editing board of the first edition started a rethink on the publishing of the second edition. With the planned economy and agriculture under the leadership of the Communist Party, it was impossible to leave encyclopaedia publishing alone. The new edition of the GSE was to serve as the representative image of Soviet science and not as a private forum for contributors to express and distribute their thoughts and ideas according to their own free will. Therefore, the Soviet encyclopaedia had to change and become one more area under the control and regulations of the party. In February 1949, a decree of the Council of Ministers of the USSR regarding the new edition of the GSE was published in the newspaper *Kul'tura i Zhizn'* (*Culture and Life*). *Culture and Life* was a second-rank Soviet newspaper compared to *Pravda* (*Truth*) and *Izvestiia* (*News*), indicating that culture and science in the Soviet Union occupied a secondary place in the overall hierarchy of things. The decree stated that the Council of Ministers should organize encyclopaedia publishing according to the standards of the planned economy. The new edition of the GSE should become an organized set of materials on the social, economic, and natural sciences, technology, and other important fields of knowledge. The new edition must emphasize the historical achievements of socialist construction in the Soviet Union and become a universal guide for the Soviet intelligentsia in particular and every Soviet citizen in general [Вавилов, Зворыкин, с. 7–17; Введенский, Зворыкин, с. 3–18; О новом издании Большой Советской энциклопедии]. In the same decree, the first edition of the Soviet encyclopaedia was criticized for a lack of planning with regards to its entries' length and content, the absence of coordination between encyclopaedia departments and sub-departments, isolation, ignoring important events of Soviet reality (particularly, the Great October Socialist Revolution), exaggeration, and incorrect information on the historical role of certain political figures and their influence.

A notable feature of the second edition is the absence of publishing year within its volumes and the lack of a list of encyclopaedia departments and sub-departments. All of the invisible work was concealed from public view, so the published volumes showed only the tip of the iceberg. The list of the academic editorial board consisted of twenty-two members, who were recognized authorities in their fields of knowledge. This list, published in the first volume of the second edition, serves as an interesting case study of the priorities of Soviet science in the 1950s. It was the beginning of the Cold War and the long economic competition between the Soviet Union

and the United States. Every field of knowledge and economic branch in the Soviet Union was given a strategic meaning and role in this exhausting race. Fourteen out of twenty-one members of the academic editorial board represented the natural and applied sciences, such as nuclear physics, radio engineering, chemistry, biochemistry, medicine, geology, machinery and technology, and astronomy.

The editorial board members representing the natural and applied sciences were well-balanced by seven members from the social and historical sciences; practically all of them held important party and administrative duties. The GSE State Publishing House established encyclopaedia publishing as a collaborative effort between central and republican academic institutions, professors and teaching staff in institutions of higher education, party bodies and activists, different ministries, and the staff of industrial and agricultural enterprises. Fedor Petrov (1876–1973) was one of the founding fathers of the *GSE Publishing House* and its actual director during the publication of the second edition; Petr Pospelov (1898–1979) was the editor-in-chief of *Pravda*, the main newspaper of the Soviet Union, editor and co-author of the *Short Course of the History of the All-Union Communist (Bolshevik) Party*, and the creator of Stalin's personality cult through his short biography. Sergei Vavilov (1891–1951), a famous physician and president of the Soviet Academy of Sciences, was appointed academic editor-in-chief of the second edition. After his death, the post was occupied by Boris Vvedenskii (1893–1969), director of Radio-Technic and the Electronics Institution of the Academy of Sciences.

Stalin's spirit was palpably present in every encyclopaedia entry. In the editorial preface to the first volume of the second edition, Stalin's *Short Course* was compared to an encyclopaedia of philosophical thought for its innovations in theoretical Marxism-Leninism [От редакции, б. г., с. 1]. It is impossible to find even one volume without pictures of Stalin or obligatory citations from his works.

The contributors to the second edition were obligated to cite Marxist-Leninist classics on every subject, even those as distant from ideology as animal husbandry or urbanism [Животноводство, с. 118; Урбанизм, с. 312]. Konstantin Derzhavin (1903–1956), a literary critic and specialist on the literature of the Spanish Renaissance and French Enlightenment, was asked to enrich his entry with citations from Marxist classics on the literary and historical development of Spain, the influence of Russian revolutionary democrats on the Spanish revolutionary movement, the history of Spanish anarchism in the age of imperialism, and the history of Russian-Spanish relations, none of which has much, or even any, connection to the entry's content [ОР РНБ. Личный фонд К. А. Державина. Ф. 1028. Д. 80. Л. 3–4; Испания, с. 560–561].

The editorial departments of the second edition were organized anew according to the field of knowledge. There were departments of archaeology and ethnography, biology, the military sciences, general history, geography and geology, art, the history of the USSR and the Communist Party,

literature and linguistics, mathematics and astronomy, people's education and publishing, law, agriculture, technology, physics, sport and physical culture, philosophy, chemistry, and the economy. The GSE's second edition used a double system of censorship and professional validation. Several thematically close departments were organized into a 'subject area' with a subject editor at its head. Every single department had its own department editor, who was responsible for the work within his department. Every entry had to be approved by the subject editor and sent for a second opinion. The entry was then returned to the department editor in order to be referred to other department editors within the 'subject area' and, if necessary, with department editors of other 'subject areas.' After checking the relevant references, the entry passed to the information department, whose duty it was to verify entry dates and events according to the officially approved reference sources. The bibliography department had to verify the entry's bibliography according to citation rules. If the entry included maps, sketches, or illustrations, additional checking was obligatory in order to avoid gaps between the text and the visual material. Every cycle of verification had to be signed by the responsible editor or the encyclopaedia's editor-in-chief, who coordinated the work of all the academic and supporting departments. The editor responsible for the second edition was Anatolii Zavorykin (1901–1988), an economist and specialist in the history of technology.

Another task of the GSE's departments was the preparation of subject word-lists. Drafts of such lists were developed by the staff of the subject area departments and were later sent for review by other such departments in order to avoid repetitions. For example, the word-list of the biology subject area were sent to related departments (anthropology, archaeology and ethnography) [Методические указания, с. 25–33]. Subject word-lists were later published in a limited number of copies and sent to relevant academic institutions, universities, libraries, museums, and party and soviet organizations for further discussion and proposals. All proposals for changes within the word-list were to be sent in written form to the State Scientific Institute 'Soviet Encyclopaedia' [Словник по истории Ближнего и Среднего Востока, с. 1; Словник по истории религии, с. 3–4; Словник по языкознанию, с. 4–5]. A subject word-list defined the number of printed characters for each entry, as well as the bibliographical reference demands (detailed bibliography, main bibliography, limited bibliography, reference bibliography within the text) and the need for and quantity of additional entry elements (maps, tables, sketches, portraits). For each category of biographical entry, the portrait size was standardized [Словник по истории техники, с. 2; Словник по экономике, с. 3; Словники по географии, с. 2].

Readers of the GSE's second edition were also provided with a short guide on how to navigate between different entries and use them with maximum efficiency. Two systems of bibliographical notes were used for biographical and other entries. Every biographical entry provided a list

of main personal works (*Sochineniia*), while other entries provided the reader with a subject bibliography (*Literatura*) in Russian and foreign languages. The second edition lacked updated foreign sources: only pre-revolutionary sources are found in the bibliographies. This can be explained by the need to demonstrate the advantages of Soviet science: bourgeois science was fallacious because of its social character, so the Soviet reader should see only the triumph of Soviet science and culture. Foreign names were accompanied by their original transliteration. Word etymology was provided only if it helped one obtain a better understanding of the entry's content. Historical dates were in a state of complete confusion: events from European history were provided according to the Gregorian calendar; events from Russian and Soviet history from the February Revolution until the transition to the new calendar at the beginning of 1918 were provided in both styles; pre-revolutionary Russian history was dated according to the old calendar; and events of Soviet history from 1918 were provided according to the new style. If necessary, international events would be given in both calendar styles [Указания авторам, с. 640].

The Twentieth Congress of the CPSU (14–26 February 1956), with Khrushchev's famous speech on the need to eradicate the Cult of Personality and return to the revolutionary transformation of society, had an immediate impact on the content of the second edition [Khrushchev, p. 117–134]. Numerous publications in leading academic journals, newspapers, and letters sent by encyclopaedia readers to the GSE editorial board called for the restoration of historical justice and objectivity and, if necessary, to revise and publish the encyclopaedia anew. The history of the Russian revolutionary movement, the Bolshevik revolution, the Communist Party of the Soviet Union, and the socialist reconstruction of the economy and agriculture were especially criticized [Максаков, с. 123–130; Денисов, с. 140–145].

As a result of this criticism, the encyclopaedia's editorial board decided to correct the ideological mistakes in biographical entries by replacing them with other entries. Encyclopaedia subscribers were provided with new entries and instructions on what entry should be replaced in which volume. Selected entries had to be carefully cut out and sent back to the GSE Publishing House. The most famous example of this 'cut and paste' system were the entries on 'the Bering Sea' and 'Bering Channel' in the fifth volume (1951). The 'Bering Channel' entry is four times longer than the 'Bering Sea' entry following it for a very simple reason: this entry replaced the original entry on 'Lavrentii Beria'. Beria (1899–1953), Stalin's right-hand man, head of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD), and first deputy prime minister, was arrested shortly after Stalin's death on 5 March 1953 and executed in December 1953. Subscribers were asked to cut out pages 21, 22, 23, and 24, as well as Beria's portrait between pages 22 and 23 in volume five, and replace them with the 'Bering Channel' entry and a new picture list [Лаврентий Берия, с. 18–22].

In 1957, an additional fifty-first volume was published, which included revised encyclopaedia entries and numerous new reference and biographical

entries recommended for publication by the editorial board. The templates for biographical entries were changed and included references to pre-revolutionary scientific activity and membership of/awards from foreign science or art academies [ОР РНБ. Личный фонд Г. С. Верейского. Ф. 1129. Д. 469. Л. 1].

The second edition of the GSE came to an end in 1957, containing forty-nine encyclopaedia volumes, one subject volume (volume fifty was devoted to the USSR and was especially published for the 40th anniversary of the Great October Socialist Revolution), and one additional volume (volume fifty-one). It included about 5,000 printed sheets and more than 96,000 key terms. An extended bibliography was provided for 41 percent of the entries in 35 languages of the Soviet Union nationalities and 25 foreign languages, including Chinese and Japanese logographic writing. Numerous entries from the second edition were translated and published as selected entries in books and brochures outside the Soviet Union. The number of temporary encyclopaedia contributors stood at 9,400 persons; the general number of encyclopaedia contributors was as great as 15,820. Foreign contributors were also welcomed. Special bureaus and departments working jointly with the *GSE Publishing House* were organized in practically all the countries of the socialist camp: in Poland, a special commission on reviewing encyclopaedia entries was established; in China, a 'GSE working group' within the agitation and propaganda department of the Central Committee of the Chinese Communist Party was organized; and in the German Democratic Republic, encyclopaedia entries were written and reviewed by the Marxism-Leninism Institute in Berlin and the Leipzig Bibliographical Institute [От редакции, б. г., с. 3–4]. The second edition was printed in 300,000 copies, while the price of a single encyclopaedia volume was 55 rubles, making it readily available to individual subscribers. After the monetary reform of 1947 and the abolition of wartime rationing cards, the monthly salary of workers and state employers stood at about 640 rubles; by 1953, this grew to 800 rubles [Барсенков, Вдовин, с. 605–607]. The *GSE Publishing House's* subscriptions were underlined by a state order that guaranteed a certain number of copies and subscribers.

However, the GSE was far from being a repository of knowledge and the foundation for social progress. It became a monument of scientific stagnation and ideological dogmatism; despite efforts in the last years of its publication, the second edition of the GSE became known as a "Stalinist" encyclopaedia. Its navy blue covers on library shelves became a visible monument to this dark epoch in the history of the Soviet Union.

In 1957 the GSE Publishing House began releasing annual supplement volumes with updated information on important entries. In 1960, a two-volume alphabetical index to the second edition was published [Большая советская энциклопедия: алфавитный указатель]. In the introductory message from the editorial board for the 1957 annual supplement, the requirement to change and enrich some entries in accordance with the decisions of the February and June 1957 plenums of the Central Committee of the CPSU (which confirmed the need to overcome remnants

of the personality cult and reaffirmed Khrushchev's position as first secretary) was mentioned. Revised entries became less politicized and more professional, while mandatory mention of Stalin's works disappeared [Германия, с. 275–287].

The establishment of encyclopaedia publishing in the Soviet Union can be characterized as one of the most politicized and institutionalized attempts to compile a system of final and absolute knowledge, a system of influence and power. The state had exclusive rights on encyclopaedia content, encyclopaedia distribution, and establishing the policy of ideological reading literacy. The first edition of the GSE served as an experimental basis for further editions. The relative freedom of the editorial board and contributors was replaced by strict regulations and instructions from above. Soviet encyclopaedias learned to use all paratext features in order to suggest to the reader a specific interpretation or understanding of the text. Soviet encyclopaedias were printed in huge numbers without any thought given to profits because distribution was guaranteed by the state.

Список литературы

«О новом издании Большой Советской энциклопедии» : постановление Совета министров СССР // Культура и жизнь. 1949. 20 февр. С. 1.

Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России, 1917–2009 : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Аспект Пресс, 2010. 845 с.

БСЭ : алфавитный указатель ко 2-му изд. : в 2 т. М. : БСЭ, 1960. 800 + 775 с.

Вавилов С. И., Зворыкин А. А. Второе издание Большой Советской энциклопедии // Советская книга. 1951. № 7. С. 7–17.

Введенский Б. А., Зворыкин А. А. Десять томов нового издания Большой Советской энциклопедии // Советская книга. 1952. № 8. С. 3–18.

Вольфсон М. Б. Пути советской книги. М. : Госиздат, 1929. 112 с.

Германия. Германская Демократическая Республика. Федеративная Республика Германия // БСЭ : ежегодник. М. : БСЭ, 1957. С. 275–287.

Декреты Советской власти : в 12 т. М. : Политиздат, 1986. Т. 12. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. 428 с.

Денисов Г. М. Об освещении в Большой Советской энциклопедии деятельности выдающихся большевиков // Вопр. истории. 1956. № 5. С. 140–145.

Животноводство // БСЭ. 2-е изд. М. : БСЭ, [Б. г.]. Т. 16. С. 118.

Зайдель Г. С. Большая Советская энциклопедия, тт. I–VIII : Статьи по всеобщей истории // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 239–244.

Испания // БСЭ. 2-е изд. М. : БСЭ, [Б. г.]. Т. 18. С. 530–591.

Лаврентий Берия // БСЭ. 2-е изд. М. : БСЭ, [Б. г.]. Т. 5. С. 18–22.

Максаков В. В. Вопросы истории Первой русской революции в Большой Советской энциклопедии (1–27 тт., 2-е изд.) // Вопр. истории. 1955. № 2. С. 123–130.

Методические указания для редакторов Большой Советской энциклопедии. 3-е изд. БСЭ / под общ. ред. Л. С. Шаумяна ; [сост. С. Р. Гершберг, М. Э. Струве, Ю. Е. Шмушкис]. М. : Сов. энцикл., 1969. 302 с.

ОР РНБ. Ф. 221 (Архив А. Горенфельда). Д. 358; Ф. 1028 (Личный фонд К. А. Державина). Д. 804; Ф. 1129 (Личный фонд Г. С. Верейского). Д. 469.

Осинский Н. Дела и дни Большой Советской энциклопедии // Правда. 1929. 15 марта. С. 1.

От редакции // БСЭ. 1-е изд. М. : Сов. энцикл., 1926. Т. 1. С. 1–2.

От редакции // БСЭ. 2-е изд. М. : БСЭ, [Б. г.]. Т. 1. С. 1.

- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 546; Ф. 82. Оп. 2. Д. 981.
- Редакторы отделов и подотделов // БСЭ. 1-е изд. М. : Сов. энцикл., 1926. Т. 1. С. 3.
- Симзен М. Ю. Из истории национализации полиграфической промышленности в СССР // Вopr. истории. 1963. № 3. С. 211–214.
- Словник по всеобщей истории // Проект словников второго издания БСЭ : рукопись для обсуждения в гл. ред. БСЭ : в 12 т. М. : БСЭ, 1949–1951. Ч. 1. История древнего мира. 20 с. Ч. 2. История Средних веков. 51 с. Ч. 3. Новая и новейшая история. 94 с. Ч. 4. История стран зарубежного Востока. 31 с.
- Словник по истории Ближнего и Среднего Востока // Проект словников второго издания БСЭ : рукопись для обсуждения в гл. ред. БСЭ : в 12 т. М. : БСЭ, 1949–1951. 35 с.
- Словник по истории религии и атеизма // Проект словников второго издания БСЭ : Рукопись для обсуждения в гл. ред. БСЭ : в 12 т. М. : БСЭ, 1949–1951. 28 с.
- Словник по истории техники // Проект словников второго издания БСЭ : Рукопись для обсуждения в гл. ред. БСЭ : в 12 т. М. : БСЭ, 1949–1951. 6 с.
- Словник по экономике // Проект словников второго издания БСЭ : Рукопись для обсуждения в гл. ред. БСЭ : в 12 т. М. : БСЭ, 1949–1951. 35 с.
- Словник по языкознанию // Проект словников второго издания БСЭ : Рукопись для обсуждения в гл. ред. БСЭ : в 12 т. М. : БСЭ, 1949–1951. 22 с.
- Словники по географии // Проект словников второго издания БСЭ : рукопись для обсуждения в гл. ред. БСЭ : в 12 т. М. : БСЭ, 1949–1951. Ч. 2. Экономическая география СССР. 35 с.
- Указания авторам // БСЭ. 2-е изд. М. : БСЭ, [Б. г.]. Т. 1. С. 640.
- Урбанизм // БСЭ. 2-е изд. М. : БСЭ, [Б. г.]. Т. 44. С. 312.
- Энциклопедии советские // БСЭ. 1-е изд. М. : Сов. энцикл., 1926. Т. 64. С. 498–502.
- Kassof B. A Book of Socialism: Stalinist Culture and the First Edition of the *Bol'shaia Sovetskaia entsiklopediia* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 6. No. 1. Winter 2005. P. 55–95.
- Khrushchov N. S. 1956 Report of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union to the 20th Party Congress. Moscow : Foreign Languages Publ. House, 1956. 144 p.
- Steila D. A Proletarian Encyclopédie // *Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker* / ed. by M. Salvo, D. Kaiser, V. Kivelson. Brighton, MA : Acad. Studies Press, 2015. P. 90–117.

References

- Barsenkov, A. S., Vdovin, A. I. (2010). *Istoriya Rossii, 1917–2009. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [History of Russia: 1917–2009. A Tutorial for University Students]. Moscow, Aspekt Press. 845 p.
- BSE : Alfavitnyi ukazatel' ko vtoromu izdaniyu v 2 t.* [The Great Soviet Encyclopaedia. Alphabetical Index to the Second Edition. 2 Vols.]. (1960). Moscow, BSE. 800 + 775 p.
- Dekrety Sovetskoi vlasti v 12 t.* [Decrees of Soviet Power. 12 Vols.]. (1986). Moscow, Politizdat. Vol. 12. Dekabr' 1920 g. – yanvar' 1921 g. 428 p.
- Denisov, G. M. (1956). Ob osveshchenii v Bol'shoi Sovetskoi Entsiklopedii deyatel'nosti vydayushchihsiya bol'shevikov [On the Reflection of Outstanding Bolsheviks' Activity in the Great Soviet Encyclopaedia]. In *Voprosy istorii*. No 5, pp. 140–145.
- Entsiklopedii sovetskie [Soviet Encyclopaedias]. (1926). In *BSE*. 1st Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 498–502.
- Germaniya. Germanskaya Demokraticeskaya Respublika. Federativnaya Respublika Germaniya [Germany. German Democratic Republic. Federative Republic of Germany]. (1957). In *BSE : ezhegodnik*. Moscow, BSE, pp. 275–287.
- Ispaniya [Spain]. (N. d.). In *BSE*. 2nd Ed. Moscow, BSE. Vol. 18, pp. 530–591.
- Kassof, B. (2005). A Book of Socialism. Stalinist Culture and the First Edition of the *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia*. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 6. No. 1. Winter, pp. 55–95.

Khrushchev, N. S. (1956). *1956 Report of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union to the 20th Party Congress*. Moscow, Foreign Languages Publ. House. 144 p.

Lavrentiy Beria [Lavrentiy Beria]. (N. d.). In *BSE*. 2nd Ed. Moscow, BSE. Vol. 5, pp. 18–22.

Maksakov, V. V. (1955). *Voprosy istorii Pervoi Russkoi revoliutsii v Bol'shoi Sovetskoi entsiklopedii* (1–27 tt., 2-e izd.) [Questions on the History of the First Russian Revolution in the Great Soviet Encyclopaedia (Vols. 1–27, 2nd Edition)]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 123–130.

“O novom izdani Bol'shoi Sovetskoi Entsiklopedii” : postanovlenie Soveta Ministrov SSSR [“On the New Publication of the Great Soviet Encyclopaedia”]: Decree of the Council of Ministers of the USSR]. (1949). In *Kul'tura i zhizn'*. February 20, p. 1.

OR RNB [Manuscript Department, National Library of Russia]. Stock 221 (Arkhiv A. Gorenfel'da). Dos. 358; Stock 1028 (Lichnyi fond K. A. Derzhavina). Dos. 804; Stock 1129 (Lichnyi fond G. S. Vereiskogo). Dos. 469.

Osinskii, N. (1929). *Dela i dni Bol'shoi Sovetskoi entsiklopedii* [Deeds and Days of the Great Soviet Encyclopaedia]. In *Pravda*. March 15, p. 1.

Ot redaktsii [From the Editors]. (1926). In *BSE*. 1st Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 1, pp. 1–2.

Ot redaktsii [From the Editors]. (N. d.). In *BSE*. 2nd Ed. Moscow, BSE. Vol. 1, p. 1.

Redaktory otdelov i podotdelov [Departments and Sub-Department Editors]. (1926). In *BSE*. 1st Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 1, p. 3.

RGASPI [Russian State Archive of Social-Political History]. Stock 17. List 163. Dos. 546; Stock 82. List 2. Dos. 981.

Shaumyan, L. S. (Ed.). (1969). *Metodicheskie ukazaniya dlya redaktorov Bol'shoi Sovetskoi entsiklopedii. 3-e izd. BSE* [Guidelines for the Editors of the Great Soviet Encyclopaedia. 3 Ed.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 302 p.

Simzen, M. Yu. (1963). *Iz istorii natsionalizatsii poligraficheskoi promyshlennosti v SSSR*. [On the History of the Nationalisation of the Printing Industry in the USSR]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 211–214.

Slovník po ekonomike / Proekt slovníkov vtorogo izdaniya BSE : rukopis' dlya obsuzhdeniya v glavnoi redaktsii BSE v 12 t. [Word-List on Economics. Word-List Draft of the 2nd Edition of the Great Soviet Encyclopaedia. A Manuscript for Discussion at the Editorial Board Meeting of the Great Soviet Encyclopaedia. 12 Vols.]. (1949–1951). Moscow, BSE. 35 p.

Slovník po istorii Blizhnego i Srednego Vostoka / Proekt slovníkov vtorogo izdaniya BSE : rukopis' dlya obsuzhdeniya v glavnoi redaktsii BSE v 12 t. [Word-List on the History of the Near and Middle East. Word-List Draft of the 2nd Edition of the Great Soviet Encyclopaedia. A Manuscript for Discussion at the Central Publishing of the Big Soviet Encyclopaedia. 12 Vols.]. (1949–1951). Moscow, BSE. 35 p.

Slovník po istorii religii i ateizma / Proekt slovníkov vtorogo izdaniya BSE : rukopis' dlya obsuzhdeniya v glavnoi redaktsii BSE v 12 t. [Word-List on the History of Religion and Atheism. Word-List Draft of the 2nd Edition of the Great Soviet Encyclopaedia. A Manuscript for Discussion at the Editorial Board Meeting of the Great Soviet Encyclopaedia. 12 Vols.]. (1949–1951). Moscow, BSE. 28 p.

Slovník po istorii tekhniki / Proekt slovníkov vtorogo izdaniya BSE : rukopis' dlya obsuzhdeniya v glavnoi redaktsii BSE v 12 t. [Word-List on the History of Technology. Word-List Draft of the 2nd Edition of the Great Soviet Encyclopaedia. A Manuscript for Discussion at the Editorial Board Meeting of the Great Soviet Encyclopaedia. 12 Vols.]. (1949–1951). Moscow, BSE. 6 p.

Slovník po vseobshchei istorii / Proekt slovníkov vtorogo izdaniya BSE : rukopis' dlya obsuzhdeniya v glavnoi redaktsii BSE v 12 t. [Word-List on General History. Word-List Draft of the 2nd Edition of the Great Soviet Encyclopaedia. A Manuscript for Discussion at the Editorial Board Meeting of the Great Soviet Encyclopaedia. 12 Vols.]. (1949–1951). Moscow, BSE. Part 1. *Istoriya Drevnego mira*. 20 p. Part 2. *Istoriya Srednikh*

vekov. 51 p. Part 3. Novaiya i noveishaiya istoriya. 94 p. Part 4. Istoriya stran zarubezhnogo Vostoka. 31 p.

Slovník poazykoznaníyu / Proekt slovníkov vtorogo izdaniya BSE : rukopis' dlya obsuzhdeniya v glavnoi redaktsii BSE v 12 t. [Word-List on Linguistics. Word-List Draft of the 2nd Edition of the Great Soviet Encyclopaedia. A Manuscript for Discussion at the Central Publishing of the Great Soviet Encyclopaedia. 12 Vols.]. (1949–1951). Moscow, BSE. 22 p.

Slovníki po geografii / Proekt slovníkov vtorogo izdaniya BSE : rukopis' dlya obsuzhdeniya v glavnoi redaktsii BSE v 12 t. [Word-List on Geography. Word-List Draft of the 2nd Edition of the Great Soviet Encyclopaedia. A Manuscript for Discussion at the Editorial Board Meeting of the Great Soviet Encyclopaedia. 12 Vols.]. (1949–1951). Moscow, BSE. Part 2. Ekonomicheskaya geografiya SSSR. 35 p.

Steila, D. (2015). A Proletarian Encyclopédie. In Salvo, M., Kaiser, D., Kivelson, V. (Eds.). *Word and Image in Russian History: Essays in Honor of Gary Marker*. Brighton, MA, Acad. Studies Press, pp. 90–117.

Ukazaniya avtoram [Instructions for Authors]. (N. d.). In *BSE*. 2nd Ed. Moscow, BSE. Vol. 1, p. 640.

Urbanizm [Urbanism]. (N. d.). In *BSE*. 2nd Ed. Moscow, BSE. Vol. 44, p. 312.

Vavilov, S. I., Zvorykin, A. A. (1951). Vtoroe izdanie Bol'shoi Sovetskoi Entsiklopedii [The Second Edition of the Great Soviet Encyclopaedia]. In *Sovetskaya kniga*. No. 7, pp. 7–17.

Vol'fson, M. B. (1929). *Puti sovetskoi knigi* [Ways of the Soviet Book]. Moscow, Gosizdat. 112 p.

Vvedenskii, B. A., Zvorykin, A. A. (1952). Desyat' tomov novogo izdaniya Bol'shoi Sovetskoi Entsiklopedii [Ten Volumes of the New Edition of the Great Soviet Encyclopaedia]. In *Sovetskaya kniga*. No. 8, pp. 3–18.

Zaidel', G. S. (1928). Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya, tt. I–VIII. Stat'i po vseobshchei istorii [The Great Soviet Encyclopaedia, Vol. 1–8. Entries on General History]. In *Istoriik-marksist*. No. 7, pp. 239–244.

Zhivotnovodstvo [Animal Husbandry]. (N. d.). In *BSE*. 2nd Ed. Moscow, BSE. Vol. 16, p. 118.

The article was submitted on 10.05.2018

THE BOOK OF TASTY AND HEALTHY FOOD: MYTHOLOGY OR PRAGMATICS?*

Svetana Yurlova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to an iconic but little-studied phenomenon of Soviet life, *The Book of Tasty and Healthy Food*. The most studied aspect of this work is the ideological one: however, this paper considers a completely different dimension. The main objective of the proposed analysis is to detect the dialectic of the mythological and the pragmatic in the text and structure of this book. All myths (and modern ones are no exception) do not simply form a picture of the world: they also regulate and direct the practices of everyday life. Using this specific text, the article examines the formation of new practices of everyday Soviet life. The author relies both on synchronic and diachronic analysis, as it is important not only to understand how the text of *The Book of Tasty and Healthy Food* was structured, but also to trace the transformation that occurred from edition to edition. The book was reprinted many times; this study focuses on four editions (1939, 1952, 1955). The article shows the practical significance of the book and how it reflects the real changes in the lives of Soviet citizens.

Keywords: culture of everyday life; Soviet culture; utopian project; gastronomical culture; mythology; ideology; pragmatics.

Рассмотрен знаковый, но малоисследованный феномен советской повседневности – «Книга о вкусной и здоровой пище». Наиболее изученный аспект данного издания – идеологический, однако в представленной работе предложен совершенно иной ракурс ее рассмотрения. Главной задачей автора является обнаружение диалектики мифологического и прагматического в тексте и структуре книги. Любой миф (и современный не исключение) не просто формирует картину мира, а регламентирует и направляет практики повседневности. В статье на конкретном материале анализируется процесс формирования новых практик повседневности советского человека. Автор опирается на единство синхронического и диахронического аспектов исследования материала, поскольку важно не только понять, как изначально была сформирована структура текста, но и проследить транс-

---

* Citation: Yurlova, S. (2019). *The Book of Tasty and Healthy Food: Mythology or Pragmatics?* In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 751–760. DOI 10.15826/qr.2019.3.405.

Цитирование: Yurlova S. *The Book of Tasty and Healthy Food: Mythology or Pragmatics?* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 751–760. DOI 10.15826/qr.2019.3.405.

формации, происходившие от издания к изданию. Книга переиздавалась множество раз, однако для строгости исследования в контексте советской культуры были выбраны четыре издания – 1939, 1952 и 1955 гг. Показаны практическая значимость «Книги о вкусной и здоровой пище» и отражение в ней реальных изменений домашнего быта советского человека.

Ключевые слова: культура повседневности; советская культура; утопический проект; гастрономическая культура; мифология; идеология; прагматика.

Soviet culture has a special place in philosophical and cultural studies, attracting both Russian and Western scholars. In a sense, we are experiencing a renaissance of Soviet culture, revealing itself either as an advertising image, the revival of Soviet brands, or, of course, in the great number of profound studies dealing with Soviet culture [Глущенко; Кагарлицкий; Куренной; Утехин; Basile]. The paradox, as far as the analysis of Soviet cultural diversity is concerned, lies in the fact that most researchers are simultaneously inside and beyond their subject. Many know the Soviet past as part of their personal history, with memory feeding them hands-on material derived from experience and not abstract knowledge. On the other hand, the time gap and, more importantly, the change in ideological paradigm allow them to maintain a scholarly attitude when “dissecting” their own past.

For quite a long time, the scope of my interests has included the phenomenon of the contemporary myth, or rather the mythological component of human consciousness in the 20th and 21st centuries. As I wrote in one of my previous articles: “There is a basic difference between a contemporary myth and an archaic one, namely, the former does not forbid or approve of individuals’ behaviour. It rather tends to manipulate their minds. This fact explains the binarity of the contemporary myth-making process: on the one hand, myths are purposefully modelled by ideologists in power; on the other hand, they are supported and promoted by people” [Юрлова, с. 65].

One of the most powerful forms of the mythological paradigm of consciousness in the 20th century was totalitarian mythology. Despite the differences in the national traditions of the countries where totalitarian ideology became the basis for the political and state structure (Germany, Italy, Spain, the Soviet Union), the mythological paradigm of totalitarian consciousness is universal. It is important to note that totalitarian mythology, as a rule, is present not so much in ideological maxims as in the form of the stable mythologemes of mass consciousness. The practice of everyday life, implementing these mythologemes, supports and develops a certain view of the world generated by totalitarian ideology.

There is no doubt that the Soviet myth was one of the most remarkable phenomena in that period’s culture. A specific feature of the Soviet myth is that it developed in a holistic utopian project, which not only modelled the imminent onset of communism but also regulated the actual implementation of social utopia in everyday life. Equally, the story of the birth of a new world itself forms a special mythological space, creating new heroes/demiurges

and including real historical events into a global utopian project. As mentioned above, strong mythologems of mass consciousness take hold in the actual practice of everyday life. From this point of view, Soviet culture formed a number of powerful tools to implement elements of global utopia in the life of the people. Primacy definitely belongs to the media and the arts. Lacking the opportunity to consider this issue in detail, we shall just note a number of recent works where the problem is analyzed on the basis of specific historical material [Алексеев, Бурденков; Ефремова]. An effective tool for this kind of “formatting” of everyday life in the 1930s was constructivist architecture and new principles for organizing public space [Вронская].

The object of my research in this article is *The Book of Tasty and Healthy Food* as a landmark event in Soviet everyday life. The choice of this material was urged by a mere idea: that this book is an embodiment of the Soviet myth that ‘life has become better, life has become merrier’. My childhood memory of this extraordinary edition is that of a ‘picture book’, where everything was unlike reality. That is why when I began to become interested in this book, I considered mythology, which permeates the text and illustrations, as its principal characteristic. It reminded me of the famous Soviet film *Кубанские казаки* (*Kuban Cossacks*) by I. Pyriev (ardently criticized in the 1990s as a sample of the falsity of Soviet cinema in the Stalin period): it offers the same image of abundance and optimism in the life of a Soviet man. From this perspective, *The Book of Tasty and Healthy Food* was one of the most important tools for introducing the Soviet utopia into everyday life.

A certain amount of research already features *The Book of Tasty and Healthy Food* prominently [Добренко; Сохань] would like to mention I. Glushchenko’s *Public Catering. Mikoyan and Soviet Cuisine* [Глуценко]. The author investigates Soviet cuisine in terms of both the ideological and personal aspects of its formation. In particular, attention is focused on the role of A. Mikoyan in the development and promotion of this new way of life. Glushchenko especially emphasizes *The Book of Tasty and Healthy Food*, as its initiator and inspiration was Mikoyan, at that time People’s Commissar for the Food Industry of the USSR. However, the author studies much wider material than this publication and the research perspective is different.

We deliberately do not touch the ideological component of the text because there can be no doubting its existence. The main objective of the proposed analysis is to reveal the dialectics of the mythological and the pragmatic in the text and structure of the book. All myths (including modern ones) not only shape a person’s world view but also regulate and direct the practice of everyday life. Let us try to see how this happens in a particular text. To make the study complete, we seek to combine synchronic and diachronic aspects because it is important to not only understand how the structure of *The Book of Tasty and Healthy Food* was originally formed but also to trace its transformation from edition to edition. The book was reprinted many times, but four editions (1939, 1952, 1955 and 1962) have been selected for this essay. The reason for this choice is as follows. From 1939 to 1962, Soviet society underwent several crucial stages – from the

totalitarian model to the Khrushchev Thaw. In addition, the 1939 edition was the first and therefore the most important, while the book published in 1952 is recognized as the reference version of the text.

1. Tomato juice advertisement // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1939

The synchronic aspect of research requires taking into account the peculiarities of the text's external structure. This structure has three main components: 1) chapters devoted to the food culture in general, 2) recipes, and 3) marginalia. In our opinion, marginalia are of special interest because it is there that we can see the paradox of culinary discourse. However, this aspect of the study requires separate consideration and will be explained in another article.

The mythological component of the book consists of three main areas. The first is a basic myth of universal abundance (using traditional terms – the “Golden Age” mythologeme). It is important to note that the image of the “Golden Age” depends

on the year of publication. For instance, the 1939 edition contains a message to the future, the forthcoming achievements of Soviet society. The preface to the first edition reads:

The Bolshevik rate of developing the Soviet food industry brings us closer to a time when socialism will demonstrate to the world an example of unprecedented abundance of food. An abundance of highly nutritious, varied, and tasty food, the best in the world! An abundance which will completely solve nutrition problems and create all the facilities for the education of healthy, strong, and eternally youthful people [Книга о вкусной и здоровой пище, 1939, с. 11]¹.

The following editions report on progress in the development of the food industry and the growth of employee welfare. “Our flourishing Motherland, pacing at the forefront of progressive mankind in the fight for peace and security for all peoples, is becoming more and more beautiful and

¹ The texts of all Russian-language publications are translated by I. Novikova.

richer with each passing day... Socialism liberated our people from the wolf laws of capitalism, hunger, poverty, and chronic malnutrition, from the need to adapt their needs and tastes to the primitive choice of food“ [Книга о вкусной и здоровой пище, 1955, с. 16]. The myth about achieved abundance was certainly contradicted by real life at that time, but it is worth noting that certain changes in the food culture of Soviet citizens did take place. The first edition clearly accentuates the emergence of the industrial production of food and partially prepared products. Gluschenko writes: “The food industry of the Soviet country was the result of successful industrialization. It was not just new technologies and new labour relations, but, in general, something that the old Russia did not know.” [Глущенко, с. 144].

The food industry’s finished products play an important role in all editions of the book. And here we can trace an interesting trend. The 1939 edition is replete with descriptions and illustrations, not so much of the food products themselves as of food enterprises and technology. Thus, the introduction to this edition (entitled “Forwards to Socialist Abundance”) is, in fact, entirely devoted to describing the food industry and the introduction of new technologies, which is not the case in the later editions (1952, 1955, 1962). Someone who has never seen the 1939 edition will be surprised to see adverts for bouillon cubes, crackers, canned soups, cereals, etc. We will return to the issue of advertised food products. In the meantime, we would like to note that the focus shifts gradually from food production to food consumption with every reprint of the book.

The second most important myth structuring the content of *The Book of Tasty and Healthy Food* deals with the liberation of women from domestic slavery. This particular component determines a number of structural elements. The idea of liberation from domestic chores permeates materials on the development of the food industry as well. The intention to give practical effect to this idea underpins the diversity of ads contained in the text. Moreover, following the principle of diachronic consideration, we find a growing variety of end products advertised – from the aforementioned bouillon cubes in 1939 to sausages and cereals (*kisel*, puddings, etc.)² in 1955. Let us consider this myth in more detail.

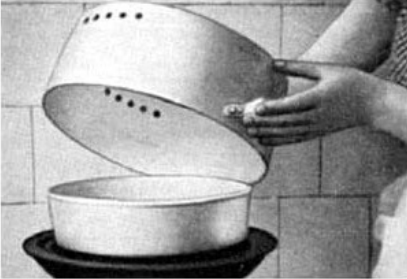
A special chapter devoted to the kitchen chores of Soviet women appears in the 1952 edition for the first time. Entitled *Kitchen*, it contains several sections: kitchen space, food stock and storage, stove and heating appliances, and kitchenware. However, this is not the only place in the text where technologies facilitating kitchen chores are promoted. Almost every section provides a detailed description of the use of new kitchen utensils and heating appliances. For instance, in the 1952 edition, the section *Dough Products* offers detailed illustrated instructions on the use of a device called a “chudo-pan” (“miracle pan”). It is fair to say that this device continues to be successfully used by modern housewives. However, if we read the instructions from 1952 carefully, we can see that this device was intended

---

² *Kisel* refers to a fruit dish that uses a variety of starches to give it considerable viscosity.

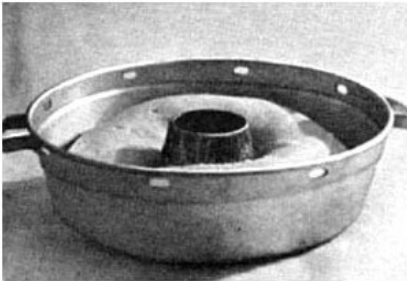
ПЕЧЬ-КАСТРЮЛЯ «ЧУДО»

Подставка, форма и крышка к ней

Можно выпечь бисквит, застав бока и дно печи бумагой

Дрожжевое тесто надо класть до половины высоты формы

Можно приготовить в печи «чудо» макаронную запеканку

В печи «чудо» можно выпекать пирожки

Можно запечь рыбу

2. *Miracle pan* // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1955

to be used on a primus stove, kerosene stove, or gas burner [Книга о вкусной и здоровой пище, 1952, с. 301–302].

Changes in this area of home cooking include primarily the promotion of partially prepared food and not the introduction of new appliances.

In addition, it is the recommendation to use new appliances that is the most utopian here. For example, a refrigerating cabinet (described in the section *Kitchen* of the 1952 edition), was either not actually available or was reserved as a luxury item for the political elite.

At first glance, this aspect of the text is the most pragmatic (freedom from time-consuming cooking through the use of partially prepared food and mechanical ‘assistants’). However, this harmonious and beautiful world of the Soviet kitchen is destroyed when one reads the recommendations for a healthy and well-balanced diet. In all editions, from 1939 to 1962, the chapter entitled *The Procedure of Cooking Lunch* reads:

Take, for example, a three-course meal with an appetizer (herring with a side dish): the first course – meat-and-cabbage soup, the second course – chopped meat and fried potatoes, the third course – *kisel*. You should start with the preparation of the meat and cooking a broth. Rinse the meat, put it on a cutting board, cut some flesh for chops and set them aside in a bowl; put the rest of the meat and bones for the broth into a pot, pour cold water to cover the meat and place it on a stove. Meanwhile, you can clean and cut a pre-soaked herring and put it on a tray, shaping it into the form of a whole fish. Boil some potatoes... While the *kisel* is cooking, the broth will start to boil. Skim off the froth and reduce the heat. Now it’s time to take care of the roots, onions, and cabbage for the soup – clean, wash and cut them, and roast some roots and onions. By this time, the broth will almost be ready; strain it into the soup pot, put the meat in, add the cabbage, roasted roots, salt, pepper, and bay leaf, and continue cooking. While the soup is simmering, mince the meat and make chops, roll them in bread crumbs... Peel the boiled potatoes, cut them, and fry in a pan... use another pan and start frying the chops. <...> Remove the meat from the soup, cut it into small pieces, put it onto plates, pour soup, add some sour cream, and sprinkle with parsley or dill. Put the cooked chops and the side dish (fried potatoes) on a platter... sprinkle the potatoes with parsley or dill [Книга о вкусной и здоровой пище, 1952, с. 27–28].

The description is complemented with marginalia giving recommendations for lunch menus in different seasons [Там же, с. 43–52]. Such recommendations were purely utopian and could not be realized in actual household practice.³

The third component is the mythology of the new way of life. Of all the analyzed aspects, this myth is, perhaps, the most coherent and, at the same time, the most paradoxical. In the framework of the text, the mythology of the new way of life is presented in two points.

---

³ Allow me to remind you of a well-known dialogue from the novel *The Master and Margarita* by M. Bulgakov: «Слуга покорный, – трубил Амвросий, – представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель!..» (“*Thanks a million*”, boomed Amvrosy, “*I can imagine your wife trying to cook perch au naturel in a saucepan in the communal at home!*”) [Булгаков, с. 323].

The first is food culture. The book aims to create new standards of food culture, meaning the introduction of a healthy diet and urban living standards into everyday practice. This is most clearly seen in the sections dealing with health and safety standards. From the very first edition, an important place in the book is given to the sections *The Importance of a Balanced Diet for Human Development*, *Dietetic Therapy*, and *Baby Food*. The 1952 edition was the first to introduce a new section, *Nutrition during Pregnancy and Breastfeeding*. However, this aspect is not very significant in the context of this article.

Let us now turn to the etiquette component of the recommendations. A detailed study of the section *Table Layout* shows a picture of a classic meal typical of a wealthy citizen in pre-revolutionary Russia. Without going into detail, we point out the presence of elements such as dessert plates, a serving table, napkins, etc. From edition to edition, this section gets broader. The daily life of a Soviet citizen of the time (both in 1939 and in 1962) would hardly suggest such a table layout, especially since the meals being discussed are normal family lunches as well those for festive occasions. However, the mythology of the new way of life sought to form the image of a prosperous, aesthetically pleasing, and cultural (in the common meaning of this notion) Soviet family life. Here is a most demonstrative quote: "Place the napkins, folded as a triangle or a cap, on a snack plate. *A home lunch usually does not suggest a choice of wine* [my emphasis]. Therefore, there is no need to put extra glasses on the table. If you have a dinner party, serve a shot glass for vodka, a glass for wine, and tall glasses for mineral water and fruit and tomato juice next to each table place" [Книга о вкусной и здоровой пище, 1952, с. 29–30].

This extract is important not only in relation to the formation of a mythologized image of everyday Soviet life. What is much more important is that the image of wealth and material well-being created in Soviet culture is permeated with the bourgeois, and in no case refers to proletarian simplicity and unpretentiousness. On the contrary, the concept of high food culture was something that would have been called philistinism in the 1920s. However, there is another tendency, namely the profanation of high cuisine. This primarily relates to ingredients – sophisticated, exotic, and overly "bourgeois" components are replaced by the simple and obvious ones. A comparative analysis of the editions of 1939 and 1952 reveals that the latter lacked the recipes for complex dishes with exclusive ingredients contained in the former (fish *telnoye*, deep fried fish, catfish with apples) [Книга о вкусной и здоровой пище, 1939, с. 88–90], and beef with oranges [Там же, с. 116]. You will also not find croutons, *canapés*, *endive*, or *romaine lettuce* in the 1952 edition [Книга о вкусной и здоровой пище, 1952, с. 295, 33]. There is diffusion of old and new, which results in the formation of an image of Soviet abundance.

The Book of Tasty and Healthy Food provides rich material for researchers; of course, we are not able to consider all aspects of this iconic text in one article. Thus, there are problems such as the national component,

the peculiarities of presenting pre-revolutionary gastronomic culture, and many other points that are beyond our study.

In conclusion, it should be noted that this analysis leads to several important findings. First, the mythological component of *The Book of Tasty and Healthy Food* was definitely an important part of the Soviet myth of an ideal society. It was one of the components of a global utopian project implemented in all parts of Soviet culture – from constructivist architecture to films depicting the image of a “golden age” to come.

Secondly, the practical importance and real reflection of changes in the Soviet household is an integral aspect of the book. The most important period in this respect is the 1950s.

Third, it is paradoxical that it was not the popular culinary tradition (as would be logical in the context of communist ideology) but the gastronomic culture of wealthy citizens that functioned as the model for the new life of the Soviet citizen, a historical reference to middle-class culture.

Список литературы

Алексеев Е., Бурденков Е. «Иконография» Товарища Андрея (Якова Свердлова) и механизм советского мифотворчества // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 2. С. 45–79. DOI 10.15826/qr.2016.2.158.

Булгаков М. Мастер и Маргарита. Минск : Юнацтва, 1988. 670 с.

Глуценко И. Общепит. Микоян и советская кухня. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 239 с.

Добренко Е. Гастрономический коммунизм: вкусное vs. здоровое // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 2 (64). С. 155–173.

Ефремова Е. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Книга о вкусной и здоровой пище / под ред. Б. В. Виленкина, О. П. Молчанова. М. : Пищепромиздат, 1939. 435 с.

Книга о вкусной и здоровой пище / под ред. О. П. Молчанова, Д. И. Лобанова. М. : Пищепромиздат, 1952. 454 с.

Книга о вкусной и здоровой пище / под ред. О. П. Молчанова, Д. И. Лобанова. М. : Пищепромиздат, 1955. 400 с.

СССР : жизнь после смерти / под ред. И. Глуценко, Б. Кагарлицкого, В. Куренного. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 157 с.

Сохань И. В. «Книга о вкусной и здоровой пище»: гастрономические образы сталинской эпохи // *Человек*. 2012. № 6. С. 139–153.

Утехин И. Очерки коммунального быта. М. : ОГИ, 2001. 248 с.

Юрлова С. Мифологема Москвы в культуре сталинской эпохи // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки*. 2008. Вып. 15. № 55. С. 64–70.

Basile G. M. The Algebra of Happiness: Yevgeniy Zamyatin's *We* // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. P. 19–39. DOI 10.15826/qr.2015.4.124.

Vronskaya A. The Utopia of Personality: Moisei Ginzburg's Project for the Moscow Park of Culture and Leisure // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. P. 40–56. DOI 10.15826/qr.2015.4.125.

References

Alekseev, E., Burdenkov, E. (2016). “Ikonografiya” Tovarishcha Andrey (Yakova Sverdlova) i mekhanizm sovetского mifotvorchestva [The Iconography of Comrade

Andrei (Yakov Sverdlov): A Mechanism of Soviet Mythmaking]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 2, pp. 45–79. DOI 10.15826/qr.2016.2.158.

Basile, G. M. (2015). The Algebra of Happiness: Yevgeniy Zamyatin's *We*. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 19–39. DOI 10.15826/qr.2015.4.124.

Bulgakov, M. (1988). *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Minsk, Yunatstva. 670 p.

Dobrenko, E. (2009). Gastronomicheskii kommunizm: vkusnoe vs. zdravoe [Gastronomic Communism: Tasty vs. Healthy]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 2 (64), pp. 155–173.

Efremova, E. (2015). “Zdes' budet gorod-sad”: utopicheskii obraz goroda v zavodskoi gazete Uralmasha [Here will be a Garden-city: Utopian Image of a City in the Uralmash Plant Newspaper]. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126

Glushchenko, I. (2010). *Obshchepit. Mikoyan i sovetskaya kuchnya* [Public Catering. Mikoyan and Soviet Cuisine]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 239 p.

Glushchenko, I., Kagarlitskii, B., Kurennoi, V. (2012). *SSSR: zhizn' posle smerti* [USSR: Life after Death]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 157 p.

Molchanov, O. P., Lobanov, D. I. (1952). *Kniga o vkusnoi i zdravoi pishche* [The Book of Tasty and Healthy Food]. Moscow, Pishchepromizdat. 454 p.

Molchanov, O. P., Lobanov, D. I. (1955). *Kniga o vkusnoi i zdravoi pishche* [The Book of Tasty and Healthy Food]. Moscow, Pishchepromizdat. 400 p.

Sokhan', I. V. (2012). “Kniga o vkusnoi i zdravoi pishche”: gastronomicheskie obrazy stalinskoi epokhi [*The Book of Tasty and Healthy Food*: Gastronomic Images of the Stalin Era]. In *Chelovek*. No. 6, pp. 139–153.

Utekhin, I. (2001). *Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on Communal Life]. Moscow, Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. 248 p.

Vilenkin, B. V., Molchanov, O. P. (1939). *Kniga o vkusnoi i zdravoi pishche* [The Book of Tasty and Healthy Food]. Moscow, Pishchepromizdat. 435 p.

Vronskaya, A. (2015). The Utopia of Personality: Moisei Ginzburg's Project for the Moscow Park of Culture and Leisure. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 40–56. DOI 10.15826/qr.2015.4.125.

Yurlova, S. (2008). Mifologema Moskvy v kul'ture stalinskoi epokhi [The Mythology of Moscow in the Culture of the Stalin Era]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*. Iss. 15. No. 55, pp. 64–70.

The article was submitted on 01.02.2018

**ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ КОСМИЧЕСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ: СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ
В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ***

Татьяна Хоруженко

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE FORCED HAPPINESS OF SPACE COLONISATION:
THE SOVIET PROJECT IN SCIENCE FICTION**

Tatiana Khoruzhenko

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Connected with ideas of innovation, Soviet science fiction explored the topic of space and contacts with extra-terrestrials. Starting in the 1960s, this literature was concerned with the idea of earthlings helping other civilizations to achieve a new level of life. Soviet science fiction thus put forward the idea of forced happiness, which fitted very well with the utopian foundations of Soviet culture. This article focuses on *I Will Be Back in a Thousand Years* (1969), a once-popular but little-studied novel by Isai Davydov, a Ural writer. The idea of forced happiness is verified two times in the novel: through the construction of an ideal society of young people on Earth and the functioning of a similar society on another planet, and through an attempt to contact savages. In the end, it transpires that building an ideal society is troublesome and that the savages do not need any help from earthlings. Davydov's novel is studied in the context of Soviet science fiction novels about contacts with other civilizations, from *Aelita* by A. Tolstoy to the 'progressor' cycle by the Strugatsky brothers. The utopian character of 'progressorism' in the works of the Strugatsky brothers is extolled and logically completed in the sequel of Davydov's novel (2013), where progressors manage to 'civilise' savages. The author concludes that the idea of progressorism is important for Soviet science fiction beyond the works of the Strugatsky brothers, although

---

* *Citation*: Khoruzhenko, T. (2019). The Forced Happiness of Space Colonisation: The Soviet Project in Science Fiction. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 761–775. DOI 10.15826/qr.2019.3.406.

Цитирование: Khoruzhenko T. The Forced Happiness of Space Colonisation: The Soviet Project in Science Fiction // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 761–775. DOI 10.15826/qr.2019.3.406 / Хоруженко Т. Принудительное счастье космической колонизации: советский проект в научной фантастике // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 761–775. DOI 10.15826/qr.2019.3.406.

it is most frequently considered in the context of their oeuvre. In Davydov's novel, the characters regard themselves as gods for the savages, but, unlike the characters of the Strugatsky brothers, they do not consider this mission a burden. This is one of the distinctive features of Soviet science fiction: 'average' characters become equal to gods and struggle with time itself in order to secure a happy future for the entire galaxy.

Keywords: Soviet science fiction; Isai Davydov; Alexei Tolstoy; Strugatsky brothers; forced happiness models; experiment with history.

Советская научная фантастика, будучи связана с идеями обновления, затрагивала тему космоса и контакта землян с иными цивилизациями. К 1960-м гг. в ней зародилась идея о помощи землян иным цивилизациям в достижении нового уровня жизни. В советской фантастике формируется модель принудительного счастья, которая хорошо вписывается в утопические векторы советской культуры. Внимание исследователя обращено на популярный в свое время, но малоизученный роман уральского писателя Исаи Давыдова «Я вернусь через 1000 лет» (1969) как авторское проектирование способов осчастливить человека. Идея «принудительного счастья» проверяется в романе дважды: через построение идеального общества молодых людей на Земле и функционирование подобного общества на другой планете, а также через попытку контакта с дикарями. В итоге выясняется, что идеальное общество построить сложно, а дикари не нуждаются в дополнительной помощи со стороны землян. Роман Исаи Давыдова рассматривается в контексте советских научно-фантастических романов, повествующих о контактах землян с иными цивилизациями, начиная с «Аэлиты» А. Толстого и заканчивая «прогрессорским» циклом А. и Б. Стругацких. Утопизм идеи прогрессорства, развенчиваемый в романах и повестях Стругацких, у Исаи Давыдова восхваляется и доводится до логического завершения в продолжении романа (2013), где автор показывает, как дикари оказываются успешно цивилизованными. Автор статьи приходит к выводу, что идея прогрессорства важна для советской фантастики в целом, а не только для творчества Стругацких, в контексте которого она чаще всего рассматривается. В романе Давыдова герои ощущают себя в статусе богов для дикарей, но не тягостятся этим, в отличие от героев Стругацких. В этом кроется одна из особенностей советского научно-фантастического романа: «обычные» герои становятся равны богам и вступают в борьбу с самим временем, чтобы организовать всей Галактике светлое будущее.

Ключевые слова: советская научная фантастика; Исай Давыдов; Алексей Толстой; братья Стругацкие; модели принудительного счастья; эксперимент над историей.

Научная фантастика – один из самых популярных литературных жанров XX в. В 1960–1970-е гг. в СССР научная фантастика, по сути, заменила собой все остальные фантастические жанры. Популярности научной фантастики не мешало даже то, что издательства чаще

всего относили ее к детско-юношескому чтению. В рамках этой развлекательной литературы, тем не менее, ставились достаточно серьезные философские проблемы (отношения с Другими, возможность запланированного счастья, колонизация и т. д.). Между тем, на сегодняшний день от былой популярности научной фантастики не осталось и следа, а самыми востребованными российскими авторами из сотен писавших остались братья Стругацкие с их специфической философией.

Однако при анализе массовой литературы часто бывает продуктивным обращаться не к вершинным произведениям, всегда выбывающим из литературного ряда, а к тем, что относятся к срединному слою. Именно в этих романах и повестях происходит обнажение как приемов создания жанровых произведений, так и идеологических посылок, лежащих в основе произведений.

Предмет изучения в данной статье – роман уральского писателя Исаи Давыдова (Давида Исааковича Шейнберга) «Я вернусь через 1000 лет» (1969). Книга для своего времени стала бестселлером¹.

Согласно фабуле романа, группа молодых землян отправляется на далекую планету, чтобы помочь аборигенам перейти на новый уровень развития: перешагнуть из каменного века в XXIII, избежав при этом войн, эпидемий и т. д. Тема межпланетных сообщений к моменту публикации романа была не нова. Однако интересна проблематика, поднятая в этом романе: автор исследует возможность спроектировать счастье для людей (как для землян, так и для аборигенов).

Как уже говорилось, период «оттепели» характеризуется небывалым всплеском интереса к научной фантастике. При этом происходит ее качественное изменение: авторы обращаются к ранее не известному материалу. Как отмечает А. Ф. Бритиков, в 1960-е гг. по страницам советской фантастики «промаршировали» десятки космических пришельцев [Бритиков, с. 272]. Истории о межпланетных путешествиях позволяли авторам поднимать новые проблемы (отношения со временем, с историей, с Другими) и в то же время давали возможность избежать идеологического гнета.

Практически с момента своего появления на русской почве фантастика взяла на себя функцию прогнозирования будущего, выполняя роль, свойственную пропаганде, публицистике, политике и утопии [Кукулин; Бреева; Фокин; Геллер].

1. Исай Давыдов.
Фото 1960-х гг.

Isai Davydov.
Photograph. 1960s

¹ Первое издание вышло в 1969 г. в Средне-Уральском книжном издательстве тиражом 15 тыс. экз., второе – там же в 1974 г. тиражом 100 тыс. экз.

Существенно различаются взгляды на будущее в советской и зарубежной фантастике. Уже один из первых текстов социальной научной фантастики – «Война миров» Г. Уэллса – это антиутопия. В дальнейшем антиутопический пафос в зарубежной фантастике будет крепнуть.

Наиболее показательное сопоставление советских авторов со С. Лемом, первые переводы которого появляются в 1955 г. Как отмечает К. В. Душенко, «в 1960–1970-е гг. Станислав Лем был одним из наиболее часто переводимых в СССР современных писателей – как по количеству публикаций, так и по их тиражу. Одновременно он выступал в качестве авторитетного философа, а лучше сказать – универсального мыслителя. Круг изданий, в которых он публиковался, был необычайно широк – от “Крокодила” и “Пионера” до “Вопросов философии”»; в этом отношении Лем представлял собой явление уникальное» [Душенко]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что тексты Лема чаще представляют собой антиутопии, нежели утопии. Даже жизнерадостные «Звездные дневники Ийона Тихого» (переведены в 1961 г.) представляют собой не столько историю о героическом покорении человеком космоса, сколько пародию на все штампы научной фантастики, повествующей об этом. В пафосе иронического снижения, порой доходящего до антиутопизма, кроется главное различие между зарубежным взглядом на будущее и советским.

Утопизмом была проникнута вся советская культура. А начиная с 1930-х гг. был взят курс на постепенное осуществление фантастических чаяний. Как пишет К. Богданов: «Пропагандистское сближение мифа и реализма, сказки и действительности, фантазии и “научного прогноза” приводит к вытеснению собственно фантастического жанра из советской литературы» [Богданов, с. 100]. С 1930-х гг. научная фантастика существовала только в качестве «фантастики ближнего прицела», которую «питали почти исключительно техника, география и отчасти биология» [Бритиков, с. 272]. В этой фантастике основное место отводилось научно-индустриальному прогрессу, соответственно, герой превращался в рассказчика о достижениях науки и техники. И не важно, происходит действие на Земле или на Венере, как в романе В. Владко «Аргонавты Вселенной» (1939). Советская фантастика 1960-х гг. освобождается от сковывавших ее рамок, внимание писателей смещается с описания научных достижений на воспроизведение человеческих взаимоотношений.

Трансформация начинается с романа И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1957), где были показаны идеальные люди далекого будущего: «В одной книге Ефремов нарушил сразу все запреты: запрет на постановку серьезных вопросов и на социальную критику, на возвращение к прошлому и на взгляд в будущее, на экстраполяцию в науку и на выход в космическое пространство» [Геллер, с. 100]. Новый этап в развитии научной фантастики не случайно совпал с периодом «оттепели». Герои фантастических романов, по замечанию Л. Гелле-

ра, чрезвычайно похожи на молодых людей исповедальной прозы [Там же, с. 213], а темы, затронутые в произведениях, ставят философские и социальные, а не технические проблемы.

Перенос интереса с техники на человека позволяет снова обратиться к утопизму фантастики, а точнее – к идее о возможности построения счастливого коммунистического общества. Почти все писатели-фантасты испытывают на прочность идею будущего идеального общества: например, братья Стругацкие полагают, что человеческие взаимоотношения не изменятся и останутся далеко не всегда гармоничными (цикл «Полдень. XXII век» тому подтверждение), а персонаж романа С. Снегов («Люди как боги») считает, что конфликтов среди людей практически не будет. В то же время все фантасты не сомневаются в том, что коммунистическое общество будет построено. Как отмечает В. В. Комиссаров, советская фантастика подменила собой «забронзовевшую» идеологию [Комиссаров, с. 298].

С идеей построения идеального общества связана и тема прогрессорства в романах Стругацких. Прогрессор – землянин-коммунист, работающий под прикрытием на другой планете и направляющий ее цивилизацию в нужное русло (к коммунизму). Впервые идея вмешательства землян в историю была сформулирована в повести «Попытка к бегству» (1962), а уже в полной мере идея экспериментальной истории была представлена в романе «Трудно быть богом» (1964).

О романе Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» написано достаточно много. Для сегодняшних размышлений важен факт, что в произведении задан новый вектор развития советской фантастики: совмещение различных эпох и появление своеобразного историзма. «Фантастический историзм обращен и в прошлое, и в будущее. И дело не только в широте охвата эпох, а прежде всего в эмоциональном ощущении исторического пространства, дистанций между этапами человечества» [Бритиков, с. 302]. Образ прогрессора наглядно иллюстрирует эту дистанцию. В научно-фантастических текстах прогрессор оказывается в промежуточном положении «медиатора»: с одной стороны, это землянин-коммунист, с другой – это член того общества, которое он пытается исправить. Важно отметить, что все прогрессоры полагают, что так или иначе выполняют важную работу, способствующую всеобщему счастью. Т. Н. Бреева убедительно доказывает, что прогрессорство «позволяет сакцентировать историческую и антропологическую несостоятельность утопического дискурса... Историческая несостоятельность утопического дискурса раскрывается Стругацкими через оппозицию “старшая – младшая цивилизация”, антропологическая несостоятельность – посредством оппозиции “своя – чужая цивилизация”, оформляющейся в конспирологический сюжет» [Бреева, с. 229–230]. Как подчеркивает Е. Козьмина: «...перед нами две грани одного испытания – испытание человека позицией Бога и испытание идеи невмешательства в исторический процесс» [Козьмина, с. 210].

Обложка первого издания романа А. Н. Толстого «Аэлита». 1923

Cover of the first edition of A. N. Tolstoy's *Aelita*. 1923

В связи с прогрессорством, на мой взгляд, возникает несколько важных тем – мессианство интеллигента, колонизация «отстающих» и тема принудительности счастья. Все обозначенные темы в советской научной фантастике укладываются в характерный для нее утопический дискурс.

Истории о контактах землян с обитателями других планет были и до Стругацких. По сути, российская и советская научная фантастика началась с романа о космическом полете на Марс. Первый раз на Марс полетел герой П. Инфантьева из романа «На другой планете» (1901). Однако этот первый космический путешественник не ставил своей целью осваивать чужую планету. Решение о вмешательстве в жизнь инопланетян впервые принимает Гусев, герой «Аэлиты» А. Толстого (1923). Однако взгляды на обитателей других планет у фантастов 1920–1930-х и 1960–1970-х гг. различны.

В «Аэлите» герои не ставят целью осчастливить марсиан. Более того, марсиане – потомки атлантов, более высокоразвитой цивилизации. Участие в восстании марсиан Гусева и Лося – проявление их человеческой сознательности, обостренного классового чутья. Гусев говорит, что не может видеть несправедливость:

Неправильно все на свете. Неправильная эта планета, будь она проклята! «Спаси, говорят, спаси нас...» Цепляются... «Нам, говорят, хоть бы как-нибудь да пожить...» Пожить!.. Что я могу?.. Вот кровь свою пролил. Задавили. Мстислав Сергеевич, ну ведь сукин же я сын – не могу я этого видеть... Зубами мучителей разорву... [Толстой, с. 145].

Но изначальной цели цивилизовать марсиан у землян нет. Их цель – попробовать добраться до Марса. Именно об этом говорит землянам в прощальном монологе Лось:

Я думаю, что удачно опущусь на Марсе. Я уверен – пройдет немного лет, и сотни воздушных кораблей будут бороздить звездное пространство. Вечно, вечно нас толкает дух искания... [Толстой, с. 44].

А революционер Гусев добавляет:

Товарищи, я передам энтим на Марсе пламенный привет от Советской республики. Уполномочиваете? [Там же].

Таким образом, полет оказывается своего рода революционной авантюрой, а на Марсе землян встречает более высокая, но вырождающаяся цивилизация. Е. Н. Ковтун, однако, подчеркивает, что к «Аэлите» «восходит большинство восточноевропейских социально-фантастических романов 1960–1980-х гг., повествующих о проблемах контакта с обитателями других планет... о последствиях вмешательства в естественный ход развития цивилизаций... о психологических аспектах поведения человека в космосе» [Ковтун, с. 93].

Отметим, что колонизаторская проблематика органично входит в научную фантастику потому, что период формирования этого жанра совпал с колониальной экспансией стран Европы. Джон Ридер в книге «Колониализм и становление научной фантастики» (2008) утверждает, что научная фантастика раскрывает то, что навязывает колониализм [Rieder, p. 15]. При этом путешествие к дикарям рассматривается как путешествие в прошлое европейского мира. Идея колониализма, совмещенная с упрощенной идеей мессианства (интеллигент несет свет цивилизации дикарям), одна из основных в советской фантастике послевоенного периода.

Идея ответственности землян за обитателей другой планеты отчетливо возникает в научной фантастике уже в 1950-е гг. Так, в повести В. Сапарина «Небесная кулу» (1958) коммунисты встречаются с первобытными людьми с Венеры. Земляне-ученые отправляются на Венеру, где сталкиваются с первобытным племенем. Аборигены нападают на пришельцев, но, несмотря на неласковый прием, земляне решают помочь обитателям Венеры.

Мы, люди Земли... находимся в положении богов, от разума и воли которых отныне зависит судьба жителей Венеры. Не знаю, есть ли у них мифология? Но мы больше, чем их боги. Более всемогущи. От нас зависит оказать правильное влияние на развитие людей Венеры и сделать его столь ускоренным, как это только возможно. И на какой-то ступени, когда будет уже существовать длительный контакт и удастся дать населению Венеры какое-то представление о Земле, мы пригласим людей Венеры посетить нашу планету [Сапарин, с. 94].

Земляне готовы моментально вмешаться в развитие иного народа, чтобы привести его к счастью. Вмешательство трактуется как благо, поскольку таким образом символически исправляются ошибки земной истории.

В основе сюжета романа Исаия Давыдова – путешествие землян на планету Рита с целью помочь диким аборигенам перейти на новый уровень развития:

...коммунистическое общество Земли поступило бы негуманно по отношению к далеким своим собратьям, если бы оставило их на десятки тысячелетий в темноте и невежестве, обрекло бы тем самым на повторение

всех тех бесчисленных кровавых ошибок, которые совершило за свою историю земное человечество... Большинство человечества все-таки высказалось за помощь диким жителям Риты [Давыдов, 1970, с. 94–97].

Роман «Я вернусь через 1000 лет» – это история о прогрессорах. У Стругацких герои имели дело с людьми Средневековья, Исай Давыдов отправляет своих героев гораздо дальше в прошлое – к людям каменного века. Именно эта ситуация – перенос землян-коммунистов в дикую природу – позволяет автору показать и проверить модели принудительного счастья. На Земле пытаются создать идеальное общество самых достойных, которые и отправятся на Риту. Но постепенно выясняется, что люди остаются людьми и им не удается избежать ревности, предательства и ошибок. Таким образом, проект счастливого общества проверяется дважды: в отношении землян друг с другом и в отношении аборигенов. Отметим, что идея насильственной цивилизации в романе И. Давыдова звучит достаточно амбивалентно.

Начнем с отношений землян друг с другом: главные герои романа – молодые люди, отправившиеся на другую планету. Их тренировали для жизни на Рите в специальном лагере «Малахит». При этом уже при отборе в лагерь перед ними ставили условие: человеческие романтические чувства должны быть исключены для будущих покорителей Риты. Главный герой находит оправдание подобной жестокости:

Но я понимаю, что жестокость эта – вынужденная. Жесток сам опыт. Жестокими будут условия там, на далекой чужой планете... И поэтому на Риту берут нас, мальчишек и девчонок. Мы еще способны по молодости вынести эту жестокость опыта [Там же, с. 22].

Найти себе новую любовь герои должны в тренировочном лагере, потому что только молодоженов берут на планету:

На корабль возьмут только женатых. Исключений не делают, потому что на Рите такие исключения могут обернуться личными трагедиями. А там их и так не избежать. И поэтому здесь, на Земле, с самого начала заботятся о том, чтобы трагедий было как можно меньше [Там же, с. 21].

Повествование ведется от первого лица. Главный герой Сандро Тарасов в конце концов находит себе жену, с которой и отправляется в путешествие. Однако и у Тарасова есть тайна: он не сообщает о том, что его одноклассник Женька Верхов, тоже отобранный для полета, склонен к предательству и жаждет власти («...если бы я сказал на Земле (о недостатках Верхова. – Т. Х.), мы остались бы оба. А я хотел полететь» [Там же, с. 253]). В итоге Верхов сыграет далеко не положительную роль в общине землян. Так, под его давлением земляне принимают закон, запрещающий им убивать туземцев, виновный карается изгнанием. Убивший туземца землянин должен отправиться в другое племя и там «стать богом», то есть заняться его развитием.

В итоге Женька не защитит жену одного из землян, и это ведет к своего рода катастрофе – обнажает несовершенство созданной на Земле модели общества. Противостояние Сандро и Верхова раскрывает невозможность сверхрационального построения идеального общества: люди остаются людьми всегда. Возникают проблемы и с идеальным подбором пар: кто-то гибнет от рук аборигенов, кто-то разочаровывается в своем спутнике (жена Верхова от него уходит).

Что касается попытки осчастливить туземцев, то эта идея также не реализуется героями романа. Аборигены не хотят принимать от них помощь, а земляне заняты обустройством своего существования, что также не способствует установлению контактов с племенем.

В книге И. Давыдова отчетливо звучат темы, характерные для колониального и постколониального романов². Как отмечает А. Эткин, «колонизация всегда состоит из двух компонентов, культурного и политического... Когда мы говорим о процессе колонизации, мы видим, как культурная гегемония и политическое доминирование работают вместе – в некоем союзе, соотношении или противостоянии» [Эткин, с. 17]. Оба эти принципа раскрываются в поведении землян на Рите: они хотят принести дикарям культуру, но и управление ими также становится задачей пришельцев. В итоге отношения туземцев и «белых людей» оказываются непростыми. Земляне не могут наказывать туземцев за убийство своих товарищей, поскольку считают их неразумными, аборигены, в свою очередь, видят в пришельцах врагов и целенаправленно истребляют их женщин. Доходит до того, что земляне вынуждены постоянно защищаться.

Все-таки это нелепо! Защищаться от тех, ради кого мы прилетели.

Кого мы собираемся спасать от голода и болезней, от войн и невежества.

Мы будем спасать, а пока убивают нас, –

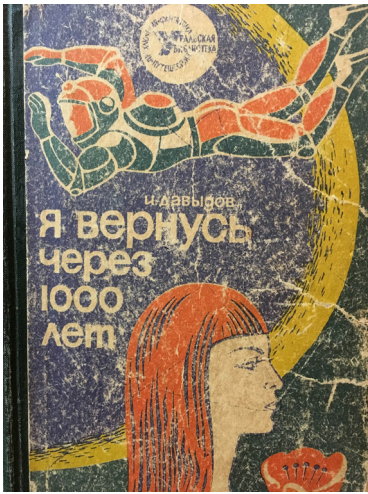
размышляет главный герой [Давыдов, 1970, с. 110]. Этот конфликт разных этических парадигм звучит в романе 1969 г. достаточно трагично: в финале погибают жена и нерожденный ребенок главного героя, а сам он отправляется искать «свое» племя, чтобы стать там «богом».

Отметим, что герои повествования все же нащупывают возможность изменения отношения племен к ним, пытаются привести их к культуре через труд: «Культурнее труд – больше пищи. Культурнее быт – больше сил для работы» [Там же, с. 164]. Цивилизация дикого племени начинается с пластиковой посуды.

---

² Подробнее о колониализме и его отражении в литературе см.: [Fieldhouse; The Cambridge companion to postcolonial travel writing; Buettner]. Российский опыт колонизации отражен в монографии А. Эткина «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» [Эткин]. Отличительной чертой западных романов является то, что их действие происходит в «другом мире» – в колонии, в то же время российский роман не покидает пределов страны-колонизатора. Важно также отметить, что сам опыт колониализма часто осмысливается в рамках утопического или дистопического дискурса [Sargent]. Эта же дихотомия утопии и дистопии характерна и для советского научно-фантастического романа о покорении космоса.

Обложка первого издания романа И. Давыдова «Я вернусь через 1000 лет» (1969) // Библиотека Объединенного музея писателей Урала

Cover of the first edition of I. Davydov's *I Will Be Back in a Thousand Years* (1969) // Library of the United Museum of Ural Writers

Взаимоотношения колонизаторов и аборигенов в советской фантастике практически не проблематизировались до романа И. Давыдова. Братья Стругацкие осмыслили не столько принудительную цивилизацию отстающего общества, сколько невозможность вмешаться в исторический процесс. У Давыдова вопрос ставится иначе: нужна ли аборигенам чужая культура? И роман 1969 г. дает на этот вопрос неутешительный ответ.

Продолжение романа, написанное Исаем Давыдовым уже в новом тысячелетии, отчасти опровергает проблематику первой части. В 2013 г. вышли две его книги, а в 2014 г. автор получил премию «Аэлита» за свой цикл. В продолжении романа «Я вернусь через 1000 лет» рассказывается о взаимоотношениях Сандро с его племенем и с товарищами по лагерю. В финале цикла автор приходит к выводу, что все же возможно перескочить через несколько ступеней исто-

рии и за пару поколений привести людей каменного века к высокой цивилизации, а проблема взаимоотношений «колонизатор – абориген» полностью исчезает. Главный герой осматривает город-порт, построенный на месте стоянки дикого племени купов:

За время моего отсутствия (героя не было два века. – Т. Х.) дельта Аки превратилась в немалый город. Морская набережная протянулась от порта, от круглой бухты Блюдце, до южного протока Аки – километров на двадцать с лишним. Да еще двенадцать речных набережных пересекали город поперек, вдоль шести протоков. Все набережные чистенькие, гладенькие, забетонированные, с зелеными скверами, беседками, фонтанами, скамейками, затейливыми фонарями, уютными маленькими кафе-автоматами [Давыдов, 2013, с. 201].

Таким образом, Исай Давыдов развил до предела логику, характерную для советской научной фантастики: в его мире эксперимент над историей оказался успешным, и в этом видится некая полемика с романами и повестями Стругацких. Так, в повести А. и Б. Стругацких «Попытка к бегству» молодые земляне, попавшие в общество позднего Средневековья, где царит террор, рассуждают:

Были времена, когда целые племена и государства по ходу истории перескакивали прямо из феодализма в социализм³. И никакие хребты не ломались. Вы что, боитесь войны? Войны не будет. Два миллиона добровольцев, красивый благоустроенный город, ворота настежь, просим! Вот вам врачи, вот вам учителя, вот вам инженеры, ученые, артисты... Хотите, как у нас? Конечно! И мы этого хотим! Кучка вонючих феодалов против коммунистической колонии – тьфу! Конечно, это случится не сразу. Придется поработать, лет пять потребуется... [Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н., с. 377].

Мечты юношей-коммунистов обрывает человек XX в. Саул:

Вы понимаете, что вы хотите сделать? Вы хотите нарушить законы общественного развития! Хотите изменить естественный ход истории! А знаете вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству [Там же].

В данной повести Саул выступает героем-резонером, он, как и сами Стругацкие, далек от оптимизма. Как пишет Л. Геллер, в творчестве Стругацких впервые ставится проблема вмешательства в исторический процесс. «Ответ Стругацких однозначен: менять историю извне значит ломать хребет человечеству» [Геллер, с. 268]. С этой проблемой, поставленной авторами, связан и вопрос о том, «может ли общество в своем развитии миновать этапы, перескакивать в будущее, не закончив своих дел в настоящем» [Там же, с. 269]. По мнению Стругацких, подобный переход невозможен, наоборот, «они утверждают для общества необходимость органического развития» [Там же]. Легко заметить, что высказанные положения прямо противоречат точке зрения Давыдова. В интервью О. Славниковой писатель признавался, что роман «Трудно быть богом» подтолкнул его к написанию собственного произведения: «Именно этот роман и послужил для меня толчком. У Стругацких главный герой, Румата, пошел в конце концов рубить эти дикие головы. Но он не имел права этого делать! Книга “Я вернусь через 1000 лет” создавалась как протест против такого способа решения проблем...» [Славникова]. Для автора кажется возможным изменение судьбы племени силами землян. Примечательно, что в продолжении романа, написанном уже в XXI в., автор не изменяет свою точку зрения, а лишь доводит ее до логического завершения: племена двух материков пришли к высокой цивилизации. Теперь потомки этих недавно диких племен просвещают оставшихся дикарей планеты.

---

³ Отметим, что ленинская идея о возможности привести отсталые народы к коммунизму, минуя стадию капитализма [Ленин, с. 246], впервые подверглась сомнению именно в научной фантастике (жанре, достаточно лояльном к советской идеологии).

В романе И. Давыдова лейтмотивом звучит мысль, что для полета на Риту отбирали лучших, но все же обычных людей. На этом сочетании личных качеств строятся почти все истории о прогрессорах. Е. Н. Ковтун уточняет, что для научной («рациональной», по терминологии автора) фантастики характерны три типа героя: «обыкновенного человека», на котором «обкатываются» необычные гипотезы... «сверхчеловека», активно изменяющего мир вокруг себя, и «ученого», сочетающего черты первых двух типов – внешнюю обыденность при мощи интеллекта, нередко сочетающуюся с душой романтика» [Ковтун, с. 106]. При этом любой тип героя – это прежде всего «рационалистическая личность, позитивист, прагматик по мировоззрению и жизненным принципам, стремящийся познать неизведанное, понять непонятое, неколебимо верящий в мощь разума и благотворность прогресса, трактуемого широко – как высшая целесообразность устройства вселенной» [Там же].

В определенной мере в идее прогрессорства этот тезис о благотворности прогресса доведен до своего логического предела: герои примеряют на себя роли богов. По сути, они борются даже не с оставшими цивилизациями, а с самим временем. Именно это, по наблюдению Елены Гомель, является главным делом героев советской фантастики [Gomel, p. 373].

Тип прогрессора оказался чрезвычайно востребован отечественной культурой. И И. Кукулин, и М. Липовецкий приходят к выводу, что можно говорить о колоссальном влиянии этой модели на сегодняшнее общество: «прогрессор никуда не исчезал, давно превратившись в других областях культуры из литературного персонажа в доминантную модель самосознания позднесоветской и постсоветской интеллигенции» [Липовецкий]. И если Стругацкие в конце концов в идее насильственного счастья, несомого землянином-коммунистом людям, разочаровались, то их коллеги по перу продолжали (или продолжают, как показывает пример И. Давыдова) верить в возможность подобного сценария. За всей деятельностью землян, таким образом, стоит идея того, что они приносят счастье, а также культуру, защиту и знания другим цивилизациям. Однако этот глобальный опыт далеко не всегда оказывается безболезненным, что и доказывает роман уральского писателя.

Список литературы

Богданов К. А. Vox ropuli : Фольклорные жанры советской культуры. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 368 с.

Бреева Т. Н. Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких «Мир Полудня» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 226–235.

Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман / отв. ред. Е. П. Брандис. Л. : Наука, 1970. 447 с.

Геллер Л. Вселенная за пределами догмы : Размышления о советской фантастике. L. : Overseas Publ. Interchange Ltd, 1985. 444 с.

Давыдов И. Я вернусь через 1000 лет. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1973. 256 с.

Давыдов И. Я вернусь через 1000 лет. Кн. 3. Екатеринбург : Аэлит, 2013. 203 с. // ЛитРес : [сайт]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7267497 (дата обращения: 07.09.2018).

Душенко К. В. Переводы произведений Станислава Лема на русский язык (1955–1986) // Новое лит. обозрение. 2006. № 6 (82). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/perevody-proizvedenij-stanislava-lema-na-russkij-yazyk-1955-8212-1986.html> (дата обращения: 26.07.2019).

Козьмина Е. Ю. Фантастический авантюрно-исторический роман : поэтика жанра. М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2017. 292 с.

Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М. : Высш. шк., 2008. 484 с.

Комиссаров В. В. Советская интеллигенция в сфере научной фантастики: общественно-политический дискурс и практическая деятельность, 1950-е – начало 1980-х гг. : дис. ... докт. ист. наук. Иваново : [Б. и.], 2015. 415 с.

Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое лит. обозрение. 2007. № 88. С. 169–201.

Ленин В. И. Доклад о международном положении и основных задачах коммунистического интернационала 19 июля // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Политиздат, 1981. Т. 41. С. 215–255.

Липовецкий М. Еще раз о комплексе прогрессора // Неприкосновенный запас. 2015. № 1 (99). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/99/131.html> (дата обращения: 07.09.2018).

Сапарин В. Забытый Полдень / сост. А. Лапудев. М.: Паровая типолит. А. А. Лапудева, 2014. 462 с.

Славникова О. Исая Давыдов (интервью) // Книжный клуб (Екатеринбург). 1998. № 12 (78). Март. С. 1–3 // История фэндома : [сайт]. URL: http://www.fandom.ru/interdavudobi_1.htm (дата обращения: 07.09.2018).

Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Возвращение; Полдень, XXII век; Попытка к бегству. Екатеринбург : Конвер, 1992. 400 с.

Толстой А. Н. Аэлит; Гиперболоид инженера Гарина. М. : Правда, 1986. 448 с.

Фокин А. А. В ожидании «светлого будущего»: советская литература периода «оттепели» // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика : колл. моногр. / сост. и науч. ред. Т. А. Круглова. Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2015. С. 323–334.

Эткинд А. Внутренняя колонизация : Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 448 с.

Buettner E. Europe after Empire. Decolonization, Society, and Culture. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. XII + 551 p.

Fieldhouse D. K. The Colonial Empires : A Comparative Survey from the Eighteenth Century. L. : Weidenfeld and Nicolson, 1966. XIV + 450 p.

Gomel E. Gods like Men : Soviet Science Fiction and the Utopian Self // Science Fiction Studies. Vol. 31. 2004. No. 3. Soviet Science Fiction: The Thaw and After. P. 358–377.

Rieder J. Colonialism and the Emergence of Science Fiction. Middletown, CT : Wesleyan Univ. Press, 2008. 200 p.

Sargent L. T. Colonial Utopias/Dystopias // The Oxford History of the Novel in English : in 12 Vols. Oxford : Oxford Univ. Press, 2018. Vol. 9. The World Novel in English to 1950 / ed. by R. Crane, J. Stafford, M. Williams. P. 300–312.

The Cambridge Companion to Postcolonial Travel Writing / ed. by R. Clarke. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. 252 p.

References

- Bogdanov, K. A. (2009). *Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoi kul'tury* [Vox Populi: Folklore Genres of Soviet Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.
- Breeva, T. N. (2015). Dekonstruksiya utopicheskogo diskursa v tsikle proizvedenii brat'ev Strugatskikh "Mir Poludnya" [Deconstruction of Utopian Discourse in the Strugatsky Brothers' Cycle *The Noon World*]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*. No. 1 (136), pp. 226–235.
- Britikov, A. F. (1970). *Russkii sovetskii nauchno-fantasticheskii roman* [The Russian Soviet Science Fiction Novel] / ed. by E. P. Brandis. Leningrad, Nauka. 447 p.
- Buettner, E. (2016). *Europe after Empire. Decolonization, Society, and Culture*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XII + 551 pp.
- Clarke, R. (Eds.). (2018). *The Cambridge Companion to Postcolonial Travel Writing*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 252 pp.
- Davydov, I. (1973). *Ya vernus' cherez tysyachu let* [I Will Be Back in a Thousand Years]. Sverdlovsk, Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 256 p.
- Davydov, I. (2013). *Ya vernus' cherez 1000 let. Kniga 3* [I Will Be Back in a Thousand Years. Part 3]. Yekaterinburg, Aelita. 203 p. In *LitRes* [website]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7267497 (mode of access: 07.09.2018).
- Dushenko, K. V. (2006). Perevody proizvedenii Stanislava Lema na russkii yazyk (1955–1986) [Translations of S. Lem's Novels into Russian (1955–1986)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 6 (82). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/6/perevody-proizvedenij-stanislava-lema-na-russkij-yazyk-1955-8212-1986.html> (mode of access: 26.07.2019).
- Etkind, A. (2013). *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonisation. Russia's Imperial Experience] / transl. by V. Makarov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p.
- Fieldhouse, D. K. (1966). *The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century*. L., Weidenfeld and Nicolson. XIV + 450 pp.
- Fokin, A. A. (2015). V ozhidanii "svetlogo budushchego": sovetskaya literatura perioda "otpepli" [Waiting for the "Bright Future": Soviet Literature of the "Thaw"]. In Kruglova, T. A. (Ed.). *Politizatsiya polya iskusstva: istoricheskie versii, teoreticheskie podkhody, esteticheskaya spetsifika* [Politicisation of the Field of Art: Historical Versions, Theoretical Approaches, Aesthetic Specificity]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi universitet, pp. 323–334.
- Gomel, E. (2004). Gods like Men: Soviet Science Fiction and the Utopian. In *Science Fiction Studies*. Vol. 31. No. 3. Soviet Science Fiction: The Thaw and After, pp. 358–377.
- Heller, L. (1985). *Vselennaya za predelami dogmy: Razmyshleniya o sovetskoi fantastike* [The Universe beyond Dogma: Reflections on Soviet Fiction]. L., Overseas Publ. Interchange Ltd. 444 p.
- Komissarov, V. V. (2015). *Sovetskaya intelligentsiya v sfere nauchnoi fantastiki: obshchestvenno-politicheskii diskurs i prakticheskaya deyatel'nost', 1950-e – nachalo 1980-kh gg.* [The Soviet Intelligentsia in the Field of Science Fiction: Social and Political Discourse and Practical Activities, 1950s – Early 1980s]. Diss. ... doktora istoricheskikh nauk. Ivanovo, S. n. 415 p.
- Kovtun, E. N. (2008). *Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka* [Literary Fiction in 20th-Century Literature]. Moscow, Vysshaya shkola. 484 p.
- Koz'mina, E. Yu. (2017). *Fantasticheskii avantyrno-istoricheskii roman: poetika zhanra* [Science Fiction Adventure and the Historical Novel: Poetics of the Genre]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 292 p.
- Kukulin, I. (2007). Al'ternativnoe sotsial'noe proektirovanie v sovetskom obshchestve 1960–1970-kh godov, ili Pochemu v sovremennoi Rossii ne prizhilis' levye politicheskie praktiki [Alternative Social Project Planning in the Soviet Society of the 1960s–1970s, or Why Left-Wing Political Practices Did Not Take Root in Modern Russia]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 88, pp. 169–201.
- Lenin, V. I. (1986). Doklad o mezhdunarodnom polozhenii i osnovnykh zadachakh kommunisticheskogo internatsionala 19 iyulya [Report on the International Situation and

the Main Tasks of the Communist International on 19 July]. In Lenin, V. I. *Polnoye sobranie sochinenii v 55 t.* Moscow, Politizdat. Vol. 41, pp. 215–255.

Lipovetskii, M. (2015). Eshche raz o komplekse progressora [Once Again about the Progressor Complex]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 1 (99). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/99/131.html> (mode of access: 07.09.2018).

Rieder, J. (2008). *Colonialism and the Emergence of Science Fiction*. Middletown, CT, Wesleyan Univ. Press. 200 p.

Saparin, V. (2014). *Zabytyi Polden'* [The Forgotten Noon] / ed. by A. Lapudev. Moscow, Parovaya tipolitografiya A. A. Lapudeva. 462 p.

Sargent, L. T. (2018). Colonial Utopias/Dystopias. In Crane, R., Stafford, J., Williams, M. (Eds.). *The Oxford History of the Novel in English*. 12 Vols. Oxford, Oxford Univ. Press. Vol. 9. The World Novel in English to 1950, pp. 300–312.

Slavnikova, O. (1998). Isai Davydov (interv'yu) [Isai Davydov (interview)]. In *Knizhnyi klub (Yekaterinburg)*. No. 12 (78). March, pp. 1–3. In *Istoria fendoma* [website]. URL: http://www.fandom.ru/inter/davydobi_1.htm (mode of access: 07.09.2018).

Strugatsky, A. N., Strugatsky, B. N. (1992). *Vozvrashchenie; Polden', XXII vek; Popytka k begstvu* [Return; Noon: 22nd Century; Escape Attempt]. Yekaterinburg, Konver. 400 p.

Tolstoy, A. N. (1986). *Aelita; Giperboloid inzhenera Garina* [Aelita; The Garin Death Ray]. Moscow, Pravda. 448 p.

The article was submitted on 18.11.2018

DOI 10.15826/qr.2019.3.407
УДК 37.014.5(571.16)+323.281+94(470)"1940/1950"

**TICKET IN EIN NEUES LEBEN: DIE INTEGRATION
DER SONDERSIEDER DURCH FACHBILDUNG
(1950er JAHRE, TOMSK)***

Olga Filippenko

Friedrich-Schiller-Universität Jena,
Jena, Deutschland

**A TICKET TO A NEW LIFE: THE INTEGRATION OF
SPECIAL SETTLERS THROUGH VOCATIONAL EDUCATION
(TOMSK IN THE 1950s)**

Olga Filippenko

Friedrich Schiller University Jena,
Jena, Germany

This article raises the question whether secondary vocational and higher education was an accessible and effective tool for the social integration of special settlers between the late 1940s and early 1950s. In this article, the concept of ‘accessibility’ is considered through the analysis of both formal barriers, established by the regime at the legislative level, and informal ones formed by representatives of local authorities and management of educational institutions, whose actions hindered the realisation of the right to education for special settlers. The author examines the main characteristics of deportees who managed to overcome the difficulties and were able to enter secondary vocational or higher education institutions. She also analyses deportees’ nationalities, age, gender, and the origin of their parents, making general conclusions about the main stages of their biographies. The extent of special settlers’ success in social integration in educational institutions is estimated as a part of a study of the concept of ‘efficiency’. The key criterion for this is the analysis of four main parameters that reflect different sides of special settlers’ activities: academic performance, discipline, social and political life, and membership in the Komsomol or the party. Special attention is paid to the similarities and differences in the behaviour patterns of various

---

* *Citation:* Filippenko, O. (2019). Ticket in ein neues Leben: Die Integration der Sondersieder durch Fachbildung (1950er Jahre, Tomsk). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 776–790. DOI 10.15826/qr.2019.3.407.

Цитирование: Filippenko O. Ticket in ein neues Leben: Die Integration der Sondersieder durch Fachbildung (1950er Jahre, Tomsk) // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 776–790. DOI 10.15826/qr.2019.3.407.

special contingents (Germans, Kalmyks, members of the Ukrainian nationalists). In addition, the author analyses how discrimination in educational institutions affected the process of special settlers' social integration and whether it existed at all. The article refers to documentary sources which have never been studied previously: name lists of special settlers, their personal characteristics, ordinances of universities, and personal files drawn up on their admission to educational institutions. To a lesser extent, the study also uses narrative sources.

Keywords: special settlers; social integration; western Siberia; secondary vocational and higher education; late Stalinism.

В статье ставится вопрос о том, было ли среднее специальное и высшее образование в конце 1940-х – начале 1950-х гг. эффективным инструментом социальной интеграции в судьбе спецпереселенцев. Понятие «доступность» рассматривается через анализ как формальных барьеров, созданных режимом на законодательном уровне, так и неформальных, сформированных представителями местных властей и администрацией образовательных учреждений, которые усложняли реализацию спецпереселенцами права на образование. Исследуются основные характеристики ссыльных, которые все же смогли преодолеть эти трудности и поступили в средние специальные или высшие учебные заведения: учитываются национальность, принадлежность к тому или иному спецконтингенту, возраст, пол, происхождение их родителей, обобщаются основные этапы их биографии до поступления. В рамках понятия «эффективность» дается оценка степени успешности интеграционного процесса спецпереселенцев внутри учебных заведений. В качестве ключевого критерия используется анализ четырех параметров, которые отражают разные стороны активности спецпереселенцев: академическая успеваемость, дисциплина, активность в общественно-политической жизни, членство в комсомоле или партии. Особое внимание уделяется сходствам и различиям моделей поведения у представителей различных спецконтингентов (немцев, калмыков, членов ОУН и т. д.). Ставится проблема возможного влияния на процесс социальной интеграции спецпереселенцев дискриминации внутри учебного учреждения. Статья базируется на документальных источниках, впервые вводимых в научный оборот: это пофамильные списки студентов из числа спецпереселенцев, их персональные характеристики, приказы учебного заведения по личному составу студентов, личные дела спецпереселенцев, составляемые при поступлении их в учебные заведения, и т. п. Частично привлекаются нарративные источники.

Ключевые слова: спецпереселенцы; социальная интеграция; высшее и среднее специальное образование; Западная Сибирь; поздний сталинизм.

Als Ergebnis der Deportationskampagnen der Kriegs- und Nachkriegszeit gerieten viele Menschen in ein neues soziales Umfeld, das sich vom vorigen Umfeld wesentlich unterschied, und erhielten den neuen Sozialstatus „Sondersiedler“. Deshalb verloren die vor der Verbannung entwickelten Verhaltensmodelle ihre Aktualität. In diesem Zusammenhang

waren die Sondersiedler gezwungen, sich extremen Umständen anzupassen und den Prozess der Integration in die neue Gesellschaft zu vollziehen. Ein Instrument dafür war die Bildung, einschließlich der Fach- und Hochschulbildung.

Bei der Analyse der Bildungsfrage in den Sondersiedlungen beschränkten Historiker sich größtenteils darauf, das Schulbildungssystem zu untersuchen [Загороднюк, с. 78–80; Иванов, с. 75–79; Игнатова, с. 168–173; Красильников, с. 197–217; Мошкин, с. 167–186; Эльбуздукаева, с. 24–29]. Die Forscher behandeln die Probleme der Zahl der Sondersiedler, die in den Schulen lernten, der Funktionsweise des Schulsystems und seiner Evolution. Dabei wird das Schulbildungssystem entweder als spezieller nichtöffentlicher Raum oder als Teil des Sowjetbildungssystems betrachtet. In diesem Zusammenhang scheint die Analyse der Fach- und Hochschulbildung, die die Sondersiedler außerhalb der Sondersiedlungen, zusammen mit der vollberechtigten Bevölkerung, aber unter Beibehaltung ihres diskriminierenden Status erhielten, besonders relevant zu sein.

Die grundsätzliche Frage, die im Mittelpunkt der Forschung steht, ist folgende: War die Fach- und Hochschulbildung ein erreichbares und effektives Instrument der sozialen Integration von Sondersiedlern? Beide Begriffe, „Erreichbarkeit“ und „Effektivität“, werden aus zwei Blickwinkeln betrachtet: der Auswirkung des Regimes auf diskriminierte Sozialgruppen und den Reaktionen dieser Gruppen auf sie (Regime – Bevölkerung):

1. „Erreichbarkeit“: Hatten die Sondersiedler im Vergleich mit der vollberechtigten Bevölkerung die reale Möglichkeit, die Bildung zu erlangen?

- Welche Barrieren gab es auf ihrem Weg zur Immatrikulation (Regime)?
- Wer konnte diese Barrieren wie überwinden (Bevölkerung)?

2. „Effektivität“: War ihre Integration innerhalb der Bildungssphäre erfolgreich?

– Wie verlief dieser Prozess bei dieser Sozialgruppe konkret (Bevölkerung)?

– Gab es eine Diskriminationstechnik innerhalb der Fach- und Hochschulen (Regime)?

Die soziale Integration gewährleistet die Solidarität der Gesellschaftsmitglieder und ein notwendiges Maß an Loyalität untereinander und gegenüber dem System als Ganzem. Als Ergebnis der Solidarität wird das Gleichgewicht zwischen Individuum und Gesellschaft wiederhergestellt und werden die Beziehungen zwischen ihnen harmonisiert sowie die Bedürfnisse der Person mit den bestehenden Normen in Einklang gebracht [Parsons, p. 1–15]. Der Integrationsprozess in einer totalitären Gesellschaft weist mehrere wesentliche Besonderheiten auf. So legt das Regime nicht nur zulässige Varianten des Verhaltens klar fest, schränkt die Möglichkeiten der Individuen stark ein und entwickelt die Spielregeln in der Gesellschaft, sondern bestraft auch die Abweichung von den festgelegten Normen. Da die Integration unter der klaren Dominanz des Staats verläuft und die Bedürfnisse der einzelnen Personen fast nicht

berücksichtigt werden, kann das Gleichgewicht zwischen Individuum und Gesellschaft nicht vollständig wiederhergestellt werden. Vielmehr muss der Einzelne die festgelegten Normen übernehmen, wodurch ihm das Regime die Möglichkeit gibt, im sozialen System zu leben und zu arbeiten.

Es sollte angemerkt werden, dass in diesem Artikel die zwei allgemeinen Begriffe „Sondersiedler“ und „Deportierte“ verwendet werden, obwohl es unter den Sonderkontingenten mehr als 30 Kategorien gab.

Die Forschung basiert auf den folgenden Gruppen von Quellen:

1. *Namenslisten der ausgebildeten Sondersiedler* wurden 1952 von der UMGB zusammengestellt. Diese Listen enthalten Angaben zu Namen, Geburtsjahren, Bildungseinrichtungen und Arten des Sonderkontingents.

2. *Die persönlichen Charakteristiken von Sondersiedlern* sind kurze Beschreibungen ihrer akademischen Leistungen und der sozialen Aktivität. Sie wurden 1952 vom Dekan der Fakultät oder vom Sekretär des Politbüros der Bildungseinrichtung auf Anforderung der UMGB zusammengestellt. Diese Quelle kann man als repräsentativ betrachten (68,3 % der analysierten Sondersiedler).

3. *Die Verordnungen der Hochschulen* ermöglichen, die folgenden Fragen zu beantworten: Ließ sich ein Student exmatrikulieren? Bekam er ein Stipendium und war von Studiengebühren befreit?

4. *Die Personalakten der Auszubildenden oder Studenten* bestehen aus Dokumenten, die für die Immatrikulation notwendig sind (Bewerbung, Wohnsitzbescheinigung, Zeugnis über die Schulbildung usw.), Matrikelbüchern, Studentenausweisen, Abschlusszeugnissen, Autobiographien.

Die Erreichbarkeit der Fach- und Hochschulbildung für Sondersiedler

1951 wurden 110 Sondersiedler in Bildungseinrichtungen in Tomsk ausgebildet, 1952 durchliefen 104 Deportierte eine Ausbildung oder ein Studium [ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 369–372, 376–378]. Dabei wohnten 1951 70772 Sondersiedler im Gebiet Tomsk [Там же. Д. 243. Л. 339–340]. Folglich beträgt der Anteil der ausgebildeten Deportierten 0,14 % (0,08 % waren Auszubildende, 0,06 % waren Studenten). Insgesamt absolvierten 10437 Menschen dort ein Studium (Angaben zu Auszubildenden liegen nicht vor), was 1,56 % der Gesamtbevölkerung des Gebiets Tomsk (671000 Pers.) entspricht [Там же. Д. 1648. Л. 149–164]. Daher besteht eine Diskriminierung der Sondersiedler hinsichtlich der Möglichkeit, eine Hochbildung zu erhalten. In diesem Zusammenhang wurden drei Gruppen von Barrieren ermittelt, mit denen Deportierte auf dem Weg zu einer Immatrikulation konfrontiert wurden.

Die vom Regime direkt festgelegten Barrieren, die die Realisierung des Bildungsrechts nicht nur der Sondersiedler, sondern auch der anderen Sowjetbürger erschwerten. Nach dem Beschluss der Regierung vom 2. Oktober 1940 wurde die Bildungsgebühr in Oberschulklassen, Fachschulen

(150 Rubel pro Jahr) und an den Hochschulen (300 Rubel) eingeführt [Собрание постановлений, № 27, с. 910]. Die Bildung war kostenfrei für Behinderte, Rentner und ihre Kinder und auch Waisen [Там же, № 31, с. 1049]. Später wurde der Gebührenerlass in Bezug auf Lehrerkinder eingeführt. Obwohl sie weniger als ein durchschnittliches Gehalt war, das 1945 442 Rubel pro Monat betrug [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161], verloren viele Schüler, besonders die Kinder von Kolchosbauern wegen des natürlichen Lohnsystems, die Möglichkeit, die Bildung zu erlangen.

Gleichzeitig wurde das Dekret des Präsidiums des Obersten Rates „Über staatliche Arbeitsreserven der UdSSR“ veröffentlicht [Решения партии, с. 774–775]. Der Rat der Volkskommissare bekam das Recht, 800 000 bis eine Million Menschen über 14 Jahre in den Betriebsberufsschulen zu mobilisieren. Nach ihrem Abschluss mussten Jugendliche innerhalb von vier Jahren in den Unternehmen arbeiten.

Politische Richtlinien dieser Zeitperiode entsprachen militärischen Zielen, denn die Anzahl der Militär (die Bildung in Militärschulen blieb kostenlos [Собрание постановлений, № 29, с. 970]) und der Arbeiter erhöhte sich durch die Verringerung der hochqualifizierten Spezialisten. Jedoch änderte das Regime die Richtung der Bildungspolitik in der Nachkriegszeit nicht.

Die vom Regime nur in Bezug auf Sondersiedler festgelegten Barrieren. Nach der Entscheidung des Rates der Volkskommissare vom 08. Januar 1945 hatten Sondersiedler alle Rechte der Bürger der UdSSR mit Ausnahme einer Reihe von Einschränkungen [ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 226. Л. 53]. So durften sie sich ohne die Genehmigung der Kommandanten des NKWDs außerhalb des Bezirks von Ansiedlungen nicht entfernen. Diese Erlaubnis konnte man nicht einfach bekommen. In der Mitteilung des Instruktors des Kemerowoer Gebietskomitees der KPdSU vom 20. Dezember 1952 wurden die Tatsachen genannt, als die UMGB die Anfrage dreier Sondersiedler ablehnte, die Bildung fortzusetzen [ГАКО. Ф. Р-75. Оп. 7. Д. 93. Л. 49]. In allen Fällen wird das Interesse der Aufsichtsbehörde am Aufenthalt von Sondersiedlern in ihrem Territorium beobachtet: Sie arbeiteten entweder an verantwortlichen Positionen (Bergarbeiter, Krankenschwester) oder versorgten ihre Familie.

Ähnliche Schwierigkeiten beschreibt Rivka Rabinovich in ihren Erinnerungen. 1941 wurde sie als Kind aus Lettland in das Gebiet Tomsk verbannt. Am Ende der 1940er Jahre absolvierte Rivka die Mittelschule Parabel und wollte die Bildung in Kolpaschewo erlangen. Jedoch konnte sie keine Genehmigung für die Fahrt bekommen. Rivka bemerkt auch, dass es die Schwierigkeiten gab, die mit der Immatrikulationsprozedur verbunden waren: Die Aufsichtsbehörde stellte den Erlaubnisschein aus, aber machte das schon nach dem Abschluss der Aufnahmeprüfungen wegen bürokratischer Verzögerungen [Рабинович, с. 146–147].

Auf diese Weise wurde ein Widerspruch zwischen der Rechtlage und der bürokratischen Praxis enthüllt. Einerseits wollte das Regime demonstrieren, dass Sondersiedler vollberechtigte Bürger sind, andererseits wurden

bürokratische Barrieren geschaffen, die die Möglichkeit der Realisierung des Rechts in der Praxis minimierten.

Die durch die Initiative der lokalen Behörden geschaffenen Barrieren beim Immatrikulationsprozess. Obwohl man eine direkte Information über diese Diskriminierung im Immatrikulationsprozess kaum in den Quellen finden kann, berichtet man in einer Charakteristik, dass der Aufenthalt von Deportierten an der Sibirischen Medizinischen Universität das Ergebnis der schlechten Kontrolle der Direktion bei der Immatrikulation ist [ЦДНМО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 212]. Diese Phrase kann folgendermaßen interpretiert werden. Einerseits konnten solche informellen Einschränkungen vorhanden sein. Andererseits konnte diese Phrase eine Versicherung für die Leitungen der Bildungseinrichtungen sein, denn die Forderung der UMGB, die Information über Sondersiedler zur Verfügung zu stellen, konnte als eine potentielle Bedrohung wahrgenommen werden: Die Bildung dieser Kontingente war der Indikator ihrer unzulänglichen Loyalität. Eine ähnliche Diskriminierung wird in den Erinnerungen von Kalmücken erwähnt, die von Gutschinova gesammelt wurden. Die Autorin zog das Fazit, dass die wesentliche Barriere der Immatrikulation ein still schweigendes Verbot für die Annahme der Dokumente von Sondersiedlern war [Гучинова, с. 141].

Die Gewinnung einer Gold- oder Silbermedaille gab die Möglichkeit der Immatrikulation ohne Aufnahmeprüfungen. Bei der Quellenanalyse wurde herausgefunden, dass eine Deutsche eine Silbermedaille hatte und ohne Aufnahmeprüfungen immatrikuliert wurde [Архив ТПУ. Оп. 12. Д. 1297]. Aber eine andere Jüdin erhielt keine Medaillen und musste die Prüfungen ablegen, obwohl sie ein ausgezeichnetes Abschlusszeugnis hatte [Архив ТПУ. Р-566. Оп. 93. Д. 2756]. Außerdem erzählten die Kalmücken in den Erinnerungen darüber, dass sie keine Medaille bekamen, obwohl sie sehr gute Noten hatten [Гучинова, с. 138]. Aber nicht nur der soziale Status konnte hier eine Rolle spielen, sondern auch die Tatsache, dass Medaillen in einer begrenzten Anzahl für ein Gebiet ausgegeben wurden. Wenn die Anzahl der Kandidaten größer war als die zugeteilte Quote, bekam ein Teil von ihnen keine Medaillen. Deshalb wurden die Medaillen Sondersiedlern gegeben, aber man machte das nach dem „Restprinzip“.

Auf diese Weise liegt die Schlussfolgerung nahe, dass es eine Diskriminierung im Immatrikulationsprozess gab. Aber weder hatte sie einen systematischen Charakter noch war ihr unmittelbarer Initiator die UMGB. Die Leitungen von Bildungseinrichtungen wollten in der Atmosphäre der feindseligen Beziehung zu Sondersiedlern nicht riskieren und die Verantwortung für ihre Immatrikulation nicht übernehmen.

Der durchschnittliche Typ von Sondersiedler, der diese Barrieren überwinden konnte

In Quellen wurden fünf Sonderkontingente erwähnt: Sowjetdeutsche, Mitglieder der OUN, Kalmücken, Türken und Verbannte (sie wurden 1941 durch ein Gerichtsurteil aus Moldawien, dem Baltikum und der

Westukraine deportiert). Da der Begriff „Verbannte“ nicht konkretisiert war, erfolgte die Konkretisierung mit Hilfe indirekter Hinweise (Geburtsort, Details der Biographie usw.). Außerdem wurden die Informationen über die Kontingente der ausgebildeten Sondersiedler (Tabelle 1) mit den Daten der Anzahl der Sonderkontingente im Gebiet Tomsk von 1950 verglichen.

Tabelle 1*

Die Art des Sonderkontingents (Pers.)

Sonderkontingent		Hochschule	Fachschule	Gesamte Zahl im Gebiet Tomsk	Fachschüler/ Studierende (%)
Deutsche		24	34	22837	0,25
Mitglieder der OUN		0	7	987	0,71
Kalmücken		1	3	1070	0,37
Türken		1	0	4609	0,02
Verbannte	aus Moldawien	8	8	4829	0,66
	aus dem Baltikum	5	3		
	unbekannt	1	7		
Unbekannt		0	2	N. v.	N. v.
Insgesamt		40	64	34332	0,3

* Tabelle verfasst durch: [ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 42; ЦДНІТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 948. Л. 61–63; Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372; Д. 1648. Л. 3–5].

Aufgrund dieser Daten lässt sich darauf schließen, dass die Sondersiedler, die aus den Westregionen deportiert wurden (Mitglieder der OUN und Verbannte), öfter als andere Sonderkontingente ihre Bildung fortsetzten. Dabei wohnten andere Sonderkontingente 1950 im Gebiet Tomsk, die zahlreichsten von ihnen waren Letten (15056 Pers.), die abweichend von Verbannten aus dem Baltikum nicht 1941, sondern 1948–1949 deportiert wurden, Ismails Kulaken (1102) und Sektierer (470) [ЦДНІТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 948. Л. 61–63]. Die Gründe dafür, dass sie keine Bildung bekamen, konnten mit der relativ späten Deportation (nach 1948) oder ihrer Religiosität (im Fall der Sektierer) zusammenhängen.

Die Information über die Nationalität wurde in Bezug auf 61 Sondersiedler entdeckt. Der wichtigste Punkt, den man in dieser Hinsicht beachten muss, ist die relativhohe Anzahl von Juden (14 Pers.). Dabei wurde die Kampagne des Kampfs mit dem Kosmopolitismus in dieser Zeit durchgeführt. Dies demonstriert, dass Juden ein großes Streben hatten, die Bildung zu erlangen, und der hohe Bildungsgrad sehr wertvoll für ihre Traditionen und Kultur war.

Die familiären Traditionen spielten auch eine wichtige Rolle im Streben, gute Bildung zubegeben. Die Analyse der Herkunft ihrer Eltern bestätigt, dass 19,1 % in den Familiender Schul-bzw. Hochschullehrer, d. h. in den

Familien, in denen die Bildung wertvoll war, geboren wurden. 31,9% stammten aus den Familien der Angestellten. Die Eltern von 34% waren Arbeiter (nur ein ungelernter Arbeiter), die von 4,3% waren Händler im vorkriegsjetischen Lettland, die gleiche Anzahl machte Karriere in der Roten Armee. Und nur 6,4% stammten aus Bauernfamilien.

Die Anzahl der Frauen war ein wenig größer als die der Männer (53 und 51). Dabei studierten mehr Männer als Frauen (21 und 19). Im Allgemeinen gibt es keine große Verzerrung zugunsten eines Geschlechts. Die Deportierten gingen meistens im Alter von 17–18 Jahren (37,7%) in die Fachschulen. 24,5% waren im ersten Studienjahr der Fachschulen 15–16 Jahre alt und 17,0% waren 19–20 Jahre alt. Die Sondersiedler traten meistens in die Hochschulen ein, wenn sie 17–18 (46,4%) oder 19–20 (35,7%) Jahre alt waren. Wird davon ausgegangen, dass kein einziges Schuljahr verpasst wurde, dann beginnt der Besuch der Fachschulen normalerweise mit 15–16 Jahren und der Hochschulen mit 16–17 Jahren. Dementsprechend lässt sich im Fall der Sondersiedler eine Verzögerung beobachten.

Ihre Gründe wurden anhand einer Analyse von 30 Autobiographien ermittelt. Das meist verbreitete Szenario dieser Biographien (10 Pers.) war das folgende: Eine Person wurde in den späten 1920er, frühen 1930er Jahren geboren und begann mit 6–8 Jahren in der Schule zu lernen. Die Deportation erfolgte zum Zeitpunkt des Besuchs der Grund- oder Mittelschule. Trotz der Verbannung setzte die Person die Schulbildung fort, absolvierte sieben oder zehn Klassen und ließ sich sofort an einer Fach- oder Hochschule immatrikulieren. Neun Personen unterbrachen ihre Bildung für den Zeitraum von ein bis zwei Jahren wegen der Deportation und des Kriegs. Sieben Menschen, die bis Mitte der 1920er Jahre geboren wurden, begannen nach dem Schulabschluss zu arbeiten (meistens als Laboranten oder Schullehrer). Also betrachteten Sondersiedler diese Arbeit als eine potenzielle Präferenz bei der zukünftigen Immatrikulation. Für drei Deportierte war die Hochschulbildung die dritte Bildungsetappe: Nach der Schule machten sie zuerst die Ausbildung.

Die meisten Sondersiedler wohnten im Immatrikulationsmoment in Tomsk (44,4%) oder in anderen Bezirken des Gebiets Tomsk (42,6%). Da die Anzahl der Deportierten in Tomsk 4,5 Mal weniger als in anderen Bezirken des Gebiets war [ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 243. Л. 340], lässt sich sagen, dass die in Tomsk angemeldeten Deportierten mehr Bildungsmöglichkeiten hatten.

Die Mehrheit der Sondersiedler erhielt die Fachschulbildung an der Polytechnischen Fachschule Tomsk vom Ministerium für Beschaffung (9), der Bergbaufachschule Tomsk (7), der Fachschule von Krankenschwestern Tomsk (6). Für Hochschulbildung zogen sie die Pädagogische Universität (13), die Polytechnische Universität (11), die Medizinische Universität (7) und die Staatliche Universität (5). Die Ausbildung oder das Studium machte die Mehrheit der Deportierten (29) in technischen Fächern. Auf dem zweiten Platz steht die Medizin (20), an dritter Stelle stehen die Fächer, die sich auf die Bergbauindustrie bezogen (11). Im Allgemeinen entsprach das den staatlichen Prioritäten in der Bildungspolitik.

Der Verlauf des Integrationsprozesses innerhalb der Bildungseinrichtung

Die Analyse des Verlaufs vom Integrationsprozess basiert auf der Auswertung von vier Parametern: der akademischen Leistung; der Disziplin; der sozialpolitischen Aktivität; der Mitgliedschaft im Komsomol / in der KPdSU. Obwohl diese Parameter nur die externen Indikatoren der Integration sind, zeigen sie, ob eine Person ihr Verhalten für eine erfolgreiche Existenz im Sowjetsystem ändern konnte.

Die in Tabelle 2 gezeigten Daten über *die akademische Leistung* zeugen davon, dass 70 % der Sondersiedler positive Noten hatten. Die besten Ergebnisse hatten die Mitglieder der OUN. Auf den zweiten und dritten Plätzen stehen Verbannte aus Moldawien und Kalmückien (87,5 und 75 %). Fast 67 % der Verbannten aus dem Baltikum hatten ziemlich positive Ergebnisse. Die schlimmste Leistung zeigten Deutsche, nur 58,9 % hatten keine Probleme mit Noten.

Tabelle 2*

Die Leistung und die sozialpolitische Aktivität (Pers.)

Sonderkontingent		Leistung				Sozialpolitische Aktivität				
		sehr gut	gut	befriedigend	unbefriedigend	1	2	3	4	5
Deutsche		2	21	16	3	7	11	8	8	6
Mitglieder der OUN		6	0	0	0	1	3	1	0	1
Kalmücken		2	1	1	0	1	0	2	0	1
Türken		0	0	1	0	0	0	0	1	0
Verbannte	aus Moldawien	10	4	2	0	2	3	6	1	4
	aus dem Baltikum	2	2	1	1	2	1	3	0	0
Unbekannt		0	2	5	0	0	2	1	2	2
Insgesamt		22	30	23	4	13	20	21	12	14

* Tabelle verfasst durch: [Архив СибГМУ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 679, 789, 874, 1858, 11666; Архив ТГПУ. Ф. 566. Оп. 2. Д. 2083, 2756, 5036, 10632, 16120; Архив ТГУ. Ф. 815. Оп. 35. Д. 120; Оп. 58. Д. 177; Оп. 59. Д. 34; Оп. 76. Д. 15; Архив ТПУ. Оп. 7. Д. 507, 753, 3138, 2468; Оп. 11. Д. 316; Оп. 12. Д. 27, 296, 664, 1297; ГАТО. Ф. 561. Оп. 2. Д. 95, 96, 104, 105, 112, 116, 117, 118; Ф. 1129. Оп. 2. Д. 310, 677; Оп. 5. Д. 8, 25, 84, 267, 268, 677; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372; Д. 1648. Л. 3–5].

Diese Unterschiede gibt es in Bezug auf *die Disziplin*. 100% der Mitglieder OUN und Kalmücken hatten keine Disziplinprobleme, gefolgt

von Verbannten aus Moldawien (81,2%) und Deutschen (72,5%). Die größten Probleme hatten die Verbannten aus dem Baltikum (50%). Im Allgemeinen zeichnen sich 75% durch gutes Benehmen aus. In mehr als der Hälfte der Fälle wurden die undisziplinierten Sondersiedler wegen regelmäßiger Versäumnisse vermahnt. Relativ landläufig waren folgende Disziplinarverstöße: Verstoß gegen die Wohnheimregel, Grobheit gegenüber den Lehrern, Alkoholsucht. Im Allgemeinen war die Disziplin besser als ihre Leistung. Dies war charakteristisch für Kalmücken und Deutsche. Die gegensätzliche Situation wird bezüglich Verbannte aus dem Baltikum und Moldawien beobachtet.

Für eine bessere Analyse *der sozialpolitischen Aktivität* wurde sie auf fünf Kategorien aufgeteilt (Tabelle 2):

1. Die Komsomolaufträge einwandfrei erfüllenden Sondersiedler.
2. Die Komsomolaufträge erfüllenden, aber nicht so aktiven Personen.
3. Die nicht aktiven Deportierten.
4. Die negativ charakterisierten Personen.
5. Deportierte, deren sozialpolitisches Leben nicht charakterisiert wurde.

Anhand der Tabelle 2 kann man erkennen, dass 41,25% der Sondersiedler eine jeweilige Aktivität im sozialpolitischen Leben vollbrachten, 43,75% indifferent waren, 15% irgendwelche Beschwerden seitens der Leitung verursachten. Die Mitglieder der OUN waren am aktivsten (66,7%). Auf dem zweiten Platz stehen die Verbannten aus dem Baltikum (50,0%). Unter Aktivisten gibt es 45% der Deutschen, 31,25% der Verbannten aus Moldawien und 25,0% der Kalmücken. Die negative Charakteristik hatten nur Deutsche (20,0%), ein Verbannter aus Moldawien und ein Türke. Aber diese Beschwerden waren meistens keine böswilligen antisowjetischen Aktivitäten. 50% der negativ charakterisierten Sondersiedler erfüllten unzeitgemäß irgendwelche Komsomolaufträge. Zwei Personen agitierten gegen die Veranstaltung des Komsomols. Im ersten Fall rief ein Studierender auf der Gewerkschaftskonferenz dazu auf, „sich mit dem Direktor zu streiten“. Außerdem war er einer der Initiatoren der Studentenversammlung, die nachher von dem Parteibüro abfällig beurteilt wurde [ЦДННТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 202]. Im zweiten Fall agitierte eine Auszubildende gegen die Teilnahme am Geländelauf: Sie sagte, dass sie nicht obligatorisch ist [ЦДННТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949 Л. 224]. Während man im ersten Fall über einen starken Konflikt mit der Leitung sprechen kann, sieht der zweite Fall nach einem Versuch aus, sich der Teilnahme am Wettbewerb zu verweigern.

Tabelle 3 zeigt, dass 42,5% *der Angehörigen des Komsomols oder der KPdSU* waren. Dabei gab es unter den Parteimitgliedern nur einen Kalmücken (seit 1942) und einen Sondersiedler (Art des Sonderkontingents wurde nicht bekannt gegeben), der durch das Bezirkskomitee des Komsomols als Kandidat empfohlen wurde. Außerdem weisen diese Angaben nach, dass 50% der analysierten Kalmücken und Deutschen Angehörige dieser Organisationen waren. Weder Verbannte aus dem Baltikum noch Mitglieder der OUN waren Komsomolzen. Die Verbannten aus dem Baltikum strebten

nicht danach, dem Komsomolzen verband beizutreten, und waren auch weniger erfolgreich in anderen Sphären. Im Gegensatz dazu erzielten Mitglieder der OUN sehr gute Ergebnisse. Trotzdem wurden zwei von ihnen nicht in den Komsomol aufgenommen. Vielleicht gab es Barrieren, die ihre Möglichkeit, diesen Organisationen beizutreten, einschränkten. Darüber hinaus war die Anzahl der Deutschen, Kalmücken und Verbannten aus Moldawien, die Komsomolzen waren, viel größer als derjenigen, die aktiv im sozialpolitischen Leben waren. Also bedeutete die Mitgliedschaft in diesen Organisationen eine externe Demonstration der Loyalität.

Tabelle 3*

Mitgliedschaft im Komsomol oder in der KPdSU (Pers.)

Sonderkontingent		Mitglieder			Keine Mitglieder	
		trat vor der Immatrikulation bei	trat nach der Immatrikulation bei	unbekannt	versuchten nicht, beizutreten	wurden nicht aufgenommen
Deutsche		12	4	4	18	2
Mitglieder der OUN		0	0	0	4	2
Kalmücken		1	1	0	2	0
Türken		1	0	0	0	0
Verbannte	aus Moldawien	1	2	4	9	0
	aus dem Baltikum	0	0	0	6	0
Unbekannt		0	1	3	3	0
Insgesamt		15	8	11	42	4

* Tabelle verfasst durch: [ЦДНІТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372; Д. 1648. Л. 3–5].

Diese vier Parameter wurden miteinander verglichen, dafür wurden die Deportierten in fünf Gruppen abhängig vom Grad ihrer Übereinstimmung mit dem Bild des „idealen Studenten“ eingeteilt: von der Sondersiedler, die in allen vier analysierten Sphären erfolgreich waren, bis zu der, die positive Ergebnisse in keinem Bereich hatten. Anhand der Quellenanalyse kann man zum Schluss kommen, dass die Gruppe der maximal aktiven Sondersiedler, die in vier Sphären erfolgreich waren, 20 % beträgt. 23,75 % wählten im Gegenteil den Weg, in dessen Rahmen das soziale Umfeld nicht akzeptiert wird (sie hatten entweder positive Ergebnisse in keiner Sphäre oder waren in nur einem Bereich gelungen). 56,3 % gehörten zur Mittelgruppe: Sie wollten sich in zwei oder drei Sphären verwirklichen. Zum Beispiel hatten sie gute akademische Leistungen und waren diszipliniert, aber sie interessierten sich nicht für das sozialpolitische Leben.

Dabei gibt es Unterschiede zwischen den Verhaltensmodellen von verschiedenen Sonderkontingenten. Zur Kategorie der Besten gehören 25 % der Deutschen, Kalmücken und Verbannten aus Moldawien. Alle Mitglieder der OUN sind ein Teil der Mittelgruppe, aber, wie oben erwähnt, war es nur damit verbunden, dass sie nicht in den Komsomol aufgenommen wurden. Außerdem umfasst die Mittelgruppe jeweils 75, 62,5 und 50 % der Kalmücken, Verbannten aus Moldawien und dem Baltikum. Kalmücken weichen vom durchschnittlichen Niveau nur zum Besseren ab, im Gegenteil weichen Verbannte aus dem Baltikum zur Seite der minimalen Aktivität ab. Nur 45 % der Deutschen sind ein Teil der Mittelgruppe, 25 % entsprachen im höchsten Grad den Anforderungen, 30,3 % entsprachen ihnen grundsätzlich nicht. Insgesamt zeigt sich, dass Mitglieder der OUN, Kalmücken und Verbannte aus Moldawien meistens den Weg der Integration auswählten. Der gegenüberliegende Weg war charakteristisch für die Verbannten aus dem Baltikum.

Die Sondersiedler hatten im Allgemeinen ziemlich gute *Beziehungen mit Kommilitonen*. In Charakteristiken wurden nur drei Fälle genannt, in denen die Deportierten öffentliche Konflikte mit anderen Menschen hatten. Noch eine Seite ihrer Beziehungen mit Kommilitonen wurde seltsamerweise durch die Rügen widerspiegelt: Ein Deportierter schwänzte den Unterricht zusammen mit Genossen [Архив СибГМУ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 789. Л. 11], ein anderer verstieß mit dem Freund gegen die Disziplin in der Englischstunde [ГАТО. Ф. 1129. Оп. 5. Д. 267. Л. 10], ein dritter trank Alkohol mit anderen Studenten [ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 214]. Obwohl diese Aktionen den Regeln widersprachen, sind sie für das studentische Umfeld ganz typisch.

Ein ziemlich häufiger Anpassungsmechanismus war *das Streben, eigenen sozialen Status zu verbergen*. Bei der Immatrikulation schrieben sie eine Autobiographie, in der sie angeben mussten, dass sie Sondersiedler sind. Die Autoren von $\frac{3}{4}$ der Autobiographien versuchten, diese Information irgendwie zu verschleiern („1945 wurden wir nach Tomsk evakuiert“, „1941 zogen wir nach Kolpaschewo um“). Nur in sieben Autobiographien gibt es einen direkten Hinweis auf den sozialen Status. Manchmal wurde direkt in Charakteristiken berichtet, dass Sondersiedler ihren Status verbargen. So wurde in einer Charakteristik gemeldet, dass der Deutsche M. in allen Dokumenten schrieb, dass er ein Russe sei, obwohl er tatsächlich ein Deutscher sei [ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 210]. Als Folge dessen wurde er 1951 aus dem Komsomol ausgeschlossen.

Ein Diskriminierungssystem der Sondersiedler innerhalb der Bildungseinrichtungen

Die Deportierten konnten einen großen Teil von Privilegien in den Bildungseinrichtungen benutzen: Sie konnten ein Stipendium bekommen, von der Bildungsgebühr befreit werden, ein Diplom mit Auszeichnung erhalten. Aber es gibt einzelne Tatsachen, die von Diskriminierung zeugen können.

1. In einer Charakteristik der Auszubildenden berichtet man darüber, dass wegen ihrer ausgezeichneten Leistung vielfach Dankschriften, die von ehemaligen Direktoren unterschrieben worden war, ausgegeben wurden und die Möglichkeit, ein Diplom mit Auszeichnung zu erhalten, nicht ausgeschlossen wird. Aber das wird nicht zugelassen [ЦДНІТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 234]. Jedoch erhielten sechs Sondersiedler die Diplome mit Auszeichnung. Eine wichtige Rolle spielte vielleicht die Angst der Leitung der Bildungseinrichtung vor der UMGB: Sie strebte danach, sich rückzuversichern.

2. Ein Auszubildender musste für Sporterfolge mit der Ehrenurkunde des Regionalrats belohnt werden. Jedoch wurde später eine andere Anordnung veröffentlicht, die die erste Entscheidung rückgängig machte. Die Gründe wurden nicht erläutert, jedoch wurde dort gesagt, dass man dem Vorsitzenden des Regionalkomitees für Körperkultur auf die verantwortungslose Haltung gegenüber der Auswahl der Kandidaten für diese Belohnung hinweisen soll [ІАТО. Ф. 1129. Оп. 5. Д. 267. Л. 7]. Nicht nur der soziale Status, sondern auch andere Faktoren konnten die Ursache der zweiten Anordnung sein: Der Sondersiedlervertief gegen die Disziplin.

3. Der Status „Sondersiedler“ konnte wesentliche Schwierigkeiten schaffen, wenn sie das betriebliche Praktikum, das manchmal in anderen Gebieten stattfand, absolvieren mussten. Daher brauchten sie eine Genehmigung der Aufsichtsbehörde. Ein Sondersiedler bekam diese Erlaubnis nicht rechtzeitig. Im Ergebnis musste er statt Sommerferien das Praktikum machen [Архив ТПУ. Оп. 11. Д. 316. Л. 15].

In Personalakten fanden sich auch zehn Bescheinigungen über den Absolventeneinsatz. In ihnen wurden der Name der Organisation, in der der Sondersiedler arbeiten wird, die Dienststellung und die Lohnhöhe genannt. Angesichts dieser Quellen liegen folgende Schlussfolgerungen nahe. Erstens entsprach die Arbeit völlig ihren Fachrichtungen. Zweitens erfolgte die Ernennung zu Dienststellungen unter Berücksichtigung der Leistung. Drittens war der Lohn der Absolventen höher als der durchschnittliche Lohn, der in der ersten Hälfte der 1950er Jahre zwischen 646 und 711 Rubel variierte [Решения партии, с. 774–775]: Sondersiedler bekamen 880 bis 1900 Rubel pro Monat.

So ließen sich teilweise die Antworten auf die gestellten Fragen ermitteln. Das Regime betrieb eine Politik, die die Möglichkeiten der Sondersiedler, eine Fach- und Hochschulbildung zu erlangen, systematisch beschränkte. Diese Politik umfasste nicht nur die vom Regime direkt festgelegten Barrieren, sondern auch durch die Initiative der lokalen Behörden oder der Mitarbeiter von Bildungseinrichtungen geschaffene Hindernisse. Das Regime wirkte sich hauptsächlich im Immatrikulationsprozess diskriminierend auf die Deportierten aus. Infolgedessen war diese Art der Bildung für Sondersiedler schwer zugänglich. Innerhalb der Bildungseinrichtungen hatten die Diskriminierungsaktionen keinen systematischen Charakter und begrenzten sich auf einzelne Verletzungen der Rechte.

Die Immatrikulationsbarrieren konnten einzelne Sondersiedler überwinden (hier spielten nationale und familiäre Traditionen eine

важную роль). Для преодоления этих препятствий использовали эти люди различные инструменты (работа в образовательной системе, стелание маскировки и т. д.). Для этих отдельных депортированных была высшая и специальная подготовка одним относительно эффективным инструментом интеграции. Эти спецселители учились новым умениям, получили разрешение на работу на высокооплачиваемых должностях и расширили свои социальные контакты. Кроме того они принимали правила игры и хотели присоединиться к комсомолу. Примерно 80% могли использовать имеющиеся возможности относительно эффективно, при этом 25% были очень активны. Примерно 20% не смогли успешно интегрироваться, что соответствует обычным значениям в любом обществе. Кроме того были различия между различными контингентами очевидны. Наибольшее интеграционное потенциальное имели члены ОУН, немцы и депортированные из Молдавии, наименьшее – депортированные из Прибалтики.

Список литературы

- Архив СибГМУ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 679, 789, 874, 1858, 11666.
Архив ТПУ. Ф. 566. Оп. 2. Д. 2083, 2756, 5036, 10632, 16120.
Архив ТГУ. Ф. 815. Оп. 35. Д. 120; Оп. 58. Д. 177; Оп. 59. Д. 34; Оп. 76. Д. 15.
Архив ТПУ. Оп. 7. Д. 507, 753, 3138, 2468; Оп. 11. Д. 316; Оп. 12. Д. 27, 296, 664, 1297.
ГАКО. Ф. Р-75. Оп. 7. Д. 93.
ГАРФ. Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436.
ГАТО. Ф. 561. Оп. 2. Д. 95, 96, 104, 105, 112, 116, 117, 118; Ф. 1129. Оп. 2. Д. 310, 677; Оп. 5. Д. 8, 25, 84, 267, 268, 677.
Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть : Антропология депортационной травмы калмыков. Stuttgart : Ibidem, 2005. 282 с.
Загороднюк Н. И. Школы для спецпереселенцев (30–50 гг.) // Исторический опыт образования Тюменского края : материалы обл. науч. конф. Тюмень : [Б. и.], 1992. С. 78–80.
Иванов А. С. Образовательная среда спецпоселений Югры 1930–1950-х гг.: формирование и эволюция образовательного пространства // Манускрипт. 2016. № 12. С. 75–79.
Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2009. 192 с.
Красильников С. А., Сарнова В. В. Сохранение национальной культуры и этничности спецпереселенцами в Сибири в 1930–1940-е годы // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX в. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 197–217.
Мошкин В. В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север (1930–1933 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск : [Б. и.], 1992. 208 с.
Рабинович Р. Сквозь три строя. М. : Муза творчества, 2015. 520 с.
РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113.
Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : 1917–1967 : в 5 т. М. : Политиздат, 1967. Т. 2. 1929–1940. 558 с.
Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических Республик (№ 1–32). М. : Управление делами Совета министров СССР, 1940. 1078 с.
ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 243, 948, 949, 1648, 1649, 1707.
Эльбуздукаева Т. У., Яндарова С. Х. Политический аспект социализации чеченцев и ингушей в области образования и культуры в местах спецпоселения в 40–50-е гг. XX в. // Вестн. Владикавказ. науч. центра. 2016. № 4. С. 24–29.
Parsons T. The Social System. L. : Routledge, 1991. 575 p.

References

- Arkhiv SibGMU* [Archive of Siberian State Medical University]. Stock 561. List 1. Dos. 679, 789, 874, 1858, 11666.
- Arkhiv TGPU* [Archive of Tomsk State Pedagogical University]. Stock 566. List 2. Dos. 2083, 2756, 5036, 10632, 16120.
- Arkhiv TGU* [Archive of Tomsk State University]. Stock 815. List 35. Dos. 120; List 58. Dos. 177; List 59. Dos. 34; List 76. Dos. 15.
- Arkhiv TPU* [Archive of Tomsk Polytechnic University]. List 7. Dos. 507, 753, 3138, 2468; List 11. Dos. 316; List 12. Dos. 27, 296, 664, 1297.
- El'buzdukaeva, T. U., Yandarova, S. Kh. (2016). Politicheskii aspekt sotsializatsii chechentshev i ingushei v oblasti obrazovaniya i kul'tury v mestakh spetsposeleniya v 40–50-e gg. XX v. [Political Socialisation of Chechens and Ingushes in the Educational and Cultural Fields in Special Settlements between the 1940s and 1950s]. In *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. No. 4, pp. 24–29.
- GAKO* [State Archive of Kemerovo Region]. Stock. R-75. List 7. Dos. 93.
- GARF* [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-9408. List 1. Dos. 1; Stock R-9479. List 1. Dos. 436.
- GATO* [State Archive of Tomsk Region]. Stock 561. List 2. Dos. 95, 96, 104, 105, 112, 116, 117, 118; Stock 1129. List 2. Dos. 310, 677; List 5. Dos. 8, 25, 84, 267, 268, 677.
- Guchinova, E.-B. M. (2005). *Pomnit' nel'zya zabyt'. Antropologiya deportatsionnoi travmy kalmykov* [It is Impossible to Forget, Remember. An Anthropology of the Deportation Trauma of the Kalmyks]. Stuttgart, Ibidem. 282 p.
- Ignatova, N. M. (2009). *Spetspereselentsy v respublike Komi v 1930–1950-e gg.* [Special Settlers in the Komi Republic, 1930s–1950s]. Syktyvkar, Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN. 192 p.
- Ivanov, A. S. (2016). *Obrazovatel'naya sreda spetsposelenii Yugry 1930–1950-kh gg.: formirovanie i evolyutsiya obrazovatel'nogo prostranstva* [Educational Environment of Yugra Special Settlements in the 1930s–1950s: Formation and Evolution of Educational Space]. In *Manuskript*. No. 12, pp. 75–79.
- Krasil'nikov, S. A., Sarnova, V. V. (2004). Sokhranenie natsional'noi kul'tury i etnichnosti spetspereselentsami v Sibiri v 1930–1940-e gody [Preservation of National Culture and Identity by Displaced Persons in Siberia in the 1930s–1940s]. In *Natsional'no-kul'turnaya politika v Sibirskom regione v XX v.* Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, pp. 197–217.
- Moshkin, V. V. (1992). *Krest'yanskaya ssylka na Ob'-Irtyshskii Sever (1930–1933 gg.)* [Deportation of Peasants to the Ob-Irtysh North (1930–1933)]. Dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Nizhnevartovsk, S. n. 208 p.
- Parsons, T. (1991). *The Social System*. L., Routledge. 575 p.
- Rabinovich, R. (2015). *Skvoz' tri stroya* [Through Three Regimes]. Moscow, Muza tvorchestva. 520 p.
- Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam. 1917–1967 v 5 t.* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues. 1917–1967. 5 Vols.]. (1967). Moscow, Politizdat. Vol. 2, 1929–1940. 558 p.
- RGAE* [Russian State Archive of the Economy]. Stock 1562. List 41. Dos. 113.
- Sobranie postanovlenii i rasporyazhenii pravitel'stva SSSR (№ 1–32)* [Collection of the Resolutions and Orders of the Government of the USSR (No. 1–32)]. (1940). Moscow, Upravlenie delami Soveta Ministrov SSSR. 1078 p.
- TsDNI TO* [Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Region]. Stock 607. List 1. Dos. 243, 948, 949, 1648, 1649, 1707.
- Zagorodnyuk, N. I. (1992). *Shkoly dlya spetspereselentsev (30–50 gg.)* [Schools for Special Settlers (1930–1950)]. In *Istoricheskii opyt obrazovaniya Tyumenskogo kraya. Materialy oblastnoi nauchnoi konferentsii*. Tyumen, S. n., pp. 78–80.

DOI 10.15826/qr.2019.3.408
УДК 069.1(571.16):343.26+323.281

ТОМСКИЙ МУЗЕЙ «СЛЕДСТВЕННАЯ ТЮРЬМА НКВД»: ПРОБЛЕМЫ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ГУЛАГА*

Владислав Стаф

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
Москва, Россия

THE TOMSK NKVD PRISON MUSEUM: ISSUES OF THE MEMORIALISATION OF GULAG

Vladislav Staf

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article examines the history of the Tomsk Memorial NKVD Prison (a museum of the history of political repressions) in Siberia, located in the basement of the former parochial school that was converted into prison cells and used between 1923 and 1944 to keep thousands of repressed inhabitants from Tomsk and the surrounding region. Thousands were executed by shooting. The article concerns the activity of the Tomsk Memorial society, which has played a major role in the establishment of the museum and its further development in recent years. The author refers to materials from the Archive of the Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Studies, media publications, electronic resources on the museum's website, and data discovered during field research in Tomsk. The history of the museum demonstrates the role played by the favourable situation during Perestroika, which combined public demand and active participation of the authorities and even representatives of the Federal Penitentiary Service and KGB. In the post-Soviet period, the museum fell victim to financial problems that neither the authorities nor the employees of the museum have been able to solve. In addition to economic problems and problems with property documents, the museum has had to face the fact that

---

* *Citation:* Staf, V. (2019). The Tomsk NKVD Prison Museum: Issues of the Memorialisation of Gulag. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 791–800. DOI 10.15826/qr.2019.3.408.

Цитирование: Стаф В. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 791–800. DOI 10.15826/qr.2019.3.408.

the basement of the former prison was converted into flats after World War II. The loss of the prison interior made it very difficult to work on the exhibition. The public's attitude to the museum needs to be analysed. It transpires that the former prison often attracts more interest from visitors than the exhibition about Soviet repressions and the Gulag. The study also compares the Tomsk Memorial NKVD Prison with similar memorial museums in other cities.

Keywords: prison; memorial museum; political repression; Gulag; Memorial.

Рассматривается история музея «Следственная тюрьма НКВД» в Томске, находящегося в подвале бывшей приходской школы, который с 1923 по 1944 г. был переоборудован под камеры для заключенных и через который прошли тысячи репрессированных жителей Томска и Томской области. Многие из них были расстреляны. Описана деятельность томского общества «Мемориал», благодаря которому и возник в 1989 г. музей, а также изначальные концепции его развития и дальнейшее совершенствование на протяжении последних лет. Источниками работы стали материалы Архива Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова, публикации в СМИ разных лет и электронные ресурсы на сайте музея, а также данные, полученные в ходе полевых исследований в Томске. История музея демонстрирует, какую роль в его возникновении сыграла благоприятная конъюнктура эпохи перестройки, соединившая общественный запрос и активное участие властей и даже сотрудников ФСИН и КГБ, а также то, как при отказе государства от финансирования в постсоветское время он стал заложником финансовых и других проблем, которые годами не могут решить ни власти, ни сотрудники музея. Помимо экономических проблем и вопросов с документами, обосновывающими право на помещение, музей столкнулся и с жизненными проблемами людей, населявших бывшие камеры НКВД, переоборудованные под квартиры после войны. Утрата тюремного интерьера и забвение тюремной материальной культуры усложнили работу над формированием экспозиции. Требуется нового осмысления типа интереса к музею у массового посетителя. Обнаружилось превалирование интереса к феномену тюрьмы перед желанием узнать историю советских репрессий и ГУЛАГа. Представлен сравнительный анализ музея «Следственная тюрьма НКВД» с мемориальными музеями России подобного типа.

Ключевые слова: тюрьма; мемориальный музей НКВД; политические репрессии; ГУЛАГ; Томская ссылка.

К особому типу музеев относятся «музеи памяти», посвященные историческим событиям, связанным с массовыми страданиями людей [Williams, p. 8]. В их экспозициях рассказывается о судьбах людей, прошедших через политические репрессии, несвободу, а также тяжелые испытания во времена войн или иных природных и социальных катастроф. Помимо музеев памяти, это музеи холокоста или

геноцида, музеи рабства, музеи истории гражданских прав афроамериканцев (США), а также тюремные музеи и музеи пыток [Museum studies, p. 121]. В конце XX в. по всему миру стали открываться мемориальные музеи, расположенные в бывших зданиях тюрем, в которых проводили свои последние дни или годами томились жертвы тоталитарных режимов¹ [Williams, p. 131]. Надо отметить и особый смысл, который несет их «тюремность»: они не просто реализуют функцию напоминания об ответственности тоталитарных режимов, но и подчеркивают конкретные места, где происходили эти репрессии, и ответственность конкретных функционеров.

Отечественные тюремные музеи стали открываться в первые годы существования СССР. Некоторое сходство с современными мемориальными тюремными музеями имела тюрьма Трубецкого бастиона (Санкт-Петербург), ставшая музеем уже в 1924 г.; целями музея были противопоставление нового советского строя царскому режиму, мемориализация декабристского движения. В современной России также существуют музеи тюрем, многие из которых находятся в стенах монастырей и крепостей, служивших местами заключений до 1917 г. и в советское время: это Тобольский тюремный замок, Соловецкий монастырь, Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале, бывший политизолятором в 1923–1939 гг., и т. д. Основной акцент в их экспозициях делается на истории монастыря или крепости, рассказывается об узниках места, тюремный быт обычно представлен деталями экспозиции. Так, в Тобольском тюремном замке в 2014 г. был открыт хостел «Узник», где люди могут провести время в камере, в Соловецком монастыре о лагере и тюрьме почти не рассказывается – история советских репрессий описывается в экспозиции бывшего барака за стенами монастыря. Существуют и ведомственные музеи, однако большинство из них являются структурами Федеральной системы исполнения наказаний (ФСИН) при действующих тюрьмах: это Музей истории Бутырской тюрьмы (Москва), Музей Иркутского тюремного замка. В них невозможно попасть без специального разрешения, а их экспозиции посвящены исключительно работникам исправительной системы.

Филиал Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова «Следственная тюрьма НКВД» – один из уникальных мемориальных музеев в России, посвященный сталинским репрессиям, и единственный городской музей такого типа, расположенный в здании бывшей тюрьмы². История его создания и обсуждение экспозиции оказывались за пределами сферы внимания исследователей [Григорьева, с. 17–20].

---

¹ К таковым относятся Музей тюрьмы «Штази» (Германия), Музей жертв геноцида, в подвале которого были камеры, в том числе и расстрельные (Вильнюс), музей бывшей тюрьмы на острове Роббен Айленд (Австралия), «Туольсленг» в Пномпене (Камбоджа).

² Тюремным музеем можно назвать и барак в зоне особого режима «Пермь-36», откуда заключенные месяцами, а иногда и годами не выходили на улицу.

Кирпичное здание следственной тюрьмы НКВД было изначально построено в начале XX в. для приходской школы. Во время Первой мировой войны там был госпиталь, а с 1923 по 1944 г. здесь находился следственный изолятор Томского городского отдела ОГПУ – НКВД [О музее]. На верхних этажах располагались кабинеты следователей, а подвал был переоборудован под тюремные камеры. В августе 1944 г. была учреждена Томская область, стали формироваться местные органы власти, в том числе и областное управление НКГБ, здание бывшей тюрьмы было оставлено за сотрудниками НКВД в качестве жилого дома. В связи с послевоенным жилищным кризисом в СССР в камерах в подвале тюрьмы, где раньше находились заключенные, был проведен ремонт: были убраны тюремные специфические двери и оконные решетки. В подвале был один коридор, куда выходили одиночные комнаты, состоящие из сдвоенных бывших камер, один туалет и одна кухня. Здесь жили работники НКГБ и технический персонал, а на верхних этажах здания, где раньше проводились следственные действия, были оборудованы 15 квартир для областного руководства НКГБ [Там же].

Идея создания музея в этом здании исходила от исторической секции возникшего в 1988 г. Томского областного общества «Мемориал» [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 39. Л. 1–12], имевшей в то время большое влияние. В исторической секции «Мемориала», которой руководил историк Б. П. Тренин, активно приступили к сбору и обнародованию материалов о массовых репрессиях 1920–1950-х гг. на Томской земле. За несколько лет возникла большая коллекция писем с воспоминаниями, архивных справок о репрессиях и о реабилитациях, фотоматериалов и т. д. [Тренин Борис Павлович]. На основе этих материалов «Мемориалом» было подготовлено несколько передвижных выставок, а сформированный архивный фонд впоследствии составил основу музейных фондов [Томский мемориальный музей истории политических репрессий].

В рамках принятого 16 января 1989 г. постановления Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» [О дополнительных мерах] Совет народных депутатов дал распоряжение горисполкомам и райисполкомам ряда городов Томской области³ «принять меры к увековечению памяти жертв незаконных репрессий в местах выявленных захоронений и местах массового пребывания в 1930–40-е годы заключенных и спецпереселенцев», а «дирекции краеведческого музея совместно с обществом охраны памятников истории и культуры и советом историко-просветительского общества “Мемориал” подготовить и открыть в краеведческом музее экспозицию, посвященную жертвам сталинских репрессий»

³ Были задействованы архивы в городах Асинова, Колпашево, Бакчара, Каргасока, Парабели и др.

[Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 742. Л. 1]. Томскому горисполкому также был направлен запрос об открытии филиала краеведческого музея, посвященного памяти жертв политических репрессий [Там же. Л. 2]. Музей должен был стать частью мемориального комплекса в сквере Памяти. В 1989 г. Томский городской совет народных депутатов решил оборудовать мемориальный сквер Памяти жертв сталинских репрессий по проспекту Ленина между домами 42 и 44, «а также передать помещения (подвала здания. – В. С.) по проспекту Ленина, 44 дирекции областного краеведческого музея для открытия филиала музея с экспозицией, посвященной жертвам сталинских репрессий» [Там же. Оп. 20. Д. 4. Л. 1]. Для объединения их в единое целое понадобилась реконструкция подземного тоннеля между двумя указанными зданиями⁴, служившего коридором для заключенных и одновременно местом расстрелов. Формально сейчас сквер Памяти не является частью музея, хотя по нему также проводят экскурсии, наряду с экспозицией в здании бывшей следственной тюрьмы.

В томском «Мемориале» состояли представители местной интеллигенции и местные сотрудники КГБ [Евсейчук]. По словам председателя общества «Мемориал» и декана исторического факультета Томского государственного университета Б. П. Тренина, благодаря участию управляющего делами облисполкома Григория Парфёнова, заместителя председателя облисполкома Виктора Малащука, а также мэра Томска Геннадия Коновалова и его заместителя Николая Гончара вопрос о создании музея «был решен в один день и одним постановлением» [Свинин]. И хотя местное УВД неохотно поддерживало деятельность «Мемориала», сотрудники УФСИН России по Томской области внесли свой вклад в формирование коллекции будущего музея, отыскав, например, двери 1930-х гг. (такие же, какие были до закрытия следственной тюрьмы) [Ханевич, 1994]. Помогали в создании коллекции и местные жители, которые откликнулись на призыв создателей музея и принесли в него личные вещи, связанные с их репрессированными родственниками, или предметы быта 1930–1950-х гг. [Ханевич, 1993].

Через несколько лет музей начал функционировать. В 1991 г. подвальное помещение здания площадью 215,4 м² было передано Томскому областному краеведческому музею им. М. Б. Шатилова, с которым администрация города заключила договор бессрочного и безвозмездного пользования. Были планы передать здание целиком, однако на тот момент на всех остальных этажах располагались жилые квартиры, которые с большим трудом стали расселять позднее. К тому времени в музее уже был создан отдел политической истории. Назначенный заведующим отделом В. А. Ханевич впоследствии станет бессменным директором тюремного музея. В здании бывшей тюрьмы долгое время шел ремонт, и первая выставка – «Творчество

---

⁴ На данный момент тоннель так и остается засыпанным; когда его будут расширять и реконструировать, неизвестно.

и быт в ГУЛАГе» – открылась только в 1996 г., тогда музей был открыт для посетителей [Сизова, с. 113]. Первый отзыв еще до открытия музея и выставки в 1994 г. здесь оставил Александр Солженицын, после возвращения из США в Россию он побывал в подвале бывшей тюрьмы и написал: «Томскому музею политической истории XX века. Радостно Ваше начинание, восстановление страшных деталей коммунистического прошлого» [Томский мемориальный музей истории политических репрессий].

Долгое время у музея не было определенного названия, несмотря на то, что в учредительных документах он назывался «Музеем политической истории» [Там же], в официальной же переписке фигурировали разные названия [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1141. Л. 1–13]. Общепринятыми считались два наименования – музей «Мемориала», так как он был открыт в первую очередь благодаря усилиям сотрудников этого общества, и филиал политической истории Томского областного краеведческого музея им. М. В. Шатилова. От первоначальной идеи назвать его «Музеем политической истории XX века» создатели отказались. Поскольку из всего здания музею принадлежит только подвал, а главной его тематикой стала история политических репрессий, он был назван по месту своего расположения – «Следственная тюрьма НКВД».

Экспозиция «Следственной тюрьмы НКВД» рассказывает об истории политических репрессий на всем пространстве СССР. Темы постоянной экспозиции музея: «Хроника репрессий на Томской земле», «Большой террор», «Расстрельный крест», «Белостокская трагедия», «Члены семей изменников Родины», «Их трагические судьбы», «Судьба священника», «Колпашевский яр», «ГУЛАГ и спецпереселенцы Нарымского края». Кроме того, в нее входят также персональные стенды с биографическими материалами и документами поэта Н. А. Клюева, философа Г. Г. Шпета и других [О музее]. Являясь филиалом Томского краеведческого музея им. М. В. Шатилова, «Следственная тюрьма» занимается прежде всего работой с базами данных о репрессированных жителях Томской обл., поэтому в экспозиции представлено много документов НКВД и фотографий репрессированных. Эта работа воплощается не только в экспозиции, но и на сайте музея, где с 2013 г. есть специальный раздел «Мартиролог».

Экспозиция располагается в четырех залах, где прежде находились камеры. В оформлении пространства подчеркивается тюремная тематика. В восстановленном интерьере использованы аутентичные предметы из других тюрем [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 37. Л. 2]. Символическим дополнением к ней стала расположенная в подземном тюремном тоннеле композиция томского скульптора Олега Кислицкого «Уходящий в небытие», в которой посетители видят через решетку спину человека, «погруженного» в стену⁵.

⁵ Композиция была установлена в 2005 г.

Несмотря на то, что экспозиция вошла в состав краеведческого музея и пользовалась поддержкой властей, ее положение оказалось достаточно неустойчивым, что было связано с переходом на рыночные механизмы регулирования вопросов собственности. Через пять лет после торжественного открытия музея в 2001 г. договор о передаче в бессрочное пользование подвала был расторгнут и затем перезаключен на 25 лет [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 37. Л. 2]. А в 2004 г. верхнюю часть здания бывшего СИЗО, занятую квартирами, выкупил томский предприниматель И. Ю. Скоробогатов. Расселив жильцов, Скоробогатов подал заявление в суд на музей от имени товарищества собственников жилья и выиграл его, получив решение о принадлежности собственникам жилья всех помещений, включая подвал. При участии властей удалось достичь компромисса, в соответствии с которым музей оставался в занятых помещениях, но предпринимателю отходила часть подвала. Эта запутанная ситуация имела и положительные последствия: в качестве компенсации бизнесмен осуществил к празднованию 400-летия Томска полный ремонт здания, в том числе «Следственной тюрьмы НКВД». В ходе ремонта был обнаружен упомянутый выше подземный тоннель, где происходили расстрелы [Веснина]⁶.

В 2006 г. после начала борьбы за помещение Борис Тренин в интервью «Независимой газете» сказал, что «власть демонстрирует полное равнодушие к тому, что не затрагивает личного интереса» [Свинин]. В 2012 г. благодаря А. Кудрину и А. Чубайсу были выделены средства в размере 200 млн руб., чтобы выкупить все здание под музей, однако эти деньги так и не дошли до адресата [Микрюков], и в собственность музея не перешел даже подвал. Стремление предпринимателя извлечь прибыль из здания привело к конфликту – этаж был сдан под игровой клуб, что вызвало недовольство томской общественности [Свинин]. Однако с тех пор эти вопросы так и не решены; Скоробогатов предлагал властям города выкупить подвальные помещения, но никакой официальной реакции так и не последовало [Енюшина]. Сегодня игровых автоматов там нет, но с 2014 г. здание занимает отделение Сбербанка [Остров].

Наследие ГУЛАГа крайне тяжело реанимировать: руины лагерей сохранились только в самых удаленных и труднодоступных местах, единственными точками, связанными с памятью о преследовании людей, являются городские тюрьмы, где в 1920–1950-х гг. держали заключенных. Большая часть современной Томской обл. до 1944 г. входила в состав Нарымского округа, куда в 1930-х гг. массово ссылали раскулаченных крестьян, большинство их впоследствии погибли от голода и невыносимых условий существования. Немало жителей Томска и Томской обл. являются потомками ссыльных, пострадавших от сталинских репрессий, однако многие предпочитают об этом

---

⁶ С ремонтом был связан перерыв в работе музея, продлившийся больше года.

не вспоминать⁷, что также сыграло свою роль в проблемах музея последних лет.

«Следственная тюрьма НКВД» стала первым опытом создания мемориального музея ГУЛАГа⁸. Позднее такие музеи возникнут также и в других местах: это Музей истории политических репрессий в Кызыле, Народный музей истории ГУЛАГа в Йошкар-Оле, Музей истории жертв политических репрессий (музей КарЛАГа) в Долинке (Казахстан) и т. п. – все они созданы в бывших зданиях НКВД, в подвалах которых располагались камеры для заключенных. Однако в крупных российских городах подобных музеев нет. Показательно и то, что «тюремность» музея в восприятии его посетителей иногда даже преувеличивает над мемориальностью относительно сталинского времени. По свидетельству его директора Василия Ханевича, у большинства школьников музей вызывает интерес прежде всего потому, что дает возможность побывать в здании бывшей тюрьмы, а не потому, что позволяет изучить репрессии сталинского периода или пополнить знания о ГУЛАГе [Интервью с В. Ханевичем]. Связано, по его мнению, это с незнанием ими сталинской эпохи и восприятием тюрьмы исключительно в современном контексте. Характерно, что развитие подобных музеев в России было проявлением частной инициативы. Таковы «Пермь-36» или «Память Колымы» в Магаданской обл., также посвященные ГУЛАГу и репрессиям. Музей «Следственная тюрьма НКВД» сразу приобрел статус филиала Томского областного краеведческого музея, но его активное развитие на сегодняшний день проблематично, вопросы финансирования годами не могут решить ни его сотрудники, ни власти.

Список литературы

- Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 936, 1141; Оп. 20. Д. 4, 37, 39.
 Веснина Т. Архипелаг «Бардак»: Музей политических репрессий может превратиться в подсобку ТСЖ // Томск. вестн. 2005. 06 дек. С. 1–2.
 Григорьева С. В. История Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова (историографический обзор) // Вестн. Алтай. гос. пед. ун-та. 2015. № 24. С. 17–20.
 Евсейчук Д. Рожденные перестройкой // Томские новости + : [сайт]. 2013. 05 дек. URL: <http://tomsk-novosti.ru/rozhdenny-e-perestrojkoj/> (дата обращения: 11.11.2017).
 Енюшина Д. Стреляли в затылок, а потом выбрасывали во двор // Сибирь. Реалии : [сайт]. 2018. 15 марта. URL: <https://www.sibreal.org/a/29068122.html> (дата обращения: 15.03.2018).
 Интервью с Василием Ханевичем. 2018. 24 апр. // Личный архив В. Стафа.
 Книга отзывов // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»: [сайт]. URL: <http://nkvd.tomsk.ru/feedbackvisitors> (дата обращения: 09.03.2018).

⁷ Особенно много потомков репрессированных живет в деревнях на севере Томской обл., но часть их из деревень переехали жить в Томск.

⁸ Несмотря на то, что сотрудники музея называют его первым музеем памяти в России и считают датой его основания 13 июня 1989 г. (приказ о создании музея), для посетителей он был открыт только в 1996 г., когда в России уже существовало несколько музеев памяти о ГУЛАГе.

Микрюков С. Музей за 200 миллионов // МК.RU. Томск : [сайт]. 2014. 05 авг. URL: <http://tomsk.mk.ru/articles/2014/08/05/muzey-za-200-millionov.html> (дата обращения: 28.05.2019).

О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов : постановление Политбюро ЦК КПСС // Фонд Александра Н. Яковлева : [сайт]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66198> (дата обращения: 11.03.2018).

О музее // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» : [сайт]. URL: <http://nkvd.tomsk.ru/about/> (дата обращения 07.11.2017).

Остров А. Сбербанк памяти // V-Новости : [сайт]. 2014. 19 июня. URL: <https://news.vtomsk.ru/view/85122-sberbank-pamyati> (дата обращения: 06.03.2018).

Свинин В. Тень Вышинского в нехорошем доме // Независ. газ. : [сайт]. 2006. 03 апр. URL: http://www.ng.ru/ng_region/2006-04-03/12_vyshinskiy.html (дата обращения: 09.04.2018).

Сизова И. А. Государственная политика в сфере музейного дела во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг. и ее местная реализация (на примере Томской области) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 402. С. 109–116. DOI 10.17223/15617793/402/15.

Томский мемориальный музей истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» : [сайт]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/ККИМК2006/03.htm> (дата обращения: 08.09.2018).

Тренин Борис Павлович // Томский государственный университет : [сайт]. URL: <http://www.if.tsu.ru/chair6/Trenin.htm> (дата обращения: 09.04.2018).

Ханевич В. О прошлом – во имя будущего // Красное знамя. 1993. 10 нояб. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B9RNfvdVX7PWG9DX0xUZnRXaTA/view> (дата обращения: 12.03.2018).

Ханевич В. Экскурсия... в тюрьму // Томск. вестн. 1994. 27 янв. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B9RNfvdVX7PTUVadUhwLVVTVk0/view> (дата обращения: 13.04.2018).

Museum Studies : An Anthology of Context. Oxford : Blackwell Publ., 2004. 804 p.

Williams P. Memorial Museums : The Global Rush to Commemorate Atrocities. Oxford : Berg Publ., 2007. 225 p.

References

Архив ТОКМ [Archive of the Tomsk Regional Museum]. Stock 1. List 1. Dos. 936, 1141; List. 20. Dos. 4, 37, 39.

Enyushina, D. (2018). Strel'yali v zatylok, a potom vybrasyvali vo dvor [Shot in the Back of the Head and Thrown into the Yard]. In *Sibir'. Realii* [website]. URL: <https://www.sibreal.org/a/29068122.html> (mode of access: 15.03.2018).

Evseichuk, D. (2013). Rozhdennye perestroikoï [Born by Perestroika]. In *Tomskie novosti +* [website]. URL: <http://tomsk-novosti.ru/rozhdennye-e-perestrojkoj/> (mode of access: 11.11.2017).

Grigor'eva, S. V. (2015). Istoriya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya imeni M. B. Shatilova (istoriograficheskii obzor) [History of the Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Studies (Historiographic Review)]. In *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 24, pp. 17–20.

Interview with Vasily Khanevich. (2018). In *V. Staf's Archive*. April 24.

Khanevich, V. (1993). O proshlom – vo imya budushchego [About the Past – in the Name of the Future]. In *Krasnoe znamya* [website]. November 10. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B9RNfvdVX7PWG9DX0xUZnRXaTA/view> (mode of access: 12.03.2018).

Khanevich, V. (1994). Ekskursiya... v tyur'mu [An Excursion... to Prison]. In *Tomskii vestnik*. January 27. URL: <https://drive.google.com/file/d/0B9RNfvdVX7PTUVadUhwLVVTVk0/view> (mode of access: 13.04.2018).

Kniga otzyvov [Book of Reviews]. (N. d.). In *Memorial'nyi muzei "Sledstvennaya tyur'ma NKVD"* [website]. URL: <http://nkvd.tomsk.ru/feedbackvisitors> (mode of access: 09.03.2018).

Mikrukov, S. (2014). Muzei za 200 millinov [A Museum for 200 Million Roubles]. In *MK.RU. Tomsk* [website]. August 5. URL: <http://tomsk.mk.ru/articles/2014/08/05/muzey-za-200-millionov.html> (mode of access: 28.05.2019).

Museum Studies: An Anthology of Context. (2004). Oxford, Blackwell Publ. 804 p.

O dopolnitel'nykh merakh po vosstanovleniyu spravedlivosti v otnoshenii zhertv repressii, imevshikh mesto v period 30–40-kh i nachala 50-kh godov : Postanovlenie Politbyuro TsK KPSS [On Additional Measures to Restore Justice in Relation to Victims of Repressions that Took Place during the 1930s – 40s and Early 1950s: Resolution of the Politburo of the CPSU Central Committee]. (N. d.). In *Fond Aleksandra N. Yakovleva* [website]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66198> (mode of access: 11.03.2018).

O muzee [About the Museum]. (N. d.). In *Memorial'nyi muzei "Sledstvennaya tyur'ma NKVD"* [website]. URL: <http://nkvd.tomsk.ru/about/> (mode of access: 07.11.2017).

Ostrov, A. (2014). Sberbank pamyati [Sberbank of Memory]. In *V-Novosti* [website]. June 19. URL: <https://news.vtomske.ru/view/85122-sberbank-pamyati> (mode of access: 06.03.2018).

Sizova, I. A. (2016). Gosudarstvennaya politika v sfere muzeinogo dela vo vtoroi polovine 1950-kh – nachale 1990-kh gg. i ee mestnaya realizatsiya (na primere Tomskoi oblasti) [State Policy in the Field of Museum Studies in the Second Half of the 1950s – Early 1990s and Its Local Implementation (with Reference to Tomsk Region)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 402, pp. 109–116. DOI 10.17223/15617793/402/15.

Svinin, V. (2006). Ten' Vyshinskogo v nekoroshem dome [The Shadow of Vyshinsky in the Naughty House]. In *Nezavisimaya gazeta* [website]. April 3. URL: http://www.ng.ru/ng_region/2006-04-03/12_vyshinskiy.html (mode of access: 09.04.2018)

Tomskii memorial'nyi muzei istorii politicheskikh repressii "Sledstvennaya tyur'ma NKVD" [Museum of the History of Political Repressions "Tomsk Memorial NKVD Prison"] [website]. (N. d.). URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KKIMK2006/03.htm> (mode of access: 08.09.2018).

Trenin Boris Pavlovich [Trenin, Boris Pavlovich]. (N. d.). In *Tomskii gosudarstvennyi universitet* [website]. URL: <http://www.if.tsu.ru/chair6/Trenin.htm> (mode of access: 09.04.2018).

Vesnina, T. (2005). Arkhipelag "Bardak". Muzei politicheskikh repressii mozhet prevratit'sya v podsobku TSZh [The "Bardak" Archipelago: The Museum of Political Repressions May Turn into the Backyard of a Housing Cooperative]. In *Tomskii vestnik*. December 6, pp. 1–2.

Williams, P. (2007). *Memorial Museums: The Global Rush to Commemorate Atrocities*. Oxford, Berg Publ. 225 p.

The article was submitted on 19.04.2018

ADMINISTRATION PRACTICES OF THE "OLD REGIME": DESTINIES AND IMAGES

DOI 10.15826/qr.2019.3.409

УДК 929Петр(470)*1+929Геннин+94(100)05/..."

«ВЕЧЕРОМ ИЗ РУССКОГО ЛАГЕРЯ ПРИБЫЛ... МАЙОР»: ПЕРВЫЕ 34 ГОДА ЖИЗНИ ВИЛИМА ГЕННИНА*

Дмитрий Серов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
Новосибирск, Россия;

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

“IN THE EVENING THE MAYOR ARRIVED FROM THE RUSSIAN CAMP”: THE FIRST 34 YEARS OF THE LIFE OF WILHELM HENNING

Dmitry Serov

Novosibirsk State University
for Economics and Management,
Novosibirsk, Russia;

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is the first attempt to make a special review of the events in the early life of Wilhelm Henning, a founding father of the metallurgical industry of 18th-century Russia and of Yekaterinburg. The article concerns some issues connected with Henning's place and time of birth and his family. The author substantiates the fact that the person known as Vilim de Gennin was originally known as Georg Wilhelm Henning, born in October 1676 in Siegen. Referring to archival sources which have not been previously studied, the author clarifies the circumstances underlying the entry of Wilhelm Henning into Russian service, refuting the long-established opinion about his personal acquaintance with

---

* *Citation*: Serov, D. (2019). “In the Evening the Mayor Arrived from the Russian Camp”: The First 34 Years of the Life of Wilhelm Henning. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 801–817. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Цитирование: Серов Д. «Вечером из русского лагеря прибыл... майор»: первые 34 года жизни Вилима Геннина // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 801–817. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Peter I in 1698. He argues that the motive behind Henning's transition to the service of the Russian tsar was obviously a lack of career prospects in Western Europe. Additionally, the article demonstrates that Wilhelm Henning distorted the events of his early life in Russia in his personal note (1743). It is documented that during the first three years of his stay in Moscow, Henning worked as a master in the State Armoury; this helps prove the assumption that, by transferring to the Artillery Prikaz, Henning did not participate in campaigns of the Great Northern War during 1702–1709 and received the patronage of the Bruce brothers, Jacob and Robert. It is shown that Henning took part in military actions only in 1710, having distinguished himself as an artillery officer during the sieges of Vyborg and Kexholm. The author thus argues that the turning point of Henning's career in Russia was 1710. This was when he had his first personal meeting with Peter I, when Henning was sent to the tsar to notify him of the siege of Kexholm. Having managed to produce a favourable impression on the tsar, Henning secured further career growth (at first in St Petersburg) as a military engineer and organiser of the metallurgical industry.

Keywords: Peter the Great; Henning family; Georg/Vilim Henning; Robert Bruce; Armoury; Great Northern War; siege of Vyborg; siege of Kexholm.

Статья являет собой первый опыт специального обозрения событий начального этапа биографии Вилима Геннина, признанного организатора металлургической промышленности России XVIII в., основателя Екатеринбурга. Рассмотрены вопросы о месте и времени рождения В. Геннина, о его родственном круге. Подтверждено мнение об идентичности В. Геннина с Георгом Вильгельмом Генниным (*Georg Wilhelm Henning*), рожденным в октябре 1676 г. в г. Зигене. На основе анализа выявленных сведений о юности В. Геннина мотивировано предположение об отсутствии у него не только высшего, но и законченного среднего образования. На основании архивных документов, впервые введенных в научный оборот, уточнены обстоятельства вступления Вилима Геннина в российскую службу, опровергнута устоявшаяся точка зрения о его личном знакомстве с Петром I в 1698 г. Высказано мнение, что мотивом перехода В. Геннина на службу русскому царю явилось очевидное отсутствие у него карьерных перспектив в Западной Европе. Выявлен факт искажения Вилимом Генниным в личной записке 1743 г. событий начала службы в России. Документально установлено, что на протяжении первых трех лет пребывания в Москве В. Геннин являлся мастером Оружейной палаты. Обоснованы предположения о том, что, перейдя в ведомство Приказа артиллерии, Вилим Геннин не участвовал ни в одной из кампаний Великой Северной войны 1702–1709 гг., а также о покровительстве ему со стороны братьев генералов Я. В. и Р. В. Брюсов. Показано, что непосредственное участие в боевых действиях В. Геннин принял лишь в 1710 г., отличившись в качестве артиллерийского офицера в ходе осад Выборга и Кексгольма. Мотивировано предположение о том, что перелом в карьере В. Геннина в России произошел в 1710 г. Этот перелом был связан с его первой личной встречей с Петром I, которая состоялась в связи с командированием В. Геннина к царю с сообщением о взятии Кексгольма. Сумев произвести

на главу государства благоприятное впечатление, Вилим Геннин обеспечил себе дальнейший карьерный рост (первоначально в Санкт-Петербурге) в качестве военного инженера и организатора литейного производства.

Ключевые слова: Петр I; семейство Геннинных; Георг/Вилим Геннин; Р. В. Брюс; Оружейная палата; Великая Северная война; осада Выборга; осада Кексгольма.

1710 года сентября в 10-й день в городе Санкт-Петербурге царь и великий князь Петр Алексеевич, отвлекшись от иных дел, взялся диктовать послание светлейшему князю А. Д. Меншикову. Первыми строками в послании запечатлелись воодушевленные государевы слова: «Сего момента получили мы ведомость чрез маеора Генинга, что корельской камендант вышереченную крепость на окорд здал...» [Письма и бумаги, т. 10, с. 328]. Светлейший князь оказался первым, кого будущий император письменно известил о новой победе российского оружия – об овладении шведской крепостью Кексгольм (до 1611 г. входившей в Московское царство и именовавшейся Корелой). Кем же был «маеор Генинг», который доставил царю «ведомость» о падении крепости? И почему именно он оказался избран для выполнения столь почетной миссии?

В действительности «маеора Генинга» звали несколько иначе. В российских документах XVIII в. он фигурировал еще и как «Геннинг», и как «Геник», и как «Генин», и как «Хеник», и как «Хенинг», и даже как «Ген» и «Генан». Сам же обладатель этих разнообразных прозваний подписывался по-русски «Вилим Геннин» либо «В. Геннин». Впрочем, при рождении будущий «маеор Генинг» был наречен совсем другим именем.

Происхождение, родственный круг, юность, вступление в российскую службу

По утверждению Якоба Штелина, который лично общался с В. Генниным и первым обнаружил о нем в 1785 г. биографические сведения, тот был родом из Утрехта (*aus Utrecht in Holland gebürtig*) [Stählin, S. 397]¹. Эти же сведения в 1809 г. привел Г.-А. Гельбиг (возможно, повторив Я. Штелина) [Helbig, S. 127]. В свою очередь, согласно документу, опубликованному в 1826 г., при вступлении в российскую службу сам В. Геннин назвал себя уроженцем Ганау [Гамель, с. 66]. В действительности, как явствует из метрической записи, введенной в научный оборот в 1972 г., Георг Вильгельм Геннин (*Georg Wilhelm*

---

¹ Со ссылкой на свидетельство В. Геннина Я. Штелин привел «анекдот» № 97 (о реакции Петра I на кончину царевича Петра Петровича) [Stählin, S. 276–279]. «Анекдот» этот представляется явственно недостоверным – как по приведенным в нем крайне сомнительным реалиям, так и по заведомой невозможности для В. Геннина быть осведомленным об описанных событиях.

Henning) родился в городе Зигене и был там крещен по протестантскому обряду «в утренний молитвенный час» 11 октября 1676 г. [Lück, S. 10]. Впрочем, и Ганау, и Утрехт оказались упомянуты в старинных версиях биографии В. Геннина не случайно, с этими городами были связаны жизненные пути его близких родственников.

На сегодня возможно полагать установленным, что человек, ставший известным в России как Вилим Иванович Геннин, происходил из незнатной семьи, ряд представителей которой получили известность в XVII в. как деятели просвещения и проповедники в Голландии и в западных германских герцогствах и графствах. Дед В. Геннина Конрад Геннин, получив университетское образование, был священником в Дилленбурге, затем в Зигене, а впоследствии придворным проповедником и инспектором реформатской церкви в Ганау. Дядя, Генрих Геннин (*Heinrich Christian Henning*) (1658–1704), окончил в 1679 г. университет в Утрехте со степенью доктора медицины, впоследствии состоял ректором гимназии в голландском городе Тиле, а в 1690 г. стал ординарным профессором в университете Дуйсбурга (ил. 1).

1. Неизвестный художник.
Портрет В. де Геннина.
XVIII в.

Unknown artist. Portrait
of W. Henning. 18th century

Отец Георга/Вилима Иоганн Геннин (*Johannes Henning*) родился в 1645 г. С 1665 г. обучался философии в Академии Ганау, некоторое время работал писарем в тамошнем казначействе, потом служил младшим офицером в артиллерии. В 1674 г. обосновался в Зигене. Был женат на некоей Катарине (ее девичья фамилия осталась неустановленной), в браке с которой и родился Георг Вильгельм [Lück, S. 10–11]. В свете приведенных данных возможно предположить, что в Зигене семья прожила недолго, и детство будущего «маеора Генинга» прошло в Ганау (вероятно, в доме деда Конрада). Как следствие, этот город долгое время воспринимался Георгом/Вилимом субъективно в качестве родного.

Судя по всему, в отличие от старших родственников, Вилим Геннин не сумел получить ни университетского, ни даже полного среднего образования. В прошении о вступлении в российскую службу Георг Вильгельм указал², что «несколько лет обучался и... основательно разумеет архитектуру гражданскую, домов строение,

² Публикацию названного прошения В. Геннина (вместе с его тогдашним переводом на русский язык) впервые осуществил в 1826 г. И. Х. Гамель, выявивший означенные документы в одном из фондов Московского архива Коллегии иностранных дел. Два года спустя эту публикацию воспроизвел В. Н. Берх [Берх, 1828, кн. 2, с. 115–117]. Подлинники документов выявить к настоящему времени не удалось. В 2018 г. по просьбе автора статьи кандидат филологических наук И. А. Канакин предпринял перевод текста прошения на современный русский литературный язык, выявив две неточности и один пропуск, допущенные в первоначальном переводе.

делание всяких потешных огнестрелных вещей [устройство разных фейерверков³]... преизрядно на бумаге вырезывать» [Гамель, с. 66]. Однако каких-либо данных о том, где именно «несколько лет обучался» Георг Геннин, кто наставлял его по «архитектуре гражданской» и по части «устройства разных фейерверков», выявить в настоящее время не удалось. По всей вероятности, это было частное обучение у каких-то мастеров.

Согласно достоверному известию, в юности будущий «маеор Геннинг» работал формовщиком, то есть рабочим, изготавливающим формы для заливки в них расплавленного металла [Lück, S. 11]. Выбор Георгом Вильгельмом подобной специальности был вполне понятен: его родной город Зиген являлся в XVII в. одним из крупнейших центров горнорудной промышленности Западной Европы. Представляется вполне вероятным, что трудовой путь в качестве формовщика Георг/Вилим начал именно в Зигене, вернувшись туда из Ганау.

О том, что В. Геннин был профессионально знаком с технологиями металлургического производства, свидетельствуют многие факты его позднейшей карьеры в России. Вместе с тем нельзя не отметить, что о своей подготовке как литейщика Георг Геннин умолчал при вступлении в российскую службу. Скорее всего, в тот момент он намеревался принципиально сменить род занятий, не предполагая более никогда трудиться у доменной печи.

Причиной, по которой Георг/Вилим не получил систематического образования, явилось, по всей вероятности, стесненное материальное положение его семьи. В 1716 г. в письме к генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину Вилим Геннин упомянул, что покинул родительский дом «скуден» [Берх, 1826, кн. 1, с. 125] (то есть бедняком). Отсутствие же образования предопределяло далеко не радужные перспективы карьеры Георга Вильгельма что в графстве Нассау, что в графстве Ганау, что в Республике соединенных провинций Нидерландов. Между тем, о наличии у В. Геннина карьерных амбиций сохранилось позднее, но убедительное свидетельство. В 1715 г. в письме к тому же Федору Апраксину Вилим Иванович между иного отметил: «Однако ж всякой человек ищет себе чести и повышения чина. За что мы на свете служим» [Там же, с. 105]. Вряд ли подобные умонастроения сложились у В. Геннина в зрелые годы. Тем самым, представляется вполне закономерным, что на исходе XVII в. молодой литейный мастер решил «искать фортуны» в далекой Московии.

В 1698 г. в Амстердаме во время пребывания там «великого посольства» во главе с царем Петром Алексеевичем В. Геннин вступил в российскую службу. Характерно, что упоминавшееся прошение об этом было составлено на голландском языке, а подписался Георг Вильгельм

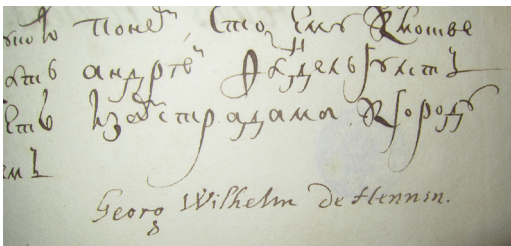
³ Согласно переводу И. А. Канакина.

на голландский манер как *Georg Wilhelm de Henning* [Гамель, Прибавления, с. 66]. К этому времени он был еще не женат («Jongman»)⁴.

Поручителем по В. Геннину выступил житель Амстердама Андрей Гульст (*Hendrik van der Hulst*) [Там же, с. 67], неоднократно выполнявший в 1697–1698 гг. задания Петра I, а впоследствии ставший голландским резидентом в Москве. 11 мая 1698 г. «иноземец Юрья Вилим де Генин» был зачислен в Оружейную палату с окладом «на месяц по шти рублев» [РГАДА. Ф. 150. 1698 г. № 10. Л. 74], то есть 72 руб. в год. Маршрут его движения в Москву был определен через Архангельск («едет из Амстрадама к Городу морем») [Там же]. Примечательно, что принятие будущего «маора Генинга» в российскую службу состоялось «по указу великого государя», а не по «великого государя имянному указу» [Там же]. Это означало, что соответствующее решение принималось не царем, а от его имени. Тем самым, ни о каком личном общении Петра I с Георгом Вильгельмом в Амстердаме говорить не приходится.

Нельзя не упомянуть о своеобразии подписи новоявленного служителя Оружейной палаты, поставленной при ознакомлении с распоряжением от 11 мая 1698 г. – самом раннем из выявленных на сегодня автографов В. Геннина [Там же]. Подпись *Georg Wilhelm de Henning* вы-

2. Первый выявленный автограф В. Геннина // РГАДА. Ф. 150 (1698 г.). № 10. Л. 74

W. Henning's first known autograph // RGADA. Stock 150 (1698). No. 10. P. 74

полнена заметно нетвердо, часть букв не соединена друг с другом. Совершенно очевидно, что к моменту переезда в Россию Георг Вильгельм не обладал навыками «скорописания», ему было еще непривычно держать в руке перо (ил. 2).

Наконец, необходимо отметить, что зачисление В. Геннина на российскую службу произошло в са-

мом конце пребывания «великого посольства» в Амстердаме: царь с сопровождающими покинул город уже 16 мая 1698 г. [Походный журнал 1698 г., с. 17]. Так что если бы Георг Вильгельм замедлил с подачей прошения, то оформление его на российскую службу могло бы изрядно затянуться, а, скорее всего, вовсе не состояться.

Служба в Оружейной палате и в артиллерийском ведомстве

Обстоятельства раннего этапа карьеры В. Геннина в России остались поныне столь же туманными, как и события первых 22 лет его жизни. Наиболее ценным источником о биографии Вилима Ивановича в конце XVII – начале XVIII в. является автобиографическая запи-

⁴ Данный фрагмент был опущен в переводе 1698 г.

ска, собственноручно начертанная им в 1743 г. и извлеченная первым его российским биографом В. Н. Берхом в 1820-е гг. из семейного архива Генниных [Берх, 1826, кн. 5, с. 104–107]⁵. Как явствует из записки, российскую службу Вилим Геннин начал в 1698 г. с чина фейерверкера (сержанта артиллерии) с окладом 72 руб. в год. В той же записке указано, что в 1700 г. он был произведен в поручики, в 1702 г. – в капитаны, в 1706 г. – в майоры, а в 1710 г. – в подполковники [Там же, с. 104]. Между тем, отнюдь не все сведения, изложенные в автобиографической записке 1743 г., возможно признать достоверными. В действительности в первые годы пребывания в России В. Геннин не имел никакого отношения ни к военной службе в целом, ни к артиллерийскому ведомству в частности.

Из документов Оружейной палаты известно, что в конце 1690-х – начале 1700-х гг. Вилим Геннин трудился именно в ее стенах. Так, одно из заданий, которое В. Геннину довелось выполнять в 1699 г., заключалось в раскрашивании некоей «шкатулы липовой для образца на глянс» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 34000. Л. 1]. В свою очередь, согласно окладной росписи канцелярских служащих и мастеров палаты за 1701 г., в ней тогда по-прежнему числился «архитектурного дела иноземец Георг Вилим ди Генан», получавший жалованье в размере изначально установленных ему 72 руб. в год [Описание, с. 466]. Тем самым, приходится констатировать, что на склоне лет В. Геннин целенаправленно затушеввал реальные обстоятельства начала своей службы царю Петру Алексеевичу. Причем затушеввал в записке, предназначенной исключительно для семейного круга, заведомо не рассчитанной на какую-то официальную проверку. Вероятнее всего, первоначальная деятельность в России слишком ассоциировалась у Вилима Ивановича с воспоминаниями о тяжелом физическом труде в доменном цехе, которым ему довелось заниматься в юности. А эту часть своего жизненного пути генерал-лейтенант и кавалер Вилим Геннин определенно не желал афишировать.

Впрочем, 1701 г. оказался все же последним, который Вилим Иванович провел в статусе гражданского специалиста. В «Списке иноземцом, которые ныне ведомы службою и дачею жалованья в Приказе артиллерии», составленном предположительно в 1702 г., в числе поручиков оказался упомянут «Георгий Вилгелим Генинг», против имени которого в списке было отмечено, что он «принят в артиллерию в 1701 году», что жалованье ему установлено 156 руб. в год, и что находится он в Новгороде [Бранденбург, с. 467].

Решение избрать воинскую стезю несомненно принимал сам Вилим Геннин: служителей Оружейной палаты на фронты Великой Северной

---

⁵ Поскольку семейный архив Генниных оказался к настоящему времени утрачен, предпринятая В. Н. Берхом (на прискорбно низком археографическом уровне) публикация ряда документов из его собрания является сколь ценной, столь и, увы, непроверяемой с точки зрения соответствия подлинникам. Публикатор не указал даже, на каком языке были написаны обнаруженные им личные документы В. Геннина.

войны не отправляли. Подобное решение «Георга Вилима ди Генана» представляется вполне объяснимым. В начале XVIII в. «архитектурный мастер» имел в России несравненно более скромные карьерные перспективы, нежели офицер действующей армии. Осознав эту ситуацию, В. Геннин вновь резко изменил траекторию своей жизни.

Примечательно, что начало военной карьеры Вилима Ивановича оказалось связано с прифронтовым тогда Новгородом. Новгородским «губернатором» в 1701–1704 гг. являлся генерал-майор Я. В. Брюс, ставший затем «главным управителем над всею артиллериею» [РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 162. Л. 10]. Скорее всего, В. Геннин был лично известен Якову Брюсу еще с довоенных лет, и именно он настоял, чтобы вчерашнего «архитектурного мастера» направили в Новгород. Да и сам переход Вилима Ивановича на военную службу состоялся, вероятно, по рекомендации и при содействии Якова Брюса. Насколько возможно понять, именно Я. В. Брюс стал первым «патроном» Вилима Ивановича в России (отчасти разделив эту роль со своим старшим братом Романом, первым санкт-петербургским обер-комендантом).

О службе В. Геннина в ведомстве Приказа артиллерии в 1700-е гг. сохранились весьма фрагментарные сведения. В опубликованном трехтомнике служебной переписки Я. В. Брюса за 1704–1707 гг. Вилим Иванович оказался упомянут всего лишь трижды: в июне 1706 г. (в связи с тем, что его обокрали собственные денщики) [Архив, т. 2, с. 116], а затем в августе и ноябре 1707 г. [Там же, т. 3, с. 117, 193]. Из контекста писем 1707 г. очевидно, что в это время В. Геннин руководил (причем в чине капитана) работами по ремонту материальной части артиллерии в Шлиссельбургской крепости.

Нельзя также не отметить, что, скрупулезно перечислив в упомянутой автобиографической записке 1743 г. наградные знаки и сверхокладные денежные суммы, полученные за 45 лет службы в России, Вилим Иванович не указал ни единого соответствующего пожалования до 1710 г. [Берх, 1826, кн. 5, с. 105–106]. Между тем, участие солдат и офицеров в «осадах, баталиях и акциях» нередко отмечалось в первом десятилетии XVIII в. как единовременными выплатами, так и вручением памятных медалей. Их отсутствие у В. Геннина свидетельствует, думается, о том, что в 1702–1709 гг. побывать на полях сражений ему не довелось.

Совсем не проясненными остались события частной жизни молодого Вилима Геннина. С определенностью возможно лишь утверждать, что, находясь в России, он женился. Однако ни имени, ни девичьей фамилии избранницы В. Геннина, ни даты их бракосочетания установить к настоящему времени не удалось. Известно лишь, что супруга Вилима Ивановича скончалась 17 марта 1716 г. в Санкт-Петербурге и что он весьма остро переживал ее уход из жизни [Берх, 1826, кн. 1, с. 125]. Этот брак Вилима Ивановича был, судя по всему, бездетным.

Из письма Я. В. Брюса «государю братцу» Роману Брюсу от 22 февраля 1710 г. возможно уяснить, что на тот момент Вилим Геннин числился на гарнизонной службе, проходила которая, судя по всему, в Санкт-Петербурге. В том же письме Яков Брюс упомянул, что Вилим Иванович высказывал готовность «потрудитца» в деле предстоящего строительства его Санкт-Петербургского дома [Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Кн. 47. Л. 479–479 об.]. На сегодня осталось неизвестным, когда в точности начались работы по возведению дома Якова Вилимовича, находившегося на берегу Невы на Московской стороне вблизи Литейного двора (внутренняя отделка дома велась в 1715–1717 гг.) [Николаева, с. 622–628]. В любом случае в 1710 г. Вилим Геннин при всем желании не смог бы уделить должного внимания наблюдению за постройкой дома своего начальника.

Под стенами Выборга и Кексгольма

Первые достоверные сведения о боевой службе Вилима Геннина удалось выявить в связи с его участием во взятии Выборга, наиболее мощной крепости в шведской Финляндии, имевшей стратегическое значение для северо-западного театра военных действий. Осада крепости началась в марте 1710 г. и продлилась более трех месяцев. Не вдаваясь на этих страницах в обзорные события осады (вполне подробно освещенных в современной военно-исторической литературе [Мельнов, 2017; Sundberg, p. 297–330]), хотелось бы все же отметить несколько обстоятельств.

Первоначально осадная группировка под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина столкнулась с немалыми трудностями. Недостаточной оказалась огневая мощь подвезенной по льду артиллерии, все острее ощущались перебои в поставках провианта.

Перелом в ходе осады произошел в начале мая 1710 г. Тогда в условиях тяжелой ледовой обстановки в Финском заливе под непосредственным руководством Петра I была успешно проведена одна из крупнейших за Великую Северную войну морских военно-транспортных операций. В ходе операции караван судов доставил к Выборгу из Санкт-Петербурга личный состав гвардейских полков, артиллерию, а также значительные запасы боеприпасов и продовольствия. Подвезенные морем 80 пушек и 19 мортир крупного калибра решили судьбу крепости. До штурма дело не дошло. Не выдержав восьмидневного массированного артиллерийского обстрела, вызвавшего в городе многочисленные разрушения и пожары, 13 июня 1710 г. гарнизон капитулировал.

Что касается В. Геннина, то на сегодня достоверно известно, что он прибыл в осадный лагерь 9 мая 1710 г. на одном из судов транспортной эскадры. Под началом Вилима Ивановича состояла команда из 68 артиллерийских служителей, включая трех штык-юнкеров

и трех сержантов, откомандированных из гарнизона Шлиссельбурга [Мельнов, 2017, с. 484, 499].

На гравированном плане осады Выборга, помещенном в первом издании «Книги Марсовой» (1713 г.), в восточном сегменте осадного периметра под литерой «X» отмечены «кетели⁶ и батареи маеора Геннина» [Книга Марсова, с. [28], схема 12] (ил. 1, 2 на цв. вклейке). Оборудование этих артиллерийских позиций началось 20 мая 1710 г. [Мельнов, 2017, с. 484]. Работы велись круглосуточно, частью на болотистом, частью на скально-каменистом грунте, в условиях постоянных обстрелов со стороны крепости (чему дополнительно способствовали установившиеся в мае белые ночи). Нет сомнений, что руководившему возведением позиций Вилиму Геннину довелось не раз рисковать жизнью, оказываясь под пулями и ядрами осажденных.

В итоге под командованием майора В. Геннина оказалось три батареи, состоявшие из 11 мортир и 20 пушек, которые были размещены напротив бастионов Эуряпя и Панцерлак. По данным шведской стороны, кварталы Выборга, которые обстреливались батареями Вилима Геннина, были превращены в развалины, среди которых «невозможно было различить городские улицы» (цит. по: [Там же, с. 488]).

За участие в осаде Выборга Вилим Геннин получил первое на российской службе награждение – сверхокладную денежную выплату в размере двухмесячного жалования. По воспоминаниям Вилима Ивановича, размер ее составил 100 руб. [Берх, 1826, кн. 5, с. 105], а согласно опубликованному архивному документу – 102 руб. [Мельнов, 2017, с. 495].

Боевой путь В. Геннина имел в 1710 г. скорое продолжение. Как известил Якова Брюса Р. В. Брюс в письме от 24 июня 1710 г., «дана мне команда особливая, повелено мне... маршировать к Кексгольму для блокады оной крепости» [Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Кн. 47. Л. 481 об.]. Приведенные строки означали, что в тот день Петр I назначил генерал-майора Романа Брюса командующим войсковой группировкой, которой предстояло, совершив переход из-под Выборга, овладеть крепостью Кексгольм. В этой осаде довелось принять участие и майору Вилиму Геннину.

Расположенный на двух островах в устье реки Вуоксы у западного берега Ладожского озера Кексгольм располагал к 1710 г. гарнизоном в 562 штыка при 45 пушках и четырех мортирах. Комендантом крепости с марта 1710 г. являлся полковник Йохан Шерншанц (*Johan Stiernschantz*), родившийся в 1670 г. и поступивший на военную службу добровольцем в 1695 г. [Lewenhaupt, s. 665].

Посетивший Кексгольм с инспекцией в 1681 г. знаменитый фортификатор Э. Дальберг (*Erik Jönsson Dahlberg*) отметил, что в инженер-

⁶ Так в начале XVIII в. именовались мортирные батареи. Термин явился искаженной калькой от немецкого «Kessel» – котел. Его использование было связано с тем, что на боевой позиции мортиры устанавливались на деревянные платформы в углубленные в грунте площадки.

ном отношении крепость была слабой, ее стены и валы были уязвимы для обстрела из тяжелых орудий. Как провидчески констатировал фортификатор, «городские укрепления... не могут противостоять такому могущественному врагу, как русские» (цит. по: [Кальюнди, с. 76]). Однако никаких мер по реконструкции крепостных сооружений шведские власти так и не предприняли.

Осада и взятие Кексгольма освещены в военно-исторической литературе ничуть не хуже, нежели обстоятельства падения Выборга [Мельнов, 2015; Sundberg, p. 330–338]. Кроме того, в 1916 г. был опубликован пространный «Журнал» обороны и капитуляции крепости (*Journal från Kexholms belägring och kapitulation, juli–september 1710*) [Karolinska krigares dagböcker, Bd. 11, S. 131–170].

Первые разъезды российских драгун появились вблизи Кексгольма 5 июля 1710 г. 10 июля началось возведение осадных сооружений на южном берегу Вуоксы. Несмотря на интенсивный огонь крепостной артиллерии, работы (ведшиеся, как и при осаде Выборга, круглосуточно) были в основном завершены к 15 июля 1710 г. Благодаря тому, что к 1710 г. российское командование контролировало всю акваторию Ладожского озера, осадной группировке бесперебойно доставлялись водным путем боеприпасы и продовольствие с баз снабжения в Новой Ладоге и Шлиссельбурге.

Несмотря на храбрость и распорядительность коменданта Й. Шерншанца, который под обстрелами то с мушкетом в руках обходил посты на стенах, то, взявшись за лом, помогал артиллеристам перекатывать пушки, моральное состояние гарнизона было шатким. За период осады из крепости дезертировало неординарно значительное число ее защитников – 78 рядовых [Ibid, S. 140–141, 144, 155].

Обстоятельства участия «маеора Генинга» в осаде Кексгольма остались поныне совсем не проясненными. Учитывая, что вся артиллерия осадной группировки состояла из пяти мортир, двух гаубиц и 25 пушек [Северная война, с. 127], возможно предположить, что под стенами бывшей Корелы В. Геннин выступал в роли старшего артиллерийского офицера. Однако именно в связи с участием в осаде Кексгольма Вилим Иванович первый и последний раз попал в официальную хронику событий Великой Северной войны, будучи упомянут в реляции «О взятии города Кексхолма (или Корелы)».

Составлению реляции предшествовало завершение осадной эпопеи. Так и не дождавшись каких-либо действий шведского командования по деблокированию Кексгольма [Sundberg, p. 335], Й. Шерншанц направил 4 сентября 1710 г. в российский лагерь парламентаря с предложением начать переговоры о капитуляции. Поскольку крепость сдавалась «на аккорд», то есть добровольно и до начала штурма, комендант имел основания настаивать на почетных условиях капитуляции.

Оперативно согласовав вопрос с находившимся в Санкт-Петербурге царем, командующий осадной группировкой Р. В. Брюс

согласился на все условия шведского коменданта, за исключением выноса из крепости знамен и выхода гарнизона с «полковой музыкой» [Письма и бумаги, т. 10, с. 318]. Для выработки окончательного варианта соглашения о капитуляции («аккордных пунктов») вечером 7 сентября 1710 г. в крепость, согласно реляции, были направлены «артиллерной майор Геник да с ним капитан Киселев» [Северная война, с. 126–127]. Соответствующий фрагмент реляции был воспроизведен затем в «Книге Марсовой», а впоследствии и в «Истории Свейской войны» [Книга Марсова, с. [43]; История Свейской войны, вып. 1, с. 360–361].

В свою очередь, в «Журнале» обороны и капитуляции Кексгольма было отмечено, что «вечером из русского лагеря прибыли один майор и один капитан с пунктами соглашения» [Karolinska krigares dagböcker, Bd. 11, S. 146]. Детали переговоров В. Геннина с Йоханом Шерншанцем остались неизвестными. В «Журнале» оказались не упомянуты даже имя и фамилия старшего российского представителя (хотя Вилим Иванович при встрече с комендантом не мог не представиться). Несомненным представляется лишь то обстоятельство, что велись переговоры на немецком языке, без переводчика (в шведской армии немецкий язык являлся в то время вторым командным). Как бы то ни было, соглашение о капитуляции на российских условиях было достигнуто, и в ночь на 8 сентября Вилим Геннин вернулся в расположение своей части.

Утром 8 сентября 1710 г. Й. Штершанц и Р. В. Брюс поставили свои подписи на списках соглашения на немецком и русском языках, после чего в крепость вступил первый российский батальон. Во исполнение «аккордных пунктов» солдаты и офицеры гарнизона во главе с Й. Шерншанцем были погружены на два российских судна, снабжены провиантом на восемь суток и отправлены в сопровождении российского конвоя по Ладожскому озеру в направлении крепости Кроноборг (*Cronobårg*) [Karolinska krigares dagböcker, Bd. 11, S. 147].

Тот факт, что командующий Роман Брюс направил известить Петра I о долгожданном падении крепости именно В. Геннина, возможно объяснить, с одной стороны, боевыми заслугами майора в ходе осады и его участием в переговорах о капитуляции, а с другой – «патронажным» отношением Романа Вилимовича к Вилиму Ивановичу. Как представляется, доклад Вилима Геннина Петру I, состоявшийся 10 сентября 1710 г., стал первым эпизодом его личного общения с главой государства. Не исключено, что Вилим Иванович присутствовал также на праздничном застолье, которое было организовано с участием царя по случаю взятия Кексгольма во второй половине дня 10 сентября в Кроншлоте [Юль, с. 245].

Между тем, «маеор Генинг» прибыл в Санкт-Петербург не только с донесением командующего. Вилим Иванович подготовил так-

же «чертеж» Кексгольма и осадных сооружений, который передал Петру I при встрече [Берх, 1826, кн. 5, с. 105]⁷.

Будущий император достаточно щедро вознаградил посланца Р. В. Брюса. Согласно упоминавшейся записке В. Геннина 1743 г., «за взятие Кексголма» он получил «золотую медаль с алмазами» стоимостью в 150 руб.⁸ и «деревню Азила» (Асила) [Там же] (ил. 3).

Пожалование деревни явилось воистину царским подарком.

Старинное поселение (впервые упомянутое в документах в 1500 г.), Асила располагалась в приустьевой части реки Асиланйоки в Хийтольском погосте Кексгольмского уезда, в 18 верстах от города. Во второй-третьей четверти XVII в. деревня находилась в ленном владении сначала фельдмаршала Я. Делагарди, а затем генерал-губернатора Ингерманландии Я. Таубе, у которого была в 1683 г. изъята в ходе редукации. К 1710 г. «мыза Азила» представляла собой процветающее хозяйство из 66 крестьянских дворов с обустроенным усадебным домом, лососевыми угодьями, пильной и мукомольной мельницами [Петрова, с. 102–103].

И хотя, согласно архивному документу, пожалование «мызы Азила» В. Геннину имело место вовсе не сразу после падения Кексгольма, а в 1714 г. [РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 48. Л. 468 об.], существа дела это не меняло. Тем более что в 1714 г., вероятнее всего, состоялось уже юридическое оформление пожалования, когда Вилиму Геннину были выданы правоустанавливающие документы.

3. Медаль в память о взятии Кексгольма. 1710

Medal in memory of the siege of Kexholm. 1710

Conclusionis lineas

Падения Выборга и Кексгольма вплелись в череду успешных осад кампании 1710 г. на российско-шведском фронте Великой Северной войны. Последовавшие одна за другой капитуляции Риги (4 июля),

⁷ Судя по всему, это был тот самый «чертеж Кексгольму», более раннюю копию которого В. Геннин направил Ф. М. Апраксину при письме от 22 августа 1710 г. Как отметил Вилим Иванович, из «чертежа» возможно «выразуметь, где которых крепости, шведския батареи и протоки, также нашего государя апроши... и где стоят полки царского величества» [Берх, 1826, кн. 1, с. 69]. Вероятнее всего, какой-то из списков «чертежа» В. Геннина был впоследствии гравирован и помещен в «Книге Марсовой» [Книга Марсова, с. [44], схема 16].

⁸ Более подробно В. Геннин описал медаль в своем завещании от 1 марта 1750 г.: «Овальная золотая медаль с малыми алмазами и голубую эмалевою короною» [Берх, 1826, кн. 5, с. 148].

Выборга, Динамюнде (8 августа), Пернова (14 августа), Кексгольма, Аренсбурга (15 сентября) и Ревеля (29 сентября) привели к необратимому падению шведского владычества в Лифляндии, Эстляндии и в основной части Ингерманландии. И в этом значимом для истории всей Северной Европы событии навсегда осталась толика ратных трудов майора В. Геннина.

Вместе с тем, 1710 г. явился, судя по всему, последним, в котором Вилим Иванович принял непосредственное участие в боевых действиях. На сегодня возможно полагать установленным, что офицер-артиллерист В. Геннин не участвовал ни в злополучном Прутском походе, ни во взятиях Штеттина и Нейшлота, Або и Каянеборга.

Однако несмотря на то, что Вилиму Геннину не довелось более получить ни одной награды за боевые заслуги, 1710 г. стал несомненно переломным в его карьере в России. Представляется очевидным, что Вилим Иванович сумел воспользоваться шансом произвести на Петра I при личном докладе о взятии Кексгольма благоприятное впечатление, оставить у него о себе позитивные ассоциации.

Остается добавить, что после взятия Кексгольма Вилим Геннин продолжил службу на берегах Невы. Как засвидетельствовал пленный шведский офицер Л. Эренмальм (*Lars Johan Ehrenmalm*), в 1712 г. в Санкт-Петербурге «подполковник Хенниг надзирал за артиллерией и фортификационными работами» [Беспярых, с. 92]. Да и сам 1712 г. открылся в будущей столице грандиозным фейерверком, который был «учинен» 1 января перед дворцом А. Д. Меншикова «чрез подполковника Генника».

Согласно отпечатанному в Петербургской типографии четырехстраничному «Изъявлению фейерверка», в ходе его представления возникали фигуры Петра I на коне, богини Цереры с копьем и рогом изобилия, появлялась Швеция в виде змеи, извивавшейся между коронами России, Турции и Польши. Затем орел, символизировавший Россию, поражал стрелами льва (Швецию), после чего из морских волн поднималась крепость (Санкт-Петербург) с кораблями, заплывавшими в ее гавань [Описание изданий гражданской печати, с. 126–127]. Так что В. Геннину вполне пригодились навыки по «устройству разных фейерверков», о которых он объявил в далеком 1698 г. при вступлении в российскую службу.

А вот профессиональное знакомство Вилима Геннина с литейным делом сыграло важную роль в его карьере несколько позднее. Но это был уже совсем иной этап жизненного пути уроженца Зигена Георга Вильгельма Геннина, навеки вошедшего в анналы российской истории под именем Вилима Ивановича Геннина.

Список литературы

Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Кн. 47.

Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса : в 3 т. / сост. С. В. Ефимов, Л. К. Маковская ; под ред. В. М. Крылова. СПб. : Щелково : [Б. и.], 2005–2006. Т. 2. 208 с. Т. 3. 256 с.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 51–129; Кн. 5. С. 87–149; 1828. Кн. 2. С. 115–117.

Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. : Наука, 1991. 279 с.

Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России : Приказ артиллерии (1701–1720 гг.). СПб. : Тип. Арт. журн., 1876. V + 555 с.

Гамель И. X. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. : Тип. А. Семена, 1826. XX + 263 + 69 с.

История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова ; под ред. А. А. Преображенского. М. : Кругъ, 2004. Вып. 1. 632 с.

Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году : По доношению Эрика Дальберга правительству Швеции // Скандинавский сборник. Таллин : Ээсти раамат, 1975. Вып. 20. С. 68–79.

Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских. [СПб.] : Санкт-Петербург. тип., 1713. [44] с.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2006. 280 с.

Мельнов А. В. Осада Кексгольма в 1710 г. в свете новых источников // Клио. 2015. № 8. С. 170–175.

Мельнов А. В. Роль русской артиллерии в осаде Выборга 1710 года // История военного дела: исследования и источники. 2017. Вып. 6. С. 477–502.

Николаева М. В. Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: застройка и застройщики. М. : Прогресс – Традиция, 2014. 1000 с.

Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725 гг. / сост. А. Е. Викторов. М. : Тип. М. П. Щепкина, 1883. Вып. 2. 323 с.

Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. : сводный каталог / сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич ; под ред. П. Н. Беркова. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1955. 625 с.

Петрова М. И. Сподвижник Петра I В. И. Геннин и его имение Асила в Хийтольском погосте Кексгольмского уезда // Уч. зап. Петрозаводск. гос. ун-та. 2019. № 2. С. 101–107. DOI 10.15393/uchz.art.2019.297.

Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. / сост. А. П. Глаголева, Е. П. Подъяпольская ; под ред. Б. Б. Кафенгауза. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 10. 869 с.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 48; Ф. 150. 1698 г. № 10; Ф. 154. Оп. 2. № 162; Ф. 396. Оп. 1. № 34000.

Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (документы Государственного архива) / сост. А. З. Мышлаевский. СПб. : Воен. тип., 1893. XXXIV + 467 + XII с.

Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711) / сост. Ю. Н. Щербачев. М. : Университет. тип., 1899. IX + 598 с.

[*Helbig G.-A., von.*] Russische Günstlinge. Tübingen : J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1809. IV + 502 S.

Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter / utg. A. W. Quennerstedt. Lund : Berlingska Boktryckeriet, 1916. Bd. 11. XXXI + 336 s.

Lewenhaupt A. Karl XII: s officerare. Biografiska anteckningar. Stockholm : P. A. Norstedt ; Sonérs förlag, 1920. IV + 799 s.

Lück A. Georg Wilhelm Henning. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen // Siegerland. Siegen : [S. n.], 1972. Bd. 49. S. 9–24.

Stählin J., von. Originalaneddoten von Peter der Großen. Leipzig : J. G. I. Breitkopf, 1785. 22 + 422 S.

Sundberg U. Swedish Defensive Fortress Warfare in the Great Northern War. 1702–1710. Åbo : Åbo Akademis förlag, 2018. XVII + 405 p.

References

Arkhiv VIMAIViVS [The Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. Stock 2. List 1. Book 47.

Berkh, V. N. (1826–1828). Zhizneopisanie general-leitenanta Villima Ivanovicha Gennina, osnovatelya rossiiskikh gornyykh zavodov [Biography of Lieutenant General Willim Ivanovich Gennin, Founder of Russian Mining Plants]. In *Gornyy zhurnal*. Book 1, pp. 51–129. Book 5, pp. 87–149; 1828. Book 2, pp. 115–117.

Bespyatykh, Yu. N. (1991). *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh* [Peter I's Petersburg in Foreign Descriptions]. Leningrad, Nauka. 279 p.

Brandenburg, N. E. (1876). *Materialy dlya istorii artilleriiskogo upravleniya v Rossii. Prikaz artillerii (1701–1720 gg.)* [Materials for the History of Artillery Control in Russia: Order of Artillery (1701–1720)]. St Petersburg, Tipografiya Artilleriiskogo zhurnaln. V + 555 p.

Bykova, T. A., Gurevich, M. M., Berkov, P. N. (Eds.). (1955). *Opisanie izdaniy grazhdanskoi pechati. 1708 – yanvar' 1725 g. Svodnyi katalog* [Description of Publications of the Civil Press. 1708 – January 1725: Consolidated Catalogue]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 625 p.

Efimov, S. V., Makovskaya, L. K., Krylov, V. M. (Eds.). (2005–2006). *Arkhiv general-fel'dtseikhmeistera Yakova Vilimovicha Bryusa v 3 t.* [Archive of General-Feldzeichmeister Jacob Wilimovich Bruce. 3 Vols.]. St Petersburg, Shchelkovo, S. n. Vol. 2. 208 p. Vol. 3. 256 p.

Gamel', I. Kh. (1826). *Opisanie Tul'skogo oruzheinogo zavoda v istoricheskom i tekhnicheskom otnoshenii* [Description of the Tula Arms Factory in Historical and Technical Terms]. Moscow, Tipografiya A. Semena. XX + 263 + 69 p.

Glagolev, A. P., Pod'yapol'skaya, E. P., Kafengauz, B. B. (Eds.). (1956). *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 10. 869 p.

[Helbig, G.-A., von]. (1809). *Russische Günstlinge*. Tübingen, J. G. Gotta'schen Buchhandlung. IV + 502 S.

Kal'yundi, E. A., Kirpichnikov, A. N. (1975). Kreposti Ingermanlandii i Karelii v 1681 godu. Po doneseniyu Erika Dal'berga pravitel'stvu Shvetsii [The Fortresses of Ingermanland and Karelia in 1681: According to Eric Dahlberg's Report to the Swedish Government]. In *Skandinavskii sbornik*. Tallin, Eesti raamat. Iss. 20, pp. 68–79.

Kniga Marsova ili voinskikh del ot voisk tsarskogo velichestva rossiiskikh [The Book of Mars, or Military Affairs from the Troops of His Majesty the Tsar of Russia]. (1713). [St Petersburg], Sankt-Peterburgskaya tipografiya. [44] p.

Korepanov, N. S. (2006). *Gennin na Urale* [Gennin in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 280 p.

Lewenhaupt, A. (1920). *Karl XII: s officerare. Biografiska anteckningar*. Stockholm, P. A. Norstedt ; Sonërs förlag. IV + 799 s.

Lück, A. (1972). Georg Wilhelm Henning. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen. In *Siegerland*. Siegen, S. n. Bd. 49, S. 9–24.

Maikova, T. S., Preobrazhenskii, A. A. (Eds.). (2004). *Gistoriya Sveiskoi voiny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [Histories of the Great Northern War (Daily Notes of Peter the Great)]. Moscow, Krug“. Iss. 1. 632 p.

Mel'nov, A. V. (2015). Osada Keksgol'ma v 1710 g. v svete novykh istochnikov [The Siege of Kexholm in 1710 in the Light of New Sources]. In *Klio*. No. 8, pp. 170–175.

Mel'nov, A. V. (2017). Rol' russkoi artillerii v osade Vyborga 1710 goda [The Role of Russian Artillery in the Siege of Vyborg in 1710]. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Iss. 6, pp. 477–502.

Myshlaevskii, A. Z. (Ed.). (1893). *Severnaya voina na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrakh v 1708–1714 gg. (dokumenty Gosudarstvennogo arhiva)* [The Northern War on the Battlefields of Ingermanland and Finland in 1708–1714 (Documents of the State Archive)]. St Petersburg, Voennaya tipografiya. XXXIV + 467 + XII p.

Nikolaeva, M. V. (2014). *Sankt-Peterburg Petra I. Istoriya dvorovladanii: zaostroika i zaostroishchiki* [Peter I's St Petersburg. The History of Homeownership: Development and Developers]. Moscow, Progress-Traditsiya. 1000 p.

Petrova, M. I. (2019). Spodvizhnik Petra I V. I. Gennin i ego imenie Asila v Kھیitol'skom pogoste Keksgol'mskogo uezda [Peter I's Companion V. I. Gennin and His Estate Asil in the Kھیitola Settlement of Kexholm District]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 101–107. DOI 10.15393/uchz.art.2019.297.

Quennerstedt, A. W. (Ed.). (1916). *Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter*: Lund, Berlingska Boktryckeriet. Bd. 11. XXXI + 336 s.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. Department 2. Book 48; Stock 150. 1698 g. No. 10; Stock 154. List 2. No. 162; Stock 396. List 1. No. 34000.

Stählin, J., von. (1785). *Originalaneddoten von Peter der Großen*. Leipzig, J. G. I. Breitkopf. 22 + 422 S.

Sundberg, U. (2018). *Swedish Defensive Fortress Warfare in the Great Northern War. 1702–1710*. Åbo, Åbo Akademis förlag. XVII + 405 p.

Viktorov, A. E. (Ed.). (1883). *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov. 1613–1725 gg.* [Description of the Notebooks and Papers of the Old Palace Chancelleries. 1613–1725]. Moscow, Tipografiya M. P. Shchepkina. Iss. 2. 323 p.

Yul', Yu. (1899). *Zapiski datskogo poslannika pri Petre Velikom (1709–1711)* [Notes of the Danish Envoy under Peter the Great (1709–1711)] / ed. by Yu. N. Shcherbachev. Moscow, Universitetskaya tipografiya. IX + 598 p.

The article was submitted on 12.12.2018

DOI 10.15826/qr.2019.3.410
УДК 94(470)"16":330+339.3(09)+330.143(09)+347.72.03

**ГОСУДАРЕВЫ ПОЖАЛОВАНИЯ ТАМОЖЕННЫХ
И КАБАЦКИХ ГОЛОВ И ЦЕЛОВАЛЬНИКОВ
ЗА КАЗЕННУЮ ПРИБЫЛЬ (1620-е – НАЧАЛО 1630-х гг.)***

Алексей Раздорский

Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Россия

**AWARDS FROM THE SOVEREIGN FOR REPLENISHING
THE CUSTOMS AND EXCISE TREASURY
(1620s – EARLY 1630s)**

Aleksey Razdorsky

National Library of Russia,
St Petersburg, Russia

This article considers awards from the sovereign granted to customs heads and *tselovalniki* (sworn men) for replenishing the customs and excise treasury between the 1620s and 1630s when the income they provided exceeded the pre-determined amount. It is possible to find information about these awards in notes made by contemporaries and in the historical literature, but, thus far, there has been no special study devoted to them. Referring to records in the documents of the Treasury Prikaz in the Russian State Archive of Ancient Acts, the author reveals data about awards granted in Kursk, Vyazma, and Mozhaisk. It is fruitful to compare them with data from the account ledgers of other central prikazes with information about customs and tavern expenses and profits per town. The author also examines records about awards to customs heads and *tselovalniki* in Totma, Kostroma, and Nizhny Novgorod; similar documents from other towns are mentioned in the accounts of the Treasury Prikaz between 1621 and 1631. Awards are classified according to their amount. It is established that the Treasury Prikaz oversaw the distri-

---

* *Citation:* Razdorsky, A. (2019). Awards from the Sovereign for Replenishing the Customs and Excise Treasury (1620s – Early 1630s). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 818–834. DOI 10.15826/qr.2019.3.410.

Цитирование: Razdorsky A. Awards from the Sovereign for Replenishing the Customs and Excise Treasury (1620s – Early 1630s) // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 818–834. DOI 10.15826/qr.2019.3.410 / Раздорский А. Государевы пожалования таможенных и кабацких голов и целовальников за казенную прибыль (1620-е – начало 1630-х гг.) // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 818–834. DOI 10.15826/qr.2019.3.410.

bution and financing of the awards rather than the prikazes that controlled the collection of customs and tavern taxes. Awards were not granted in cash and their content did not depend on the amount of taxes collected: they were more of a symbolic character, and did not possess economic importance for the receiver. Additionally, granting such awards to heads and tselovalniks was not obligatory, even if they made a profit while collecting taxes. In most cases, awards were granted to representatives of the customs administration who served in the main trade centres of Muscovy. The article contains a register of such documents issued between 1621 and 1631.

Keywords: 17th-century economic history; customs; tavern; customs heads; tselovalniks; awards.

Рассматривается вопрос о государевых пожалованиях таможенных и кабацких голов и целовальников в 20-х – начале 30-х гг. XVII в. за сбор таможенных и питейных доходов с прибылью («прибором») относительно заранее установленной суммы (оклада). Сведения о награждениях таможенных и кабацких голов и целовальников встречаются в записках современников и в исторической литературе, однако вопрос об их практике до сих пор специально не поднимался. Изучение «памятей» в документах Казенного приказа (РГАДА) выявило сведения о награждениях таможенных и кабацких голов и целовальников Курска, Вязьмы и Можайска. Их оказалось продуктивно сопоставить с данными приходо-расходных книг других центральных приказов, в которых представлена информация о размерах таможенных и питейных доходов и суммах полученной прибыли («прибора») по указанным городам. Изучены также «памяти» о награждениях таможенных голов и целовальников Тотьмы, Костромы, Нижнего Новгорода и аналогичные документы по другим городам, указанные в описи столбцов Казенного приказа за период 1621–1631 гг. Награды классифицированы на несколько категорий в зависимости от состава наградного набора. Установлено, что награждения ведались и финансировались Казенным приказом, а не теми приказами, которые контролировали сбор таможенных и питейных доходов. При этом пожалования имели натуральный, а не денежный характер, и их состав не зависел от размера полученной прибыли, а сами награды для награжденных имели более символическое, а не экономическое значение. Награждения голов и целовальников не являлись обязательными при каждом случае сбора таможенных и питейных доходов с прибылью. Их получали преимущественно представители таможенной и кабацкой администрации, которые служили в главных торговых центрах Московского государства. Опубликован реестр таких документов о пожалованиях за 1621–1631 г., имеющих среди столбцов Казенного приказа.

Ключевые слова: экономическая история XVII в.; таможня; кабак; таможенные головы; целовальники; награды.

В XVII столетии в Московском государстве при определении размеров таможенных и питейных доходов, запланированных к поступлению в казну, применялась окладная система исчисления. Для каждого города ежегодно устанавливался оклад, который следовало собрать в виде таможенных пошлин и прибыли от казенной питейной торговли. Окладные суммы назначались различными центральными приказами, между которыми было распределено получение таможенных и питейных доходов.

При недоборе окладной суммы власти нередко прибегали к массовому опросу местного населения с целью установления причин произошедшего – «повальному обыску». Если выяснялось, что никакого «воровства» и «хитрости» со стороны таможенных и кабацких голов и целовальников не было, они, как правило, освобождались от ответственности и недобор не выплачивали. Но если открывались хищения, утайки, растраты и другие злоупотребления или же выяснялось, что недобор произошел из-за нерадения и халатности голов и целовальников, то их ждали опала и жестокое наказание «без пощады». С виновных в этом случае доправлялся недобор, а если они оказывались неплатежеспособными, то недостающая сумма взыскивалась с их выборщиков – с земской администрации и всех посадских и уездных людей.

В случае, если сбор таможенных и питейных доходов производился «с прибором», то есть превышал изначально установленную окладную сумму, голова и целовальники могли получить пожалование от государя. Об этом говорится, например, в именном указе от 28 февраля 1677 г.:

А которые головы и целовальники, будучи у таможенных сборов, службою своею и радением учинят великому государю прибыль, и те головы и целовальники будут от великого государя взысканы его государским жалованьем, по его государскому милосердному рассмотрению [ПСЗ-1, т. 2, № 679, с. 92].

О пожалованиях такого рода писали современники, так, Г. К. Котошихин отмечал:

А которой человек, гость и торговой человек, будучи в головстве в таможне и у иных зборов, и у продажи, и у соболиные и иные казны, в котором году год перед годом казны соберет болши, и им за тое службу от царя бывает похвала, и бывает им жалованье по купку или по ковшу серебряному да по сукну, да по камке¹; а товарищам их, целовальником, по ковшу ж серебряному да по сукну и по тафте², смотря по прибыли и по человеку [Котошихин, с. 165].

¹ Самая распространенная шелковая ткань, отличавшаяся большим разнообразием по качеству выработки, доставлялась как с Запада, так и с Востока [Клейн, с. 50].

² Шелковая тонконитная ткань [Клейн, с. 57].

Каковы были состав и размер пожалований голов и целовальников за «приборы», и от чего эти параметры зависели? Существует мнение, что денежные выплаты в таких случаях применялись крайне редко. Так, по свидетельству личного врача царя Алексея Михайловича англичанина С. Коллинса, который девять лет провел при московском дворе, «царские награды состоят почти всегда из шелку, соболей, сукон, бархату и парчи» [Коллинс, с. 19]. В исторической литературе описаны случаи, когда пожалования голов и целовальников ограничивались исключительно импортными тканями. Например, солепромышленник из Балахны Ефрем Добрынин, возглавлявший в 1695 г. нижегородскую таможеню, а на следующий год находившийся на головстве в Балахне, за учиненную государевой казне прибыль получил вместе со своими товарищами жалованье – пять аршин сукна-кармазину³ и полкосяка камки [Беляева, с. 146]. Ярославский таможенный голова Степан Куимов за таможенный «прибор» в 1689 г. получил в качестве государева жалованья десять аршин камки-кармазину [Шемякин, с. 201].

А. И. Шемякин считает, что на протяжении всего XVII в. головы и целовальники жаловались за «прибор» обычно несколькими аршинами дорогих импортных тканей (сукна, тафты, атласа, камки), а также соболиными и куньими мехами на шубу. Однако, когда «прибор» достигал значительной суммы (в несколько тысяч рублей), голова, помимо тканей и мехов, награждался также и серебряным ковшом [Там же, с. 75]. Иного мнения на этот счет придерживался Н. Н. Оглоблин, который полагал, что состав пожалований никак не зависел от прибранной суммы: «Награждался всякий вообще “прибор”, безотносительно к его размерам: мы видели награды и за “прибор” 43 р., и за 59 р., и за 578 р., 2 т. р., 8 т. и за 16 тыс. Любопытно, что “приборное” жалованье выдавалось в одинаковом размере как за десятки рублей, так и за сотни, и за тысячи. Мало того: иногда голова, доставивший меньше “прибора”, получал более крупную награду, чем тот, кто прибрал больше померных пошлин» [Оглоблин, с. 20]. М. М. Шумилов в связи с этим подчеркнул, что «правительство вообще редко награждало голов за прибыльные сборы, исходя исключительно из размера полученной ими таможенной прибыли. Видимо, оно сознавало зависимость суммы таможенных поступлений от состояния рынка и размаха торговой деятельности, и поэтому при оценке результатов деятельности таможи решающее значение придавалось не установленному заранее окладу таможенного сбора, а добросовестности и профессионализму исполнителей – голов и целовальников» [Шумилов, с. 382].

Таким образом, в отношении практики пожалований голов и целовальников среди исследователей отечественного таможенного дела присутствует определенное разногласие. Связано это во многом с тем, что сведения о пожалованиях, введенные в научный оборот, носят отрывочный и бессистемный характер. Для того чтобы понять,

³ Ткань темно-красного цвета [Клейн, с. 53].

как действовал механизм пожалований таможенных и кабацких голов и целовальников, нужно установить факты пожалований, определить их состав и размер и выяснить величину «прибора», за который было сделано конкретное пожалование.

Погодные данные об окладах таможенных и питейных сборов, о размерах полученной прибыли и балансе собранных сумм относительно установленных окладов приведены в приходо-расходных книгах различных центральных приказов. Нами были детальным образом проанализированы сведения на этот счет с конца 1610-х до начала 1680-х гг. по двум южнорусским (Курску и Белгороду) и двум западнорусским городам (Вязьме и Можайску), содержащиеся в приходо-расходных книгах приказов Разрядного, Посольского и Устюжской четверти, ведавших поступлением таможенных и питейных доходов по указанным населенным пунктам.

Установлено, что по Курску с 1618/19 по 1679/80 г. «приборы» таможенных и питейных доходов зафиксированы за 15 лет, по Белгороду за тот же период – за девять лет. В Можайске с 1618/19 по 1665/66 г. «приборы» отмечены за 14 лет; с 1666/67 по 1679/80 г. по питейным доходам здесь имели место исключительно недоборы, по таможенным же сборам «прибор» случился за два года. Вяземский питейный доход был собран с «прибором» за 19 лет, таможенный – за семь лет [Раздорский, с. 45].

Важно подчеркнуть, что о пожалованиях голов и целовальников перечисленных городов, в период службы которых были достигнуты «приборы», в приходо-расходных книгах указанных приказов ничего не сообщается. В этих документах нет информации о пожалованиях даже в тех случаях, когда таможенные и кабацкие доходы были собраны с весьма значительным «прибором». Так, в Белгороде в 1645/46 г. голова М. Болоншин вместе с целовальниками «прибрали» относительно установленного оклада огромную по южнорусским меркам сумму – 2284 руб. 15 коп. Вяземский питейный сбор 1653/54 г. превысил показатели предыдущего года более чем на 2 тыс. руб.

Документы из фонда Оружейной палаты РГАДА (ф. 396) свидетельствуют о том, что пожалования голов и целовальников по указанным городам за отдельные годы имели место, но производились не за счет бюджета приказов, ведавших сбором таможенных и питейных доходов, а из иных источников. Поэтому эти пожалования не получили отражения в приказных приходо-расходных книгах.

В описях столбцов Казенного приказа из фонда Оружейной палаты с 1613 по 1631 г. включительно⁴ зафиксировано 28 памятней, содержащих сведения о пожалованиях таможенных и кабацких голов и целовальников различных городов (самый ранний документ датирован

⁴ В 1630-е гг. в Курске, Белгороде, Вязьме и Можайске местные таможни и кабаки сдавались в основном на откуп. Откупщики же, в отличие от голов, пожалований за «приборы» не получали – прибранные сверх откупной суммы деньги шли им в карман.

5 декабря 1621 г.)⁵. Среди них встретились четыре памяти, в которых идет речь о пожалованиях курских, вяземских и можайских голов и целовальников.

В памяти от 8 февраля 1625 г. сообщается о пожаловании курского кабацкого и таможенного головы Михаила Лиморова и ларечного целовальника Малюты Погонина. Первому согласно царскому указу было предписано выдать «камку добрую», второму – «сукно доброе». Припись к памяти конкретизирует сорт и размер выданных тканей, а также их стоимость: Лиморов получил восемь аршин «камки ада-машки⁶ мелкотравной лазоревой» по 65 коп. за аршин, Погонин – отрез «сукна аглинского вишневого меньшей [руки]» (из-за дефектов текста, к сожалению, размер отреза и стоимость ткани остались неизвестными). О величине «прибора» в памяти ничего не сказано, но из приходо-расходной книги Разрядного приказа 1624/25 г. известно, что «прибор» в период головства Лиморова (с 22 ноября 1623 г. по 21 ноября 1624 г.) составил 164 руб. 80,5 коп. [РГАДА. Ф. 210 (Денежный стол). Кн. 80. Л. 40–41 об.].

За период с 1618 по 1630 г. по курскому таможенному и кабацкому сбору отмечен еще один «прибор» – за 1618/19 г. он составил 33 руб. 71 коп. Память о каких-либо поощрениях головы и целовальников за него в описях столбцов Казенного приказа не числится. С 22 ноября 1619 г. по 21 ноября 1623 г. курские таможня и кабак находились на откупе, данных о балансе окладов и сборов за 1624/25–1627/28 и 1629/30 гг. не имеется, а в 1628/29 г. был отмечен недобор.

В памяти от 10 июля 1626 г. говорится о пожаловании вяземского кабацкого головы 1624/25 г. Алексея Левашева. Состав полученной им награды был более богатым и разнообразным, чем у курского головы. Левашеву было приказано выдать серебряный ковш весом в гривенку⁷, сорок соболей на 25 руб. и «камку добрую».

---

⁵ В. Г. Балковая полагает, что практика пожалования отличившихся таможенных голов и целовальников началась только в царствование Алексея Михайловича [Балковая, с. 49–50]. Документы же Казенного приказа свидетельствуют о том, что эти пожалования происходили еще в начальный период царствования его отца.

⁶ Шелковая ткань, доставлявшаяся из Дамаска [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 1, с. 22].

⁷ Согласно «Торговой книге» XVI в., в обиходе были большая гривенка, равная 96 золотникам (409,5 г), и малая (скаловая) гривенка в 48 золотников (204,8 г). На протяжении XVII в. большая гривенка была заменена фунтом, равным ей по весовому значению. Это предписывал и Таможенный устав 1653 г.: «учинити бы вес против фунтов». Известны случаи, когда головы получали в награды ковши вдвое большего веса. Так, голова Московской Померной избы Логин Ляпин в 1649/50 г. был пожалован за «прибор» в 2426 руб. 10 коп. ковшом в 2 гривенки, сороком соболей на 40 руб. и камкой-куфтером (лучший сорт итальянской шелковой ткани, см.: [Клейн, с. 51]). В 1650/51 г. голова той же избы Богдан Арефьев за «прибор» в 578 руб. 15,25 коп. получил такой же ковш, сорок соболей, атлас и камку. Согласно царскому указу от 23 марта 1662 г., ковшом в 2 гривенки, сороком соболей на 40 руб., камкой-куфтером и атласом гладким был пожалован за «прибор» в 8611 руб. 86,5 коп., полученный в 1661/62 г., голова Померной избы Козьма Подошевыков [Оглоблин, с. 18–20].

Из приписи к памяти явствует, что, помимо ковша и соболей, голова получил 10 аршин «камки адамашки лазоревой мелкотравной» по 80 коп. аршин (как видим, ткань была того же сорта, что и у Лиморова, но стоила несколько дороже, а сам отрез оказался на два аршина больше). Примечательно, что о награждении ларечного целовальника в памяти ничего не говорится. Как и в курском случае, сумма «прибора» в памяти не обозначена. Согласно расчету, произведенному на основании сведений, содержащихся в приходных книгах Приказа Устюжской четверти, в ведении которого находились в то время вяземские кабаки, «прибор» питейной прибыли за 1624/25 г. составил 553 руб. 93,75 коп.

В памяти от 16 марта 1631 г. идет речь о пожаловании вяземского кабацкого головы 1629/30 г., москвича, члена Гостиной сотни Богдана Балымотова и ларечного целовальника вязьмича Григория Чертолина. Голове государь указал выдать сорок соболей на 13 руб. и «камку добрую», целовальнику – «тафту добрую». В приписи к памяти отмечено, что Балымотову полагалось получить, помимо соболей, 8 аршин «камки адамашки лазоревой мелкотравной» по 80 коп. за аршин, Чертолину – 4 аршина «тафты двоеличной»⁸ (из-за обреза текста ее стоимость осталась неизвестной). Кабацкий «прибор» 1629/30 г. в Вязьме, согласно приходной книге Устюжской четверти 1630/31 г., составил 598 руб. 96,25 коп. [РГАДА. Ф. 137 (Устюг). Кн. 17. Л. 142–142 об.], то есть превысил показатель 1624/25 г. на 45 руб. 2,5 коп., однако Балымотов, в отличие от Левашева, серебряного ковша удостоен не был, а полученный им сорок соболей оказался на 12 руб. дешевле, чем у Левашева.

В приходных книгах Устюжской четверти зафиксированы «приборы» по кабацким сборам в Вязьме и за другие годы (в рамках рассматриваемого временного интервала): в 1622/23 г. (24 руб. 68 коп.), 1623/24 г. (19 руб. 42 коп.), 1625/26 г. (160 руб. 68,5 коп.), 1626/27 г. (141 руб. 67,75 коп.), 1628/29 г. (139 руб. 76 коп.). Однако памяти о пожалованиях вяземских голов и целовальников за эти годы в описях столбцов Казенного приказа не значатся. Заметим в этой связи, что хотя размеры «приборов» за указанные годы были меньше, чем в 1624/25 и 1629/30 гг., показатели 1625/26, 1626/27 и 1628/29 гг. вполне сопоставимы, тем не менее, с результатами «прибора» в Курске в 1623/24 г., за который тамошний голова и целовальник получили пожалование.

Еще в одной памяти (от 16 марта 1630 г.) сообщается о присылке на Казенный двор сорока соболей на 17 руб., предназначенных к выдаче в качестве пожалования можайскому таможенному и кабацкому голове Мартыну (Мартину) Костентинову. При этом ни о каких других предметах, жалуемых обычно удачливым в сборе таможенных

⁸ Тафта, сотканная из нитей двух цветов (один цвет введен в основу, другой – в уток) [Клейн, с. 58].

и питейных доходов головам, в том числе тканях, в этом документе ничего не говорится⁹.

Что же касается Белгорода, то по этому городу за рассматриваемый временной промежуток достоверно известен только один «прибор» – за 1619/20 г., причем «прибор» по южнорусским меркам немалый – в 301 руб. 11 коп. Однако память о пожаловании головы этого года белгородского сына боярского Михея Орехова в описях столбцов Казенного приказа не фигурирует. За остальные годы относительно баланса таможенных и кабацких сборов в Белгороде либо информации нет вовсе, либо зафиксированы недоборы.

Нам удалось ознакомиться также с текстами памятей о пожалованиях голов и целовальников еще по трем городам – Тотьме, Костроме и Нижнему Новгороду. Все они датированы последними числами марта 1631 г. (соответственно, 27-м, 28-м и 30-м).

Тотемский таможенный и кабацкий голова 1629/30 г. Иван Завалин за «прибор» был пожалован сороком соболей на 18 руб. и 8 аршинами камки «адамашки лазоревой круцатой¹⁰» по 80 коп. за аршин, целовальники Степан Харламов и Якун Попов – каждый 4 аршинами тафты «виницейки двоеличной» (стоимость ткани из-за обреза текста не установлена, предположительно по 75 коп. за аршин) [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 1691. Л. 2–3].

Костромской кабацкий голова 1629/30 г., член Гостиной сотни Милюта Боровитинов получил за «прибор» в 206 руб. 39 коп. (данная память представляет собой редкий образец подобного рода документа, в котором указана сумма «прибора») 8 аршин «камки адамашки лазоревой круцатой» по 90 коп. за аршин, ларечный целовальник Оксен Коробейников – 4 аршина «тафты виницейки двоеличной» по 75 коп. за аршин [Там же. Л. 4].

Наконец, нижегородский таможенный голова 1629/30 г. Иван Твердилов за учиненную при сборе таможенных пошлин перед 1628/29 г. «прибыль немалую» (сумма в источнике не названа) был награжден серебряным ковшом в гривенку и 7 золотников, 10 аршинами «камки

---

⁹ Эта память представляет из себя определенную загадку, ибо человек с такими именем и фамилией среди Можайских таможенных и кабацких голов XVII в. не упоминается. При этом с 1620 по 1630 г. известны имена всех без исключения Можайских голов. Судя по дате памяти, речь идет о пожаловании головы 1628/29 г. Однако на головстве в Можайске с 1 сентября 1628 г. по 31 августа 1629 г. находился москвич Ефим Елизарьев. Он неоднократно упоминается в этом качестве в приходных книгах Устюжской четверти [РГАДА. Ф. 137 (Устюг). Кн. 14. Л. 129–131 об., 444 об.; Кн. 16. Л. 136–139]. За время его службы по отношению к окладу был зафиксирован не «прибор», а, наоборот, недобор (в 11 руб. 46,25 коп.). Небольшие «приборы» по Можайскому таможенному и кабацкому сбору были отмечены только в 1627/28 и 1629/30 гг., соответственно, при предшественнике и сменщике Елизарьева Ефиме Демидове (в 33 руб. 32,5 коп.) и Владимире Григорьеве (8 руб. 19,5 коп.). За остальные годы в пределах 1619/20–1629/30 гг. по Можайску случались только недоборы.

¹⁰ Круцатый (хруцатый) – наименование относится к узору, имеющему отдельные геометрические фигуры, близкие к кругу [Клейн, с. 56].

кармазину крущатой» по 90 коп. аршин и сороком соболей на 15 руб. Целовальникам балахонцу Якову Иванову и нижегородцам Прокофию и Кузьме Васильевым, согласно приписи, было выдано по 4 аршина «сукна настрафилю¹¹ лазоревого» по 2 руб. 25 коп. за портище и «дороги гиянские»¹² по 2 руб., хотя по памяти Иванову надлежало получить «тафту добрую да сукно аглинское», а Васильевым – «по сукну настрафилю да по дорогам». В знак особой милости голове было приказано выдать пожалование «у стола», тогда как целовальники должны были получить его «у казны» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 1691. Л. 5–7].

Помимо семи памятей, в описях столбцов Казенного приказа за 1613–1631 гг. числятся еще 24 подобных документа о пожалованиях таможенных и кабацких голов и целовальников, а также о присылке серебряных ковшей и чарок, мехов и тканей, которыми они награждались, на Казенный двор (являвшийся действующей вещевой казной предметов придворного обихода и основным наградным и резервным государственным фондом [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 81]). Их реестр, составленный на основе сведений, содержащихся в описях Казенного приказа, приведен ниже (см. прил.).

В описях упомянуты памяти о пожаловании голов и целовальников, обеспечивших «прибор» таможенных и кабацких доходов в Архангельске и Холмогорах, на Вятке, в Казани, Каргополе, Костроме, Москве, Муроме, Нижнем Новгороде, Тотьме, Устюге, Ярославле. Учтена также память о награждении кабацкого головы Кольского острога, хотя в данном случае не вполне ясно, было ли это пожалование за «прибор» или же за само головство в особых условиях далекого северного края. В двух случаях места службы голов и целовальников не указаны.

Надо сказать, что общее количество памятей о пожалованиях таможенных и кабацких голов и целовальников выглядит за десять лет весьма небольшим. Обращает на себя внимание и тот факт, что зафиксированные пожалования касались в основном голов и целовальников, служивших в Москве и крупнейших торговых центрах страны (Архангельске, Казани, Костроме, Нижнем Новгороде, Устюге, Ярославле). Такие города, как Курск, Вязьма, Муром, Тотьма, хотя и не принадлежали к числу важнейших торговых пунктов всероссийского значения, являлись, тем не менее, значительными региональными рыночными центрами. Пока трудно сказать наверняка, с чем связан данный факт. Либо действительно пожалования производились крайне редко и касались главным образом лиц, отправлявших таможенную и кабацкую службу преимущественно в ведущих торговых центрах, либо надо признать, что многие памяти о пожалованиях просто не дошли до нас.

¹¹ Сорт английского сукна [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 10, с. 275].

¹² Восточная шелковая ткань [Клейн, с. 60].

На данный момент мы располагаем информацией о составе 26 пожалований с 1621 по 1631 г. Состав семи пожалований установлен непосредственно по текстам рассмотренных выше памятей, о составе 19 известно на основании записей, внесенных в описи столбцов Казенного приказа (в одной записи сведения на этот счет отсутствуют; в четырех памятях, судя по описям, идет речь о присылке на Казенный двор предметов, указанных в других уже учтенных в описях памятях).

Большинство из рассмотренных пожалований голов можно разделить на три категории, каждую из которых условно можно считать высшей (серебряный ковш, меха, ткани), средней (меха и ткани) и низшей (только ткани). Остальные комбинации предметов, которые выдавались награжденным, встречаются редко. Пожалования целовальников бывали двух категорий: первой (серебряная чарка и ткань) и второй (только ткань)¹³.

Произведенные наблюдения, выполненные пока что на весьма ограниченной источниковой базе, позволяют, тем не менее, сделать ряд выводов предварительного характера относительно практики пожалований таможенных и кабацких голов за «приборы» при сборе доходов:

– во-первых, пожалования не финансировались напрямую за счет отчислений из собранных головами и целовальниками денежных средств, которые они доставляли в приказ, ведавший сбором таможенных и питейных доходов на конкретной территории; такого рода пожалования находились в сфере деятельности Казенного приказа;

– во-вторых, пожалования носили (вероятно, в подавляющем большинстве, если не во всех подобных случаях) натуральный, а не денежный характер;

– в-третьих, пожалования различались по составу входивших в них предметов: для голов они могли быть трех-, двух- и однокомпонентными, для целовальников (в большинстве случаев) – однокомпонентными, редко – двухкомпонентными; наградной набор был сравнительно единообразным и включал серебряный ковш или чарку, ценный мех (соболий или куний) и импортные ткани различных сортов;

---

¹³ По имеющимся данным, головы были пожалованы серебряными ковшами (12 случаев), мехами (18 случаев, в том числе в 16 – соболиными, и в двух – куньими) и импортными тканями (22 случая). Полный набор из всех трех наградных компонентов отмечен в девяти случаях, в двух случаях среди пожалованных предметов значатся ковши и меха, в одном – ковш и ткань, в пяти – меха и ткани, в семи – только ткани, в двух – только меха (возможно, в этих двух записях, в которых идет речь о присылке мехов на Казенный двор, состав пожалованных предметов показан не полностью). Целовальники же получали в большинстве случаев только ткани. Лишь в двух из учтенных нами случаев в награду им наряду с тканями было предписано выдать еще серебряные чарки.

– в-четвертых, состав пожалований, судя по всему, не зависел от размера полученного «прибора»: головы, достигшие в период своей службы финансовых результатов сходного уровня, могли жаловаться разными по составу наградными наборами (в этом отношении подтверждается версия Н. Н. Оглоблина);

– в-пятых, в тех случаях, когда пожалования получали головы, состоявшие в привилегированных купеческих корпорациях (гости, члены Гостиной и Суконной сотен), эти награды (в первую очередь серебряные ковши¹⁴) имели значение исключительно символическое (в качестве почетной регалии), а не экономическое (что, например, значил отрез камки или тафты для гостя Григория Никитникова?), при этом за особую честь почиталось получение пожалования «у стола»; определенное экономическое значение награды (даже если это был только отрез импортной ткани) имели для провинциальных посадских и служилых людей, служивших в головах и целовальниках;

– в-шестых, пожалования голов и целовальников, вероятно, не носили обязательного характера в каждом случае достижения таможенного и кабацкого «прибора» (даже значительного по размерам), происходили сравнительно редко и касались преимущественно тех представителей таможенной и кабацкой администрации, которые несли службу в наиболее важных торговых центрах Московского государства.

Обозначенная тема требует, безусловно, дальнейшей разработки. Необходимо привлечение к изучению не только всех сохранившихся памятней о пожалованиях голов и целовальников, находящихся в составе столбцов Казенного приказа, но и приходо-расходных книг этого приказа. Однако даже всеобъемлющее исследование этих документов не позволит достичь нужных результатов, если одновременно с этим не будут проанализированы приходо-расходные книги других приказов, содержащие сведения об окладах и сборах таможенных и питейных доходов по различным городам и сообщающие, следовательно, сведения о конкретных суммах «приборов», за которые производились пожалования.

---

¹⁴ В Оружейной палате Московского Кремля хранятся серебряные ковши с соответствующими гравировками, которые были пожалованы гостю Ивану Гурьеву за службу в Московской таможене в 1676 г., члену Гостиной сотни Филату Хлебникову за кабацкие и таможенные «приборы» в Перми, Соликамске и Чердыни в 1698 г. [Перхавко, с. 188–189]. По мнению В. Г. Балковой, «само нахождение этих дорогих подарков в государственном хранилище дает основание предполагать, что пожалование носило прижизненный характер, после смерти награжденного подарок возвращался в казну» [Балковая, с. 50].

Приложение

Реестр памятей Казенного приказа о пожалованиях таможенных и кабацких голов и целовальников (1621–1631 гг.)

№ столбца	Дата	Место службы	Головы и целовальники	Состав пожалования
581	05.12.1621	Нижний Новгород	Таможенный и кабацкий голова Озеров Второй, гость ¹ Ларечный целовальник (?) Родионов Елисей, член Гостиной сотни Целовальники Павлов, Мантуров, Михайлов	Ковш серебряный, соболя Камка, чарка серебряная ² По камке
599	17.12.1621	Москва	Таможенный голова Микитников (Никитников) Григорий, гость Ларечные Москаль, Нагаев	Ковш серебряный ³ , камка, тафта, соболя По тафте
607	20.12.1621	Кострома	Таможенный и кабацкий голова Котов Андрей, член Гостиной сотни Целовальники Зверев, Меркурьев, член Суконной сотни, Савостьянов	Ковш серебряный, соболя ⁴ , камка По камке и сукну
665	24.02.1622	Устюг	Таможенные головы Смывалов Михаил, Синев Иван	Ковши серебряные, соболя ⁵
824	06.02.1623	Москва	Таможенный голова Булгаков Бахтеяр, гость Ларечные – имена не указаны	Ковш серебряный, соболя, камка По камке

¹ Пожалован 06.12.1621 «у стола» при государе.

² Сведения о пожаловании чаркой приведены в столбце № 584 (от 06.12.1621), в котором идет речь о присылке чарки и ковша (для головы) на Казенный двор.

³ Сведения о присылке на Казенный двор ковша приведены в столбце № 604 (18.12.1621).

⁴ Сведения о присылке на Казенный двор ковша и соболей приведены в столбцах, соответственно, № 611 и 612 (оба от 18.12.1621).

⁵ В памяти говорится о присылке ковшей и соболей на Казенный двор.

№ столбца	Дата	Место службы	Головы и целовальники	Состав пожалования
1058	30.12.1624	Тотьма	Таможенный и кабацкий голова Басов Алексей Целовальники Брагин Тимофей, Широв Осип	Сорок соболей, камка добрая По тафте и сукну доброму
1068	09.01.1625	Ярославль	Таможенный и кабацкий голова Родионов Томила Целовальники Семенов Астафий, Юрьев Богдан	Камка, куфтер и сорок куниц По тафте
1089	24.01.1625	Кострома	Таможенный и кабацкий голова Невзоров Борис Целовальник Яков- лев Петр	Камка добрая Тафта
1109	08.02.1625	Курск	Таможенный и кабацкий голова Лиморов Михаил Целовальник Погонин Малюта	Камка добрая Сукно доброе
1154	01.04.1625	Москва	Таможенный голова Тараканов Томил Ларечные целовальники Бонбинов Степан, Тимофеев ⁶	Ковш серебряный, сорок соболей, камка, тафта По тафте
1175	12.04.1625	Не указано	Автомонов Никита, член Гостиной сотни Матвеев Андрей, член Суконной сотни ⁷	По сороку куниц и по камке
1340	08.07.1626	Каргополь	Таможенный и кабацкий голова Головков Иван	Тафта широкая, сукно доброе
1341	10.07.1626	Вязьма	Таможенный и кабацкий голова Левашев Алексей	Ковш серебряный, сорок соболей, камка добрая
1556	16.03.1630	Можайск	Таможенный и кабацкий голова Костентинов Мартын	Сорок соболей

⁶ Имя не указано.

⁷ Должности не указаны. Пожалование за прибыль «у кружечной продажи вина».

№ столбца	Дата	Место службы	Головы и целовальники	Состав пожалования
1557	20.03.1630	Архангельск и Холмогоры	Таможенный и кабацкий голова Юдин Андрей Босой Василий, член Гостиной сотни ⁸	По сороку соболей ⁹
1691	16.03.1631	Вязьма	Кабацкий голова Богдан Балымотов, член Гостиной сотни Ларечный целовальник Чертолин Григорий	Сорок соболей, камка добрая Тафта добрая
1691	27.03.1631	Тотьма	Таможенный и кабацкий голова Завалин Иван Целовальники Харламов Степан, Попов Якун	Сорок соболей, камка По тафте
1691	27.03.1631	Кострома	Кабацкий голова Боровитинов Милота, член Гостиной сотни Ларечный целовальник Коробейников Оксен	Камка Тафта
1691	27.03.1631	Нижний новгород	Таможенный голова Твердииков Иван Целовальники Иванов Яков, Васильев Прокофий, Васильев Кузьма	Ковш серебряный, сорок соболей, камка По сукну «настрафилу», «дороги гилянские»
1723	27.03.1631	Муром	Таможенный и кабацкий голова и целовальники ¹⁰	Не указаны ¹¹

⁸ Должность не указана (голова?).

⁹ В памяти говорится о присылке соболей на Казенный двор.

¹⁰ Имена не указаны.

¹¹ В описи отмечено, что в памяти идет речь о пожаловании подарками голов и целовальников «за их усердную и полезную службу».

№ столбца	Дата	Место службы	Головы и целовальники	Состав пожалования
1744	02.04.1631	Казань	Таможенный и кабацкий голова Шорин Василий, член Гостиной сотни	Ковш серебряный, сорок соболей, камка
1747	04.04.1631	Кольский острог	Кабацкий голова Белоусов Дружина, каргополец	Сукно и тафта
1751	05.04.1631	Вятка	Таможенный и кабацкий голова Шубин Иван	Сукно и тафта
1755	07.04.1631	не указано	Кабацкий голова Горбов Федот Ларечные (2 чел.) ¹²	Ковш и камка По сукну
1759	Апрель 1631	Архангельск	Таможенные и кабацкие головы и целовальники ¹³	Камки, сукна и др. ¹⁴
1793	Б/д	Архангельск	Таможенный и кабацкий голова Абросимов Харлам	Ковш серебряный, соболя, камка
1811	18.11.1631	Москва	Таможенный голова Микитников Григорий Ларечные целовальники ¹⁵	Ковш серебряный, соболя, камка Чарки серебряные, камки

Список литературы

Балковая В. Г. Таможенная служба Российского государства в XVI–XVIII вв.: историко-правовой аспект. Saarbrücken : Lambert Academic Publ., 2012. 236 с.

Беляева В. Н. Добрынины – династия купцов и солепромышленников города Балахны XVII – начала XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. : сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.) : в 2 т. / ред.-сост. А. И. Раздорский. Коломна : Моск. гос. обл. соц.-гуманитар. ин-т, 2015. Т. 1. С. 141–150.

¹² Имена не указаны.

¹³ Имена не указаны.

¹⁴ В описи отмечено, что пожалование произведено «за их усердную и полезную службу».

¹⁵ Имена не указаны.

Клейн В. К. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология. М. : Оружейная палата, 1925. 67 с.

Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М. : Университет. тип., 1846. VIII + 47 с.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М. : РОССПЭН, 2000. 271 с.

Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. : словарь-справ. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 301 с.

Оглоблин Н. Н. Московская померная изба. М. : Университ. тип., 1889. 24 с.

Перхавко В. Б. История русского купечества. М. : Вече, 2008. 509 с.

ПСЗ-1. Т. 2. [1], 974, 2, [1] с.

Раздорский А. И. Головство и откуп : Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе Европейской России в XVII веке (по материалам прихода-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). М. : Старая Басманная, 2017. 259 с.

РГАДА. Ф. 137 (Устюг). Кн. 14, 16, 17; Ф. 210 (Денежный стол). Кн. 80; Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 1691.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–. Вып. 1. 371 с. Вып. 10. 327 с.

Шемякин А. И. История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль : Александр Рутман, 2000. 254 с.

Шумилов М. М. Торговля и таможенное дело в России : становление, основные этапы развития, IX–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 471 с.

References

Balkovaya, V.G. (2012). *TamozhennayasluzhbaRossiiskogogosudarstvavXVI–XVIIIvv.: istoriko-pravovoi aspekt* [The Customs Service of the Russian State in the 16th–18th Centuries: Historical and Legal Aspect]. Saarbrücken, Lambert Academic Publ. 236 p.

Belyaeva, V. N. (2015). Dobryniny – dinastiya kuptsov i solepromyshlennikov goroda Balakhny XVII – nachala XVIII v. [The Dobrynins – a Dynasty of Merchants and Salt Producers in the City of Balakhna in the 17th – Early 18th Centuries]. In Razdorsky, A. I. (Ed.). *Torgovlya, kupechestvo i tamozennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv. Sbornik materialov Tret'ei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kolomna, 24–26 sentyabrya 2013 g.) v 2 t.* Kolomna, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi sotsial'no-gumanitarnyi institut. Vol. 1, pp. 141–150.

Collins, S. (1846). *Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone* [The Present State of Russia in a Letter to a Friend at London]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. VIII + 47 p.

Klein, V. K. (1925). *Inozemnye tkani, bytovavshie v Rossii do XVIII veka, i ikh terminologiya* [Overseas Fabrics Found in Russia before the 18th Century and Their Terminology]. Moscow, Oruzheynaya palata. 67 p.

Kotoshikhin, G. K. (2000). *O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha* [About Russia during Alexey Mikhailovich's Reign]. Moscow, ROSSPEN. 271 p.

Liseitsev, D. V., Rogozhin, N. M., Eskin, Yu. M. (2015). *Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Slovar'-spravochnik* [Departments of the Muscovite State of the 16th–17th Centuries. Dictionary Reference]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 301 p.

Ogloblin, N. N. (1889). *Moskovskaya pomernaya izba* [The Moscow Measuring Office]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 24 p.

Perkhavko, V. B. (2008). *Istoriya russkogo kupechestva* [A History of Russian Merchants]. Moscow, Vechе. 509 p.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. *Sobranie pervoe*. Vol. 2. [1], 974, 2, [1] p.

Razdorsky, A. I. (2017). *Golovstvo i otkup. Ocherki iz istorii tamozhennogo i kabatskogo dela na yuge i zapade evropeiskoi Rossii v XVII veke (po materialam prikhodo-raskhodnykh knig moskovskikh prikazov i gorodovykh tamozhennykh i kabatskikh knig)* [Administration (“Golovstvo”) and Payoff. Essays on the History of Customs and Excise Affairs in the South and West of European Russia in the 17th Century (with Reference to the Account Books of the Moscow Departments and City Customs and Excise Books)]. Moscow, Staraya Basmanaya. 259 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 137 (Ustyug). Book 14, 16, 17; Stock 210 (Denezhnyi stol). Book 80; Stock 396. List 1. N1691.

Shemyakin, A. I. (2000). *Istoriya tamozhennogo dela v Rossii i Yaroslavskii krai* [History of Customs Affairs in Russia and Yaroslavl Region]. Yaroslavl, Aleksandr Rutman. 254 p.

Shumilov, M. M. (2006). *Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya, IX–XVII vv.* [Trade and Customs Affairs in Russia: Formation and Main Stages of Development, 9th–17th Centuries]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 471 p.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. (1975). Iss. 1. Moscow, Nauka. 371 p.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. (1975–). Moscow, Nauka. Iss. 10. 327 p.

The article was submitted on 31.07.2018

DOI 10.15826/qr.2019.3.411
УДК 94(571.1/.5)"18"+351.711(09)+352(09)

ОБРАЗ СИБИРИ В ОТЧЕТАХ ГЕНЕРАЛ- ГУБЕРНАТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.*

Наталья Матханова

Институт истории СО РАН,
Новосибирск, Россия

Наталья Родигина

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
Новосибирский государственный педагогический университет,
Тобольск, Новосибирск, Россия

THE IMAGE OF SIBERIA IN THE ACCOUNTS OF GOVERNORS-GENERAL IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Natalia Matkhanova

Institute of History Siberian Branch
of the Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia

Natalia Rodigina

Tobolsk Scientific Station UB RAS,
Novosibirsk State Pedagogical University
Tobolsk, Novosibirsk, Russia

Even though the image of Siberia in mass consciousness, public opinion, and “power” discourse of the second half of the nineteenth century has long been a subject of researcher attention, the image of the region in the reports of Siberian governors-general has not been analysed separately. However, these materials not only make it possible to expand existing academic conclusions about the impact of reality images on social practices, but also to clarify the factors that

---

* *Citation:* Matkhanova, N., Rodigina, N. (2019). The Image of Siberia in the Accounts of Governors-General in the Second Half of the 19th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 835–850. DOI 10.15826/qr.2019.3.411.

Цитирование: Matkhanova N., Rodigina N. The Image of Siberia in the Accounts of Governors-General in the Second Half of the 19th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 835–850. DOI 10.15826/qr.2019.3.411 / Матханова Н., Родигина Н. Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 835–850. DOI 10.15826/qr.2019.3.411.

determined the position of local and central authorities in relation to the region, identify the dependence of images on the type of sources in which they are found, and determine the common “agenda” for government and public opinion in the discussion of “Siberian issues”. Based on Foucault’s discourse analysis of texts, the article reveals and characterises the key elements of the image of Siberia on the basis of reports of Siberian governors-general between the early 1850s and late 1880s. The region was the empire’s “warehouse”, whose wealth was still scarcely in demand for the development of the local “productive forces”, practical issues of management, and cultural needs, and from the point of view of imperial economic and geopolitical interests. It was *terra incognita* for the imperial authorities, academia, and the educated public, a region forgotten by the capital but in need of local government reform (indeed it was included in the reforms of the 1860s–70s), connections with European Russia by rail, water, and land, intensified agricultural production, better schooling, its own university, educated and motivated officials, and the abolition of exile. The territory was a potential “paradise” on earth for peasants and all the population of the Trans-Ural provinces, which might be possible if the imperial authorities paid attention to their needs and aspirations (this component of the region’s image would become essential during Stolypin’s ideological campaign of resettlement in the early twentieth century).

Keywords: history of Siberia in the second half of the nineteenth century; image of Siberia; reports of governors-general.

Образ Сибири и «властный» дискурс о зауральских губерниях во второй половине XIX в. в массовом сознании и общественном мнении давно являются предметом исследовательского внимания, однако образ региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов еще не становился темой специального анализа. Эти материалы не только позволяют расширить существующие в науке выводы о влиянии образов реальности на социальные практики, но и дают возможность уточнить факторы, определяющие позицию местной и центральной власти в отношении региона, выявить зависимость образов от вида источников, в котором они представлены, определить общую для власти и общественного мнения «повестку дня» в обсуждении «сибирских вопросов». Основываясь на дискурсивном анализе текстов (М. Фуко), авторы выявили и охарактеризовали ключевые элементы образа Сибири, сконструированного в отчетах сибирских генерал-губернаторов начала 1850-х – конца 1880-х гг., – ресурсной кладовой империи, богатства которой были еще мало востребованы как для развития местных «производительных сил», практических задач управления и культурных потребностей, так и с точки зрения имперских экономических и геополитических интересов. Это была *terra incognita* как для верховной власти, так и для науки и образованной публики, забытая столичной властью страны, нуждавшейся в реформировании системы местного управления, в распространении реформ 1860–1870-х гг., в соединении с Европейской Россией железной дорогой, в развитии водных и сухопутных путей сообщения, местной промышленности и интенсификации сельскохозяйственного производства, в увеличении количества школ

и организации университета, в привлечении в край образованных и мотивированных чиновников, в отмене ссылки. Это была территория потенциального рая на земле для крестьян и всего населения зауральских губерний и областей, возможного в случае привлечения внимания верховной власти к их нуждам и потребностям (данный компонент образа региона станет одним из основных во время идеологической компании, сопровождавшей столыпинское переселение в начале XX в.).

Ключевые слова: история Сибири второй половины XIX в; образ Сибири; отчеты генерал-губернаторов.

В последние десятилетия образ Сибири, институты его конструирования и трансляции, факторы, оказывавшие влияние на его содержание, эволюцию и трансформацию, относятся к сфере напряженного внимания как историков, так и коллег из «смежных цехов» (социологов, литературоведов, этнографов, специалистов в области гуманитарной географии и др.). До настоящего времени остаются в значительной степени открытыми и дискуссионными вопросы об определении образа как категории исторических исследований, о зависимости представлений о регионе (как и о любом другом значимом объекте реальности) от профессиональной принадлежности их носителей, о влиянии образов на поведенческие практики (обзор см.: [Мазур, с. 167, 169]).

Представления власти о Сибири уже становились предметом изучения [Ремнев, 2015; Дамешек; и др.], однако специфика образа региона в отчетах генерал-губернаторов, насколько нам известно, еще не была темой специального исследования. Анализ отчетов позволяет показать зависимость образа региона от социофессиональной принадлежности его авторов, а также от источников его деконструкции, и дает возможность выявить общее в репрезентациях Сибири по текстам представителей власти и общественного мнения.

В качестве основного метода исследования востребован дискурс-анализ, оптимальнее всего реализованный в работах М. Фуко. Под дискурсом он понимает совокупность высказываний, зависящих от одной и той же дискурсивной формации [Фуко, с. 227]. Используем его определение дискурсивной формации: «описать высказывания, описать функцию высказывания... проанализировать условия, в которых осуществляется эта функция, обозреть различные области, которые она предполагает, и тот способ, каким они соединяются между собой» [Там же, с. 225]. Согласно нашему пониманию дискурс-анализа, историк концентрирует внимание на следующих моментах: 1) формирование объекта (в нашем случае образ Сибири); 2) формирование субъективных позиций (не только проблема авторства высказываний, но и позиция, которая при определенных условиях может быть занята любыми индивидами); 3) ассоциированное поле, заставляющее учитывать не только реальный контекст формулировки отчета и историческую ситуацию, которой она продиктована, но и интерпретацию

дискурса как области существования для других высказываний. Объектом дискурса является именно образ Сибири у образованных русских второй половины XIX в., предметом же – его отражение в генерал-губернаторских отчетах, ибо дискурс как объект изучения может быть представлен лишь как совокупность объектов-разновидностей, и описание дискурса не сводимо к описанию инварианта. При этом для нас важно, как именно функции, структура и адресат отчетов детерминировали образ региона, как на его репрезентацию влияли внедискурсивные практики (отдельные институты власти, реализация на практике политики в отношении региона и др.).

Образ региона, по определению Д. Н. Замятина, это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географическими территориями и формируются в результате какой-либо человеческой деятельности как на бытовом, так и на профессиональном уровне [Замятин, с. 183]. По нашему мнению, образ региона интегрирует не только представления о территории и ее населении, базирующиеся на знаниях о ней, но и продукт коллективного воображения, который стихийно или осознанно создается в массовом сознании и общественном мнении заинтересованными «мы-группами» (более подробно см.: [Родигина, 2006, с. 41–59; Родигина, 2017, с. 79–102]).

Источниковая специфика отчетов сибирских генерал-губернаторов и история их изучения, адресаты, авторский корпус уже были охарактеризованы ранее, как и хронологические и территориальные границы исследования [Матханова, Родигина]. В работе используются деловые документы и обозрения сибирских генерал-губернаторов с начала 1850-х гг., когда статус региона стал предметом обсуждения во II Сибирском комитете и других правительственных учреждениях, и до времени упразднения Западно-Сибирского (1882) и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств (1887). Задача анализа – выявить, как в служебных текстах (в первую очередь отчетах) отражались базовые элементы образа Сибири, бытовавшие в общественном мнении и массовом сознании второй половины XIX в.

Сама структура отчетов задавала определенную матрицу для формирования интегрального многокомпонентного образа региона, включающего в себя представления о его географии, природе, экономическом, административном и культурном развитии, составе населения и отдельных аспектах хозяйственной деятельности, вероисповедании, асоциальном поведении и др. В большинстве отчетов, как и в материалах периодической печати, художественных и мемуарных текстах, крестьянских письмах, прошениях и слухах о переселении, на первый план выходит *образ Сибири как богатейшего края, ресурсной кладовой империи*. Он возникал и/или создавался в сопоставлении с более знакомыми и привычными образами регионов Европейской России. Необходимо иметь в виду, что практически все генерал-губернаторы (за исключением М. С. Корсакова) не служили в Сибири до своего назначения и были поверхностно знакомы с населением, географиче-

скими и природно-климатическими особенностями региона [Ремнев, 2015, с. 404]. Этим объясняется эмоциональная окрашенность образа региона, особенно в первых отчетах после прибытия в Сибирь, удивительная для канцелярского языка отчетов, и в то же время некоторая фрагментарность и противоречивость описания. В первом по прибытии обозрении 1879 г. Д. Г. Анучин¹, уподобляя себя «массе других путешественников», пишет о своих непосредственных впечатлениях: «...я был поражен красотой здешней природы, раздольем здешних мест» [РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 191. Л. 5 об.]. Однако в отчете за 1880 и 1881 гг. он приводит противоположную характеристику: «Восточная Сибирь представляется... странною, обделенною природою» [Всеподданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 139].

В отчетах констатация обширности региона и его ресурсного потенциала имела, во-первых, вполне конкретные (в том числе цифровые) измерения; во-вторых, преследовала прагматичные управленческие, а иногда и геополитические задачи; в-третьих, объяснялась стремлением наконец-то «открыть» Сибирь, остававшуюся *terra incognita* для столичной власти. А. О. Дюгамель² так и писал: «Тайга, о которой здесь идет речь... это настоящая *terra incognita*, о которой правительство имеет крайне неполные сведения» [Дюгамель, с. 424]. Образ Сибири как неизвестной земли актуализировали в своих отчетах многие генерал-губернаторы. Так, Н. Г. Казнаков³ писал:

Ученые исследования далеко не выяснили разнообразных свойств этой обширной страны, поныне заключающей в себе такие местности, о которых только случайно получают отрывочные сведения от инородцев [РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 116–118].

Он стремился «привлечь образованных лиц» к изучению края, для чего предпринял ряд практических мер [Ремнев, 2015, с. 322, 324].

В отличие от художественных и публицистических текстов, в отчетах приводились статистические данные о размерах губерний, количестве населенных пунктов, численности населения и пр., ибо сам формуляр отчета предусматривал соответствующие рубрики. При этом артикулировались территориальные границы генерал-губернаторств, что важно в связи с дискуссионностью вопроса о соотношении административных, географических, природно-климатических, ментальных границ Сибири на протяжении всего изучаемого периода. Так, М. С. Корсаков⁴ фиксирует границы управляемой им терри-

---

¹ Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900) – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1879–1884/85 гг.

² Дюгамель Александр Осипович (1801–1880) – генерал-губернатор Западной Сибири в 1861–1866 гг.

³ Казнаков Николай Геннадиевич (1824–1885) – генерал-губернатор Западной Сибири в 1875–1882 гг.

⁴ Корсаков Михаил Семенович (1826–1871) – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1861–1871 гг.

тории, «замкнутой с севера берегами Ледовитого океана, недоступного для свободного плавания, с востока хотя прилегающей к двум морям – Камчатскому и Охотскому, но также затруднительным для морского пути, и, наконец, на юге огражденной пустынными степями Монголии и Маньчжурии» [РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 2 об.]. Это важно и для обоснования необходимости соответствующих управленческих решений:

Географическое положение Восточной Сибири, отделенной огромными пространствами от Европейской России и вообще от цивилизованных и промышленных пунктов, а также физическое наклонение ее к Ледовитому морю не допускали деятельного общения ее с другими странами; одинаковость климата, почвы и естественных произведений почти во всех главнейших частях ее препятствовали развитию внутренних торговых и других сообщений [РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161. Л. 6 об. –7].

А. П. Хрущов⁵ в отчете за 1866 г. утверждал: Западную Сибирь «можно разделить на две резко отличающиеся полосы, границей между которыми можно считать 60° сев[ерной] шир[оты]». При этом он отмечает сложность измерения границ региона:

При столь огромном протяжении полное и точное измерение Тобольской губернии сопряжено с почти непреодолимыми трудностями. Промадность пространства, почва – топи и болота, суровый климат северных округов крайне затрудняют геодезические работы, поэтому до сих пор измерено не более одной десятой губернии. В Томской губернии встречается меньше трудностей, поэтому измерено более половины ее территории [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 2 об.].

Яркий пример описания географического положения региона встречаем у Анучина:

Сибирь, занимая северную половину Азиатского материка, соединяет Европу с Великим океаном. Через Сибирь, а не другим путем прошла линия телеграфа, соединяющего Запад с Японией и Китаем; через Сибирь же направились бы и богатства этих стран в Европу, если бы существовали удобные пути сообщения... Географическим положением своим Сибирь предназначена быть посредником между крайним Востоком и Западом, служа для транзита международной торговли. Рано или поздно такое предназначение Сибири... осуществится, и Россия явится тогда для Западной Европы не угрозою в политическом отношении, а источником богатства и всех благ для развития промышленности... [Всеподданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 144].

---

⁵ Хрущов Александр Петрович (1806–1875) – генерал-губернатор Западной Сибири в 1866–1875 гг.

Таким образом, отчеты не только содержат оценку современного состояния и перспектив региона, но и свидетельствуют о геополитических взглядах генерал-губернаторов, об их представлении о собственной роли в реализации правительственной политики. Нами не выявлено существенных различий в репрезентациях Восточно- и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, при их описании авторы отчетов употребляли не только общую терминологию, но и общие слова-маркеры, в основном фиксировали общие проблемы. Создается впечатление, что основная функция *образа Сибири как богатейшего края*, ресурсной кладовой империи в отчетах – мобилизующая, характеризующаяся стремлением привлечь внимание правительства к насущным нуждам региона и показать выгоды от тех или иных правительственных мероприятий. Более того, можно утверждать, что все эти богатства рассматривались главным образом через призму будущего, а не настоящего, как следствие ожидаемых правительственных преобразований в экономике и управлении Сибирью [РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 6. Л. 153]. В их числе на одном из ведущих мест, на котором акцентировалось внимание в большинстве отчетов, было улучшение путей сообщения как внутри самой Сибири, так и с Европейской Россией, и с иностранными государствами.

Проблема коммуникаций, точнее, их затруднительности – постоянная составляющая образа региона изучаемой эпохи. Он не просто отдален от центра, но и не имеет надежной связи с ним. Это серьезная проблема и для развития экономики, и для приобщения к цивилизации, и для прочности военно-политического закрепления территории. Сначала основной способ ее решения виделся в развитии водного транспорта. В отчете М. С. Корсакова за 1861 г. констатировалось:

Существующее сухопутное сообщение Восточной Сибири с внутренними российскими губерниями не удовлетворяет потребностям страны, несмотря на постоянное деятельное улучшение оно; а потому представляется настоятельная надобность в устройстве чрез Восточную Сибирь правильного водяного сообщения, посредством которого материальная связь края с Европейскою Россией делается наиболее прочною [РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161. Л. 7 об.].

Наряду с развитием паровозного сообщения, уже с 1860-х гг. в отчетах фиксируется необходимость строительства железной дороги. В отчете А. О. Дюгамеля за 1865 г. «застой» в развитии экономики объяснялся «отдаленностью края от важнейших торговых пунктов Европейской России. Устранение такого препятствия, – указывал генерал-губернатор, – возможно лишь при существовании железной дороги. Тогда только торговля и промышленность приняли бы правильное направление, и можно смело надеяться, что край этот быстро бы оживился в промышленном отношении» [РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 1. Л. 33 об. –34]. Н. Г. Казнаков считал лучшим способом

решения многих проблем Сибири строительство железной дороги, на первых порах хотя бы от Тюмени до реки Камы, чтобы соединить Сибирь с промышленными центрами Европейской России [РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 12 об. –14].

Позже при обосновании решения проблемы коммуникаций и строительства железной дороги все больше акцентируются внешнеполитическая и военная стороны. В отчете за 1879 г. Д. Г. Анучин создает образ пробуждающегося и становящегося все более опасным соседом Китая и подчеркивает: «Громадная удаленность Восточной Сибири от центра государства ставит ее в положительную невозможность получить в случае нужды помощь из внутренних губерний империи». Спасти положение может только «устройство водяного пути и железной дороги» [Всеподданнейший отчет... за 1879 г., с. 37]. В следующем отчете Анучин подчеркивает, что

...развитие путей сообщения в Сибири имеет не только особое значение местное и государственное, но и мировое... Поэтому на все пути в Сибири следует смотреть как на часть тех сообщений, которые со временем будут призваны к мировому значению.

Это делает еще более важным вопрос о железной дороге [Всеподданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 144].

А. П. Игнатъев⁶ докладывал:

...слабое развитие производительности в стране и застой в делах главнейшим образом зависят от полного отсутствия в крае сколько-нибудь устроенных путей сообщения. По моему крайнему убеждению, этот вопрос имеет первостепенное значение, и не только местное – сибирское, но и общегосударственное [Всеподданнейший отчет... за 1885–1886 гг., с. 39].

Он доказывал, что

...для достижения возможности своевременно придвинуть в Забайкалье достаточное число войск нет другого способа, как постройка железной дороги, соединяющей Европейскую Россию с бассейном реки Амур [Там же, с. 47].

Еще одной проблемой, мешавшей, с точки зрения авторов отчетов, динамичному экономическому развитию как Западной, так и Восточной Сибири, являлась нехватка населения. Корсаков в отчете за 1861 г. называл основными препятствиями к более успешному развитию «удаленность от центров русской и вообще европейской цивилизации, малочисленность населения и неудовлетворительное состояние народного образования» [РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161.

---

⁶ Игнатъев Алексей Павлович (1842–1906) – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1885–1887 гг., иркутский генерал-губернатор в 1887–1889 гг.

Л. 4, 6–6 об.]. П. А. Фредерикс⁷ в отчете за 1874–1875 гг. перечислял основные препятствия к развитию хозяйства в Восточной Сибири: «...малонаселенность, дороговизна сообщений на громадных пространствах, недостаток рабочих рук, дороговизна и недостаток железа... отсутствие мелкого кредита» для крестьян [РГИА. Ф. 1284. Оп. 69 (1875). Д. 522. Л. 6]. Анучин считал увеличение населения «самым насущным из всех когда-либо поднимавшихся здесь вопросов», как и «облегчение сообщений устройством новых путей» [Всеподданнейший отчет... за 1879 г., с. 42].

Однако, постоянно упоминая о недостатке населения, особенно способного к сельскохозяйственному труду, в активное обсуждение проблемы организации переселенческого движения высшее руководство сибирских губерний и областей включается с 1880-х гг., когда на правительственном уровне происходит обсуждение переселенческого законодательства и вырабатывается переселенческая политика.

Наряду с констатацией нехватки сельского населения, красной нитью через большинство отчетов проходила мысль о недостатке технически подготовленных специалистов, что мешало развитию промышленности [РГИА. Ф. 1284. Оп. 69 (1875). Д. 522. Л. 7; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 33 об.; Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 24–24 об.; и др.]. Наиболее развернутый перечень проблем, препятствовавших экономическому процветанию региона, встречаем в отчете А. О. Дюгамеля (1860 г.):

Промышленность и торговля этого края еще очень далеки от той степени развития, на которой должны стоять, судя по громадным природным средствам страны... Причинами, препятствующими свободному и полному развитию промышленности Западной Сибири, служили: 1) отдаленность края от важнейших промышленных и торговых пунктов внутренних и приморских губерний империи; 2) крайне неудовлетворительное состояние путей сообщения с внутренними губерниями и происходящее от того затруднение в перевозе произведений; 3) значительный недостаток рабочих рук как следствие малонаселенности края и 4) недостаток частных капиталов и предприимчивости [РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 203. Л. 14 об. –15].

Близкие версии экономических проблем содержатся в отчетах восточносибирских генерал-губернаторов. Отчеты содержат и другой образ региона, близкий по смыслу к репрезентации Сибири как богатейшего края, ресурсной кладовой империи, – это представление о регионе как о крестьянском рае, где земли много, а начальства мало. Этот стереотипизированный образ имел широкое распространение в крестьянской среде, его транслировали декабристы, он нашел отражение в творчестве либеральных и народнических литераторов, в том

---

⁷ Фредерикс Платон Александрович (1828–1888) – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1873–1879 гг.

числе политических ссыльных. Однако в отчетах данный образ имеет свою специфику – описание благоприятных условий для успешного ведения сельского хозяйства сопровождается поиском причин, которые этому препятствуют. Причем он актуализируется в основном в отчетах генерал-губернаторов Западной Сибири, в которой больше территорий, благоприятных для ведения сельского хозяйства. В этом смысле показателен отчет А. О. Дюгамеля (1865), в котором он рисует Западную Сибирь вполне благополучным краем:

Избыток земли, удобной для возделывания и представляющей места для самого обширного скотоводства, обильное орошение бассейнами Оби и Иртыша, изливающих свои воды в Северное море, необъятные пространства северных лесов, наполненных пушным зверем, соседство на юге с Киргизскою степью и Китаем [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 33].

Далее он изображает регион в духе народной мечты о «подрайской земле»:

Благоприятные климатические условия большей части местности, занимаемой сельским населением края, и почва, по превосходным качествам своим не требующая удобрения и усиленного труда при обработке, вполне гарантируют развитие и обеспечение благосостояния сельского населения. Но обилие и легкость, с которыми поселянин добывает все произведения земли и промышленности, верный и выгодный сбыт их и высокий заработок, с избытком удовлетворяющий потребности быта крестьянского населения, развивают в нем беспечность и леность, вследствие которых коренные жители вообще менее зажиточны, чем переселенцы, прибывшие из внутренних малоземельных губерний [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 1. Л. 18 об. –19].

Таким образом, богатство природы противопоставлялось пассивности и бесхозяйственности сибирских крестьян. Сопоставление отчетов Дюгамеля и сменившего его на этом посту А. П. Хрущова свидетельствует о преемственности их позиции по данному вопросу. Последний также подчеркивал, что населенные крестьянами местности

...представляют полную возможность заниматься с успехом скотоводством и земледелием. Но, к сожалению, возделывание земли основано на стародавних обычаях, вследствие чего немало труда затрачивается непроизводительно [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 11–12].

В числе причин, мешавших превращению Сибири в сельскохозяйственную житницу страны, генерал-губернаторы называли «отсутствие понятия о земельной собственности», как и самой частной собственности на землю, нехватку сельскохозяйственных знаний у крестьян, косность и невосприимчивость сибиряков к нововведе-

ниям. Однако, фиксируя отдельные (подлинные или мнимые) негативные социокультурные характеристики сибиряков, руководители региона обращали внимание на их сметливость, бойкость, словоохотливость, способность приспосабливаться к непростым природно-климатическим условиям, свободолюбие, что отчасти сближало их с набором социально-психологических характеристик, которые областники приписывали сибирякам как особому типу русской народности в Сибири.

К числу повторяющихся элементов образа региона, транслирующихся со страниц губернаторских отчетов, можно отнести образ Сибири, забытой столичной властью, или, как писал Анучин, оставленной как бы в пренебрежении по всем отраслям государственного управления. Развивая свою мысль в отчете за 1880–1881 гг., он с грустью констатировал:

На какую часть ни обратишь внимание, везде недостатки, несовершенства, нередко и злоупотребления. Слишком долгое время для Сибири ничего не было сделано, и теперь результаты этого выражаются крайне печальным в ней положением администрации [Всепопданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 139].

И Хрущов именно этим завершал свой отчет за 1867 г.:

Сибирь не воспользовалась еще теми благами нового суда и улучшенной администрации, которые дарованы уже Вашим императорским величеством внутренним губерниям империи. Таким образом, эта окраина империи как бы забыта среди своей семьи, между тем по составу своего населения и отдаленности от центральной правительственной власти ей бы следовало пользоваться лучшими формами суда и администрации [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1869). Д. 51. Л. 118 об. –119].

К этим словам имеется помета императора:

Она не забыта, но всего разом исполнить невозможно [Там же. Л. 122].

Как справедливо замечено Ремневым, этот экзотизированный и маргинализированный образ «забытой» страны с главными маркерами «острога» и «рудника», «географического трупа», который необходимо «оживить», был распространен вплоть до конца XIX в. [Ремнев, 2013, с. 231]. Исследователи внутренней политики правительства в отношении Сибири подробно охарактеризовали деятельность институтов, обсуждавших во второй половине XIX в. программу развития региона, его статус, планы по преобразованию управления в Сибири и по изменению ее административного статуса, поэтому мы остановимся на ключевых эмоционально-оценочных суждениях, при помощи которых авторы отчетов доказывали необходимость и направления «оживления». Сразу заметим, что образ забытой Си-

бири начинает воспроизводиться из отчета в отчет с начала 1860-х гг. Он пришел на смену образу «осчастливленного столь лестным Высочайшем вниманием края», фигурировавшего в отчетах Муравьева начала 1850-х гг. [Ремнев, 2015, с. 350–351]. После нераспространения на Сибирь судебных уставов и земской реформы метафора «забытой» верховной властью страны в разных вариациях стала общим местом в значительной части отчетов. П. А. Фредерикс, к примеру, так завершал свой отчет за 1874–1875 гг.:

...дальнейшее преуспеяние и развитие вверенного мне края... будет много зависеть от скорейшего осуществления в нем тех реформ, которыми отечество наше уже обязано Вашему императорскому величеству. Постепенное применение к Восточной Сибири земского самоуправления и нового суда рядом с учреждением в крае большего числа учебных заведений послужит началом новой общественной и экономической жизни этой обширной и отдаленной окраины государства [Ф. 1284. Оп. 69 (1875). Д. 522. Л. 48–48 об.].

Вообще обоснование необходимости распространения на Сибирь «благотельных реформ» содержится во многих отчетах 1860–1880-х гг. [Матханова, с. 3–7]. Одним из аргументов в пользу этого называется некоторое улучшение положения в Сибири и готовность к ним населения. Д. Г. Анучин писал в 1882 г.:

...время взяло свое, сравнительно широкое развитие в Сибири гражданственности уже сделало невозможным тот произвол, который господствовал здесь в прежнее время... Современная администрация вверенного мне края, вынося на себе все нарекания, слышащиеся в обществе, далеко их не заслуживает. Поставленная нередко в невозможность точно держаться указаний закона и почти всегда лишенная средств дать удовлетворение развивающимся потребностям населения, страстно желающего получить доступ к более широкому образованию и участию в реформах... сибирская администрация не преступна, но не соответственна настоящим требованиям ни по своему составу, ни по предоставленным ей средствам. Самоуправство и произвол отнюдь не составляют ее отличительных признаков, хотя в Восточной Сибири происходит, быть может, более, чем где-либо, отступлений от закона [РГИА. Ф. 1284. Оп. 70 (1882). Д. 102. Л. 8].

Призывая одарить Сибирь «теми благами общественной жизни, которые дарованы Европейской России последними реформами Царя Освободителя», Анучин ссылается и на общественное мнение: «Насколько мне известно, – пишет он, – среди сибирского общества распространена живейшая надежда», что это случится к 300-летию присоединения Сибири [Всепопданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 148]. А. П. Игнатьев в отчете за 1885–1886 гг. также указывал на не-

обходимость распространения реформ на Сибирь. Теперь речь шла уже о сближении систем управления во внутренних и окраинных губерниях [Всеподданнейший отчет... за 1885–1886 гг., с. 6–8].

Однако, как очевидно из приведенной цитаты Анучина, образ «пробуждающейся» Сибири часто соседствовал с устойчиво воспроизводимым представлением о ней как о плохо устроенной, а иногда даже *плохо управляемой* (до назначения автора отчета) *части империи*. В числе основных причин неэффективности управления назывались исторически сложившийся статус Сибири как места ссылки, географическое и этнографическое своеобразие региона и, как уже говорилось, невнимание центра к нуждам окраины. Так, Анучин, споря с мнением современников, называвших Сибирь «страной полного административного произвола и всевозможных несообразностей», тем не менее, признавал, что

...принудительное ее заселение и отбрасывание в нее всех подонков русского общества в виде ссыльных и ссыльнокаторжных положили на тамошнюю жизнь и порядки особый отпечаток. Административный произвол, самую силою вещей становившийся в прежнее время на место закона в этой пустынной стране, извратил совершенно понятие о законности как у управляющих, так и в населении [РГИА. Ф. 1284. Оп. 70 (1882). Д. 102. Л. 8].

Нередко указывалось на неразвитость административной инфраструктуры. Н. Н. Муравьев-Амурский⁸ употреблял даже такие выражения, как «неудобоприменимость» ряда общегосударственных установлений «к местным обстоятельствам» [РГИА. Ф. 1281. Оп. 5 (1850). Д. 132. Л. 19 об.]. И он, и Н. П. Синельников⁹ указывали на необходимость учитывать сибирскую специфику [РГИА. Ф. 1284. Оп. 69 (1874). Д. 135. Л. 4]. Одной из наиболее очевидных для авторов отчетов проблем, мешавших динамичному развитию края, была хорошо уже изученная проблема кадров, в том числе управленческих [Ремнев, 2015].

В некоторых отчетах конструировался *образ обираемой центром окраины*. Н. П. Синельников подсчитывал:

Восточная Сибирь при 1 400 000 населения (менее каждой из губерний, которыми я управлял) платит одного акциза более 3 100 000 руб. <...> Все эти расходы, возмещаемые преимущественно с народа, ложатся на него весьма тяжелым бременем [РГИА. Ф. 1284. Оп. 67 (1872). Д. 337. Л. 4–4 об.].

---

⁸ Муравьев-Амурский Николай Николаевич, граф (1809–1881), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847–1861 гг.

⁹ Синельников Николай Петрович (1805–1892), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1871–1873 гг.

Д. Г. Анучин в 1881 г. просил выделить 100 тыс. руб. для «улучшения местной администрации» и указывал, что из 2 млн собираемых с золотопромышленности налогов, часть, «по всей справедливости, должна бы быть уделена на потребности именно того края, где главным образом получается золотая подать» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 70 (1882). Д. 102. Л. 11–11об.]. А. П. Игнатъев, предлагая различные источники получения средств для осуществления преобразований, тоже называет «доход, извлекаемый правительством с золотопромышленности в этом крае» [Всеподданнейший отчет... за 1885–1886 гг., с. 49].

В последней четверти XIX в. генерал-губернаторы подчеркивают правомерность правительственной политики, направленной на унификацию управления регионом по сравнению с внутренними губерниями, ликвидацию нормативных актов, обеспечивавших специфику управления и права «инородческого» населения. И чем скорее это произойдет, утверждали главы администрации, тем лучше будет для края в целом и для его населения. По мере развития специфические черты отмирают, что делает излишними и особые административные установления. Создавался образ региона, постепенно, но неуклонно терявшего черты, обуславливавшие его инаковость, что подтверждает наблюдение А. В. Ремнева об осмыслении региона как «внутренней окраины» империи, «нераздельной части» России [Ремнев, 2013, с. 243].

Отчеты сибирских генерал-губернаторов, являющиеся коллективным текстом представителей местной бюрократии и адресованные императору и главам заинтересованных министерств и ведомств, содержат ключевые образы региона, включенные в актуальную для общественного мнения «повестку дня»: ресурсная кладовая империи, богатства которой недостаточно востребованы вследствие отдаленности от «внутренней» России, плохих путей сообщения, косности и непросвещенности местного населения, плохого управления, нераспространения на ее территорию реформ 1860–1870-х гг.; забытая столичной властью страна, отсюда одна из задач отчетов – «открыть глаза» верховной власти на эту *terra incognita*; территория, имеющая все потенциальные условия для того, чтобы стать «крестьянским раем на земле». По мере приближения к концу XIX в. номинация «страна» в отчетах заменяется «губернией/губерниями», «краем», констатация внимания на специфике региона уступает место описанию благоприятных и желаемых перспектив от его «встраивания», включения в единое общеимперское пространство. Безусловно, что на содержание образа региона в проанализированном нами корпусе текстов влияли, с одной стороны, такие факторы, как личность генерал-губернатора, его мировоззрение и отношение к службе в регионе, степень вовлеченности в процессы управления, с другой – статус региона в составе империи, позиция императора и верховной власти в отношении административных, геополитических и экономических перспектив сибирских генерал-губернаторств. Однако на первое место все-таки выходили прагматические соображения о реальных

потребностях территории. В связи с этим не случайно, что необходимость таких мер, как строительство железной дороги, всемерная поддержка развития путей сообщения, отмена ссылки, просвещение населения (путем устройства школ, университета и пр.), привлечение подготовленных и мотивированных кадров чиновников, всестороннее изучение региона, распространение действия реформ 1860–1870-х гг., поднимались в губернаторских отчетах раньше или одновременно с «толстыми» журналами, газетами, публицистикой и другими институтами формирования общественного мнения.

Список литературы

Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью : в 8 т. Иркутск : Тип. Штаба Вост.-Сиб. воен. окр., 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 7–48.

Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью : в 8 т. Иркутск : Тип. Штаба Вост.-Сиб. воен. окр., 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 54–149.

Всеподданнейший отчет и. д. генерал-губернатора Восточной Сибири за 1885–1886 гг. СПб. : [Б. и.], 1886. 52 с.

Дамешек Л. М. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.). Иркутск : Оттиск, 2018. 256 с.

Дюгамель А. О. Воспоминания Александра Осиповича Дюгамеля // Рус. архив. 1885. Кн. 2. Вып. 7. С. 371–427.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география : Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. 336 с.

Мазур Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 161–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117.

Матханова Н. П. Отношение деятелей администрации Восточной Сибири к Великим реформам // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. Вып. 2. С. 3–7.

Матханова Н. П., Родигина Н. Н. Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Вып. 1. С. 34–38. DOI 10.15372/HSS20190108.

РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65; Ф. 1263. Оп. 3. Д. 191; Ф. 1265. Оп. 3. Д. 6; Оп. 7. Д. 1; Оп. 10. Д. 202, 203; Оп. 11. Д. 161; Ф. 1281. Оп. 5 (1850). Д. 132; Оп. 7 (1868). Д. 1, 9; Оп. 7 (1869). Д. 51; Ф. 1284. Оп. 67 (1872). Д. 337; Оп. 69 (1874). Д. 135; Оп. 69 (1875). Д. 522; Оп. 70 (1882). Д. 102.

Ремнев А. В. «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство // Изобретение века : Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / под ред. Е. А. Вишленковой, Д. А. Сдвижкова. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 229–252.

Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX в. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2015. 580 с.

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб. : Гуманитар. акад. : Университет. кн., 2004. 416 с.

References

Dameshek, L. M. (2018). *Sibirskie okrainy Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The Siberian Periphery of the Russian Empire (18th – Early 20th Century)]. Irkutsk, Ottisk. 256 p.

Dyugamel', A. O. (1885). Vospominaniya Aleksandra Osipovicha Dyugamelya [Memoirs of Alexander Osipovich Dyugamel']. In *Russkii arkhiv*. Book 2. Iss. 7, pp. 371–427.

Foucault, M. (2004). *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge] / transl. by M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova. St Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, Universitetskaya kniga. 416 p.

Matkhanova, N. P. (2011). Otnoshenie deyatelei administratsii Vostochnoi Sibiri k Velikim reformam [The Attitudes of East-Siberian High-Ranking Officials toward the Great Reforms]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Iss. 2, pp. 3–7.

Matkhanova, N. P., Rodigina, N. N. (2019). Vsepoddanneishie otchety kak istochnik dlya izucheniya predstavlenii sibirskikh general-gubernatorov vtoroi poloviny XIX stoletiya o regione [Reports as a Source for Studying Siberian Governors'-General Views on the Region in the Second Half of the 19th Century]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Iss. 1, pp. 34–38.

Mazur, L. N. (2015). Vizualizatsiya istorii: novyi povorot v razvitii istoricheskogo poznaniya [The Visualisation of History: A New Turn in the Development of Historical Cognition]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 161–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117.

Remnev, A. V. (2013). "Korotkii" XIX vek Sibiri: sibirskoe vremya i prostranstvo [The "Short" 19th Century of Siberia: Siberian Time and Space]. In Vishlenkova, E. A., Sdvizhkov, D. A. (Eds.). *Izobretenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletiya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 229–252.

Remnev, A. V. (2015). *Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX–nachala XX vv.* [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th–Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 580 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 948. List 1. Dos. 65; Stock 1263. List 3. Dos. 191; Stock 1265. List 3. Dos. 6; List 7. Dos. 1; List 10. Dos. 202, 203; List 11. Dos. 161; Stock 1281. List 5 (1850). Dos. 132; List 7 (1868). Dos. 1, 9; List 7 (1869). Dos. 51; Stock 1284. List 67 (1872). Dos. 337; List 69 (1874). Dos. 135; List 69 (1875). Dos. 522; List 70 (1882). Dos. 102.

Vsepoddanneishii otchet general-gubernatora Vostochnoi Sibiri za 1879 g. [Report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1879]. (1884). In *Sbornik glavneishikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoi Sibiri'yu v 8 t.* Irkutsk, Tipografiya Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. Vol. 1. Iss. 1, pp. 7–48.

Vsepoddanneishii otchet general-gubernatora Vostochnoi Sibiri za 1880 i 1881 gg. [Report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1880 and 1881]. In *Sbornik glavneishikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoi Sibiri'yu v 8 t.* Irkutsk, Tipografiya Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. Vol. 1. Iss. 1, pp. 54–149.

Vsepoddanneishii otchet i. d. general-gubernatora Vostochnoi Sibiri za 1885–1886 gg. [Report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1885–1886]. (1886). St Petersburg, S. n. 52 p.

Zamyatin, D. N. (2003). *Gumanitarnaya geografiya. Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography. The Space and Language of Geographical Images]. St Petersburg, Aleteiya. 336 p.

The article was submitted on 18.12.2018

DOI 10.15826/qr.2019.3.412

УДК 94(470.1/.2):351+354(470.1/.2)+353.1(470.1/.2)"1882/1883"

**«К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ ОПОРУ, А СОПРОТИВЛЕНИЕ
ВСТРЕЧАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО»: СЕНАТОРСКАЯ
РЕВИЗИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ***

Наталья Дмитриева

Максим Крот

Южный научный центр РАН,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

**“UNFORTUNATELY, THE GOVERNMENT HAS MET
RESISTANCE, NOT SUPPORT”: SENATORIAL
INSPECTION OF THE BALTIC PROVINCES**

Natalia Dmitrieva

Maxim Krot

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This article considers the policies of the Russian Empire in the provinces of the Ostsee region in the early 1880s, namely the experience of a senatorial inspection of Livonia and Kurland provinces by N. A. Manasein. The purpose of the paper is to establish the role of the senatorial inspection in the elaboration of a new policy with respect to the Baltic provinces during the reign of Alexander III and to determine its specific features in comparison with earlier revisions. In order to solve the problem, the authors suggest approaching it from the standpoint of new political history, shifting attention from specific acts of state power meant to change the judicial and educational systems of the imperial outskirts to the existing practices of organising interaction between the centre and the periphery when developing a programme of reforms. The study is based on

---

* *Citation*: Dmitrieva, N., Krot, M. (2019). “Unfortunately, the Government Has Met Resistance, Not Support”: Senatorial Inspection of the Baltic Provinces. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 851–868. DOI 10.15826/qr.2019.3.412.

Цитирование: Dmitrieva N., Krot M. “Unfortunately, the Government Has Met Resistance, Not Support”: Senatorial Inspection of the Baltic Provinces // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 851–868. DOI 10.15826/qr.2019.3.412 / Дмитриева Н., Крот М. «К сожалению, не опору, а сопротивление встречает правительство»: сенаторская ревизия прибалтийских губерний // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 851–868. DOI 10.15826/qr.2019.3.412.

various archival and published historical sources. Some archival materials have never been analysed previously, which allows the authors to examine both the interpersonal relations of representatives of the empire with the local community and the process of developing a programme of reforms in the Ostsee region in the 1880s. The authors conclude that the inspection was conducted in order to gather material in accordance with a programme of reforms prepared beforehand. The government was interested in obtaining the basis for a policy of administrative and political incorporation of the periphery into the empire. To achieve this goal, the Russian autocracy spared neither human nor material resources.

Keywords: Ostsee Region; Russian Empire; senatorial revision; N. A. Manasein.

Статья посвящена политике Российской империи в отношении губерний Остзейского края в начале 1880-х гг., опыту проведения сенаторской ревизии Лифляндской и Курляндской губерний Н. А. Манасейным. Цель работы – раскрыть роль сенаторской ревизии в выработке новой политики в отношении прибалтийских губерний в период царствования Александра III, определить ее специфические черты в сравнении с ранее проводившимися ревизиями. Авторы предлагают переключить внимание с конкретных актов государственной власти по изменению административно-судебной и образовательной системы окраины на бытовавшие практики организации взаимодействия между центром и окраиной при выработке программы реформ, проанализировать их структурные особенности. Исследование основано на архивных и опубликованных исторических источниках различной видовой принадлежности, часть из которых вводится в научный оборот впервые, позволяя по-новому взглянуть как на межличностные отношения представителей империи с местным сообществом, так и на процесс выработки программы реформ в Остзейском крае в 80-е гг. XIX в. Ревизия была проведена с целью сбора материала в соответствии с заранее сформулированной программой реформ. Государственная власть была заинтересована в получении оснований для проведения политики административной и политической инкорпорации окраины в состав империи. Для достижения поставленной цели российское самодержавие не жалело ни людских, ни материальных ресурсов.

Ключевые слова: Остзейский край; Российская империя; сенаторская ревизия; Н. А. Манасейн; окраинная политика.

В современных исследованиях полиэтнических государственных образований актуализируется изучение вопросов национально-государственного устройства в исторической ретроспективе. Это обуславливает особый интерес к политическим практикам Российской империи при выстраивании взаимоотношений между имперским центром и национальными окраинами, зачастую имевший многомерный и ситуационный характер. В качестве отдельного сюжета в данном контексте можно рассматривать проблему инкорпорации при-

балтийских губерний в единое пространство Российской империи в последней четверти XIX в.

Александр III стал первым российским самодержцем, который при вступлении на престол официально не подтвердил привилегии остзейских немцев. Основу данных привилегий и специфического положения прибалтийских губерний в составе российского государства составлял Свод местных узаконений, действие которого было закреплено условиями Ништадтского мирного договора 1721 г. Остзейские немцы были представителями одной из немногих национальных элит, которой удалось сохранить права и привилегии практически в неизменном виде с момента вхождения в состав Российского государства. Тем не менее, сложный комплекс внутренних и внешних причин заставил имперское руководство озаботиться проблемой сохранения политического и административного доминирования в регионе. К внутренним причинам следует отнести процессы социальной и национальной мобилизации, протекавшие в различных регионах Российской империи вплоть до конца XIX в. Именно они с разной степенью интенсивности усиливали гетерогенность страны [Каппелер, с. 208]. Отсутствие единого административно-правового пространства отчетливо проявилось в период проведения Великих реформ. Проблема заключалась в разнице принципов, заложенных в основу деятельности прибалтийских и внутрироссийских органов местного самоуправления и суда. Специфику данному региону придавало и то обстоятельство, что на социальное противостояние различных слоев населения накладывалась межнациональная рознь, признаки которой стали особенно отчетливо проявляться в последней четверти XIX в. К исключительно внутренним факторам, обусловившим изменение правительственного курса в прибалтийских губерниях, следует добавить и весомые внешние причины – объединение Германии во главе с Пруссией и угрозу смены остзейскими немцами лояльности российскому императору на лояльность германскому кайзеру.

Обращение к вопросу о выработке политического курса империи в конце XIX в. по отношению к Остзейскому краю невозможно без изучения истории сенаторской ревизии Н. А. Манасейным Лифляндской и Курляндской губерний, проходившей в 1882–1883 гг. Именно с ее результатами большинство современников и исследователей связывают поворот к русификации в политике царского правительства периода Александра III. Важным представляется не только анализ результатов ревизии, подробно представленных во всеподданнейшем рапорте Н. А. Манасейна, но и рассмотрение бытовавших практик организации взаимодействия между центром и окраиной при выработке программы реформ. В работе привлекаются источники, раскрывающие механизм подготовки, организации и проведения ревизии. Большим информационным потенциалом обладают материалы Министерства юстиции, вводимые в научный оборот впервые и содержащие подробные сведения о подготовке ревизии, подборе

Портрет Н. А. Манасейна. 1880-1890-е гг.

Portrait of N. A. Manasein. 1880s-1890s

людей, финансовом обеспечении и т. п. В неопубликованном варианте рапорта сенатора Н. А. Манасейна приводится подробное описание жизни окраины, полученное в ходе ревизии. Хранящиеся в РГИА крестьянские заявления и анкетные материалы дополняют опубликованные обращения учителей православных сельских народных училищ и православного духовенства [Дубьева, с. 330–377]. Чрезвычайно информативными для характеристики взаимодействия имперской власти в лице ревизирующего сенатора и местного населения представляются личные письма Н. А. Манасейна к В. К. Плеве, впервые вводимые в научный оборот.

Ревизия и предполагаемая смена политического курса в отношении привилегий остзейских немцев спровоцировали дискуссию в российской периодической печати. На страницах газет и журналов различной направленности отражены политические предпочтения ведущих представителей общественно-политической мысли России последней четверти XIX в. Дополнительные сведения по истории ревизии и восприятию русской общественностью перемены курса по крайнему вопросу содержат дневники и воспоминания высших государственных сановников и общественных деятелей.

Подобный подход, а также представительный корпус исторических источников позволяют отойти от традиционной для историографии констатации смены правительственного курса и обратиться к всестороннему анализу функционирования системы взаимодействия центра и периферии в Российской империи конца XIX в. Эти сюжеты рассмотрены с позиции новой политической истории, когда в центре внимания оказываются не конкретные акты государственной власти, а ее структурные элементы и алгоритмы политического поведения.

В отечественной и зарубежной историографии существует ряд исследований, затрагивающих вопросы сенаторской ревизии 1882–1883 гг. и политики русификации в Прибалтике в конце XIX в. В советский период этой проблемы касался признанный специалист по истории российского самодержавия конца XIX в. П. А. Зайончковский. Им отмечена роль Н. А. Манасейна как министра юстиции в проведении судебных и административно-полицейских реформ, которые значительно ослабили зависимость местного населения от немецкого дворянства [Зайончковский, с. 47]. Существенный вклад в изучение ревизии был внесен исследователями академий наук Латвийской

и Эстонской республик. В 1949 г. под редакцией А. А. Дризула была подготовлена наиболее полная на сегодняшний день публикация рапорта Н. А. Манасейна, изданная по машинописной копии, снятой в 1917 г. с черновика в Министерстве юстиции [Manaseina Revizija, s. 28]. В ее вводной статье делается вывод об отсутствии прямой связи между результатами ревизии и изменением политики империи на окраине. В дальнейшем эта точка зрения нашла отражение в статье эстонского исследователя И. С. Депмана, согласно которой чрезвычайно широкий размах ревизии почти не имел каких-либо реальных результатов. Автор объясняет это отставкой министра внутренних дел Н. П. Игнатьева, которая привела к отмене всех организованных им мероприятий [Депман, с. 144–146]. В 1961 г. было опубликовано две статьи, посвященных внешней и содержательной характеристике рапорта Н. А. Манасейна [Лаул, с. 147–159], а также анкетных материалов, собранных в ходе ревизии [Карма, Траат, с. 162–177]. Их авторы высказали противоположное мнение о последствиях ревизии, согласно которому рапорт Н. А. Манасейна послужил для царского правительства основой при определении дальнейшей политики в прибалтийских губерниях [Лаул, с. 159]. Промежуточную позицию по данному вопросу занимает современный исследователь Ирина Пярт: несмотря на то, что не все предложения ревизора были приняты, они послужили основой для разработки реформ и нового законодательства для остзейских губерний [Пярт, с. 78–79]. В зарубежной историографии по данной проблеме следует выделить работы Э. К. Тадена, посвященные как непосредственно ревизии [Thaden], так и более широкой проблеме «русификации» прибалтийских губерний и Финляндии [Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914]. На наш взгляд, автор дает наиболее взвешенную оценку изучаемой проблеме. Признавая влияние ревизии Н. А. Манасейна на смену правительственного курса, он призывает не переоценивать ее, так как при ее проведении были проигнорированы предложения о реформе сельского хозяйства.

Ревизия Н. А. Манасейным Лифляндской и Курляндской губерний в 1882–1883 гг. не была новым явлением для империи. Проводившиеся еще со времен Петра I для сбора сведений с целью оценки деятельности и выявления злоупотреблений должностных лиц судебно-административных учреждений на местах с 1880 г. сенаторские ревизии расширяют свою программу. В ходе ревизий, инициатором которых выступил М. Т. Лорис-Меликов, впервые производится сбор сведений с целью разработки дальнейших преобразований с учетом уже сложившегося положения. «Программа, данная сенаторам... затрагивала и экономический быт крестьян, и народное образование, и положение раскола, и податную систему, касалась, одним словом, всех важнейших сторон местной народной жизни» [Внутреннее обозрение, с. 825]. Ревизия прибалтийских губерний продолжила начинания 1880–1881 г. по обоим направлениям.

Ее программа была настолько широкой (вопросы для ревизии были сформулированы и переданы из министерств внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ, путей сообщения, морского и от обер-прокурора святейшего синода), что император Александр III вмешался лично и позволил сенатору заниматься разработкой данных вопросов лишь по мере возможности [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 3].

Ревизия проводилась с целью сбора сведений для реализации плана широкого реформирования Прибалтийского края. О существовании подобного плана свидетельствует не только рапорт самого сенатора, в котором отмечается «потребность собрать о действительном положении вещей в упомянутом крае бесспорные данные, которые представлялись необходимыми для соображения при предполагаемом введении в оном правительством некоторых реформ», но также упоминается секретное письмо министра внутренних дел министру юстиции от 2 января 1882 г. № 2, содержащее этот план. Сохранилась также переписка министра юстиции Д. Н. Набокова с министром финансов Н. Х. Бунге, в которой при обсуждении финансовой составляющей проведения ревизии первый настаивает на том, что

...изменение или сокращение предположенного комплекта чиновников, имеющих быть командированными в распоряжение тайного советника Манасеина, повлияет как на достоинство добытых ревизией материалов, так и на продолжительность ее производства и, таким образом, в сущности, не уменьшит расходов (далее абзац зачеркнут карандашом. – Н. Д., М. К.), отсрочит лишь предполагаемые в прибалтийских губерниях преобразования, к введению которых может быть приступлено только по выполнении сенатором Манасеиным высочайше возложенного на него поручения [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190. Л. 6 об. –7].

Главной целью этих преобразований объявлялось объединение Прибалтийского края с остальными частями Российской империи посредством распространения достижений Великих реформ на данный регион. Одной из первых ступеней в этом процессе при новом императоре должно было стать введение мировых судебных учреждений, запланированное еще в 1881 г.

Поводов для проведения ревизии в Прибалтийском крае у имперского руководства к 1882 г. набралось достаточно. В своем итоговом рапорте сенатор Н. А. Манасеин отмечал наличие накануне ревизии многочисленных ходатайств дворянства Лифляндской губернии, поступавших в Министерство внутренних дел, с просьбами о принятии правительственных мер к подавлению будто бы развивавшейся среди населения прибалтийских губерний агитации социал-демократического характера [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 2]. Подобную точку зрения высказывал и министр внутренних дел Н. П. Игнатьев

в беседе с А. А. Башмаковым (подготовившим и издавшим мемуары графа). По словам министра, остзейские немцы решили воспользоваться стремлением властей «искоренить крамолу» после преступления 1 марта 1881 г. В Петербург была направлена «знатная депутация местных баронов», которая заявила:

...та крамола, которая убила царя, свила себе опасное гнездо в латышском населении, а потому необходимо в интересах государственного порядка дать прибалтийскому дворянству более сильную власть над народом [Игнатъев, с. 304].

Сохранившиеся в архиве канцелярии Министерства внутренних дел обращения лифляндского губернатора барона А. А. Иксуля фон Гильденбандта 1881 г. свидетельствуют о том, что попытки усилить контроль со стороны дворянства над эстонским и латышским населением действительно предпринимались. Однако «волнения и тревожные настроения», подобные тем, которые «замечены и в других частях империи», в Лифляндской губернии имели в большей степени «не антиправительственный оттенок, а характер национального антагонизма между непривигированными и привилегированными классами населения» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 684. Л. 1]. В качестве методов борьбы с разрастающимся межнациональным конфликтом губернатором были предложены весьма традиционные меры усиления контроля деятельности не только эстонских и латышских частных обществ, но и отдельных частных лиц. Роль коронной администрации в данном мероприятии сводилась к выпуску объявления о запрещении частным лицам и обществам обсуждать вопросы законодательства и управления, что, по мнению губернатора, «крайне успокоило бы лифляндское дворянство» [Там же. Л. 4 об.]. На эти и все последующие обращения барона Иксуля министр внутренних дел ответил отказом.

С другой стороны, обращения поступали и от разных представителей эстонской и латышской народностей, жаловавшихся, в свою очередь, на притеснения со стороны немецкого дворянства, а также на неудовлетворительное состояние местных учреждений [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 2–2 об.]. 10 января 1882 г. либеральная газета «Голос» опубликовала в разделе «Хроника» известие, которое, по мнению редакторов, могло быть оценено по достоинству всеми: «решено назначить сенаторскую ревизию трех прибалтийских губерний – Эстляндской, Лифляндской и Курляндской». В качестве причины для данного решения она называет тяжелое положение местного населения: «Эсты и латыши давно уже умоляют о назначении подобной ревизии; не могут быть против и немцы – это значило бы, что немцам есть что скрывать» [Хроника, 1882а, с. 2]. Также сохранились свидетельства о депута-

циях в Петербург не только прибалтийских дворян, но и крестьян. По данным газеты «Русский курьер», в конце марта – начале апреля 1882 г. в столице находилась депутация курляндских крестьян, которые прибыли «с ходатайством перед правительством об обеспечении их быта». Крестьяне жаловались на баронов-землевладельцев, которые сгоняют их с земель [Хроника, 1882с, с. 2]. Обращает на себя внимание тот факт, что подобного рода жалоба была подана и на имя ревизирующего сенатора, который только планировал отбыть в Остзейский край. Таким образом, объемный материал, собранный в ходе ревизии, начал формироваться еще до прибытия на место самого ревизора. 20 января 1882 г.

...вследствие сообщенной министру юстиции министром внутренних дел высочайшей воли о производстве через сенатора временного обозрения губерний Лифляндской и Курляндской во всех отношениях государственного управления и по всеподданнейшему докладу министра юстиции... последовало высочайшее соизволение на возложение ревизии тех губерний на сенатора Манасеина [Хроника, 1882b, с. 2].

В Ригу же ревизор приедет только 12 мая 1882 г.

Не случайным представляется выбор в качестве ревизора сенатора Н. А. Манасеина. В своих записках граф Н. П. Игнатьев указывает, что эту кандидатуру императору предложил именно он. Александр III, отмечая при обсуждении предстоящей ревизии, что дело предстоит трудное и сложное, задал министру внутренних дел вопрос, имеется ли у него на примете способное для решения такой задачи лицо. Игнатьев предложил Манасеина, так как «железная воля этого человека» была ему известна по процессу игуменьи Митрофании, которой, несмотря на широкую поддержку высокопоставленных духовных и светских лиц, был вынесен обвинительный приговор по делу о подлоге векселей на сумму свыше нескольких сотен тысяч рублей [Игнатьев, с. 305; Депман, с. 145–146]. А. Г. Гасман, один из сотрудников Министерства юстиции, участвовавший в проведении ревизии, указывает, что инициативу Н. П. Игнатьева поддержал и министр юстиции Д. Н. Набоков [Гасман, с. II]. Упорство и настойчивость Н. А. Манасеина были известны и другим его современникам. А. Ф. Кони, например, характеризовал его как человека «кропотливого в работе и входившего во всякие мелочи», но не обладавшего широтой государственных взглядов.

Уже во время ревизии... губерний Прибалтийского края отсутствие этой широты в связи с большой страстностью сказалось в ряде действий... обостривших местную племенную розню [Кони, с. 529].

В воспоминаниях близкого друга Н. А. Манасеина В. Станкевича указывается на знакомство Александра III еще до вступления на пре-

стол с убеждениями сенатора «как человека искренно русского и преданного престолу» [Станкевич, с. 11]. Именно такой исполнительный, кропотливый, дотошный, а главное, «искренно русский» человек был отправлен ревизовать Прибалтийский край. Власти рассчитывали, что привлечение Н. А. Манасеина к ревизии позволит собрать максимальное количество материала для обоснования проведения реформ, направленных на интеграцию края в структуру империи и устранение судебно-административных и хозяйственных его особенностей.

Ревизия проходила по сформулированным различными министерствами вопросам, которые включали сбор подробных сведений: о поземельном и общественном устройстве крестьян и лежащих на них повинностях (причины медленных темпов перехода земли в частную собственность крестьян, источники социальной мобильности данного сословия, потребности в изменении системы крестьянских учреждений, посильность для крестьян налогового обложения и повинностей); о взимании с православного населения сборов на содержание лютеранского духовенства и школ; о системе управления лютеранской церковью и пасторами; о состоянии сельских народных школ для православного и лютеранского населения; о возможности введения в делопроизводство местных органов управления русского языка; о распространении и положении местных (эстонского и латышского) языков; о деятельности местных полицейских органов; о возможности введения в прибалтийских губерниях земских учреждений, о целесообразности современного территориального деления Остзейского края, о деятельности местных латышских и эстонских частных обществ, относительно местной печати [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 555. Л. 1–11].

Для обеспечения возможности сбора ответов на вышеперечисленные вопросы с Н. А. Манасеиным была отправлена группа подготовленных чиновников Министерства юстиции, состав и количество которых отличались от предыдущих ревизий. Сенатором было запрошено разрешение на привлечение девяти старших и шести младших чиновников (ревизии трех внутренних губерний 1880–1881 гг. обходились пятью старшими и пятью младшими чиновниками), на что обратил внимание министр финансов Н. Х. Бунге. Увеличивалась стоимость ревизии из-за привлечения двух переводчиков, выросли канцелярские расходы ввиду потребности в писцах, знавших не только русский, но и немецкий язык [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190. Л. 4–4 об.]. Однако по причине важности ревизии для дальнейшего реформирования края министр финансов вынужден был удовлетворить все первоначальные запросы Министерства юстиции. Кроме канцелярских расходов, все командируемые в Остзейский край для ревизии чиновники получали подъемные, а также суточные и квартирные, которые были им выплачены в мае 1882 г. [Там же. Л. 13 об.], ввиду чего прибыть в Ригу сенатор и сопровождающие его лица смогли

только 12 мая 1882 г. В первые четыре месяца из имперской казны на ревизию было выделено 39 тыс. руб.¹ Несмотря на все доводы министра финансов Н. Х. Бунге, личное обращение министра юстиции Д. Н. Набокова к императору решало вопросы об увеличении финансовых затрат положительно. Александр III утвердил все дополнительные расходы, и ревизирование Лифляндской и Курляндской губерний продолжилось вплоть до 31 августа 1883 г. [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190. Л. 104 об.].

Основная работа заключалась в сборе информации и материалов, которые позволили бы дать ответы на поставленные министерствами вопросы, что заняло больше 15 месяцев. В ходе ревизии было собрано огромное количество анкетных данных, полученных от волостей на распространенные среди них опросные листы [Карма, Траат, с. 175]. Кроме этого, сохранились частные и коллективные заявления и обращения крестьян, православного духовенства и интеллигенции непосредственно к ревизору.

В ходе ревизии на имя Н. А. Манасеина было подано более 20 тыс. прошений и жалоб представителями сельского населения, уполномоченными от волостных правлений и сходов [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 3]. О сложностях, с которыми пришлось столкнуться во время проведения ревизии, Н. А. Манасеин упоминает в первой части рапорта: это проблема перевода прошений и жалоб (они преимущественно были на эстонском и латышском), сопротивление со стороны местной полиции (преувеличенные или ложные донесения о крестьянских выступлениях и бунтах), сопротивление сбору сведений со стороны выборных органов местного самоуправления и коронной администрации (например, рассылка и сбор анкет на местах). Если итоговый рапорт Н. А. Манасеина носит обобщающий характер, то в анкетах и обращениях можно найти подробное описание существовавших проблем. Жалобы поступали на взимание с крестьян натуральных повинностей в двойном размере, недостачи в магазинах ввиду перепродажи волостными старшинами зерна, незаконное присоединение крестьянских земель к мызным землям имений, нарушение арендных договоров со стороны собственников земли, изъятие помещиками денег из волостных касс, неспособность и нежелание приходских судов разбирать дела, связанные с подобного рода нарушениями, и т. п. [РГИА. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5 об., 13–16, 20–20 об.].

Православные священники жаловались как на материальные ограничения и стеснение православной церкви на местах (устройство храмов, условия для проживания причтов, образование православных школ), так и на ограничение православных в праве занимать судебные и административные должности даже на низшем уровне, например, волостных старшин и писарей [Дубьева, с. 347, 351].

---

¹ Ср.: стоимость ревизии сенатора М. Е. Ковалевского в трех губерниях (Казанской, Уфимской и Оренбургской) в 1880–1881 гг. составила 41 тыс. руб. [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190. Л. 96–96 об.].

Дополнительные сведения о примерах нарушения законов при заключении купчих контрактов, которые были обнаружены в ходе ревизии, содержатся в письмах Н. А. Манасена к В. К. Плеве, занимавшему на тот момент должность директора Департамента государственной полиции. В купчие контракты помещиками, вопреки крестьянскому законодательству, вводились дополнительные условия, ограничивавшие права собственности крестьянина или регламентировавшие судопроизводство в случае нарушения контракта. Например:

Проданные усадьбы до окончания выплаты покупной суммы могут быть во любое время отняты по самым ничтожным предложениям (напр., просрочка в платеже на 2 дня), у покупателей продается с аукционных торгов их имущество, и они идут по миру нищими – батраками. Даже и после окончательной уплаты крестьянин-собственник не может учредить у себя никакого промышленного заведения... а помещик сохраняет право на недра проданной земли, на рытье на ней по своему усмотрению канавы, право охоты (со скачкой с борзыми по засеянной поляне) и т. д. [ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 873. Л. 18 об. –19].

Достаточно близкие отношения между Н. А. Манасениным и В. К. Плеве, обусловленные продолжительной совместной службой в Министерстве юстиции, делают вышеуказанные письма уникальным источником для описания взаимоотношений ревизора с коронной администрацией в лице губернатора, с местными органами самоуправления и немецким дворянством. Губернатору Лифляндии барону А. А. Иксулю в письмах дана весьма нелицеприятная характеристика: «хваленый или, лучше сказать, умеющий себя хвалить, губернатор барон Иксуль» оказался, по словам Манасенина, человеком «весьма сомнительных нравственных качеств, самым ярким противником ревизии сенаторской и самым первым распространителем всяких нелепых толков» [ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 873. Л. 10]. Подобное негативное отношение к ревизии было обусловлено проверкой губернского правления, в деятельности которого были обнаружены существенные нарушения финансового характера. Еще до окончания ревизии 19 ноября 1882 г. на основании донесений Н. А. Манасенина барон А. А. Иксуль был отстранен от должности губернатора Лифляндской губернии. Особо была отмечена пронемецкая позиция губернатора, которая выразилась в полной его зависимости от ландратской коллегии Риги – самого влиятельного дворянского совета Лифляндии, «в полнейшем подчинении которому находятся все дворяне... все судебные и полицейские власти» [Там же. Л. 16].

Через рижскую ландратскую коллегию выстраивались взаимоотношения между ревизором и местными органами власти, и именно «столичным» лифляндским дворянам Н. А. Манасенин впервые озвучил в общих чертах программу реформирования Остзейского края. Более подробно сенатор описал ее в письме к В. К. Плеве, выделив

шесть ключевых пунктов с их подробным описанием и приведя замечания еще по двум направлениям.

На первом месте стоит аграрный вопрос, решение которого сводится к более четкой в соответствии с законом регламентации передела земель и к прекращению продолжавшихся отторжений крестьянских земель в пользу помещиков. Н. А. Манасеин отрицает возможность получения крестьянами помещичьей земли в собственность или аренду по правительственной оценке. «Ошибку, сделанную около 70 лет назад при освобождении крестьян без земли, теперь уже поправить невозможно». Еще одним пунктом предложенной программы стала отмена патроната, в соответствии с которым помещики могли назначать пастора «вопреки единогласному желанию всего оставшегося населения прихода». Проблему с пасторами, которые владели землей практически наравне с помещиками, предлагалось решить двумя способами: отобрать землю в пользу казны для продажи или сдачи в аренду эстонским и латышским крестьянам, и перевести богословский факультет из Дерпта в Санкт-Петербург, что привело бы к сближению студентов из Остзейского края с русской культурой. Одним пунктом в программу были внесены реформы полиции, земская и судебная.

Реформы должны были реализовываться в указанном порядке, так как самая большая проблема заключалась в местном полицейском произволе. Решить ее, по мнению сенатора, можно было, только исключив выборное начало, сделав полицию в прибалтийских губерниях «коронной». Земство должно было быть максимально близким по своему устройству к русскому, с возможностью равного представительства помещиков, других владельцев собственности, а также арендаторов. Только после проведения полицейской и земской реформ возможно было введение института мировых судей. Специфика региона наталкивала Н. А. Манасеина на идею временного назначения мировых судей через «коронную» администрацию. Отдельно рассматривался вопрос о пересмотре правил заключения купчих контрактов, описанный выше. И последним пунктом в программе стоит изменение административно-территориального деления Остзейского края. Предлагалось из трех губерний сделать две, в основу их разделения положить принцип национальной принадлежности по языку, чтобы облегчить введение русского языка в делопроизводство:

Получилось бы две губернии, почти ровные по пространству и населению (около миллиона душ в каждой), оказалась экономия в управлении, удобство для служащих знать только один местный язык – латышский или эстонский [ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 873. Л. 17–21 об.].

Структурно рапорт Н. А. Манасеина повторяет приведенную программу, каждый из его разделов посвящен конкретной проблеме. Обращает на себя внимание дата написания письма – 15 августа 1882 г.

Через три месяца после начала активной фазы ревизии план преобразований в общих чертах был готов. В рапорте отсутствуют предложения относительно переноса богословского факультета, более подробно раскрыты этапы реализации программы реформ. Обращает на себя внимание и то, что рапорт не ограничивается сводом данных и материалов, полученных в ходе ревизии. Н. А. Манасеин для большей доступности и доказательности своих идей приводит исторические справки по большинству вопросов. Таким образом, целевая аудитория – император и министры – получали возможность понять глубинные причины сложившегося в крае неудовлетворительного состояния дел. Несмотря на желание Александра III сделать «всеподданнейший рапорт» Н. А. Манасеина достоянием общественности, чтобы «заблуждение лиц, не знакомых с действительным положением Прибалтийского края, могло бы прекратиться» [Свод высочайших отметок, с. 87], только в 1906 г. в «Вестнике Европы» была анонимно опубликована небольшая его часть под названием «Крестьянское дело в Лифляндской губернии» [Н. М.]. На высочайшую отметку Александра III в отчете эстляндского губернатора С. В. Шаховского за 1886 г. «Почему они (материалы ревизии. – Н. Д., М. К.) не были напечатаны?» ответа не последовало [Свод высочайших отметок, с. 88].

Проведение ревизии в прибалтийских губерниях вызвало неоднозначную реакцию в российском обществе, отразив существование двух лагерей – либерального и консервативного. Либеральное направление, представленное газетой «Голос», возлагало большие надежды на сенаторскую ревизию, которая должна была стать прологом расширения уже существовавшей на территории прибалтийских губерний системы местного самоуправления [Санкт-Петербург, с. 1]. Опыт местного самоуправления остзейских губерний рассматривался либеральной общественностью в качестве положительного примера для расширения прав внутрироссийских губернских и уездных органов управления. Особенно актуальным этот вопрос представлялся после известия о создании 20 октября 1881 г. Особой комиссии для составления проектов местного управления (Кахановской комиссии). Материалами для работы данной комиссии послужили результаты именно сенаторских ревизий, проведенных в девяти европейских губерниях в 1880–1881 гг. В связи с этим отношение либерально настроенной русской общественности к специфической административной системе, существовавшей в Остзейском крае, выражалось в бинарной оппозиции. Наличие развитой системы общественного самоуправления на выборных началах с вековыми традициями не могло не вызывать восхищения, однако узкая социальная база этих органов, включавшая только привилегированное сословие, дворянство, подвергалась осуждению.

Иную позицию занимала консервативная газета «Гражданин». В 1882 г. на ее страницах была опубликована статья К. Н. Леонтьева «Остзейцы», суть которой сводилась к отрицанию «уравнительных»

реформ 1860–1870-х гг. Автор утверждал, что основой российского самодержавия в Остзейском крае всегда было немецкое дворянство, которое «верой и правдой служило России и будет еще служить, если мы его будем щадить» [Леонтьев, с. 189]. Единственный, по его мнению, способ «щадить» остзейских немцев – оставить в неизменном виде сословные привилегии и дворянские местные органы управления. Более того, автор выступал не только против «эсто-латышской демократизации», но и против русификации края. Подобного мнения придерживался также видный публицист и писатель консервативного толка К. Ф. Головин, который в своих воспоминаниях характеризовал правление Александра III как эпоху «решительного торжества политики механического слияния». Старания навязать «русский тулуп» всем инородческим национальностям, православного попа – всем иноверцам, русский язык – всем говорящим на иных языках сделались главным мотивом правительственной деятельности, и «незабвенная ревизия прибалтийских губерний» явилась проявлением революционно-официальной русификации [Головин, с. 117–118]. Разделявший точку зрения К. Н. Леотьева и К. Ф. Головина В. П. Мещерский высмеивал особое отношение Н. А. Манасеина к обращениям крестьян и пренебрежительное невнимание к нуждам остзейского дворянства в опубликованных на страницах «Гражданина» фельетонах [Сценка из одной ревизии; Корчма].

Несмотря на то, что после проведения ревизии в течение девяти лет (1885–1894) Н. А. Манасеин занимал пост министра юстиции Российской империи, его имя в большей степени связывали с посещением им двух прибалтийских губерний. В какой-то степени ревизия 1882–1883 гг. стала нарицательной. Каждый раз, когда возникала потребность «навести порядок» на одной из национальных окраин, вспоминали опыт ревизии Лифляндской и Курляндской губерний. В 1893 г. эстляндский губернатор С. В. Шаховской в неофициальной переписке с Н. А. Манасеиным жаловался на местное немецкое дворянство, предположив, что проведение ревизии по опыту десятилетней давности могло бы изменить ситуацию. Однако к тому времени расстановка сил в имперском руководстве стала иной и делала подобного рода мероприятие невозможным. По мнению автора,

...если бы – что, впрочем, решительно невероятно – и удалось устроить назначение такой ревизии, то, пожалуй... вышло бы еще хуже; я более чем уверен, что И. Н. (Дурново. – *Н. Д., М. К.*) провел бы своего кандидата из оппортунистов в роде Иксюля, Шевича, Медема или и еще того хуже. Весьма грустно, но так [ОР РНБ. Ф. 246. Д. 79. Л. 30].

Позже, в 1898 г., Н. И. Бобриков, занявший пост генерал-губернатора Великого княжества Финляндского, в переписке с В. К. Плевелем высказал точку зрения, схожую с мнением С. В. Шаховского, пожелав ревизии и для Финляндии:

Для более основательного и всестороннего выяснения современного положения Финляндии необходимо желать произвести в ней ревизии русскими людьми. По примеру ревизии сенатора Манасеина остзейским губерниям, по всей вероятности, и ныне были бы добыты данные, выясняющие современное состояние местных учреждений края [ОР РНБ. Ф. 585. Д. 28. Л. 10–10 об.].

В. Станкевич в воспоминаниях о Н. А. Манасеине указал два важных последствия проведенной ревизии для самого сенатора: его заметил император Александр III и назначил министром юстиции, а также к многочисленным врагам Николая Авксентьевича примкнула целая национальность [Станкевич, с. 11]. Косвенным подтверждением этого утверждения могут служить наблюдения начальника Лифляндского губернского жандармского управления при отъезде ревизора из Риги 31 августа 1883 г., отправленные товарищу министра внутренних дел, командиру Отдельного корпуса жандармов П. В. Оржевскому. Отсутствие на «официальных проводах высших коронных лиц» председателя казенной палаты, управляющего акцизами и государственным имуществом, предводителя дворянства, бургомистра, городского головы и всех начальников сословных немецких учреждений было воспринято им как «некоторого рода демонстрация, направленная против самого правительства» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 792. Л. 1 об. –2].

С момента включения при Петре I в состав России первых территорий будущего Остзейского края и до начала царствования Александра III эта национальная окраина сохраняла в ключевых моментах все особенности своего экономического, социального и культурного уклада. Прибалтийские губернии были ярким пятном на стремившейся к административной гомогенности империи, особенно в пореформенный период.

Ревизия Лифляндской и Курляндской губерний 1882–1883 гг. стала важным шагом на пути к выработке новой политики империи, направленной на экономическую, политическую и культурную инкорпорацию окраины. Ревизия не носила спонтанного характера и продолжила опыт 1880–1881 гг., имея целью сбор материала, который мог стать основанием для проведения широкого круга реформ, идея которых была сформулирована еще в период царствования Александра II, а план конкретных преобразований выработан и реализован при Александре III. Личная заинтересованность императора в ревизии и смене курса отразилась как в широком финансировании проводимого мероприятия, так и в последовавших за ней реформах. Несмотря на нереализованность всего комплекса мероприятий, предлагаемых Н. А. Манасеиным, в частности в области землепользования, собранный в ходе ревизии материал стал основанием для изменения политики имперского правительства в прибалтийских губерниях в сфере судопроизводства. Произошел постепенный отказ от традиционного принципа выстраивания отношений

между империей и окраиной, основанного на поддержке лояльности местной дворянской элиты. На замечание в 1885 г. эстляндского губернатора С. В. Шаховского о невозможности допустить, чтобы правительство искало опору в дворянских консервативных элементах Прибалтийского края, Александр III ответил, что, «к сожалению, не опору, а сопротивление встречает правительство в этом элементе» [Свод высочайших отметок, с. 88].

Список литературы

- Внутреннее обозрение // Вестн. Европы. 1892. Т. 3. Кн. 6. С. 824–827.
 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 792; Ф. 586. Оп. 1. Д. 873; Ф. 677. Оп. 1. Д. 553, 554, 555.
Гасман А. Г. Николай Авксентьевич Манасеин (некролог) // Журн. М-ва юстиции. 1895. Т. 10. С. I–X.
Головин К. Ф. Мои воспоминания : в 2 т. СПб. : Типолит. Т-ва «Свет», 1910. Т. 2. 274 с.
Депман И. О назначении сенатора Н. А. Манасеина ревизором Лифляндской и Курляндской губерний // Изв. Акад. наук ЭССР. Серия общественных наук. 1961. Т. 10. № 2. С. 144–146.
Дубьева Л. В. Ревизия сенатора Н. А. Манасеина в Прибалтийских губерниях в отражении современных ей архивных документов (1882–1883) // Русский сборник : исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Б. Мининг, А. Ю. Полунов, П. Чейсти. М.: Модест Колеров, 2016. Т. 19. С. 330–377.
Игнатъев Н. П. Сан-Стефано : записки графа Н. П. Игнатъева с примечаниями А. А. Башмакова и К. А. Губастова. Пг. : Тип. Т-ва А. С. Суворина : Новое время, 1916. 359 с.
Капелер А. Россия – многонациональная империя : Возникновение. История. Распад. М. : Прогресс – Традиция, 2000. 342 с.
Карма О., Траат А. Об анкетных материалах, собранных в ходе ревизии сенатора Н. А. Манасеина // Изв. Акад. наук ЭССР. Серия общественных наук. 1961. Т. 10. № 2. С. 160–175.
Кони А. Ф. На жизненном пути : в 5 т. СПб. : Тип. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912. Т. 1. Из записок судебного деятеля. Житейские встречи. 679 с.
 Корчма // Гражданин. 1882. № 93. С. 17.
Лаул Э. О рапорте сенатора Н. А. Манасеина Александру III // Изв. Акад. наук ЭССР. Серия общественных наук. 1961. Т. 10. № 2. С. 147–159.
Н. М. Крестьянское дело в Лифляндской Губернии : Исторический очерк по данным сенаторской ревизии 1882–1883 гг. // Вестн. Европы. 1906. Т. 6. Кн. 12. С. 673–705. ОР РНБ. Ф. 246. Д. 79; Ф. 585. Д. 28.
Пярт И. Прерванный эксперимент? Политика правительства Александра III в прибалтийских губерниях // Родина. 2015. № 2. С. 78–80.
 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 684; Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190; Ф. 1590. Оп. 1. Д. 1.
 Санкт-Петербург // Голос. 1882. № 8. 13 (25) янв. С. 1.
 Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881–1890 гг. генерал-губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб. : Гос. тип., 1893. 522 с.
Станкевич В. И. Николай Авксентьевич Манасеин (дружеские воспоминания). Калуга : Тип. губерн. правления, 1895. 44 с.
 Сценка из одной ревизии // Гражданин. 1882. № 93. С. 16–17.
 Хроника // Голос. 1882а. № 5. 10 (22) янв. С. 2.
 Хроника // Голос. 1882б. № 19. 24 янв. (5 февр.). С. 2.
 Хроника // Голос. 1882с. № 85. 2 (14) апр. С. 2.
 Manaseina Revizija. Senatora N. Manaseina zinojums par vina izdarito reviziju Vidzemes un Kurzemes gubernas no 1882. līdz 1883. Gadam // Materiali Latvijas PSR vestures petisanai / red. A. Drizulis. Rīga : Latvijas Valsts Izdevniecība, 1949. 506 p.

Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914 / ed. by E. C. Thaden. Princeton : N. Y. : Princeton Univ. Press, 1981. 512 p.

Thaden E. C. N. A. Manaseins Senatorenrevision in Livland und Kurland während der Zeit von 1882 bis 1883 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1969. Neue Folge. Bd. 17. H. 1. März. S. 45–58.

References

Depman, I. (1961). O naznachenii senatora N. A. Manaseina revizorom Liflyandskoi i Kurlyandskoi gubernii [On the Appointment of Senator N. A. Manasein as Auditor of Livonia and Kurland Provinces]. In *Izvestiya Akademii Nauk ESSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vol. 10. No. 2, pp. 144–146.

Dub'eva, L. V. (2016). Reviziya senatora N. A. Manaseina v Pribaltiiskikh guberniyakh v otrazhenii sovremennykh ei arkhivnykh dokumentov (1882–1883) [Revision Carried out by Senator N. A. Manasein in the Baltic Provinces in the Reflection of Modern Archival Documents (1882–1883)]. In Airapetov, O. R., Kolerov, M. A., Menning, B., Polunov, A. Yu., Chaisty, P. (Eds.). *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii*. Moscow, Modest Kolerov. Vol. 19, pp. 330–377.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102. List 79. Dos. 792; Stock 586. List 1. Dos. 873; Stock 677. List 1. Dos. 553, 554, 555.

Gasman, A. G. (1895). Nikolai Avksent'evich Manasein (nekrolog) [Nikolay Avksentyevich Manasein (Obituary)]. In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. Vol. 10, pp. I–X.

Golovin, K. F. (1910). *Moi vospominaniya v 2 t.* [My Memories. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipolitografiya Tovarishchestva “Svet”. Vol. 2. 274 p.

Ignat'ev, N. P. (1916). *San-Stefano: zapiski grafa N. P. Ignat'eva* [San Stefano. Notes of Count N. P. Ignatiev] / notes by A. A. Bashmakov, K. A. Gubastov. Petrograd, Tipografiya Tovarishchestva A. S. Suvorina – “Novoe vremya”. 359 p.

Kappeler, A. (2000). *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia – a Multinational Empire. Emergence. History. Collapse]. Moscow, Progress-Traditsiya. 342 p.

Karma, O., Traat, A. (1961). Ob anketnykh materialakh, sobrannykh v khode revizii senatora N. A. Manaseina [About Survey Materials Collected during the Inspection Visit of Senator N. A. Manasein]. In *Izvestiya Akademii Nauk ESSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vol. 10. No. 2, pp. 160–175.

Khronika [Chronicle]. (1882a). In *Golos*. No. 5. January 10 (22), p. 2.

Khronika [Chronicle]. (1882b). In *Golos*. No. 19. January 24 (February 5), p. 2.

Khronika [Chronicle]. (1882c). In *Golos*. No. 85. April 2 (14), p. 2.

Koni, A. F. (1912). *Na zhiznennom puti v 5 t.* [On the Path of Life. 5 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela “Trud”. Vol. 1. Iz zapisok sudebnogo deyatelya. Zhiteiskie vstrechi. 679 p.

Korchma [Tavern]. (1882). In *Grazhdanin*. No. 93, p. 17.

Laul, E. (1961). O raporte senatora N. A. Manaseina Aleksandru III [On the Report of Senator N. A. Manasein to Alexander III]. In *Izvestiya Akademii Nauk ESSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vol. 10. No. 2, pp. 147–159.

Manaseina Reviziya. Senatora N. Manaseina zinojums par vina izdarito reviziju Vidzemes un Kurzemes gubernas no 1882. lidz 1883. Gadam. (1949). In Drizulis, A. (Ed.). *Materiali Latvijas PSR vestures petisanai*. Riga, Latvijas Valsts Izdevnieciba. 506 p.

N. M. (1906). Krest'yanskoe delo v Liflyandskoi gubernii. Istoricheskii ocherk po dannym senatorskoi revizii 1882–1883 gg. [Peasant Activity in Livonia Province. A Historical Essay Based on the Data of the Senator's Inspection Visit of 1882–1883]. In *Vestnik Evropy*. Vol. 6. Book 12, pp. 673–705.

OR RNB [Manuscript Department, National Library of Russia]. Stock 246. Dos. 79; Stock 585. Dos. 28.

Paert, I. (2015). Prervannyi eksperiment? Politika pravitel'stva Aleksandra III v Pribaltiiskikh guberniyakh [Interrupted Experiment? The Policy of the Government of Alexander III in the Baltic Provinces]. In *Rodina*. No. 2, pp. 78–80.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1282. List 1. Dos. 684; Stock 1405. List 82. Dos. 190; Stock 1590. List 1. Dos. 1.

Sankt-Peterburg [St Petersburg]. (1882). In *Golos*. No. 8. January 13 (25), p. 1.

Stankevich, V. I. (1895) *Nikolai Avksent'evich Manasein (druzheskie vospominaniya)* [Nikolay Avksentyevich Manasein (A Friend's Memories)]. Kaluga, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 44 p.

Stsenka iz odnoi revizii [A Scene from One Inspection Visit]. (1882). In *Grazhdanin*. No. 93, pp. 16–17.

Svod vysochaishikh otmetok po vsepoddanneishim otchetam za 1881–1890 gg. general-gubernatorov, nachal'nikov oblastei i gradonachal'nikov [A Compilation of the Highest Marks for All Reports for the Years 1881–1890 Governors-General, Heads of Regions and Town Governors]. (1893). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 522 p.

Thaden, E. C. (1969). N. A. Manaseins Senatorenrevision in Livland und Kurland während der Zeit von 1882 bis 1883. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 17. H. 1. März, S. 45–58.

Thaden, E. C. (Ed.). (1981). *Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914*. Princeton, N. Y., Princeton Univ. Press. 512 p.

Vnutrennee obozrenie [Internal Review]. (1892). In *Vestnik Evropy*. Vol. 3. Book 6, pp. 824–827.

The article was submitted on 15.03.2019

Origines

Origines

DOI 10.15826/qr.2019.3.413

УДК 94(44:470)"15"+929Иван(470)*4+929Генрих(44)*2+327.8(09)

В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ: ПОСЛАНИЕ ГЕНРИХА II ВАЛУА ИВАНУ IV ВАСИЛЬЕВИЧУ*

Эрик Дюро

Центр Ролана Мунье, Университет Париж – Сорбонна,
Париж, Франция

Искра Шварц

Институт восточноевропейской истории Венского университета,
Вена, Австрия

Владимир Шишкин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

SEARCHING FOR ALLIES: A LETTER FROM HENRY II DE VALOIS TO IVAN IV**

Eric Durot

Centre Roland Mousnier, Université Paris – Sorbonne,
Paris, France

Iskra Schwarcz

Institute of Eastern European History, University of Vienna,
Vienna, Austria

Vladimir Shishkin

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

Authored by an international team of researchers, this article considers the evolution of political and diplomatic relations between Russia and France, with a special emphasis on the events of 1555, when France attempted to create a European alliance to fight the emperor of the Holy Roman Empire. The authors

---

* Статья написана при поддержке гранта РФФ № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

** *Citation*: Durot, E., Schwarcz, I., Shishkin, V. (2019). Searching for Allies: A Letter from Henry II de Valois to Ivan IV. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 871–900. DOI 10.15826/qr.2019.3.413.

Цитирование: Durot E., Schwarcz I., Shishkin V. Searching for Allies: A Letter from Henry II de Valois to Ivan IV // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 871–900. DOI 10.15826/qr.2019.3.413 / Дюро Э., Шварц И., Шишкин М. В поисках союзников: послание Генриха II Валуа Ивану IV Васильевичу // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 871–900. DOI 10.15826/qr.2019.3.413.

analyse a letter from Henry II de Valois, king of France, to Ivan IV, tsar of Russia. The letter was accompanied by messages from the king to the Turkish sultan, the Swedish king and the French ambassador at Constantinople, explaining the mission of Hans Schlitte, a Saxon merchant authorised by the Moscow royal court to negotiate in Europe. The article is accompanied by all four documents, which have never been introduced to historians previously.

Keywords: history of 16th-century Russia; history of 16th-century France; Franco-Russian relations; Ivan IV; Henry II de Valois; Hans Schlitte; Habsburgs; Italian wars.

Совместная статья международного авторского коллектива посвящена эволюции политических и дипломатических связей России и Франции с особым акцентом на событиях 1555 г., когда Францией была предпринята попытка создать европейский альянс для борьбы с императором Священной Римской империи. В центре анализа – письмо короля Генриха II Валуа, адресованное Ивану IV Васильевичу, а также сопроводительные послания короля турецкому султану, шведскому королю и французскому посланнику в Константинополе, объясняющие миссию Ганса Шлитте, уполномоченного московским двором вести переговоры в Европе. Статья сопровождается публикацией четырех документов, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: история России XVI в.; история Франции XVI в.; русско-французские отношения; Иван IV Васильевич; Генрих II Валуа; Ганс Шлитте; Габсбурги; Итальянские войны.

Вопрос о времени первых политических и дипломатических контактов между Россией и Францией до сих пор остается открытым [La chronique de Nestor; Mervaud, Roberti]¹. Древнерусские источники не оставили каких-либо убедительных доказательств о существовании отношений с французской стороной в XI–XIV вв., что отчасти компенсируется западными свидетельствами, также весьма отрывочными [Bautier, p. 539–542]. Это, однако, совсем не означает, что отсутствовали косвенные контакты, хотя раскол христианской церкви 1054 г. и установление ордынского господства на большей части русских земель в середине XIII в. способствовали прекращению активных политических, торговых и культурных связей с Западной Европой на многие годы. Только в начале XVI в. предпринимаются попытки налаживания прямых отношений с Францией со стороны Великого княжества Московского. Тем не менее, до сих пор в историографии принято считать, что вплоть до конца XVI в. как таковых контактов между двумя странами и монархами не было [Козулин, с. 78–86]. Настоящая статья и публикация документов из Венского домашнего, дворцового и государственного архива (Вена, Австрия) призваны расставить иные акценты в истории вопроса.

¹ Обзор литературы XIX – первой половины XX в. см.: [Жордания, с. V–XV].

От «королевства Руси» к Московскому государству

Официальное летописание королевского дома Капетингов с XII в., «Хроники аббатства святого Дионисия», переведенные на французский язык с латыни в середине XIII в. по приказу Людовика IX Святого и известные позже как «Большие французские хроники», напоминали королю Франции о его русских корнях: «В год 1049 король [Генрих I], не желавший оставаться без жены, отправил Готье, епископа Мо, к королю Руси [roi de Rousie] [Ярославу Мудрому] и просил отдать за него дочь его, именуемую Анной» [Les Grands chroniques de France, p. 69–70]. Анна Ярославна (после 1025 – после 1075), долгое время называвшаяся французскими историографами Анной² Русской, а ныне чаще Анной Киевской [Hallu], стала прапродительницей последующих королевей Франции и ряда французских дворянских семей³. Но помнили ли французы об этих родственных связях? Внук Анны Людовик VI (1108–1137) наверняка знал, что является троюродным братом Владимира Мономаха, однако у нас нет прямых доказательств, что его праправнук Людовик IX (1226–1270) уже помнил о том, что великий князь киевский Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского (1190–1246), приходится ему кузеном в седьмом колене.

Активное участие французского королевского дома в крестоносном движении на Восток в XII–XIII вв., тесные политические контакты с Венгрией и Византией долгое время позволяли французам быть в курсе русских междоусобиц [Юрасов, с. 122–126]. Воцарившиеся в Латинской империи после Четвертого крестового похода представители французской династии Куртене (с 1216 г.) также являлись потомками Анны Ярославны (император Пьер де Куртене был ее праправнуком) и родственниками Рюриковичей. Вообще во Франции всегда были известны многочисленные династические связи русских князей с европейскими правящими фамилиями [Морозова]⁴. Католическая церковь в Средние века запрещала родственные брачные союзы до четвертого колена включительно, поэтому степень родства с потенциальными европейскими женихами и невестами во французской королевской семье тщательно отслеживалась и просчитывалась [Фавтье, с. 71–78].

² Реже и ошибочно – Агнесса, Аньес в сочинениях XVII–XVIII вв.

³ В своем сочинении «Собрание королевей Франции» Жан Дю Тийе (первая редакция 1549 г.), королевский секретарь, правовед и историк, который впервые обобщил все верифицируемые исторические сведения о французском королевском доме, об Анне Ярославне написал следующее: «Второй женой (Генриха I. – Э. Д., И. Ш., В. Ш.) была королева Анна, дочь Георгия (имя Ярослава в крещении. – Э. Д., И. Ш., В. Ш.), короля России [Georges Roy de Russie], что ныне является Московией [qui est Moscovie]», см.: [Du Thillet, p. 72].

⁴ К примеру, Людовик VII (1137–1180) являлся крестным отцом будущего Иштвана III Венгерского (р. 1147), сына Гезы II и Евфросинии Мстиславны, дочери великого князя киевского Мстислава Владимировича (брата короля Франции в четвертом колене).

Ситуация изменилась после монгольского нашествия на Русь и геополитической катастрофы 1236–1242 гг. Французская церковная дипломатия в лице монахов, доминиканца Андре де Лонжюмо и францисканца Гийома де Рубрука, совершивших разведывательные поездки в Сарай и Каракорум в 1249–1255 гг. [Ле Гофф, с. 37–41], наряду с папским посланцем Джованни Платано Карпини, собрала достаточно свидетельств о том, что русские князья и их страна *Руссия* (*Russia*) отныне находятся в подчиненном положении, и в ставках монгольских ханов много русских невольников (*russiens*) [Voyages autour du monde, 1830, р. 471–484; Рубрук; Горский, с. 115–121]. Попытки наладить политический диалог непосредственно с Чингизидами обернулись для короля Франции Людовика IX оскорбительными угрозами со стороны монголов и требованиями «золота и серебра» как знака подчинения [Жуанвиль, с. 116–117], что сделало бессмысленными дальнейшие попытки взаимодействия [Pelliot, р. 3–84; Ришар, с. 350]. Вместе с прекращением крестоносного движения в 1291 г. восточная политика Франции как самостоятельное направление надолго исчезает из повестки дня.

Если родственные связи между Капетингами и Рюриковичами перестали поддерживаться (хотя вряд ли забылись, поскольку «Большие французские хроники» продолжали составляться и в позднее Средневековье уже тиражировались десятками списков⁵), то во Франции время от времени летописцы, поэты, картографы, путешественники вспоминали *королевство Руссию* (*Ruissie, Roussie, Rossie, Ruscite*) [Lozinskij, р. 71–88], тем более что государственное образование с таким названием продолжало существовать в XIV в. в Галицко-Волынских землях [Волощук, с. 84–95; Войтович, с. 10; Soloviev, р. 144–173], а Анжуйская династия, потомки Людовика VIII, царствовала в соседних Венгрии и Польше до 1395/99 гг. и поддерживала активные политические связи с королями Франции [Weiß, S. 148–149]. Об интересе французов к восточным соседям свидетельствует пространное письмо венецианского географа и путешественника Марино Санудо-старшего (октябрь 1334 г.), адресованное королю Филиппу VI Валуа (1328–1350) по его просьбе, с указанием (в числе прочего) о существовании двух разных частей Руси – Великой и Малой (*Ruscia major et minor*) [Kunstmann, S. 105].

Столетняя война с Англией (1337–1453) и сопровождавшие ее внутренние феодальные усобицы не позволили королям Франции заниматься активной дипломатией вплоть до середины XV в. [Moeglin, Réquignot, р. 84–89; Потемкин, с. 150–156]. Однако, очевидно, уже в первой половине XV в. французы начинают осмысливать новые геополитические реалии: после встреч с русско-литовскими представителями православного духовенства на Вселенском Соборе

⁵ В их числе неповторимый иллюминированный экземпляр из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, выполненный около 1457 г. для герцога Филиппа Бургундского [Воронова, Стерлигов, с. 144–157].

в Констанце 1414–1418 гг. [Vallery-Radot; Пашкин, с. 320–330] и затем с московской делегацией на Ферраро-Флорентийском соборе 1439–1440 гг. [Пирлинг; Guérin, p. 90, 227] в международный политический лексикон постепенно входит слово *Московия* [Mund, p. 21–40]. Судя по запискам фламандского рыцаря на бургундской службе Жильбера де Ланнуа (Гильберта де Ланноа), который побывал в Новгороде и Пскове в 1413–1414 гг., *королевство и государство Россия (royaume et seignourie de Russie)* уже отождествлялось с Московским Великим княжеством во главе с *великим королем Московским (grant Roy de Mosco, seigneur de la grand Russie)* [Lannoy, p. 33; Кудрявцев, с. 37–67].

При великом князе Иване III (1462–1505), когда началось подлинное «возвращение» Московского государства в Европу [Уколова, Шкаренков, с. 13], русско-французский обмен информацией друг о друге продолжился. Людовик XI (1461–1483) и Иван III – братья в 15-м колене – посредством Софьи Палеолог породнились вновь: родная сестра Шарлотты Савойской, жены короля Франции, Маргарита, была замужем (1458) за Джованни IV Палеологом, маркграфом Монферратским, потомком Андроника II [Moriondus, coll. 177]. Кардинал Виссарион Никейский, один из инициаторов замужества Софьи, простился с будущей великой княгиней весной 1472 г., отбывая во Францию с дипломатической миссией [Pierling, 1896, p. 141–142]. Надо полагать, в числе прочего он сообщил о предстоящем браке-сочетании в Москве⁶. Брат Софьи незадачливый Андрей Палеолог, дважды бывавший в России в поисках политической поддержки и денег, в 1490 г. из Москвы сразу направился ко двору короля Карла VIII Валуа (в Тур), где тот его принял [Harris, p. 537–554]. П. О. Пирлинг предполагает, что Андрей преподнес ему в подарок русского белого кречета [Пирлинг, с. 270–271]. Как известно, именно французскому монарху этот принц в итоге продал свои призрачные права на византийский трон.

В любом случае трудно отрицать, что к началу XVI в. уже существовал растущий взаимный государственный интерес французской и русской сторон, связанный с оформлением централизованных государств и усилением монархической власти, появлением выраженного государственного целеполагания, равно как и с осознанием многообразия христианского мира.

Преддверие событий 1555 г.: загадка писем Василия III

С конца XV в. в личной канцелярии великих князей в специальных нумерованных ящиках и ларчиках начинают группироваться документы, связанные с дипломатическими отношениями Московского

---

⁶ По одному из свидетельств, во время миссии сватовства в Москве в 1468 г. греческий посланник Георгий Траханиот сообщил Ивану III, что Софья отвергла руку короля Франции по причине отказа перейти в католическое вероисповедание, см.: [Винтер, с. 38].

государства, включая черновики [Юзефович, с. 180–183]. Дошедшая до нас опись 1560–1570-х гг. погибшего царского архива содержит упоминание о ящике 199: «А в нем книги Цысаревых послов, и Францовскаго маистра, Вулфьянковых послов, и списки» [Шмидт, с. 38]. К сожалению, мы можем только догадываться, что именно там находилось, однако эта запись в числе прочего указывает на то, что к середине XVI в. Франция и французы были в сфере русских внешнеполитических интересов. Вероятно, первые попытки наладить прямую переписку между монархами датируются временем правления Василия III (1505–1533).

Французские послы в Дании – сначала Франсуа де Бордо, а затем Шарль де Данзей – сыграли роль важных посредников в налаживании торгово-политических связей московского и парижского дворов XVI в. [Рябов, с. 13–22; Daussy, с. 198–227; Жордания, с. 3–62]. Так, Б. Виане приводит отрывок из письма сеньора де Бордо 1518 г. Франциску I: «Сир, король [Дании] сказал мне, что сделает все возможное по отношению к императору России, как Вы его просите, и сообщит Вам результат. <...> Об этом его просил еще покойный король [Людовик XII]» [Виане, с. 85; BNF, Ms. 15966, р. 216–221]. Возможно, речь идет о поставке к французскому двору русских охотничьих собак и птиц, ценившихся при организации придворной охоты – обязательного времяпрепровождения двора в мирное время [Allsen, р. 250–251]. Вообще русский и французский дворы XIV–XVI вв., как показало недавнее исследование, имели много схожих черт в функциональном и организационном отношении и оказались вполне сравнимы по многим показателям [Корзинин, Шишкин, р. 399–438].

В том же 1518 г. русский монарх сделал первый шаг навстречу: 16 апреля датируется первое письмо (грамота) Василия III королю Франциску I (1515–1547), написанное по просьбе великого магистра Тевтонского ордена Альбрехта Бранденбург-Ансбахского (избран в 1511 г.) и адресованное «наияснейшему и светлейшему великому королю Галлийскому» (без указания имени) [Соловьев, с. 252]. Речь идет о первом известном дипломатическом послании русского государя французскому королю. Текст письма (список) вместе с иным (вторым) посланием великого князя во Францию от марта 1519 г. находится в Москве в РГАДА⁷, а оригинал ныне хранится в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине⁸. Письмо 1518 г. было написано «по-русски и по-немецки, да сшиты

⁷ Оба письма опубликованы по сохранившимся в Москве спискам [Сб. РИО, с. 55, 95–96]. Благодарим директора РГАДА В. А. Аракчеева за неоценимую помощь в поисках оригиналов документов.

⁸ В составе комплекса актов и грамот Тевтонского ордена (*Ordo domus Sanctae Mariae Theutonicorum Hierosolymitanorum*) [GStA PK. OBA. Dept. XX. № 21845]. Послание было частично издано на латинском языке [Joachim, S. 177]. Оригинал письма остался неопубликованным и не переведенным на французский язык. Благодарим доктора Бертольда Фримеля (Berthold Friemel) из Берлинского университета Гумбольдта за верификацию этих данных.

вместо», и отправить его по назначению должен был посланник великого магистра Дитрих фон Шенберг, который одновременно являлся эмиссаром римского папы Льва X (Медичи)⁹: «А се грамота к Галлийскому королю послана с Шимборком» [Сб. РИО, с. 55]¹⁰. Мотивы написания письма и позиция великого князя Московского не совсем ясны, но можно предположить, что сближение императора Максимилиана I Габсбурга с польско-литовским королем Сигизмундом I после Первого Венского конгресса в 1515 г. заставляли Василия III, который еще продолжал войну с Польшей, думать о французском короле как о потенциальном союзнике [Sach, S. 317].

Очевидно, что Франциск I не получил этого послания. Английский историк Д. Поттер, специалист по корреспонденции Франциска I, предполагает, что царское послание Шенберг отправил с курьером, перехваченным противниками ордена, агентами курфюрста Иоахима I Бранденбургского, или поляками [Potter, p. 351–372].

В письме выражается просьба поддержать дипломатически и финансово Тевтонский орден, на тот момент союзника Московского государства, в его борьбе с Польшей, в свою очередь, союзницей Максимилиана I [Лобин, с. 11–26]. Рассчитывая на ответное послание французского монарха, Василий III, надо полагать, был хорошо осведомлен о событиях Итальянских войн между королем Франции и императором и о развернувшейся борьбе за европейскую военно-политическую гегемонию [Хорошкевич, с. 123–169; Филюшкин, с. 210–241; Wojciov, S. 45–69; Uebersberger, S. 66–158; Fiedler, S. 183–289].

Тем удивительней адрес второго письма Василия III, направленного Франциску I посредством того же Шенберга через год, в марте 1519 г.: «Василий Каролу, королю Францовскому, христианнейшему, поздравление» [Сб. РИО, с. 95]. Эта запись дала основание чешскому слависту Ф. Дворнику утверждать, что «московский двор не был достаточно информирован о складывавшейся обстановке», поскольку Карл VIII Валуа скончался в 1498 г., то есть за 20 лет до этого [Дворник, с. 552]. В таком случае возникает вопрос, почему в московской канцелярии после интенсивных переговоров и контактов с тем же Шенбергом и иными европейскими посланниками разных рангов (включая Сигизмунда фон Герберштейна, прибывшего в Москву в 1517 г.) не знали (не уточнили, не поинтересовались) тронного имени правящего короля Франции? Представляется маловероятным, чтобы послание такой значимости было отправлено из Москвы без надлежащего тщания. Известно, что оригинал письма, ныне утраченный, изначально был составлен на латинском языке, где, возможно, было указано имя короля Франциска I (*лат.* Franciscus), а русский ва-

⁹ О дипломатической миссии Дитриха фон Шенберга к великому князю Московскому в марте-апреле 1518 г. и переговорах в Москве см.: [Sach, S. 313–318; Пирлинг, с. 31–32].

¹⁰ Немецкий перевод письма в архиве ордена не сохранился [Sach, S. 316].

риант, куда вкралась ошибка переписчика (?), в данном случае имел второстепенное значение [Сб. РИО, с. 95]. Также вероятно, что второе послание было составлено по приказу Василия III после известия о перехвате предыдущего.

Помимо тевтонских дел, московского государя явно волновал наследственный вопрос, связанный с выбором нового императора после смерти Максимилиана I, поскольку Василий III знал, что у Франциска I были реальные шансы занять императорский престол. Император скончался в январе 1519 г., и Франциск I объявил коллегии курфюрстов о своем желании стать кандидатом на императорский трон, в противовес Карлу Габсбургу (будущему Карлу V), внуку Максимилиана I [Mignet, p. 209–254]. В марте 1519 г. в Москве уже знали как о смерти императора, так и о том, что король Франции собирается представить свою кандидатуру на императорский престол. Содержание этого второго письма Василия по сути идентично первому, но вместе с тем содержит намеки на поддержку стремлений Франциска I надеть императорскую корону: «И что противу твоему Величеству учинити возможем, обещаваем прилежанием нашим, да возмогает благодестне Величество твое» [Сб. РИО, с. 95]. Впервые Московское государство, и в этом можно согласиться с Ф. Дворником, косвенно вмешалось в выборную ситуацию в Священной Римской империи в пользу французского монарха [Дворник, с. 526–527]. Судьба второго письма великого князя Московского также неизвестна; можно лишь констатировать отсутствие в корреспонденции Франциска I (известной на сегодняшний день) ответных посланий Василию III и его преемнику Ивану IV¹¹.

«Дело Шлитте» и Франция

Для понимания европейской политики Франции и ее отношения к Московскому государству накануне Ливонской войны 1558–1583 гг. особый интерес представляет «Дело Шлитте». В 1540-х гг. саксонскому купцу Гансу Шлитте (*Hans Schlitte*) (конец XV в. – ок. 1557), действовавшему от имени Ивана IV, удалось с разрешения императора Карла V завербовать большое количество специалистов на русскую службу, но Ливонская конфедерация и ганзейские города, опасаясь, что привезенные мастера усилят военный и экономический потенциал Московского государства, предприняли шаги дискредитировать его деятельность [Rusakovskiy, S. 11–45; Русаковский, с. 7–29]. Под надуманным финансовым и юридическим предлогом Г. Шлитте был арестован в городе Любеке и брошен в тюрьму [Forstreuter, S. 117], а Карл V распорядился задержать в Ливонии всех завербованных им людей [Фречнер, с. 143–145].

¹¹ Переписка Франциска I еще не издана. Реестром этих документов занимается английский историк Дэвид Поттер (Кентский университет, Великобритания). Авторы благодарят его за предоставленные пояснения.

После полутора лет заключения Г. Шлитте удалось бежать и заняться осуществлением проекта церковной унии православной и католической церквей, отправив в Рим к папе Юлию III своего поверенного Иоганна Штейнберга с целью вести соответствующие переговоры [ASV, Archivum Arcis, Arm. I–XVIII, N1649; Акты исторические, с. 134–139]. Одновременно он продолжал попытки реализации прежней задачи – набора мастеров для Московского государства. В период с 1550 по 1555 г. Шлитте несколько раз безуспешно обращался к Карлу V с просьбой разрешить ему снова приступить к поиску специалистов. Его последнее письмо к императору датировано 5 февраля 1555 г.¹² В этот же день собрался новый рейхстаг в Аугсбурге, который привел к заключению знаменитого Аугсбургского религиозного мира. Император Карл V отказался прибыть на рейхстаг и делегировал все полномочия своему брату, римскому и чешскому королю Фердинанду. Ответ Фердинанда Габсбурга от 15 июня 1555 г. на письмо Шлитте с просьбой выдать ему охранную грамоту был отрицательным [Фречнер, с. 147]. Можно предположить, что уже весной 1555 г. произошел переворот в стратегии дальнейших действий Шлитте: из Рима пришли печальные известия о смерти папы (23 марта 1555 г.), а заручиться новой поддержкой Габсбургов во время Аугсбургского рейхстага он не смог. Учитывая сложившуюся ситуацию, Шлитте изменил свои планы, сделав ставку на Францию и на французского короля Генриха II Валуа (1547–1559), сына Франциска I, по-прежнему главного соперника Габсбургов в Итальянских войнах [Le Fur, p. 396–401].

Интересную деталь об этом деле сообщает так называемый «Проект царского ответа», документ, который исследователи определяют как поддельное письмо Ивана IV к императору Карлу V, сочиненное Шлитте в 1556 г. [Фречнер, с. 141–142; Karpeler, 1972, S. 76, 109–110; Uebersberger, 1906, S. 294–295]. Копия этого документа, опубликованная в свое время Ю. Н. Щербачевым в оригинале и в русском переводе, хранится в Датском архиве в Копенгагене. Среди прочих просьб «царя Ивана», связанных с необходимостью финансирования войны с турками и набором мастеров, в тексте встречается важная оговорка:

И вследствие этой нашей склонности к германцам, [зная] их прославленную честность и верность в сравнении с другими народами, мы и просили Ваше Величество отпустить нам из империи ученых и художников, хотя мы могли бы заполучить их [и] без вышеизложенного предложения помощи из Италии или Франции, где также имеется [много] искусных и способных людей [Щербачев, с. 301, 315].

Эта фраза позволяет пересмотреть датировку подложного письма в пользу 1555 г.: скорее всего, оно было написано до отъезда Шлитте во Францию.

---

¹² Ганс Шлитте – императору Карлу V. 5 февраля 1555 г.: [HHStA – Wien. StAb. Russland I. Karton 1 (1481–1577). Konv. B. Fol. 60–61v].

Не исключено, что «французский сценарий» действительно проговаривался в Москве перед отправкой Шлитте в Европу. Во всяком случае, шведским послам в 1557 г. было заявлено о большом желании русских, среди прочего, напрямую торговать с французами:

И гости, и купцы отчин Великого государя изо многих городов говорят, чтобы им в торговых делах была воля: которые... похотят идти из свейской земли в Любок и в Антроп, и во Ишпанскую землю, и во Англию, и во Французскую землю, и тем бы была воля, и береженье, и корабли были бы им готовы... [Цветаев, с. 840–841].

Во Францию Ганс Шлитте отправился вместе с Георгом Гогенауером из Аугсбурга [Полосин, с. 259] в расчете получить там поддержку от маркграфа Альбрехта II Алкивиада Бранденбург-Кульмбахского (*Albrecht II Alcibiades von Brandenburg-Kulmbach*). Имя этого протестантского князя, активного участника германских междоусобиц середины XVI в., было хорошо известно в Священной Римской империи. Летом 1554 г. имперская армия под предводительством короля Фердинанда осадила и разрушила резиденцию Альбрехта II, замок Плассенбург в Кульмбахе, и заставила его искать убежище во Франции [Kneitz; Kohler, S. 340, 343]. Генрих II, который нанял маркграфа для борьбы с императором еще в 1552 г., предполагал такое развитие событий, предусмотрев для него в случае изгнания «почетный прием во Франции» и компенсацию в виде сеньории и пенсiona [Ribier, p. 539; Whaley, p. 330].

Аудиенция в Сен-Жермен-ан-Ле (15 июля, 1555)

Что знали французы к 1555 г. о Московском государстве? Надо полагать, не так мало, поскольку формула обращения к Ивану IV *Высочайший и превосходнейший Государь (Très hault et très excellent Prince)*, употребленная в письме Генриха II 1555 г., хотя довольно нейтральна, но максимально уважительна, а адрес письма – *Великому Государю Московий (Le Grant Prince des Moscovyes)*, где слово *Московия* намеренно употреблено во множественном числе, вероятнее всего, свидетельствует о знании русских реалий – наличии многих земель, составлявших Московское государство. Французская канцелярия явно не пребывала в затруднении, составляя письмо русскому царю и имея под рукой формуляр (возможно, прецедент уже был). В своей дипломатической переписке с послами французские монархи зачастую именовали Ивана IV *Московитом (le Moscovite)* – именно так делала в своих письмах вдова Генриха II королева-регентша Екатерина Медичи¹³.

¹³ Ср. в письме к епископу Реннскому от 6 июня 1561 г.: «Потрудитесь узнать, будет ли продолжаться дальше война между королем Польши и Московитом» [Lettres de Catherine de Medicis, p. 204].

Сочинения итальянца на французской службе Павла Иовия (Поло Джовио, 1483–1552), который был лично знаком с русским послом к папе Дмитрием Герасимовым и на основе его рассказов составил описание России в 1527 г., были хорошо известны во Франции [Pauli Jovii; Liechtenhan, p. 483–506]. Знаменитый французский правовед Жан Боден, перечисляя в своей книге «Метод легкого познания истории» (1566) известных историков прошлого и говоря об истории *государства Московитов*, помимо П. Иовия («Книга I о посольстве Московитов»), называет также Матвея Меховского (*Maciej Miechowita*, 1457–1523), польского историка, чей труд «Трактат о двух Сарматиях» вышел в 1517 г., а затем многократно использовался современниками и переиздавался (парижское издание 1532 г.) [Боден, с. 237, 327–328; Jaroszevska, с. 17; Меховский]. Также был доступен французам итальянский перевод книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии» 1550 г. Именно это сочинение использовал позднее в «Истории своего времени / Всемирной истории» известный французский историописатель Ж.-О. де Ту, когда составлял главу о России в начале XVII в. [Thou, p. 275–281; Лимонов, с. 208–211]¹⁴. Надо думать, накануне аудиенции Г. Шлитте вместе со старыми знаниями о России-Московии Генриху II была представлена вся возможная информация и были заранее подготовлены документы для доставки адресатам¹⁵.

Нам ничего не известно о деталях встречи Ганса Шлитте с королем Франции, равно как не обнаружено французских источников, свидетельствующих о пребывании купца во Франции. Главное французское свидетельство и доказательство аудиенции у Генриха II – названное выше послание короля Франции Ивану IV от 15 июля 1555 г., составленное в Сен-Жермен-ан-Ле, летней загородной королевской резиденции, и врученное Шлитте¹⁶. Послание сохранилось в Венском домашнем, дворцовом и государственном архиве и в 1898 г. было опубликовано в приложении к статье Павла Пирлинга о Гансе Шлитте [Pierling, p. 209–210]. Речь идет о первом дошедшем до нас послании короля Франции русскому монарху.

Скорее всего, Шлитте ко двору сопровождал сам маркграф Бранденбург-Кульмбахский, который представил купца как официально посланца русского царя. В своем письме в Москву Генрих II специально подчеркивает высокий статус Шлитте, называя его послом (*ambassadeur*), и переименовывает его имя на благородный французский манер с дворянской приставкой *de* (*de Schelette*), что говорит о значе-

---

¹⁴ Экземпляр книги С. Герберштейна из Национальной библиотеки Франции в Париже [Herberstein].

¹⁵ Весной 1551 г. французский временный поверенный в Константинополе Ф. Грегуар докладывал Генриху II о враждебных русско-польских отношениях, отметив: «Король Польши [Сигизмунд II] намерен начать войну с Государем Московии, своим соседом и старым врагом» [РГАДА (Коллекция Ламуаньона). Т. 15. Л. 409–414].

¹⁶ В Сен-Жермен-ан-Ле Генрих II прибыл в конце июня 1555 г., где уже жила королевская семья [Blanchard, p. 736–737].

нии, которое король придавал этой аудиенции. С большой степенью вероятности встречу маркграфа и Шлитте с королем устроил главный распорядитель французского двора герцог Анн де Монморанси, поскольку именно он был уполномочен вести все дела с немецким князем¹⁷. В любом случае визит немцев в Сен-Жермен носил конфиденциальный характер, поскольку речь шла о секретных переговорах и возможностях организации взаимной поддержки Московского государства и Французского королевства.

Не исключено, что Генрих II мог планировать организацию международной лиги против Габсбургов, привлекая Ивана IV на свою сторону. Французская дипломатия, всегда делавшая акцент на личные отношения между государями [Юсим, с. 192–198; Bély], явно рассчитывала на создание новой военно-политической коалиции против императора с участием Московского государства, Оттоманской империи и Швеции [Бродель, с. 51–64; Поршнева, с. 15–19]. Об этом говорят три иных сопроводительных письма короля, которыми был снабжен Шлитте: турецкому султану Сулейману I, французскому временному поверенному в Константинополе Пьеру-Луи де Мартине и королю Швеции Густаву I с тем, чтобы обеспечить Шлитте дополнительную возможность добраться до Москвы северным путем, если не получится южным¹⁸. В этих письмах содержится не просто просьба оказать всяческое содействие «послу» во время его возвращения в Москву, но и проявляется особый интерес к Московскому государству, равно как выражаются доверие к адресатам-посредникам и уверенность в их содействии. Содержание же основного письма представляет собой предложение об установлении дружественных отношений между королем и царем, предполагающее ответное слово, что так и не было реализовано. Пакет посланий французского короля никогда не был доставлен адресатам, подобно письмам Василия III во Францию. Королю Генриху II в итоге не удалось одолеть Габсбургов, и Франция уступила им первенство, погрузившись в череду внутренних религиозных войн уже в 1559 г.

В последующей переписке Генриха II со своими дипломатами сюжет о Шлитте более не появлялся, что вызывает удивление, поскольку король Франции посредством герцога де Монморанси, фактически главного министра, и государственного секретаря по иностранным делам Жана Дютье всегда тщательно отслеживал судьбу своих секретных посланий [Malov, p. 313–339]. Очевидно, что французы потеряли из вида Шлитте и его спутников, а вскоре Францию покинул и маркграф Кульмбахский, скончавшийся в Германии в январе 1557 г.¹⁹ Спустя три года летом 1558 г. французские послы в Кон-

¹⁷ По сообщению Агостино Барбариго, венецианского посла во Франции [Calendar of State papers, p. 4].

¹⁸ По состоянию на 1555 г., Франция не имела своего посла в Стокгольме, поэтому Генрих II написал только королю Швеции.

¹⁹ Со слов Ж.-О. де Ту, отъезд из Франции и скорую смерть маркграфа Альбрехта-Алкивиада, «презираемого и всеми забытого», французы восприняли с облегчением, поскольку союзником он оказался ненадежным [Thou, p. 458].

стантинополе и в Венеции Лавинь и Ноай в своих письмах Генриху II с сожалением констатировали, что великий князь Московский одержал победу над союзником султана крымским ханом, и выражали опасение, что это позволит ему вступить в союз с императором Фердинандом I. Также высказывалось предположение, что Филипп II Испанский, муж английской королевы Марии Тюдор, вооружает Ивана IV посредством английских торговых компаний [Ribier, p. 449, 464]. Надо полагать, эти сведения убедили Генриха II, что его письмо русскому монарху не дошло или не возымело действия. Следующую, уже успешную попытку прямого взаимодействия с Москвой предпримет только его сын Генрих де Валуа, король Польши, весной 1574 г.²⁰

Приложения

Публикуемые документы были обнаружены в Венском домашнем, дворцовом и государственном архиве П. О. Пирлингом (Paul Pierling, 1840–1922), русским историком-иезуитом, специалистом по взаимоотношениям России и папства [Пирлинг, с. 39, 354–355]. Однако опубликованный им во Франции в 1898 г. автограф короля Франции, содержащий к тому же ошибки в транскрипции и датировке, оказался не замеченным в сообществе историков [Pierling, 1898, p. 202–210]. Остальные оригинальные документы из пакета Ганса Шлитте оставались неизвестными до наших дней.

Советский историк И. И. Полосин (1891–1956) в 1955 г. подготовил и опубликовал русские переводы всех четырех писем пакета Г. Шлитте, а также рассказ об их судьбе купца Фейта Зенга, однако, судя по расхождению перевода и найденных оригиналов, Полосин сделал перевод с поздних копий (скорее всего конца XVI в.); документы были взяты из материалов Аугсбургского рейхстага (1582 г.), а не с французских грамот 1555 г. Его статья и переводы также остались неизвестны историкам-франковедам [Полосин, с. 249–271; Афанасьев, Пиотровская, с. 213–280], частично эти переводы воспроизведены в данной публикации.

Авторы выражают особую благодарность доктору исторических наук К. Ю. Ерусалимскому (РГУ, Москва), руководителю проекта РНФ по изданию корреспонденции Ивана Грозного²¹, благодаря инициативе которого письма Генриха II Валуа были открыты заново и теперь стали доступны исследователям²².

Письма датированы архивистами Венского архива ошибочно: римские цифры XV были прочитаны как арабские 16. Но в послании турецкому султану (см. письмо № 2) дата написана буквами (*le quinzeiesme*), что подтверждает правильность датировки всего пакета посланий – 15 июля 1555 г. В публикации раскрыты принятые сокращения.

²⁰ Генрих де Валуа, король Польши – Ивану IV, царю Всея Руси. 30 апреля 1574 г. Краков [РГАДА. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). Оп. 1. № 14. Л. 102–102 об.].

²¹ Дипломатическая переписка Ивана Грозного. Исследование и публикация посланий (1533–1584 гг.). Проект № 16–18–10091.

²² Впервые К. Ю. Ерусалимский представил письмо Генриха II Ивану Грозному на международной конференции в Лиссабоне «The Splendid Encounters VI: Correspondence and Information Exchange in Diplomacy, 1300–1750» (30 сентября 2017 г.).

1. Henri II roi de France à Ivan IV tsar de Russie. 15 juillet 1555. Saint-Germain-en-Laye [Original]

Très hault et très excellent Prince, nostre bien amé Jehan de Schelette vostre ambassadeur, s'est retiré pardevers nous et nous a fait entendre le desir qu'il avoit de vous aller retrouver pour vous rendre compte de son voiage et vous dira aucunes choses d'importance et mesmes les torts et oultraiges qu'il a reçues de l'Empereur, en la charge pour laquelle il avoit par vous esté dépesché devers luy, nous suppliant et requerant à ceste cause la vouloir acompaigner de noz lettres tant au Grant Seigneur, que au Roy de Suède, pour luy faire bailer par les pays de leur obeissance, le passage seur et libre qu'il demande pour vous aller retrouver.

Ce que nous avons bien voulu faire estant question d'une occasion si bonne, si sainte, et devotte, que celle pour laquelle vous aviez dépesché vostred. ambassadeur, et telle qu'il ne pavoit ne devoit estre aucunement esconduit dud. Empereur qui au contraire l'a traité tout autrement que le devoir d'ung Prince chrestien ne requiert, esperant bien que en la requeste que nous avons sur ce faicte au susd. Grant Seigneur et Roy de Suède, nous aurons esté gratifiés qui ne nous sera moins de plaisir que à vous de contantement pour reveoir vostred. ambassadeur, par lequel vous entendrez la bonne amytié que nous vous portons, et le desir que nous avons de faire pour vous et les vostres en tous les lieux et endroits où vous nous vouldrez employer, priant à tant le Createur, très hault et très excellent Prince, qu'il vous aict en sa très sainte et digne garde.

Esript à St. Germain en Laye le XVe jour de juillet 1555.

Vostre bon amy
Henry²³ (*автограф*)

Ниже рукой государственного секретаря:
Duthier

На об. л.: À très hault et très excellent Prince, Le Grant Prince des Moscovyees (Венский домашний, дворцовый и государственный архив. Вена, Австрия: Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Russland I, Karton 1, (1481–1577), Konv. B (1547–1555). Fol. 66 r–v. Копия: Fol. 63 r–v.)

Бумага: 430 (435) мм x 310 (314) мм, водяной знак – «кувшин»²⁴; на обороте письма – две ошибочные архивные записи почерком XVI в., рядом с адресом черными чернилами – '16. Juil. 1555.' и карандашом – '16. July 1555.'. По центру в верхнем и нижнем полях оборота письма – надписи карандашом '66'. Под бумажной кустодой, расположенной по центру в верхнем поле оборота письма, малая королевская печать (три геральдических лилии на щите, увенчанном короной, и на орденской цепи Св. Михаила); отпечаток воска диаметром 50 мм. В правом верхнем углу – синий штемпель архива: Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien. Следы от прорези для держателя.

²³ При визуальном знакомстве с документом подпись короля кажется зачеркнутой, что превратило бы оригинальное письмо-беловик в черновик, однако при внимательном рассмотрении очевидно, что клерк королевской канцелярии при написании адреса жирно вывел заглавную букву 'A', и чернила проникли сквозь бумажную основу, перечеркнув три первые буквы имени.

²⁴ На всех бумажных документах – водяной знак «кувшин» единого типа [Briquet, № 12732. Le Mans, 1550–1555], соответствующий дате написания писем.

Список ошибок в публикации П. Пирлинга

Оригинал	Публикация [Pierling, 1898, p. 202–210]
acompaigner	accompagner
de noz lettres	de nos lettres
le passage	le passage
vostred. ambassadeur	votre ambassadeur
d'ung	d'un
revoir vostred. ambassadeur	revoir vostre dit ambassadeur
garde. Escript à St. Germain	garde et soing. A Saint-Germain

*Перевод*²⁵

**Генрих II, король Франции – Ивану IV Васильевичу,
царю Всея Руси.
15 июля 1555 г. Сен-Жермен-ан-Ле**

Высочайший и превосходнейший Государь,
Любезный нам Жан де Шелетт, Ваш посол, собирается в обратную дорогу, сообщив нам о своем желании отправиться к Вам, дабы отдать отчет о своем путешествии и рассказать о делах различной важности, равно как об ущербе и оскорблениях, полученных им от Императора²⁶, во исполнение поручения, ради которого он был Вами отправлен к нему, умоляя и попросив нас в то же время снабдить его нашими письмами, адресованными как Великому Господину²⁷, так и королю Швеции²⁸, чтобы он мог их предъявить в странах, им подчиненных, ради свободного и безопасного проезда для возвращения к Вам.

Эту просьбу мы с готовностью исполнили, полагая, что речь идет о весьма добром, святом и благочестивом деле, ради которого Вы и направляли вышеназванного посла и каковое могло и должно было быть рассмотрено Императором, который поступил совсем иначе вопреки договору и долгу христианского государя. Мы пребываем в большой надежде, что наша просьба, адресованная Великому Господину и королю Швеции в связи с этим во-

²⁵ Перевод В. Шишкина.

²⁶ Императором Священной Римской империи в 1519–1556 гг. являлся Карл V Габсбург (1500–1558), противник французского короля в Итальянских войнах. Видимо, речь идет об отказе Карла V признавать дипломатический статус и полномочия Г. Шлитте, а также соблюдать предварительные договоренности после судебного процесса и заключения купца в тюрьму в Любеке в 1548 г.

²⁷ Речь идет о Сулеймане I Великолепном, султানে Османской империи (1520–1566), союзнике французов в борьбе с императором.

²⁸ Густав I Васа/Ваза, король Швеции в 1523–1560 гг., на момент написания этого послания находился во враждебных отношениях с Иваном IV (Русско-шведская война 1554–1557 гг.), о чем, видимо, было не известно Гансу Шлитте.

просом, будет уважена, и это доставит нам не меньше удовольствия, чем Вам удовлетворения от встречи с вышеназванным послом, из уст которого Вы услышите изъявления доброй дружбы, которую мы к Вам питаем, равно как о нашем желании помогать Вам и Вашим посланцам во всех местах и странах, где это возможно сделать.

Мы же просим Создателя, высочайший и превосходнейший Государь, дабы Он хранил Вас своей святой и достойной защитой. Написано в Сен-Жермен-ан-Ле 15 дня июля 1555 г.

Ваш добрый друг Генрих
Дютье²⁹

На обороте: Высочайшему и превосходнейшему Государю, Великому Государю Московий.

2. Henri II roi de France à Soliman Ier sultan ottoman. 15 juillet 1555. Saint-Germain-en-Laye [Original]

Très hault, très excellent, très puissant, très magnanime [sic!] et invincible Prince, le grant Empereur des montsurmans, sultan Soliman Sarch, en qui tout honneur et vertu habonde nostre très cher et parfaict amy, Dieu vueille haultesse fin très heureuse.

Nostre bien amé Jehan de Schelette ambassadeur du Prince de Moscovye s'est retiré pardevers nous et nous a très humblement supplié et requis vouloir escrire à vostre haultesse que le bon plaisir d'icelle soit luy donner seur et libre passage pour aller par les pays de vostre obeissance, passer la Tartarie et de la trouver la court de son maistre, lesd. Prince de Moscovye, pour luy faire entendre aucunes choses d'importance deppendans de la charge qu'il luy avoit donnée et mesmes les torts et outraiges qu'il a recues du Roy d'Espagne nostre enemy commung, ce que nous ne luy avons aucunement voulu denyer ne refuser.

Par quoy très hault, très excellent, très puissant, très magnanime et invincible Prince, nostre très cher et parfaict amy, nous vous prions aultant affectueusement que faire pouvons vouloir en faveur de nous octroyer ausd. de Schelette vostre commandement pour luy estre donne le passage seur et libre qu'il demande pour l'esfect que dessus en quoy faisant nous estimerons cella à très singulier plaisir, priant à tant le Createur, très excellent, très puissant, très magnanime et invincible Prince, nostre très cher et parfaict amy, qu'il vous ayt en Sa très sainte et digne garde.

Escrip à Saint-Germain en Laye, le quinzeiesme [sic!] jour de juillet 1555.

Собственноручная подпись: Vostre bon et parfait amy,
Henry
Подпись государственного секретаря: Duthier

²⁹ Государственный секретарь Жан Дютье (*Jean Du Thier*) курировал сферу иностранных дел Франции с 1547 г. вплоть до своей смерти в 1560 г. В Москве в РГАДА в фонде Ламуаньона хранится большая и самая ценная часть его рабочего архива. О его истории см.: [Малов, Шаркова, с. 7–16].

На обороте: À très hault, très excellent, très puissant, très magnanime et invincible Prince, le grant Empereur des montsurmans sultan Solyman Sarch, nostre très cher et parfait amy.

Венский домашний, дворцовый и государственный архив. Вена, Австрия: Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Russland I, Karton 1, (1481–1577), Konv. B (1547–1555). Fol. 68 r–v. Копия: 62 r–v.

Пергамен: 530 (537) мм x 345 (345) мм; на обороте письма рядом с адресом записи почерком XVI в. (черные чернила и карандаш): ‘15. Juil. 1555.’ и ‘15. July 1555.’ По центру в верхнем и нижнем полях оборота послания – записи (карандаш) ‘68’. Отпечаток воска диаметром 50 мм. Рядом с адресом – синий штемпель архива: «Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien». Следы от прорези для держателя.

Перевод

Генрих II, король Франции – Сулейману I, турецкому султану. 15 июля 1555 г. Сен-Жермен-ан-Ле

Высочайший, светлейший, могущественнейший, великодушнейший и непобедимый Государь, Великий Император мусульман, султан Солиман Сарх³⁰, всякой честью и добродетелью изобильный, драгоценный и совершенный наш друг. Бог да восхощет приумножить величие и высоту Ваши исходом самым счастливым.

Любезный нам Жан де Шелетт, посол князя Московского, обратился к нам и смиренно и покорно просил и ходатайствовал перед нами соблагovolить написать Вашей Высочести³¹, дабы ей благоугодно было дать ему свободный и надежный пропуск через подвластные Вам страны для проезда в Татарию³² и оттуда ко двору его господина, сказанного князя Московского, для доклада последнему некоторых важных дел, касающихся поручения, ему данного, в частности, обид и оскорблений, полученных им от нашего общего врага короля Испанского³³.

В чем мы ему отнюдь не отказали и [ходатайства] не отклонили, почему и просим самым дружеским образом Вас, высочайший, светлейший, могущественнейший, великодушнейший и непобедимый Государь, наш драгоценный и совершенный друг, соблагovolить по благосклонности к нам выдать сказанному де Шелетту Ваше повеление чинить ему просимый им свободный и надежный пропуск для указанной выше цели. Каковое действие мы почтем за исключительное удовольствие нам.

³⁰ Ссылка И. И. Полосина: «Собственно, “Справедливый”; у европейцев обычно именовался Великолепным».

³¹ Ссылка И. И. Полосина: «Hautesse – особый титул, присвоенный турецкому султану в дипломатической переписке эпохи, в отличие от титулов христианских суверенов».

³² Крымское ханство.

³³ Турецкие султаны не признавали императорский титул за домом Габсбургов, поэтому Генрих II именуется Карла V королем Испании, где тот царствовал под именем Карла I.

Пока же, высочайший, светлейший, великодушнейший и непобедимый Государь, наш драгоценный и совершенный друг, мы молим Создателя сохранить Вас под святой и чтимой защитой.

Писано в Сен-Жермен-ан-Лэ в пятнадцатый день июля 1555 года.

Ваш добрый и совершенный друг

Генрих

Скрепа: Дютье

Адрес: Высочайшему, светлейшему, могущественнейшему и непобедимо-му Государю, Великому Императору мусульман, султану Солиману Сарху, нашему драгоценному и совершенному другу [Полосин, с. 269].

3. Henri II roi de France à Gustave Ier Vasa, roi de Suède. 15 juillet 1555. Saint-Germain-en-Laye [Original]

Très hault et très excellent Prince, nostre très cher et très amé frère et cousin. Nostre bien amé Jehan de Schelette ambassadeur du Prince de Moscovye s'est puis naguières retiré pardevers nous et nous a fait entendre les occasions pour lesquelles il auroit esté desesché de son maistre desirant l'aller retrouver pour luy rendre compte de sa charge, et luy dire aucunes choses d'importance pour son service. A ceste cause il nous a très humblement supplyé et requis vous escrire la présente en sa faveur pour luy octroyer par voz Royaume et pays de vostre obeissance, passaige seur et libre, affin d'aller pour l'effect que dessus trouver la court de sond. maistre.

Ce que nous ne luy avons aucunement voulu denyer ne reffuser, vous priant, très hault et très excellent Prince, nostre très cher et très amé frère et cousin, autant affectueusement que faire povons, que en nostre faveur, vous vueillez octroyer ausd. de Schelette le passaige qu'il demande par vostred. Royaume et pays de vostre obeissance, enquoy faisant vous nous ferez plaisir très agréable que nous recongnostrons quant d'aucune autre chose nous voudrions faire requerir, à tant nous supplions le Createur, très hault et très excellent Prince, nostre très cher et très amé frère et cousin, qu'il vous aict en Sa sainte et digne garde.

Escripte à St. Germain en Laye, le XVme jour de juillet 1555.

Vostre bon frère et cousin,

Henry (*автограф*)

Подпись государственного секретаря: Duthier

На обороте: À très hault et très excellent Prince, nostre très cher et très amé frère et cousin le Roy de Suède.

Венский домашний, дворцовый и государственный архив. Вена, Австрия: Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Russland I, Karton 1, (1481–1577), Konv. B (1547–1555). Fol. 67 r–v. Копия: 64 r–v.

Бумага: 430 (432) мм х 317 (310) мм, водяной знак «кувшин», идентичен на бумаге других документов. На обороте письма – две ошибочные архивные записи почерком XVI в. В центре рядом с адресом и в верхнем поле рядом с печатью, черными чернилами и карандашом: '16. Jul. 1555.' и '16. July 1555.' По центру и в верхнем поле оборота письма – надписи карандашом '67'. Под бумажной кустодой, расположенной по центру в верхнем поле оборота письма, печать; отпечаток воска диаметром 50 мм. В правом нижнем углу – синий штампель архива: «Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien».

**Генрих II, король Франции – Густаву I, королю Швеции.
15 июля 1555 г. Сен-Жермен-ан-Ле**

[Высочайший и превосходнейший Государь, наш самый дорогой и горячо любимый брат и кузен]³⁴. Любезный нам Жан де Шелетт, посол князя Московского, недавно обратился к нам и объяснил обстоятельства, по которым он был вызван своим господином и желает отправиться к нему, чтобы отдать отчет в возложенном на него поручении и доложить о некоторых важных для его службы вещах. Для этого он смиренно и покорно просил и ходатайствовал перед нами написать Вам настоящее с предстательством за него, дабы Вы милостиво дали ему свободный и надежный пропуск через Ваше королевство и подвластные Вам страны для проезда с вышесказанной целью ко двору его господина.

В чем мы ему отнюдь не отказали и [ходатайства] не отвергли. Самым дружеским образом просим Вас, высочайший и светлейший Государь, драгоценный и любезнейший наш брат и кузен³⁵, соблаговолить по благосклонности к нам выдать означенному де Шелетту просимый им пропуск через Ваше королевство и подвластные Вам страны, чем Вы доставите нам приятнейшее удовольствие. Что мы и признаём, когда Вы пожелаете обратиться к нам по какому-либо иному делу.

Пока же, высочайший и светлейший Государь, драгоценный и любезнейший наш брат и кузен, мы молим Создателя сохранить Вас под Его святой и чтимой защитой.

Писано в Сен-Жермен-ан-Ле, в XV день июля 1555 года.

Ваш добрый брат и кузен

Генрих

Скрепя: Дютье

Адрес: Высочайшему и светлейшему Государю, драгоценному и любезнейшему нашему брату и кузену, королю Швеции [Полосин, с. 270–271].

**4. Henri II roi de France à Pierre Louis de Martines,
chargé d'affaires à Constantinople.
15 juillet 1555. Saint-Germain-en-Laye [Original]**

De par le Roy.

Cher et bien amé Jehan de Schelette ambassadeur du Prince de Moscovye s'est retiré pardevers nous et nous a très humblement supplié et requis vouloir en sa

³⁴ В публикации И. И. Полосина фраза отсутствует, добавлена нами из оригинала.

³⁵ «Брат и кузен» – обязательное обращение друг к другу западноевропейских монархов, означающее не столько кровное родство, сколько принадлежность к миру избранных, помазанников Божиих. Переписка французов с королями Швеции в середине XVI в. представляет собой большую редкость, и равносоставное обращение короля Франции должно было польстить шведскому монарху, представителю некоего королевского по происхождению рода.

faveur escripre au Grant Seigneur à ce que le bon plaisir de Sa Haultesse soit luy vouloir octroyer seur et libre passaige pour aller par ses pays de son obeissance, passer la Tartarye, et de la trouver la court de sond. maistre pour luy faire entendre aucunes choses d'importance sur la charge que luy avoit esté par luy commise, mesmes les torts, excès et oultraiges qu'il a recues de l'Empereur.

A ceste cause desirant icelluy favoriser en tout ce que nous pourrons nous en avons bien voulu escripre présentement ausd. Grant Seigneur, vous priant tenir main et tant faire envers Sa Haultesse que le passaige seur et libre que demande lesd. de Schelette luy soit accordé et le commandement dud. Grant Seigneur pouvait necessaire sur ce expedier pour l'effect selon ce ainsi que dict est cy dessus et vous me ferez service très agreable.

Donné à Saint-Germain en Laye, le XVme jour de Juillet 1555.

Henry (*автограф*)

Подпись государственного секретаря: Duthier

На обороте: À nostre cher et bien amé le Sr de Martines estant pour nos affaires en Levant en l'absence du Sr de Cottignac nostre ambassadeur auprès du Grant Seigneur.

Венский домашний, дворцовый и государственный архив. Вена, Австрия: Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, Russland I, Karton 1, (1481–1577), Konv. B (1547–1555). Fol. 69r–70v. Копия: 65 г–v.

Бумага, 312 (310) мм x 428 (427) мм, водяной знак «кувшин» идентичен с другими бумажными документами. Бумага согнута пополам. Текст расположен в верхней части fol. 69r. В верхнем поле fol. 70v – архивные записи почерком XVI в. (черные чернила и карандаш): '15. Juil. 1555.' и '16. July 1555.'. Карандашная помета зачеркнута чернилами как ошибочная. В нижней лицевой части fol. 70v – надпись карандашом '29', она касается нумерации документов в конволюте. В верхней части fol. 69v и fol. 70r – синий штемпель архива: «Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien». В верхней части fol. 70v – отпечаток воска диаметром 30 мм., что говорит об использовании королевской печати, меньшей по размеру, чем малая королевская печать, и предназначенной для скрепления документов, адресованных королевским служащим.

Перевод

**Генрих II, король Франции – Пьеру Луи де Мартине³⁶,
временному поверенному Франции в Константинополе.
15 июля 1555 г. Сен-Жермен-ан-Ле**

[От имени короля]³⁷. Дорогой и любезный Жан де Шелетт, посол князя Московского, обратился к нам и смиренно и покорно просил и ходатайствовал перед нами соблагovolить написать с представительством на него

³⁶ Пьер Луи де Мартине, или Мартинес (*Pierre Louis de Martines ou Martinez*), – один из посольских дворян, замещавший посла Мишеля де Кодиньяка летом 1555 г. Видимо, прибыл в Константинополь вместе с последним весной 1554 г. В 1556–1558 гг. по приказу короля совершал дипломатические поездки в Польшу и Венгрию (в ранге *conseiller du roy et son ambassadeur vers ledit roy et royaume de Hongrie et estat de Transilvanie*), пытаясь создать политический противовес императору. Документы о его миссии частично хранятся в РГАДА, см.: [Малов, с. 169–195].

³⁷ В публикации И. И. Полосина фраза отсутствует, добавлена нами из оригинала.

Великому Властителю, чтобы Его Высочести благоугодно было соизволить выдать ему свободный и надежный пропуск на проезд через подвластные ей страны и Татарию и оттуда ко двору его господина для доклада о некоторых важных делах по вверенному ему поручению, в частности, об обидах, притеснениях и оскорблениях, полученных им от Императора. Желая по этому делу благоприятствовать ему, сколь мы можем, мы благоволили одновременно написать сказанному Великому Властителю.

Просим Вас содействовать и представлять пред Его Высочестью, чтобы свободный и надежный пропуск, просимый де Шелеттом, был ему предоставлен, и необходимое для этого повеление Великого Властителя было бы послано в целях таких и так, как выше сказано. Такая Ваша служба будет мне весьма угодна.

Дано в Сен-Жермен-ан-Лэ, в XV день июля 1555 года.

Генрих
Скрепя: Дютье

Адрес: Нашему дорогому и любезному г. де Мартине, пребывающему по нашим делам на Востоке в отсутствие г. де Коттиньяка³⁸, нашего посла при Великом Властителе [Полосин, с. 270].

Список литературы

Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек : в 2 т. / изд. А. И. Тургенев. СПб. : Тип. Э. Праца, 1841. Т. 1. 400 с.

Афанасьев В. Л., Пиотровская Е. К. Публикации источников и источниковедческие исследования (западноевропейское Средневековье и Византия) (1946–1978) // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья / под ред. В. И. Рутенбурга. Л. : Наука, 1979. С. 213–280.

Боден Ж. Метод легкого познания истории. М. : Наука, 2000. 412 с.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 3 т. М. : Языки славян. культуры, 2004. Т. 3. 640 с.

Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 505 с.

Винтер Э. Папство и царизм. М. : Прогресс, 1964. 537 с.

Войтович Л. В. Заключительный этап борьбы за «Королевство Руси» // Вестн. Удмурт. ун-та. № 3. 2012. С. 10–15.

Волощук М. М. Проблеми інституалізації королівства Русі XIII–XV століть : до постановки проблеми // Алманах Българска україністика. Софія : Софійски ун-т «Св. Климент Охридски», 2019. Брой 8. С. 84–95.

Воронова Т. П., Стерлигов А. Б. Западноевропейская книжная миниатюра VIII–XVI вв. СПб. : Рос. нац. б-ка, 1996. 287 с.

Горский А. А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (53). С. 115–121.

Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М. : Языки славян. культуры, 2001. 800 с.

³⁸ Мишель де Кодиньяк (*Michel de Codignac*) (ум. после 1559) – французский посол в Константинополе в 1554–1557 гг. Летом 1555 г. сопровождал турецкий флот под началом Доргут-паши с целью поддержки французского присутствия на Корсике, оставив вместо себя временным поверенным Пьера-Луи де Мартине. Материалы о посольстве хранятся в РГАДА, см.: [Малов, с. 169–195].

Жордания Г. Очерки из истории франкорусских отношений конца XVI и первой половины XVII в. : в 2 т. Тбилиси : Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1959. Т. 1. 382 с.

Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб. : Евразия, 2007. 398 с.

История дипломатии : в 3 т. / под ред. В. П. Потемкина. М. : ОГИЗ, 1941. Т. 1. 566 с.

Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2016. № 2 (90). С. 78–86.

Корзинин А. Л., Шишкин В. В. Государев двор России и королевский двор Франции в XIV–XVI вв.: сравнение несравнимого? // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 50. 2016. № 4. P. 399–438.

Кудрявцев О. Ф. Западные известия первой половины XV в. о Руси // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в. : Контакты и взаимное восприятие / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М. : РОССПЭН, 2013. С. 37–67.

Ле Гофф Ж. Людовик IX. М. : Ладомир, 2001. 800 с.

Лимонов Ю. А. Русские летописи и западноевропейская историография XV–XVII вв. // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья / под ред. В. И. Рутенбурга. Л. : Наука, 1979. С. 208–211.

Лобин А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517–1522 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. Янв.-июнь. С. 11–26.

Малов В. Н. Документы по истории франко-турецких отношений в коллекции Ламуаньона // Средние века. Вып. 59. М. : Наука, 1997. С. 169–195.

Малов В. Н., Шаркова И. С. Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.). М. : Археограф. центр, 1997. 224 с.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / пер. С. А. Аннинского. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 288 с.

Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М. : АСТ, 2009. 408 с.

Пашкин Н. Г. Греко-латинская церковная уния на Констанцком Соборе в зеркале польско-тевтонских отношений // Античная древность и Средние века. 2015. Вып. 43. С. 320–330.

Пирлинг П. О. Россия и папский престол : в 4 кн. М. : Совр. проблемы, 1912. Кн. 1. Русские и Флорентийский собор. 452 с.

Полосин И. И. Из истории блокады русского государства // Материалы по истории СССР : в 7 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 2. Документы по истории XV–XVII вв. С. 249–271.

Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. : Наука, 1976. 436 с.

РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. Кн. 1. 1516–1520 гг. (Приезды в Россию присланных от прусского магистра Албрехта; Списки с государевых грамот к французским королям и к имперским чинам); Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). Оп. 1. № 14; Ф. 81 (Коллекция Ламуаньона). Т. 15.

Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб. : Евразия, 2002. 448 с.

Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны / пер. А. И. Малеева. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 232 с.

Русаковский О. Ганс Шлитте и наем немецких воинов на русскую службу в 1547–1548 гг. // Русский сборник XXIV : Москва в свидетельствах иноземцев / отв. сост. И. В. Дубровский. М. : Модест Колеров, 2018. С. 7–29.

Рябов С. М. Шарль де Данзей: дипломат-гугенот на службе французского католического двора // Документ. Архив. История. Современность. 2018. № 18. С. 13–22.

Сб. РИО. Т. 53. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516–1520 гг. / под ред. Г. Ф. Карпова. СПб. : Тип. Ф. Елеонского, 1887. 252 с.

Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. М. : Мысль, 1989. Т. 5–6. История России с древнейших времен. 783 с.

Уколова В. И., Шкаренков П. П. Формирование ранней российской государственности в контексте средневекового европейского политогенеза // *Новый ист. вестн.* № 4. 2016. С. 8–18.

Фавтье Р. Капетинги и Франция. СПб. : Евразия, 2000. 320 с.

Филюшкин А. И. Василий III. М. : Молодая гвардия, 2010. 346 с.

Фречнер Р. Дело Шлитте // Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М. : Памятники ист. мысли, 2008. Т. 2. Статьи, комментарии, приложения, указатели, карты. С. 132–147.

Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна в зеркале русской исторической мысли. 1817–2017. М. : Рудомино, 2018. С. 123–169.

Цветаев Д. В. Вероисповедное положение протестантских купцов в России в XVI и XVII веках // *Рус. вестн.* 1885. № 177 (2). С. 840–841.

Шмидт С. О. Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 года. М. : Изд-во Вост. лит., 1960. 194 с.

Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 1. 1326–1569 гг. // ЧОИДР. М. : Синод. тип., 1915. 320 с.

Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М. : Междунар. отношения, 1988. 216 с.

Юрасов М. К. Внук Владимира Мономаха : Борис Калманович, князь-авантюрист. СПб. : Наука, 2017. 287 с.

Юсим М. А. Иван Грозный и ренессансные государи // *Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в. : Контакты и взаимное восприятие* / отв. ред. О. Ф. Кудрявцев. М. : РОССПЭН, 2013. С. 192–198.

Allsen Th. The Royal Hunt in Eurasian History. Pennsylvania : Univ. of Pennsylvania Press, 2006. 405 p.

ASV. Archivum Arcis. Arm. I–XVIII. № 1649.

Bautier R.-H. Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XIe siècle // *Rev. des Études slaves.* 1985. № 57 (4). P. 539–542.

Bély L. La société des princes : XVIe–XVIIIe siècle. Paris : Fayard, 2014. 651 p.

Blanchard G. Compilation chronologique contenant un recueil en abrégé des ordonnances, édits, déclarations et lettres patentes des rois de France : in 2 t. Paris : Moreau, 1715. T. 1. 814 p.

BNF. Fonds français. Ms. 15966: Copies de pièces diverses, concernant la Suède, le Danemark et la Russie, et principalement les relations de ces pays avec la France (1518–1668). P. 216–221.

Bojcov M. Maximilian I. und sein Hof 1518 – von den russischen Gesandten her (nicht?) gesehen // Maximilian I (1459–1519) : Wahrnehmung – Übersetzung – Gender / Hrsg. von H. Hoflatscher u. a. Innsbruck : Studien Verlag, 2011. (Innsbrucker historischen Studien. Bd. 27). S. 45–69.

Briquet C. M. Les filigranes : Dictionnaire historique des marques du papiers : in 4 t. Paris : A. Picard et fils, 1907. T. 4. 350 p.

Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice / ed. by R. Brown. L. : Longman, 1877. Vol. 6. Part 1. 794 p.

Comentari della Moscovia et parimente della Russia et delle altre cose belle et notabili Sigismondo libero barone in Herberstain. Venetia : Pedrezzano, 1550. 175 p.

Daussy H. Un diplomate Huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) // *Религия. Церковь. Общество.* Вып. 4. 2015. С. 198–227.

Diplomatie et « relations internationales » au Moyen Âge (IXe–XVe siècle) / éd. J.-M. Moeglin et S. Péquignot. Paris : PUF, 2017. 1200 p.

Du Thillet J. Recueil des rois de France, leur couronne et maison. Paris : Jamet et Pierre Mettayer, 1602. 318 p.

Fiedler J. Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vassilij Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514 // Sitzungsberichte der phil.-hist. Commission der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd. 43. Wien : k. k. Hof- und Staatsdruckerei, 1863. S. 183–289.

Forstreuter K. Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen. Göttingen : Musterschmidt-Verlag, 1955. 272 S. (Göttinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft. Bd. 23).

GStA PK in Berlin – Dahlem. OBA. Dept. XX. № 21845.

Guérin Mr P. Les Conciles généraux et particuliers : in 3 t. Paris : V. Palmé, 1869. T. 3. 882 p.

Hallu R. Anne de Kiev, reine de France. Roma : Ed. Universitatis catholicae Ucrainorum, 1973. 278 p.

Harris J. A worthless prince? Andreas Palaeologus in Rome, 1464–1502 // *Orientalia Christiana periodica*. 1995. № 61. P. 537–554.

HHStA – Wien. StAb. Russland I. Karton 1 (1481–1577). Konv. B.

Jaroszewska T. À la découverte de l'Europe de l'Est : *Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana* de Mathias de Miechow (1517) // Représentations de l'Autre du Moyen Âge au XVIIIe siècle / éd. E. Berriot-Salvadore. Saint-Etienne : Univ. de Saint-Etienne, 1995. P. 17–30.

Joachim E. Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg : in 3 Bänden. Leipzig : S. Hirzel, 1892. Bd. 2 (1518–1521). 402 S. (Publikationen aus der K. Preußischen Staatsarchiven. Bd. 58).

Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbilds. Frankfurt a/M : Peter Lang, 1972. 298 S. (Geist und Werk der Zeiten. Bd. 33).

Kneitz O. Albrecht Alcibiades, Markgraf von Kulmbach, 1522–1557. Kulmbach : Baumann, 1951. 162 S.

Kohler A. Karl V : 1500–1558. Eine Biographie. München : C. H. Beck, 1999. 424 S.

Kunstmann Fr. Studien über Marino Sanudo den Älteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe. München : Verlag der K. Akad., 1855. 123 S.

La chronique de Nestor, accompagnée de notes et d'un recueil de pièces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France : in 2 t. / éd. L. Paris. Paris : Heideloff et Campé, 1834. T. 1. 482 p.

Lannoy Gh. de. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / éd. Ch. Potvin, J.-C. Houzeau. Louvain : J. Lefever, 1878. 658 p.

Le Fur D. Henri II. Paris : Tallandier, 2009. 612 p.

Les Grands chroniques de France: in 10 t. / éd. J. Viard. Paris : H. Champion, 1928. T. 5. 295 p.

Lettres de Catherine de Medicis : in 11 t. / éd. H. de La Ferrière. Paris : Imprimerie Nationale, 1880. T. 1. 922 p.

Lettres et mémoires d'Etat des roys, princes, ambassadeurs et autres ministres, sous les regnes de François Ier, Henry II et François II / éd. G. Ribier. Paris : F. Clouzier et la veuve Aubovyn, 1666. 698 p.

Liechtenhan F.-D. Des decouvreurs de la Moscovie. L'appréhension des observateurs occidentaux face à la montée de Moscou // Histoire, économie et société. 1989. Vol. 8. № 4. P. 483–506.

Lozinskij G. La Russie dans la littérature française du Moyen Âge : le pays // Rev. des Études slaves. T. 9. 1929. № 1–2. P. 71–88.

Malov V. N. Les archives d'un secrétaire d'Etat de Henri II retrouvées à Moscou // Bibliothèque de l'École des chartes. 1977. № 2. P. 313–339.

Mervaud M., Roberti J.-C. Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris: IMSECO – Institut d'études slaves, 1991. 170 p.

Mignet F.-A.-M.-A. Une élection à l'Empire en 1519 // *Rev. des Deux Mondes*. 2e sér. T. 5. 1854. P. 209–254.

Moriondus J. B. Monumenta Aquensia. P. II. Taurini : Ex Typographia Regia, 1790. 410 p.

Mund S. Orbis russiarum. Genève : Droz, 2003. 598 p.

Pauli Jovii. De legatione Basilii Magni principis Moscoviae liber. Basileae : Johann and Hieronymus Froben, 1527. 39 p.

Pelliot P. Les Mongols et la papauté // *Revue de l'Orient chrétien*. 3e sér. T. 8 (28). 1931–1932. № 1–2. P. 3–84.

Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques : in 5 t. Paris : E. Plon, Nourrit et Cie, 1896. T. 1. 528 p.

Pierling P. Hans Schlitte d'après les archives de Vienne // *Rev. des questions historiques*. 1898. 32e année. Nouvelle série. T. 19 (63). P. 202–210.

Potter D. The Correspondence of a Renaissance Monarch: Letters in Francis I's Style of Rule (1515–1547) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. А. Ю. Прокопьева. № 12. СПб. : Право, 2015. С. 351–372.

Rusakovskiy O. Das erste russische Militärrecht für fremde Söldner? Die kriegsorganisatorische Dokumentation von Hans Schlitte aus der Überlieferung des Bayerischen Staatsarchivs // *Militär und Gesellschaft in den Frühen Neuzeit*. 2017. Vol. 19. S. 11–45.

Sach M. Hochmeister und Großfürst : Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2002. 488 S. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 62).

Soloviev A. V. « Reges » et « Regnum Russiae » au Moyen Age // *Byzantion*. Vol. 36. 1966. No. 1. P. 144–173.

Thou J. A. de. Histoire universelle : in 16 t. Londres : [S. n.], 1734. T. 3. 684 p.

Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1. Von 1488–1605. Wien ; Leipzig : W. Braumüller, 1906. 584 S. (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs).

Vallery-Radot S. Les Français au concile de Constance (1414–1418) : Entre résolution du schisme et construction d'une identité nationale. Leiden : Brepols, 2016. 429 p.

Voyages autour du monde, en Tartarie et en Chine / éd. P. Bergeron. Paris : Imprimerie de Béthune, 1830. 512 p.

Weiß S. Onkel und Neffe. Die Beziehungen zwischen Deutschland und Frankreich unter Kaiser Karl IV. und König Karl V. und der Ausbruch des Großen Abendländischen Schismas // *Regnum et Imperium*. Die französisch-deutschen Beziehungen im 14. und 15. Jahrhundert / Hrsg. von S. Weiß. München : R. Oldenbourg Verlag, 2008. S. 148–149.

Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire. Vol. 1. Maximilian I to the Peace of Westphalia. 1493–1648. Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. 752 p.

References

Afanas'ev, V. L., Piotrovskaya, E. K. (1979). Publikatsii istochnikov i istochnikovedcheskie issledovaniya (zapadnoevropeiskoe Srednevekov'e i Vizantiya) (1946–1978) [Publications of Sources and Source Studies (Western Middle Ages and Byzantium)]. In Rutenburg, V. I. (Ed.). *Problemy istochnikovedeniya zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ya*. Leningrad, Nauka, pp. 213–280.

Allsen, Th. (2006). *The Royal Hunt in Eurasian History*. Pennsylvania, Univ. of Pennsylvania Press. 405 p.

ASV. Archivum Arcis, Arm. I–XVIII, No. 1649.

Bautier, R.-H. (1985). Anne de Kiev, reine de France, et la politique royale au XIe siècle. In *Revue des Études slaves*. No. 57 (4), pp. 539–542.

Bély, L. (2014). *La société des princes : XVIe–XVIIIe siècle*. Paris, Fayard. 651 p.

Bergeron, P. (Ed.). (1830). *Voyages autour du monde, en Tartarie et en Chine*. Paris, Imprimerie de Béthune. 512 p.

Blanchard, G. (1715). *Compilation chronologique contenant un recueil en abrégé des ordonnances, édits, déclarations et lettres patentes des rois de France*: in 2 t. Paris, Moreau. T. 1. 814 p.

BNF. Fonds français. Ms. 15966: Copies de pièces diverses, concernant la Suède, le Danemark et la Russie, et principalement les relations de ces pays avec la France (1518–1668). P. 216–221.

Bodin, J. (2000). *Metod legkogo poznaniya istorii* [A Method for an Easy Comprehension of History]. Moscow, Nauka. 412 p.

Bojcov, M. (2011). Maximilian I. und sein Hof 1518 – von den russischen Gesandten her (nicht?) gesehen. In Hoflatscher, H. u. a. (Hrsg.). *Maximilian I (1459–1519): Wahrnehmung – Übersetzung – Gender*. Innsbruck, Studien Verlag (Innsbrucker historischen Studien. Bd. 27), pp. 45–69.

Braudel, F. (2004). *Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II v 3 t.* [The Mediterranean ; the Mediterranean World in the Age of Philip II. 3 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 3. 640 p.

Briquet, C. M. (1907). *Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papiers*: in 4 t. Paris, A. Picard et fils. T. 4. 350 p.

Brown, R. (Ed.). (1877). *Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice*. L., Longman. Vol. 6. Part 1. 794 p.

Comentari della Moscovia et parimente della Russia et delle altre cose belle et notabili Sigismondo libero barone in Herberstain. (1550). Venetia, Pedrezzano. 175 p.

Daussy, H. (2015). Un diplomate Huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) [A Huguenot Diplomat in the Service of the French Crown: Charles de Danzay, Ambassador in Denmark (1548–1589)]. In *Religiya.Tserkov'. Obshchestvo*. Iss. 4, pp. 198–227.

Du Thillet, J. (1602). *Recueil des rois de France, leur couronne et maison*. Paris, Jamet et Pierre Mettayer. 318 p.

Dvornik, F. (2001). *Slavyane v evropeiskoi istorii i tsivilizatsii* [Slavs in European History and Civilization]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 800 p.

Fawtier, R. (2000). *Kapetingi i Frantsiya* [Capetians and France]. St Petersburg, Evraziya. 320 p.

Fiedler, J. (1863). Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vassilij Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514. In *Sitzungsberichte der phil.-hist. Commission der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 43. Wien, k. k. Hof- und Staatsdruckerei, S. 183–289.

Filyushkin, A. I. (2010). *Vasilij III* [Vasily III]. Moscow, Molodaya gvardiya. 346 p.

Forstreuter, K. (1955). *Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen*. Göttingen, Musterschmidt-Verlag. 272 S. (Göttinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft. Bd. 23).

Frötschner, R. (2008). Delo Schlitte [The Case of Schlitte]. In Khoroshkevich, A. L. (Ed.). *Gerbershtein S. Zapiski o Moskovii v 2 t.* Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. Vol. 2. Stat'i, kommentarii, prilozheniya, ukazateli, karty, pp. 132–147.

Gorskii, A. A. (2014). Svideteli puteshestviya Plano Karpini: unikal'naya informatsiya i oshibki prochteniya [Witnesses of Plano Carpini's Journey: Unique Information and Reading Errors]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 3 (53), pp. 115–121.

GStA PK in Berlin – Dahlem. OBA. Dept. XX. No. 21845.

Guérin, Mr P. (1869). *Les Conciles généraux et particuliers* : in 3 t. Paris, V. Palmé. T. 3. 882 p.

Hallu, R. (1973). *Anne de Kiev, reine de France*. Roma, Editiones Universitatis catholicae Ucrainorum. 278 p.

Harris, J. (1995). A Worthless Prince? Andreas Palaeologus in Rome, 1464–1502. In *Orientalia Christiana periodica*. No. 61, pp. 537–554.

HHStA – Wien. StAb. Russland I. Karton 1 (1481–1577). Konv. B.

Jaroszewska, T. (1995). À la découverte de l'Europe de l'Est : Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana de Mathias de Miechow (1517). In Berriot-Salvadore, E. (Ed.). *Représentations de l'Autre du Moyen Âge au XVIIIe siècle*. Saint-Etienne, Université de Saint-Etienne, pp. 17–30.

Joachim, E. (1894). *Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg* : in 3 Bänden. Leipzig, S. Hirzel. Bd. 2 (1518–1521). 402 S. (Publikationen aus der K. Preußischen Staatsarchiven. Bd. 58).

Joinville, J. de (2007). *Kniga blagochestivyykh rechenii i dobrykh deyanii nashego svyatogo korolya Lyudovika* [Jean de Joinville's History of Saint Louis] / ed. by Yu. P. Malinin and A. Yu. Karachinskii. St Petersburg, Evraziya. 398 p.

Kappeler, A. (1972). *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbilds*. Frankfurt am Main, Peter Lang. 298 S. (Geist und Werk der Zeiten. Bd. 33).

Khoroshkevich, A. L. (2018). Sigismund von Herberstein i ego “Zapiski o Moskovii” [Sigismund von Herberstein and His “Notes on Moscovia”]. In “Zapiski o Moskovii” *Sigizmunda Gerbershteina v zerkale russkoi istoricheskoi mysli. 1817–2017*. Moscow, Rudomino, pp. 123–169.

Kneitz, O. (1951). *Albrecht Alcibiades, Markgraf von Kulmbach, 1522–1557*. Kulmbach, Baumann. 162 S.

Kohler, A. (1999). *Karl V : 1500–1558. Eine Biographie*. München, C. H. Beck. 424 S.

Korzinin, A. L., Shishkin, V. V. (2016). Gosudarev dvor Rossii i korolevskii dvor Francsii v XIV–XVI vv.: sravnenie nesravnimogo? [The Court of the Grand Prince of Muscovy and the Court of France in the 14th–16th Centuries: Comparing the Incomparable?]. In *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 50. No. 4, pp. 399–438.

Kozulin, V. N. (2016). Zarozhdenie russko-frantsuzskikh otnoshenii i pervye predstavleniya russkikh o Frantsii (konets XVI – nachalo XVII v.) [The Origin of Russo-French Relations and the First Russian Ideas about France (Late 16th – Early 17th Centuries)]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (90), pp. 78–86.

Kudryavtsev, O. F. (2013). Zapadnye izvestiya pervoi poloviny XV v. o Rusi [Western Knowledge about Russia in the First Half of the 15th Century]. In Kudryavtsev, O. F. (Ed.). *Evropeiskoe Vozrozhdenie i russkaya kul'tura XV – serediny XVII v. Kontakty i vzaimnoe vospriyatie*. Moscow, ROSSPEN, pp. 37–67.

Kunstmann, Fr. (1855). *Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe*. München, Verlag der K. Akad. 123 S.

La Ferrière, H. de. (Ed.). (1880). *Lettres de Catherine de Medicis* : in 11 t. Paris, Imprimerie Nationale. T. 1. 922 p.

Lannoy, Gh. de. (1878). *Oeuvres de Gillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moralist* / éd. Ch. Potvin, J.-C. Houzeau. Louvain, J. Lefever. 658 p.

Le Fur, D. (2009). *Henri II*. Paris, Tallandier. 612 p.

Le Goff, J. (2001). *Lyudovik IX* [Louis IX]. Moscow, Ladomir. 800 p.

Liechtenhan, F.-D. (1989). Des decouvreurs de la Moscovie. L'appréhension des observateurs occidentaux face à la montée de Moscou. In *Histoire, économie et société*. Vol. 8. No. 4, pp. 483–506.

Limonov, Yu. A. (1979). Russkie letopisi i zapadnoevropeiskaya istoriografiya XV–XVII vv. [Russian Chronicles and Western European Historiography, 15th–17th Centuries]. In Rutenburg, V. I. (Ed.). *Problemy istochnikovedeniya zapadnoevropeiskogo Srednevekov'ya*. Leningrad, Nauka, pp. 208–211.

Lobin, A. N. (2014). Plany voennogo sotrudnichestva Tevtonskogo ordena i Rossii v 1517–1522 gg. [Plans for Military Cooperation between the Teutonic Order and Russia in 1517–1522]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 1. Jan.-June, pp. 11–26.

Lozinskij, G. (1929). La Russie dans la littérature française du Moyen Âge : le pays. In *Revue des Études slaves*. T. 9. No. 1–2, pp. 71–88.

Malov, V. N. (1977). Les archives d'un secrétaire d'Etat de Henri II retrouvées à Moscou. In *Bibliothèque de l'École des chartes*. No. 2, pp. 313–339.

Malov, V. N. (1997). Dokumenty po istorii franko-turetskikh otnoshenii v kollektzii Lamuan'ona [Documents on the History of Franco-Turkish Relations in the Collection of Lamoignon]. In *Srednie veka*. No. 59. Moscow, Nauka, pp. 169–195.

Malov, V. N., Sharkova, I. S. (1997). *Kollektsiya Lamuan'ona (Arkhiv Zhana Dyut'e, gosudarstvennogo sekretarya Frantsii v 1547–1560 gg.)* [Collection of Lamoignon (Archive of Jean Duthier, the French Secretary of State in 1547–1560)]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr. 224 p.

Mervaud, M., Roberti, J.-C. (1991). *Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles*. Paris, IMSECO – Institut d'études slaves. 170 p.

Miechowita, M. (1936). *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [The Treatise on the Two Sarmatias] / transl. by S. A. Anninskii. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 288 p.

Mignet, F.-A.-M.-A. (1854). Une élection à l'Empire en 1519. In *Revue des Deux Mondes*. 2e série. T. 5, pp. 209–254.

Moeglin, J.-M., Péquignot, S. (Eds.). (2017). *Diplomatie et « relations internationales » au Moyen Âge (IXe–XVe siècle)*. Paris, PUF. 1200 p.

Moriondus, J. B. (1790). *Monumenta Aquensia*. P. II. Taurini, Ex Typographia Regia. 410 p.

Morozova, L. E. (2009). *Velikie i neizvestnye zhenshchiny Drevnei Rusi* [Great and Unknown Women of Ancient Russia]. Moscow, AST. 408 p.

Mund, S. (2003). *Orbis russiarum*. Genève, Droz. 598 p.

Paris, L. (1834). *La chronique de Nestor, accompagnée de notes et d'un recueil de pieces inédites touchant les anciennes relations de la Russie avec la France: in 2 t.* Paris, Heideloff et Campé. T. 1. 482 p.

Pashkin, N. G. (2015). Greko-latinskaya tserkovnaya uniya na Konstantskom Sobore v zerkale pol'sko-tevtonskikh otnoshenii [The Greek-Latin Church Union at the Council of Constance in the Mirror of Polish–Teutonic Relations]. In *Antichnaya drevnost' i Srednie veka*. Iss. 43, pp. 320–330.

Pauli Jovii (1527). *De legatione Basilii Magni principis Moscoviae liber*. Basileae, Johann and Hieronymus Froben. 39 p.

Pelliot, P. (1931–1932). Les Mongols et la papauté. In *Revue de l'Orient chrétien*. 3e série. T. 8 (28). No. 1–2, pp. 3–84.

Pierling, P. (1896). *La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques: in 5 t.* Paris, E. Plon, Nourrit et Cie. T. 1. 528 p.

Pierling, P. (1898). Hans Schlitte d'après les archives de Vienne. In *Revue des questions historiques*. 32e année. Nouvelle série. Vol. 19 (63), pp. 202–210.

Pierling, P. O. [1912]. *Rossiya i papskii presto v 4 kn.* [Russia and the Papacy. 4 Books]. Moscow, Sovremennyye problemy. Book 1. Russkie i Florentiiskii sobor. 452 p.

Polosin, I. I. (1955). Iz istorii blokady russkogo gosudarstva [About the History of the Blockade of the Russian State]. In *Materialy po istorii SSSR v 7 t.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2. Dokumenty po istorii XV–XVII vv., pp. 249–271.

Porshnev, B. F. (1976). *Tridsatiletnyaya voina i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years War and the Entry of Sweden and the Moscow State into It]. Moscow, Nauka. 436 p.

Potemkin, V. P. (Ed.). (1941). *Istoriya diplomatii v 3 t.* [The History of Diplomacy. 3 Vols.]. Moscow, Ob"edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv. Vol. 1. 566 p.

Potter, D. (2015). The Correspondence of a Renaissance Monarch: Letters in Francis I's Style of Rule (1515–1547). In Prokop'ev, A. Yu. (Ed.). *Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. No. 12. St Petersburg, Pravo, pp. 351–372.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 74. List 1. Book 1. 1516–1520 gg. (Priezdy v Rossiyu prislannyykh ot prusskogo magistra Albrekhta; Spiski s gosudarevykh gramot k frantsuzskim korolyam i k imperskim chinam); Stock 166 (Dela i sochineniya o titulakh). List 1. № 14; Stock 81 (Kollektsiya Lamuan'ona). Vol. 15.

Ribier, G. (Ed.). (1666). *Lettres et mémoires d'Etat des roys, princes, ambassadeurs et autres ministres, sous les règnes de François Ier, Henry II et François II*. Paris, F. Clouzier et la veuve Aubovyn. 698 p.

Richard, J. (2002). *Latino-Ierusalimskoe korolevstvo* [The Latin Kingdom of Jerusalem]. St Petersburg, Evraziya. 448 p.

Rubrout, G. de (1957). *Puteshestvie v vostochnye strany* [The Journey of William of Rubruk to Eastern Parts] / transl. by A. I. Malein. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. 232 p.

Rusakovskiy, O. (2018). Gans Schlitte i naem nemetskikh voynov na russkuyu sluzhbu v 1547–1548 gg. [Hans Schlitte and the Hiring of German Soldiers in Russian Service, 1547–1548]. In Dubrovskii, I. V. (Ed.). *Russkii sbornik XXIV. Moskoviya i svidetel'stva inozemtsev*. Moscow, Modest Kolerov, pp. 7–29.

Rusakovskiy, O. (2017). Das erste russische Militärrecht für fremde Söldner? Die kriegsorganisatorische Dokumentation von Hans Schlitte aus der Überlieferung des Bayerischen Staatsarchivs. In *Militär und Gesellschaft in den Frühen Neuzeit*. Vol. 19, S. 11–45.

Ryabov, S. M. (2018). Charles de Danzay: diplomat–rezident pri datskom dvore [Charles de Danzay: Resident Diplomat at the Danish Court]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. No. 18, pp. 13–22.

Sach, M. (2002). *Hochmeister und Großfürst: Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag. 488 S. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 62).

Sb. RIO [Collection of the Russian Historical Society]. Karpov, G. F. (Ed.). (1887). Vol. 53. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Nemetskim ordenom v Prussii 1516–1520 gg. St Petersburg, Tipografiya F. Eleonskogo. 252 p.

Shcherbachev, Yu. N. (1915). Kopengagenskie akty, otnosyashchiesya k russkoi istorii. Iss. 1. 1326–1569 gg. In *ChOIDR*. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. 320 p.

Shmidt, S. O. (1960). *Opisi Tsarskogo arkhiva XVI veka i Arkhiva Posol'skogo prikaza 1614 goda* [The Inventory of the Tsarist Archives of the 16th Century and the Archive of the Posolsky Prikaz in 1614]. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury. 194 p.

Solovyov, S. M. (1989). *Sochineniya v 18 kn.* [Works. 18 Books]. Moscow, Mysl'. Vol. 5–6. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. 783 p.

Soloviev, A. V. (1966). “Reges” et “Regnum Russiae” au Moyen Age. In *Byzantion*. Vol. 36. No. 1, pp. 144–173.

Thou, J.-A. de (1734). *Histoire universelle* : in 16 t. Londres, S. n. T. 3. 684 p.

Tsvetaev, D. V. (1885). *Veroispovednoe polozhenie protestantskikh kuptsov v Rossii v XVI i XVII vekakh* [The Religious Situation of the Protestant Merchants in Russia in the 16th and 17th Centuries]. In *Russkii vestnik*. No. 177 (2), pp. 840–841.

Turgenev, A. I. (Ed.). (1841). *Akty istoricheskie, otnosyashchiesya k Rossii, izvlechennye iz inostrannykh arkhivov i bibliotek v 2 t.* [Historical Acts Relating to Russia Extracted from Foreign Archives and Libraries. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa. Vol. 1. 400 p.

Uebersberger, H. (1906). *Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1. Von 1488–1605*. Wien, Leipzig, W. Braumüller. 584 S. (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs).

Ukolova, V. I., Shkarenkov, P. P. (2016). Formirovanie rannei rossiiskoi gosudarstvennosti v kontekste srednevekovogo evropeiskogo politogeneza [The Formation of Early Russian Statehood in the Context of Medieval European Political Genesis]. In *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 4, pp. 8–18.

Vallery-Radot, S. (2016). *Les Français au concile de Constance (1414–1418) : Entre résolution du schisme et construction d'une identité nationale*. Leiden, Brepols. 429 p.

Vianey, B. (2017). *Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu* [Jean Sauvage's Travel to Muscovy in 1586]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 505 p.

Viard, J. (Ed.). (1928). *Les Grands chroniques de France* : in 10 t. Paris, H. Champion. T. 5. 295 p.

Voitovich, L. V. (2012). Zaklyuchitel'nyi etap bor'by za "Korolevstvo Rusi" [The Final Stage in the Struggle for the "Kingdom of Rus"]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. No. 3, pp. 10–15.

Voloshchuk, M. M. (2019). Problemi instutualizatsii korolivstva Rusi XIII–XV stolit' : do postanovki problemi [Problems of Institutionalisation of the Tsardom of Rus' in the 13th–15th Centuries]. In *Almanakh B''lgarska ukrainistika*. Sofia, Sofiiski universitet „Sv. Kliment Okhridski“. Broi 8, pp. 84–95.

Voronova, T. P., Sterligov, A. B. (1996). *Zapadnoevropeiskaya knizhnaya miniatyura VIII–XVI vv.* [Western European Illuminated Manuscripts: 8th to 16th Centuries]. St Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. 287 p.

Weiß, S. (2008). Onkel und Neffe. Die Beziehungen zwischen Deutschland und Frankreich unter Kaizer Karl IV. und König Karl V. und der Ausbruch des Großen Abendländischen Schismas. In Weiß, S. (Hrsg.). *Regnum et Imperium. Die französisch-deutschen Beziehungen im 14. und 15. Jahrhundert*. München, R. Oldenbourg Verlag, S. 148–149.

Whaley, J. (2012). *Germany and the Holy Roman Empire. Vol. 1. Maximilian I to the Peace of Westphalia, 1493–1648*. Oxford, Oxford Univ. Press. 752 p.

Winter, E. (1964). *Papstvo i tsarizm* [Papacy and Tsarism]. Moscow, Progress. 537 p.

Yurasov, M. K. (2017). *Vnuk Vladimira Monomakha. Boris Kalmanovich, knyaz'-avanyurist* [Grandson of Vladimir Monomakh. Boris Kalmanovich, the Adventurer Prince]. St Petersburg, Nauka. 287 p.

Yusim, M. A. (2013). Ivan Groznyi i renessansnye gosudari [Ivan the Terrible and the Renaissance Princes]. In Kudryavtsev, O. F. (Ed.). *Evropeiskoe Vozrozhdenie i russkaya kul'tura XV – serediny XVII v. Kontakty i vzaimnoe vospriyatie*. Moscow, ROSSPEN, pp. 192–198.

Yuzefovich, L. A. (1988). "Kak v posol'skikh obychayakh vedetsya..." ["As Ambassadorial Customs Dictate..."]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 216 p.

Zhordaniya, G. (1959). *Ocherki iz istorii franko-russkikh otnoshenii kontsa XVI i pervoi poloviny XVII vv. v 2t.* [Essays from the History of Franco-Russian Relations in the Late 16th and in the First Half of the 17th Centuries. 2 Vols.]. Tbilisi, Izdatel'stvo Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1. 382 p.

The article was submitted on 23.05.2019

Illustration for the article:
Svetlana Yurlova. *The Book of Tasty and Healthy Food: Mythology or Pragmatics?*

Festive table setting // Книга о вкусной и здоровой пище.
М., 1952

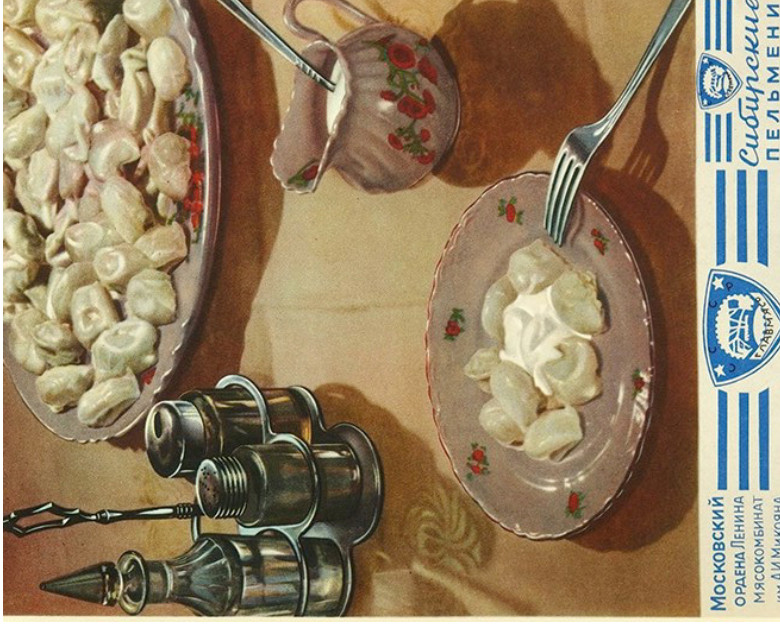

“An assortment of excellent caviar to choose from among gourmet seafood” //
Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1955

Drinking "without doing harm to one's health" means drinking less vodka and enjoying light natural grape wine in moderation instead // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952

МОСКОВСКИЙ
Орден ЛЕНИНА
МЯСОКОМБИНАТ
ИМ. Д. М. МИКОЯНА

Сибирские
ПЕЛЬМЕНИ

Siberian pelmeni // Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1952

Иллюстрации к статье:
Владислав Стаф. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»:
проблема мемориализации ГУЛАГа

Illustration for the article:
Vladislav Staf. The Tomsk NKVD Prison Museum:
Issues of the Memorialisation of Gulag

Томский музей «Следственная тюрьма НКВД». Здание музея.
Фото с официального сайта музея

“Tomsk Memorial NKVD Prison” Museum. Museum building.
Photograph from the official website of the museum

Томский музей «Следственная тюрьма НКВД». Тюремный коридор. Фото В. Стафа

“Tomsk Memorial NKVD Prison” Museum. Prison corridor. Photograph by V. Staf

Томский музей «Следственная тюрьма НКВД». Экспозиция о ГУЛАГе. Фото В. Стафа
“Tomsk Memorial NKVD Prison” Museum. Exhibition about the Gulag. Photograph by V. Staf

Томский музей «Следственная тюрьма НКВД». Комната следователя. Фото В. Стафа
“Tomsk Memorial NKVD Prison” Museum. Investigator’s room. Photograph by V. Staf

Иллюстрации к статье: *Дмитрий Серов*. «Вечером из русского лагеря прибыл... майор»: первые 34 года жизни Вилима Геннина
Illustration for the article: *Dmitry Serov*. 'In the evening the Mayor Arrived from the Russian Camp': The First 34 Years of Life of Wilhelm Henning

Вид осады Выборга 1710 г. Гравюра А. И. Ростовцева. 1715

A View of the siege of Vyborg (1710). Engraving by A. I. Rostovtsev. 1715

Иллюстрации к статье: Эрик Дюро, Искра Шварц, Владимир Шишкин. Поиск союзников: послание Генриха II Валуа Ивану IV Васильевичу
Illustration for the article: *Eric Durot, Iskra Schwarcz and Vladimir Shishkin. The Search for Allies: Henry II's Letter to Ivan IV*

Ф. Клуэ. Портрет Генриха II. 1559

F. Clouet. Portrait of Henry II. 1559

Письмо Генриха II Ивану IV Васильевичу (оборот). Фрагмент // National Archives of Austria. Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Russland I. Karton 1 (1481–1577). Конв. В (1547–1555). Fol. 66 г–v.

Letter of Henry II to Ivan IV Vasilyevich. Back page. Fragment // National Archives of Austria. Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Russland I. Karton 1 (1481–1577). Конв. В (1547–1555). Fol. 66 г–v

Hereditas:
nomina
et scholae

Б. А. Ларин. Фото 1940-х гг.

B. A. Larin. Photograph. 1940s

Hereditas:
nomina et scholae

DOI 10.15826/qr.2019.3.414
УДК 81-119+81'27+81'28+81'374

**БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАРИН:
СВОБОДНАЯ СТИХИЯ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ***

Валерий Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

**BORIS ALEKSANDROVICH LARIN:
THE FREE ELEMENT OF COLLOQUIAL SPEECH****

Valery Mokienko

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article considers the contribution to philology made by B. A. Larin, a professor at Leningrad University. He formulated many ideas which remain relevant today. They include a comprehensive description of writers' language, dialectal nondifferential dictionaries, lexicographic analysis of the vernacular of Moscow Rus' between the sixteenth and seventeenth centuries, studies on urban colloquial speech (argot and jargon in particular), analysis of semantic lexical dominants relying on the diachronic approach, and discussions of principles of historical phraseology, etc. The scholar not only solved many issues connected with modern philology but also laid the foundations for further research. One of Larin's main research interests was semantics, to which he devoted many of his works. In his study of semantics, he relied on a multi-dimensional examination of living colloquial speech both synchronically and diachronically. His most important ideas and projects related to this sphere: the colloquial language of Muscovite Rus' in its everyday written form and notes made by foreigners; the living idiomatized speech of the *Praying* by Daniel the Immured; urban argot, Pskovian dialects, and the dialects of Pechora and Nekrasov Cossacks; the colloquial speech of Nizhny Novgorod examined through the prism of Gorky's autobiographical trilogy, etc.

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062 – «Полный фразеологический словарь русских народных говоров», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

** *Citation*: Mokienko, V. (2019). Boris Aleksandrovich Larin: The Free Element of Colloquial Speech. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 903–916. DOI 10.15826/qr.2019.3.414.

Цитирование: Mokienko V. Boris Aleksandrovich Larin: The Free Element of Colloquial Speech // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 903–916. DOI 10.15826/qr.2019.3.414 / Мокиенко В. Борис Александрович Ларин: свободная стихия разговорной речи // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 903–916. DOI 10.15826/qr.2019.3.414.

The majority of his ideas became long-term research projects which have already been realised to a large extent in dictionaries co-authored by Larin's students at the interdepartmental lexicographical centre of the University of St Petersburg.

Keywords: B. A. Larin; lexicography; dialectology; dialect dictionaries; sociolects; argot; writer's language dictionaries; colloquial speech.

В статье характеризуется вклад профессора Ленинградского университета Б. А. Ларина в филологию. Им были сформулированы многие идеи, сохраняющие актуальность и в наши дни. Таковы проекты комплексного описания языка писателей, создание диалектных словарей полного типа, выявление и лексикографический анализ обиходной речи Московской Руси XVI–XVII вв., широкоохватное исследование разговорной речи города (особенно арго и жаргона), выявление семантических доминант лексики в диахронической ретроспективе, разработка лингвистических принципов исторической фразеологии и др. Тем самым не только были решены многие задачи современной филологии, сформулированные полларински, но и заложена основа на далекое будущее. Одной из доминант научных интересов Б. А. Ларина была семантика, исследованию которой ученый посвятил много своих работ. Его внимание к семантике опиралось на многоаспектное исследование живой разговорной речи в синхронии и диахронии. Самые масштабные идеи и проекты были направлены именно в эту сторону: это разговорный язык Московской Руси в ее обиходном письменном варианте и в записях иностранцев; живая идиоматизированная речь «Моления» Даниила Заточника; городское арго, диалекты псковичей, жителей Печоры и казаков-некрасовцев; разговорная речь Нижнего Новгорода в зеркале автобиографической трилогии М. Горького и др. Большинство этих идей стали перспективными исследовательскими проектами, которые во многом уже нашли лексикографическое воплощение в коллективном творчестве учеников Б. А. Ларина в основанном им межкафедральном словарном кабинете Санкт-Петербургского университета.

Ключевые слова: Б. А. Ларин; лексикография; диалектология; диалектные словари; социолекты; арго; словари языка писателя; разговорная речь.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная...» В справедливости этих пушкинских слов мы, ларинцы, убеждаемся, не только читая и перечитывая труды Б. А. Ларина, но и потому, что стремимся вот уже более полувека воплотить его идеи в жизнь. И чем дальше, тем больше постигая неисчерпаемость ларинских идей и соизмеряя их с достижениями современной лингвистики, мы осознаем их провидческую силу. Не случайно одной из последних работ нашего Учителя была статья «О филологии близкого будущего» [Ларин, 1963].

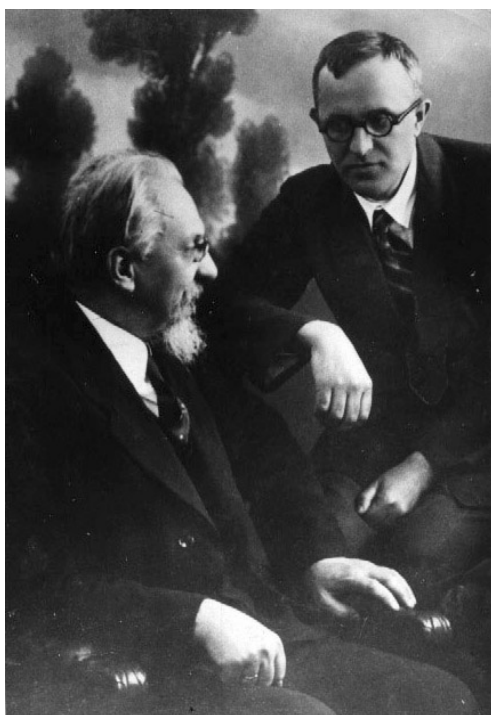
Научная судьба Бориса Александровича Ларина была непростой. Ни признанные научные успехи, ни мощная организационная ак-

тивность в Академии наук и на филологическом факультете Ленинградского университета, ни любовь учеников не оградили его от перипетий своего времени. Он, как и его друг и коллега по факультету Л. В. Щерба, который, по словам Бориса Александровича, был всегда «рыцарем правды» и в науке, и на общественном поприще, в полной мере вкусил «не только радость всеобщего признания и почета, но и ослиное ляганье» [Ларин, 1977а, 207–208].

«Ослиное ляганье» досталось и на долю самого Б. А. Ларина, и на долю его учителя русского немца профессора Федора (Фридриха) Ивановича Кнауэра (1849–1917), учебник санскрита которого до сих пор переиздается и считается одним из лучших.

Окончив в 1914 г. Киевский университет, Б. А. Ларин был оставлен для подготовки к профессуре. Его кураторами стали проф. Ф. И. Кнауэр, у которого он слушал лекции по языкознанию и санскриту, и проф. В. Н. Перетц, известный знаток древнерусской литературы и древнеславянской письменности. Под руководством Ф. И. Кнауэра Б. А. Ларин глубоко изучил санскрит и, несмотря на молодость, стал признанным санскритологом. Но началась Первая мировая война, и в газетах развернулась травля Ф. И. Кнауэра: появились клеветнические заметки о том, что его сыновья «сражаются против России». И хотя сыновья Кнауэра не служили в немецкой армии, 24 ноября 1914 г. ему пришлось написать заявление об увольнении из университета. А 24 декабря 1914 г. профессор был арестован в Киеве и помещен в Лыбедский полицейский участок, на его пенсию и имущество был наложен арест. В январе 1915 г. Ф. И. Кнауэр был сослан в Томск, а в феврале – в Каинск Новосибирской обл.

Б. А. Ларин, как и академики А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Перетц и А. А. Шахматов, не только выступил в защиту своего учителя, но и поехал за ним в далекую сибирскую ссылку, поддерживая его духовно и продолжая занятия санскритом.

Л. В. Щерба и Б. А. Ларин. Фото 1930-х гг.

L. V. Shcherba and B. A. Larin. Photograph, 1930s

Одним из важнейших научных проектов, инициированных Б. А. Лариным в Ленинграде, был, как известно, проект «Словаря древнерусского языка XV–XVIII веков» (ДРС) – по его собственным словам, «большое и ответственное начинание Института языка и мышления в этой области» [Ларин, 1977, с. 115]. Б. А. Ларин собрал вокруг себя группу заинтересованной и знающей молодежи, и проект начал быстро осуществляться. К началу января 1936 г. картотека ДРС насчитывала уже 386 263 карточки. Планировалось создать фонд объемом около миллиона карточек из нескольких тысяч источников. Они должны были стать фундаментом словаря в восьми томах по десять выпусков объемом свыше 800 печатных листов, содержащих около 150 тыс. словарных статей. Завершить издание предполагалось к началу 1945 г.

Но планам не суждено было сбыться. По приказу бывшего друга Бориса Александровича академика В. В. Виноградова, директора столичного Института русского языка, группа ДРС была расформирована, а картотека перевезена в Москву. Этот удар сильно пошатнул здоровье ленинградского ученого, но не сломил его. Его ученики начали создавать новую картотеку и новый словарь древнерусского периода – «Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)». Картотека хранится в межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина (СПбГУ). А работа над словарем успешно движется вперед: опубликовано уже восемь выпусков [СОРЯ XVI–XVII вв.].

Особенно нелегким оказался Кировский период его жизни во время войны, о котором хорошо знали его ученики и который недавно был довольно подробно описан вятскими диалектологами и краеведами [Долгушев; Коршунков], а также американским историком Ларри Ю. Холмсом в пятой главе его книги [Holmes, 2012, p. 75–92]. Письма этого периода жизни нашего Учителя впервые были опубликованы в 1993 г. в изданном к столетию Ларина научном сборнике Санкт-Петербургского университета [Вопросы теории], а вятскими исследователями были воспроизведены и прокомментированы.

Находясь во время войны в эвакуации, Б. А. Ларин в 1942–1944 гг. работал в Кировском пединституте заведующим кафедрой языковедения. Пединститут размещался тогда в Яранске. Условия жизни и работы были ужасны. Зимой в доме стоял лютый холод. Профессор сам заготавливал дрова и повредил ногу, она сильно болела, а вылечиться никак не получалось – это все при жизни впроголодь и помимо обычных преподавательских и научных обязанностей. И несмотря на все трудности, Б. А. Ларин планировал провести в Яранске научную конференцию по русской диалектологии! Москва идею одобрила, и Б. А. Ларин начал приглашать на конференцию своих коллег из разных городов, а некоторых – даже с фронта. Однако, когда Б. А. Ларин, обосновывая проблематику будущей конференции, выступил 6 мая 1943 г. в Яранске с лекцией «Что дают

яранские говоры для истории русского языка», где доказывал татарское, марийское и удмуртское влияние на язык русских жителей края, то разразился скандал. Цензура усмотрела в этом тезисе умаление роли великорусского языка. Конференция по диалектологии все же была проведена, но не в Яранске, а в июне 1944 г. в Вологде. Но можно представить, сколько сил и энергии стоило это тогда больному и жившему впроголодь Б. А. Ларину.

Чем дальше уходит время, тем более весомым, значимым и идееносным становится научное наследие Бориса Александровича. Главное же – наконец полностью реализованы или близки к полной реализации многие его проекты, которые полвека назад некоторым скептикам от официальной и официозной филологии казались несбыточными. Таковы, например, ларинские идеи комплексного описания языка писателей, создание диалектных словарей полного типа, выявление и лексикографический анализ обиходной речи Московской Руси XVI–XVII вв., широкоохватное исследование разговорной речи города (особенно аргю и жаргона), выявление семантических доминант слова в диахронической ретроспективе, разработка лингвистических принципов исторической фразеологии и др. Тем самым не только подведены основные итоги решения задач современной филологии, сформулированных по-ларински, но и заложена основа осуществления некоторых планов на ее далекое будущее [Мокиенко, 1985].

Д. С. Лихачев в очерке о Б. А. Ларине писал, что диалектичность ученого и готовность отказаться от любых окончательных ответов были причиной того, что «он не создал развитой системы своих взглядов, но дал нечто гораздо более важное для развития науки: он дал направление изучению языка. Система редко переживает своего создателя, направление же позволяет творчески развивать мысли учителя. Первая завершает какую-то работу, проделанную учителем, второе же открывает путь для самостоятельных исследований его учеников» [Лихачев, с. 9].

Пытаясь очертить хотя бы в общих чертах многогранное идейное наследие нашего Учителя [Ларин, 1987], мы, его ученики, стремимся найти генеральную линию научного направления, заданного нам, тот идееносный множитель, который позволяет объединить хотя бы основные доминанты его научного творчества. Одним из таких множителей, как хорошо известно, была семантика, интерес к которой пронизывает все теоретические концепции Б. А. Ларина и все его практические деяния. «Семантика – вот та область, которая дает возможность достичь предельной точности». Этот ларинский афоризм, оброненный им на одном из семинаров в 1950-е гг. (ср.: [Откупщиков, с. 47]), обосновывался им в течение всей жизни. В то время, когда в науке о языке все настойчивее и одностороннее звучал тезис об «арбитrarности знака» (Ф. де Соссюр), о том, что язык – лишь форма, а не субстанция (Л. Блумфилд), когда формальный подход к язы-

ку многими провозглашался как единственно научный, Б. А. Ларин не уставал повторять свое основное кредо о решающей роли семантики в развитии и функционировании языковой системы. Это кредо аргументируется этюдами по истории слова, где самые прихотливые семантические различия выстраиваются в строго закономерную иерархию или соединяются в несоединимые противоположности. Оно объясняет и многие лексикографические принципы Б. А. Ларина, до сих пор кажущиеся словарникам максималистскими. Оно стало и стимулом для изучения живой разговорной речи его времени и разговорного языка Древней Руси.

Широта интересов и научный максимализм Б. А. Ларина во многом вызваны напряженным вниманием к семантике, стремлением восстановить все, даже самые дробные звенья единой семантической цепи, связующей форму самых разных языковых объектов. При успешной реконструкции такого рода семантика может стать – и становится в трудах Б. А. Ларина – инструментом достижения «предельной точности исследования».

Внимание Б. А. Ларина к семантике опиралось на многоаспектное исследование живой разговорной речи в синхронии и диахронии. Эта тема стала одним из его ранних интересов, и с нею он не расставался всю свою жизнь. Речь города, живая русская речевая стихия – это именно тот языковой объект, на котором было всегда сконцентрировано внимание исследователя. Самые «дальнобойные» идеи и проекты Б. А. Ларина направлены именно в эту сторону: разговорный язык Московской Руси в ее обиходном письменном варианте и в записях иностранцев; живая идиоматизированная речь «Моления» Даниила Заточника; разговорная стихия диалекта псковичей, жителей Печоры и казаков-некрасовцев и других диалектоносителей; разговорная речь Нижнего Новгорода в зеркале автобиографической трилогии М. Горького и др.

Концептуальное зерно всех этих проектов, которое во многом уже нашло монументальное лексикографическое воплощение, уходит именно в плодотворную почву интереса Б. А. Ларина к лингвистическому изучению города. Будучи инициатором этой работы, 33-летний Б. А. Ларин в докладе «О лингвистическом изучении города», прочитанном в мае 1926 г. в секции общего языковедения Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) [Ларин, 1977, с. 175–189], не только представил широкомасштабный проект исследования городской речи, но и поделился результатами (по его выражению) «разведочных работ», которые несколько лет велись под его руководством в Ленинграде и Москве [Там же, с. 177].

Труды Б. А. Ларина о лингвистическом изучении города и о западноевропейских элементах русского арго до сих пор активно стимулируют исследования в этой области, которая была в России детабуизирована после длительного официального запрета только в 1980-е гг. XX в. (см. подробно: [Мокиенко, 2004]).

Одной из актуальных проблем изучения жаргона до сих пор остается проблема отбора словника и объема словаря жаргона, то есть вопрос интерпретации и лексикографического описания самых разных языковых единиц, которые подводятся составителями словарей под понятие *жаргонизм* (resp. арготизм) или фразеологизм. Последователи Б. А. Ларина стремятся решать эти спорные проблемы диалектично и прагматически. В своем февральском докладе 1930 г. Б. А. Ларин, со знанием дела проанализировав многовековой опыт исследования арго в Европе, имел смелость с уже тогда присущей ему решительностью нейтрализовать ведущиеся жаргонологами споры. «Ясно, что... на протяжении своей изученной истории европейские арго много менялись, что нельзя строить ни определения, ни общей теории арго на основе изучения лишь современных жаргонов, – пишет он в печатном тексте доклада, добавляя в кавычках, – (читатель уже заметил, что я употребляю термины “арго” и “жаргон” как синонимы) [Ларин, 1931, с. 114]. Такую же терминологическую синонимию в определении русского жаргона – *арго* – *сленга* констатируют для советской и русской традиции и современные обозреватели проблемы (см., например, ее обзор: [Marszk, S. 622]). Понятно, что эта терминологическая неопределенность – как и зыбкость границ между современным жаргоном, просторечием и разговорной речью (о которой выше уже упоминалось) – делает жаргон весьма субъективизированным и лабильным материалом лексикографирования, что очень усложняет не только отбор жаргонных лексем и фразем, но и их комплексную словарную обработку в целом.

Одно из главных направлений исследования русского жаргона, начертанных Б. А. Лариным, – историко-этимологическое его изучение. Методика диахронического анализа лексики и фразеологии, которая разрабатывалась им на широком славистическом и индоевропейском материале (ср.: [Ларин 1977, с. 11–114]), показала свою эффективность и в жаргонологических изысканиях. Чем больше мы накапливаем конкретных фактов взаимодействия русского жаргона с европейским, тем яснее становится, что и здесь чрезвычайно актуальна основная (хотя и далекая) цель исторической лексикологии – «выяснение таких компонентов словарной системы языка, которые в истории его развития эволюционируют единым фронтом, то есть обнаруживают прочные, устойчивые связи» [Там же, с. 12]. Связи такого рода для жаргонной лексики и фразеологии не обнаруживаются легко. Здесь необходимы большой запас конкретного материала и широкое сопоставительное поле. Но даже при их наличии «единофронтальная эволюция» прослеживается нередко лишь на фоне многочисленных сложных смысловых и формальных отклонений от исходного этимона – отклонений, которые также требуют специальной скрупулезной диагностики.

«Не происхождение слов, не зарождение образующих элементов, а конкретную историю слов именно тех, которые мы сейчас употре-

бляем, и именно в том составе, в каком они живут в нашем языке, необходимо подробно и углубленно разрабатывать, – писал Б. А. Ларин, ставя главную задачу исторической лексикологии. – Этим самым определяются и база, и рамки исследования» [Ларин, 1977, с. 44]. База такого рода исследований для современной русской исторической жаргонологии уже подготовлена, в первую очередь имеющимися в нашем распоряжении славянскими, германскими и романскими словарями жаргона и арго. Первую жаргонную запись автор этой статьи сделал в 1962 г. Импульсом к этому была тема курсовой работы, предложенная мне Б. А. Лариным. В подготовке базы жаргонологических данных немалую роль сыграл фразеологический семинар Санкт-Петербургского университета, члены которого уже более 30 лет собирают не только фразеологию и паремиологию, но и жаргонизмы разных славянских языков. В последнее время широко используются данные Интернета, в котором «плавает» необозримое множество жаргонного материала, в том числе и самих компьютерщиков (например: [Мокиенко, Никитина; Вальтер, Мокиенко, Никитина; Вальтер, Мокиенко]). При их составлении труды Б. А. Ларина были и остаются альфой и омегой жаргонографии. И естественно, что весь материал, который был в 1920–1930-е гг. описан и интерпретирован Б. А. Лариным, вошел в словари, став импульсом для их составления.

Современные жаргонологические изыскания, как правило, подтверждают и историко-этимологические гипотезы Б. А. Ларина. Эти гипотезы выдерживают и проверку современными критериями этимологического анализа лексики и фразеологии.

Корни Ларинской школы уходят именно в 1930–1940-е гг., когда ученый возглавил в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР коллектив, работавший над составлением древнерусского словаря. Уже в 1950-е – начале 1960-х гг. появились диссертации и статьи первых учеников Б. А. Ларина в области исторической, региональной и сопоставительной лексикологии. Спектр исследований русской разговорной речи со временем все расширялся и привел к созданию многих лингвистических центров, целенаправленно изучавших и описывавших как язык города, так и современные русские диалекты.

Одним из ранних научных интересов, с которым Б. А. Ларин не расставался всю жизнь, была разговорная речь. Его работы до сих пор еще активно стимулируют исследования в этой области. Многие современные лингвисты развивают плодотворные идеи, высказанные Б. А. Лариным в конце 1920-х гг. С 1960-х гг. в Ленинграде/Петербурге под руководством Л. С. Ковтун, О. С. Мжельской, Г. А. Лилич, Л. А. Ивашко, А. С. Герда, А. И. Корнева, И. С. Лутовиновой и других его учеников было написано немало научных работ, связанных с изучением разговорной речи. Активный интерес к таким исследованиям проявляют сейчас и за рубежом – в Германии, США, Болгарии, Польше, Чехии, Словакии, Хорватии и Сербии есть свои центры

по изучению разговорной речи, включая и социолекты. И в этих центрах ларинские идеи пользуются большим авторитетом.

Принцип полноты и системности (см. подробнее: [Мокиенко, 1999]) в спектре исследования этой проблемы у Б. А. Ларина осуществлен и за счет глубинного диахронического зондирования источников разговорной стихии русского языка. Б. А. Ларину было ясно, что ее истоки уходят в значительно более глубокие пласты национально-языка, чем те, которые сохранили нам памятники письменности. В качестве важного материала для такого зондирования Б. А. Ларин избрал записи русской речи иностранцами. Скрупулезное исследование Б. А. Лариным «Парижского словаря московитов» 1586 г. (Рига, 1948), грамматики Лудольфа и русско-английского словаря-дневника Ричарда Джемса 1618–1619 гг. (Л., 1959) вдохновило его последователь на разыскание, издание и изучение других подобных памятников. Роман Якобсон, который прямо ссылаясь на стимулирующее влияние примера Б. А. Ларина, опубликовал в Копенгагене двухтомник купца Тонниеса Фенне, в котором представлены записи живой народной речи псковичей начала XVII в. [Hendriks, Schaecken]. О. С. Мжельская и Л. А. Ивашко проделали предварительный лингвистический анализ этого ценного источника: он весь полностью расписан сотрудниками Межкафедрального словарного кабинета, вошел в словники регулярно выходящих «Псковского областного словаря с историческими данными» и «Словаря обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)» и прокомментирован в нескольких статьях и докладах составителей этих фундаментальных словарей. Им удалось показать, что в записях отражены не столько псковские диалектные особенности, сколько своеобразие городского койне: информантами Тонниеса Фенне могли оказаться не только псковичи, но и новгородцы и тихвинцы. Обилие торговой и юридической лексики в этом источнике свидетельствует, что это речь города, а не деревни.

За рубежом работают группы исследователей, ищущих и находящих новые аналогичные тексты. В бывших ганзейских городах такие источники действительно имеются. Так, Сири Лунден обследовала «Тронхейский разговорник» XVII в., содержащий новгородский (нарвский) материал: ею издана с весьма обстоятельными комментариями рукопись этого памятника. В Германии профессор Эрика Гюнтер нашла два источника – новгородский и архангельский разговорники – и последовательно сопоставила их с другими подобными памятниками. Как правило, такие источники построены по единой схеме (тематический подбор лексики, краткие комментарии и эквиваленты, отдельные словосочетания и мини-тексты, формы глагола и т. п.), что облегчает их сопоставление. Такой материал заставляет по-новому оценить темпы языковой изменчивости, которые прежде измерялись лишь по данным письменных памятников и потому казались более ускоренными, чем в реальной жизни языка. По-видимому, разговорная речь обладает не меньшей стабильностью и нормиро-

ванностью, чем речь письменная – именно в этом убеждают и современное изучение разговорной речи, и материал записи речевой стихии иностранцами.

С 1960 г. научной базой школы стал Межкафедральный словарный кабинет (МСК), носящий сегодня имя Б. А. Ларина. Эта научная лаборатория по составлению экспериментальных словарей нового типа уже полвека является основной формой развития идей Ларинской школы. И сегодня, в начале XXI в., Ларинская школа остается одним из центров мировой лексикографии, ведущим научно-исследовательскую работу по восьми направлениям: 1) региональная лексикография и лексикология; 2) историческая лексикография и лексикология; 3) словарь писателя и теория художественной речи; 4) двуязычная писательская лексикография; 5) фразеологические словари и проблемы фразеологии; 6) паремиология и жаргонология; 7) русская разговорная речь; 8) лексикография толковых словарей современного живого языка.

Именно в этих областях и достигнуты наиболее выдающиеся научные результаты. В целом за 40 лет в МСК имени профессора Б. А. Ларина были подготовлены и изданы такие фундаментальные труды, как начатые еще при жизни профессора Б. А. Ларина словарь «Лексика и фразеология “Моления” Даниила Заточника» [ЛФМ], «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» [САТГ], «Псковский областной словарь с историческими данными» [ПОС], «Словарь русских говоров Низовой Печоры» [СРГНП] или инициированные уже позднее его учениками «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» [СРГК], «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь» [Селигер] и др.

Более 40 лет при МСК работает фразеологический семинар (руководит которым автор этих строк), развивающий идеи Б. А. Ларина в этой области лингвистики. Создан и постоянно пополняется банк информации по русской и славянской филологии и паремиологии (банк данных русских пословиц, включающий картотеку в количестве около 500 тыс. карточек). Большое внимание уделяется разработке фразеологической терминологии, изданию словарей. Наша словарная группа издала более 50 словарей разного типа.

МСК представляет собой также фонд хранения уникальных картотек лексики русских народных говоров, собранных за 50 лет регулярных полевых экспедиций. Таковы картотека Псковского областного словаря (2 млн карточек-цитат), картотека Словаря русских говоров Карелии (около 2 млн карточек-цитат), картотека Словаря русских говоров Низовой Печоры, словарная картотека района озера Селигер, картотека лексики по реке Пинеге в Архангельской области. В МСК хранится картотека Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII вв.

Д. С. Лихачев, характеризуя Б. А. Ларина как личность, наиболее характерной его чертой назвал «общественный темперамент – темперамент, сказывавшийся во всей его деятельности, особенно педа-

гогической, и постоянно заставлявший его обращаться от классических тем филологии к заботам сегодняшнего дня науки, к темам новым, связанным с современной ему действительностью» [Лихачев, с. 9]. Именно поэтому Ларинская школа продолжает жить и увлекать в орбиту ларинских идей все новых и новых последователей. И, читая и перечитывая работы Бориса Александровича, мы, его ученики, вспоминаем другую крылатую фразу А. С. Пушкина о воздействии Библии на ее читателей: ««Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть... И такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладкому уверению и погружаемся духом в ее божественное красноречие». Для нас, ларинцев, такой книгой было и остается научное наследие Бориса Александровича Ларина.

Список литературы

Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона : около 5000 слов и выражений. М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2005. 361 с.

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий. М. : Восток – Запад, 2007. 828 с.

Вопросы теории и истории языка : сб. ст. к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина / отв. ред. П. А. Дмитриев. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1993. 248 с.

Грачев М. А., Мокиенко В. М. Русский жаргон : ист-этимол. словарь. М. : АСТ-Пресс Книга, 2008. 336 с.

Долгушев В. Г. Собиратели вятских слов : пособие по курсу «Лингвистическое краеведение». Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. 147 с.

Из истории русских слов : словарь-пособие / А. Е. Аникин, И. А. Корнилаева, О. М. Младенова. М. : Школа-Пресс, 1993. 236 с.

Коршунков В. А. Вятская диалектология в лицах // Герценка : вятские записки / сост. Н. П. Гурьянова ; науч. ред. В. А. Коршунков. Киров : Гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, 2010. Вып. 17. С. 258–262.

Ларин Б. А. Западноевропейские элементы русского воровского арга // Язык и литература. 1931. Т. 7. С. 113–130.

Ларин Б. А. Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига : ЛатГУ, 1948. 212 с.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 423 с.

Ларин Б. А. О филологии близкого будущего // Филологические науки : Научные доклады высшей школы. 1963. № 1. С. 186–196.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание : (Избранные работы). М. : Просвещение, 1977. 224 с.

Лихачев Д. С. О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание : (Избр. работы). М. : Просвещение, 1977. С. 9.

ЛФМ – Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника / отв. ред. Е. М. Иссерлин. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 232 с.

Мокиенко В. М. Л. В. Щерба, Б. А. Ларин и филология будущего // Slavica Tartuensia. I. Tartu : Изд-во Тартуск. гос. ун-та, 1985. С. 88–100.

- Мокиенко В. М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. Вып. 8. С. 56–70.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона : 25000 слов и 7000 устойчивых сочетаний. СПб. : Норинт, 2000. 720 с.
- Откупицков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 480 с.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во Ленинград. ун-та : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
- Профессор Борис Александрович Ларин : Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию (к 95-летию со дня рождения) / сост. А. М. Бушуй, Т. А. Бушуй, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова ; отв. ред. А. М. Бушуй, В. М. Мокиенко. Самарканд : Изд-во Самарканд. ун-та, 1987. 151 с.
- Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1-го выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными») : в 2 ч. / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков : Логос, 2017. Ч. 2. 288 с.
- САТГ – Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974–1990. Вып. 1–6. 316 + 299 + 289 + 310 + 349 + 345 с.
- Селигер. Материалы по русской диалектологии : словарь / сост. С. Н. Варина, Н. В. Богданова, З. А. Петрова ; под ред. А. С. Герда. СПб. ; Тверь : Изд-во С.-Петербур. ун-та : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2003–2014. Вып. 1–6. 218 + 188 + 332 + 520 + 232 + 127 с.
- Словарь «Моления» Даниила Заточника / подг. к переизд. А. С. Герд, С. Св. Волков. СПб. : Изд-во Санкт-Петербур. ун-та, 2007. 236 с.
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.) : проект / под ред. О. С. Мжельской. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. 64 с.
- СОРЯ XVI–XVII вв. – Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.) / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–8. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та : Наука, 2004–2019.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6. 512 + 448 + 415 + 688 + 664 + 995 с.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : Филол. ф-т С.-Петербур. ун-та, 2003–2005. 553 + 470 с.
- Hendriks P., Schaeken J. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 / ed. by L. L. Hammerich, R. Jacobson, E. van Schooneveld, T. Starck and Ad. Stender-Peterson ; pref. by R. Jakobson and E. van Schooneveld : in 4 Vols. Kobenhavn : Slavic Department, Leiden Univ., 1961–1986.*
- Holmes L. E. A Troubled Evacuation : Boris Aleksandrovich Larin and Kirov's Pedagogical Institute, 1942–1943 : [manuscript] // Personal archive of V. Mokiyenko.*
- Holmes L. E. War, Evacuation, and the Exercise of Power : The Center, Periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952. Lanham, MD : Lexington Books, 2012. P. 75–92.*
- Lehmann V., Udolf L. Русская жаргонология в трудах Б. А. Ларина // Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia: Festschrift für Karl Gutschmidt zum 65. Geburtstag / Hrsg. von V. Lehmann, L. Udolph. München : Verlag Otto Sagner, 2004. P. 243–257.*
- Marszk D. Substandard // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen / Hrsg. von H. Jachnow. Wiesbaden : Harrassowitz-Verlag, 1999. S. 614–638.*

References

- Anikin, A. E., Kornilaeva, I. A., Mladenova, O. M. (1993). *Iz istorii russkikh slov. Slovar'-posobie* [From the History of Russian Words. A Reference Dictionary]. Moscow, Shkola-Press. 236 p.
- Bol'shakova, N. V., Kostyuchuk, L. Ya. (Eds.). (2017). *Pskovskie govory i ikh issledovateli (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. M. Gluskinoi i 50-letiyu vykhoda 1-go*

vyпуска "Pskovskogo oblastnogo slovarya s istoricheskimi dannymi") v 2 ch. [Pskov Dialects and Their Researchers (For the 100th Birthday of S. M. Glushkina and the 50th Anniversary of the 1st Issue of the Pskov Regional Dictionary with Historical Data). 2 Parts]. Pskov, Logos. Part 2. 288 p.

Bushui, A. M., Mokiyenko, V. M. (Eds.). (1987). *Professor Boris Aleksandrovich Larin : Bibliograficheskii ukazatel' po slavyanskomu i obshchemu yazykoznaniiyu (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Professor Boris Aleksandrovich Larin: Bibliographic Index on Slavic and General Linguistics (for His 95th Birthday)]. Samarkand, Izdatel'stvo Samarkandskogo universiteta. 151 p.

Dmitriev, P. A. (Ed.). (1993). *Voprosy teorii i istorii yazyka. Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. A. Larina* [Issues of the Theory and History of Language. Collection of Articles for the 100th Birthday of B. A. Larin]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 248 p.

Doligushev, V. G. (2009). *Sobirатели vyatskikh slov. Posobie po kursu "Lingvisticheskoe kraevedenie"* [Collectors of Vyatka Words: A Guide for Linguistic Regional Studies]. Kirov, Izdatel'stvo Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 147 p.

Gerd, A. S. (Ed.). (2003–2014). *Seliger. Materialy po russkoi dialektologii. Slovar'* [Seliger. Materials on Russian Dialectology. Dictionary]. St Petersburg, Tver', Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 1–6. 218 + 188 + 332 + 520 + 232 + 127 p.

Gerd, A. S., Volkov, S. Sv. (Eds.). (2007). *Slovar' "Moleniya" Daniila Zatochnika* [The Dictionary of *Praying* by Daniel the Immured]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 236 p.

Grachev, M. A., Mokiyenko, V. M. (2008). *Russkii zhargon : istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian Jargon: Historical and Etymological Dictionary]. Moscow, AST-Press Kniga. 336 p.

Hendriks, P., Schaeken, J. (1961–1986). *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607* / ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson, E. van Schooneveld, T. Starck and Ad. Stender-Peterson; pref. by R. Jakobson and E. van Schooneveld : in 4 Vols. Kobenhavn, Slavic Department, Leiden Univ.

Holmes L. E. (2012). *War, Evacuation, and the Exercise of Power: The Center, Periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952*. Lanham, MD, Lexington Books, pp. 75–92.

Holmes, L. E. (1942–1943). A Troubled Evacuation: Boris Aleksandrovich Larin and Kirov's Pedagogical Institute [manuscript]. In *Personal archive of V. Mokiyenko*.

Ivashko, L. A. (Ed.). (2003–2005). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory v 2 t.* [Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora. 2 Vols.]. St Petersburg, Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta. 553 + 470 p.

Korshunkov, V. A. (2010). Vyatskaya dialektologiya v litsakh [Vyatka Dialectology in Focus]. In Gur'yanova, N. P., Korshunkov, V. A. (Eds.). *Gertsenka : vyatskie zapiski*. Kirov, Gosudarstvennaya universal'naya oblastnaya nauchnaya biblioteka imeni A. I. Gertsena. Iss. 17, pp. 258–262.

Larin, B. A. (1931). Zapadnoevropeiskie elementy russkogo vorovskogo argo [Western European Elements in Russian Thieves' Argo]. In *Yazyk i literatura*. Vol. 7, pp. 113–130.

Larin, B. A. (1948). *Parizhskii slovar' moskovitov 1586 g.* [Parisian Dictionary of Muscovites in 1586]. Riga, Latviiskii gosudarstvennyi universitet. 212 p.

Larin, B. A. (1959). *Russko-angliyskii slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)* [Richard James' Russian-English Dictionary and Diary (1618–1619)]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 423 p.

Larin, B. A. (1963). O filologii blizkogo budushchego [On the Philology of the Near Future]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 1, pp. 186–196.

Larin, B. A. (1977). *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie. (Izbrannye raboty)* [History of the Russian Language and General Linguistics. (Selected Works)]. Moscow, Prosveshchenie. 224 p.

Lehmann, V., Udolf, L. (2004). Russkaya zhargonologiya v trudakh B. A. Larina [Russian Study of Genres in the Works of B. A. Larin]. In Lehmann, V., Udolf, L. (Hrsg.).

Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia: Festschrift für Karl Gutschmidt zum 65. Geburtstag. München, Verlag Otto Sagner, pp. 243–257.

LFM – Isserlin, E. M. (Ed.). (1981). *Leksika i frazeologiya “Moleniya” Daniila Zatochnika* [The Vocabulary and Idioms of the *Praying* of Daniel the Immured]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 232 p.

Likhachev, D. S. (1977). O Borise Aleksandroviche Larine [On Boris Alexandrovich Larin]. In Larin, B. A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie. (Izbrannye raboty)*. Moscow, Prosveshchenie, p. 9.

Marszk, D. (1999). Substandard. In Jachnow, H. (Hrsg.). *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen.* Wiesbaden, Harrassowitz-Verlag, pp. 614–638.

Mokiyenko, V. M. (1985). L. V. Shcherba, B. A. Larin i filologiya budushchego [L. V. Shcherba, B. A. Larin and the Philology of the Future]. In *Slavica Tartuensia*. I. Tartu, Izdatel'stvo Tartuskogo gosudarstvennogo unidersiteta, pp. 88–100.

Mokiyenko, V. M. (1999). Printsip leksikograficheskoi polnoty i slavyanskaya frazeografiya [The Principle of Lexicographic Completeness and Slavic Phraseology]. In *Slavyanskaya filologiya*. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iss. 8, pp. 56–70.

Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona : 25 000 slov i 7 000 ustoichivyykh sochetanii* [The Great Dictionary of Russian Jargon: 25,000 Words and 7,000 Set Phrases]. St Petersburg, Norint. 720 p.

Mzhel'skaya, O. S. (Ed.). (2000). *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoi Rusi (XVI–XVII vv.). Proekt* [Dictionary of the Everyday Russian Language of Muscovite Russia (16th–17th Centuries). Project]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 64 p.

Otkupshchikov, Yu. V. (2001). *Ocherki po etimologii* [Essays on Etymology]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 480 p.

POS – *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. (1967–). Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vols. 1–.

SATG – *Slovar' avtobiograficheskoi trilogii M. Gor'kogo* [Dictionary of the Autobiographical Trilogy of M. Gorky]. (1974–1990). Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 1–6. 316 + 299 + 289 + 310 + 349 + 345 p.

SGRK – Gerd, A. S. (Ed.). (1994–2005). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of the Russian Dialects of Karelia and Adjacent Areas]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iss. 1–6. 512 + 448 + 415 + 688 + 664 + 995 p.

SORYa XVI–XVII vv. – Mzhel'skaya, O. S. (Ed.). (2004–2019). *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoi Rusi (XVI–XVII vv.)* [Dictionary of the Everyday Russian Language of Muscovite Russia (16th–17th Centuries)]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Nauka.

Walter, H., Mokiyenko, V. M. (2007). *Bol'shoi rusko-nemetskii slovar' zhargona i prostorechii* [The Great Russo-German Dictionary of Slang and Vernacular]. Moscow, Vostok – Zapad. 828 p.

Walter, H., Mokiyenko, V. M., Nikitina, T. G. (2005). *Tolkoviye slovar' russkogo shkol'nogo i studencheskogo zhargona : okolo 5 000 slov i vyrazhenii* [The Dictionary of Russian School and Student Slang: About 5,000 Words and Phrases]. Moscow, AST, Astrel', Tranzitkniga. 361 p.

Conceptus
et conceptio

Conceptus
et conceptio

DOI 10.15826/qr.2019.3.415
УДК 811.161.1'271+811.161.1'276.1

**РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ:
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И АКТУАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА***

Ирина Вепрева

Ирина Шалина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Тамара Матвеева

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия

**RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH:
ASPECTS OF RESEARCH AND RELEVANT ISSUES****

Irina Vepreva

Irina Shalina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Tamara Matveeva

Perm State National Research University,
Perm, Russia

This article provides an analytical review of the development of colloquial speech studies, a linguistic discipline aimed at researching modern Russian conversational speech. Currently, the phenomenon is regarded as a genetically primary subsystem of the national Russian language, one characterised by qualitative linguistic peculiarity in comparison with the codified varieties of the literary language. The authors aim to trace the formation of colloquial speech

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-012-00382, и программы 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02A03.21.0006.

** *Citation*: Vepreva, I., Shalina, I., Matveeva, T. (2019). Russian Colloquial Speech: Aspects of Research and Relevant Issues. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 919–936. DOI 10.15826/qr.2019.3.415.

Цитирование: Vepreva I., Shalina I., Matveeva T. Russian Colloquial Speech: Aspects of Research and Relevant Issues // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 919–936. DOI 10.15826/qr.2019.3.415 / Вепрева И., Шалина И., Матвеева Т. Русская разговорная речь: аспекты изучения и актуальная проблематика // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 919–936. DOI 10.15826/qr.2019.3.415.

studies in a linguistic framework and in terms of its interaction with other branches of the humanities. The task is to characterise the developmental stages of colloquial speech studies with reference to certain scholarly paradigms and identify the most relevant issues facing researchers of colloquial material. The article reflects results published by specialists in fixing colloquial material, analysis, and lexicographic synthesis. The authors also demonstrate that changes to the object of research itself have been caused by the development of modern information technologies. The structure of the article is based on the aspect principle. The first section describes the linguistic and linguo-pragmatic (speech) aspects proper of colloquial speech studies. The second section concerns the formation of an integrated linguistic and cultural direction in research on the living speech of citizens based on the convergence of colloquial speech studies and cultural studies. Linguistic research on spoken language began with the establishment of the status characteristics of the object and its system and structural description. With the development of communicative linguistics, colloquial material is now viewed as a speech activity in the context of a specific situation, with discursive analysis of conversational dialogue being formed. At this stage, the language/speech status of colloquial material, the interaction of colloquial speech, the system of functional styles of the Russian language, and the problem of integrativeness of colloquial dialogue are the most relevant issues of colloquial speech studies. As of now, the cultural significance of spoken language as a natural medium of information about a national culture has been realised but it has not taken any specific form. The authors characterise the communicative and cultural approach, the purpose of which is to describe the peculiarities of colloquial speech. This is based on the concepts of linguo-pragmatics and linguistics of text and the scenario method. Currently, it is most relevant to study the value content of informal speech communication by referring to the concepts and paradigms of cultural studies (speech ideal, value system), which is known as the cultural dimension of colloquial speech studies proper.

Keywords: spoken language; colloquial speech studies; system; structural and colloquial genre aspects; scenario method; value content of speech activity.

Статья содержит аналитический обзор развития коллоквиалистики – лингвистической дисциплины, нацеленной на изучение современной русской разговорной речи. В настоящее время данный феномен осмыслен как генетически первичная подсистема национального русского языка, характеризующаяся качественным лингвистическим своеобразием по сравнению с кодифицированными разновидностями литературного языка. Цель авторов – проследить процесс становления коллоквиалистики в лингвистических рамках, а также во взаимодействии с другими ветвями гуманитарного знания. Ставится задача характеристики этапов развития науки о разговорной речи на базе определенных научных парадигм, а также выявления наиболее острых и актуальных проблем, встающих перед исследователями разговорного материала. Отражаются результаты публикационной деятельности специалистов в области фиксации разговорного речевого ма-

териала, его анализа и лексикографического обобщения. Показано изменение самого объекта изучения в зависимости от развития современных информационных технологий. Статья структурирована на аспектном основании. В первом разделе характеризуются собственно лингвистический и лингвопрагматический (речедеятельностный) аспекты изучения разговорной речи. Второй раздел посвящен становлению комплексного лингвокультурологического направления при изучении живой речи горожан на базе сближения коллоквиалистики и культурологии. Лингвистическое исследование разговорной речи начиналось с определения статусных характеристик объекта и его системно-структурного описания. С развитием коммуникативной лингвистики разговорный материал рассматривается как речевая деятельность в контексте определенной ситуации, формируется дискурсивный анализ разговорного диалога. Актуальными проблемами коллоквиалистики на этих этапах являются языковой/речевой статус разговорного материала, отношение разговорной речи к системе функциональных стилей русского языка, проблема интегративности разговорного диалога. Культурологическая значимость разговорной речи как естественного носителя сведений о национальной культуре в настоящее время осознана, но еще не конкретизирована. В статье характеризуется коммуникативно-культурологический подход, целью которого является описание жанровой специфики разговорной речи. Он опирается на понятия лингвопрагматики и лингвистики текста, на применение сценарного метода. В настоящее время наиболее актуально исследование ценностного содержания неформального речевого общения в опоре на понятия и парадигмы культурологии («речевой идеал», «система ценностей»), что названо собственно культурологическим аспектом коллоквиалистики.

Ключевые слова: разговорная речь; коллоквиалистика; системно-структурный и речеганровый аспекты; сценарный метод; ценностное содержание речевой деятельности.

Отправной точкой отсчета научного внимания к живой речи горожан можно назвать статью Б. А. Ларина 1928 г. «О лингвистическом изучении языка города», начало которой звучит тревожно: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города» [Ларин, с. 175]. Автор перспективно очертил задачи и характер исследования языка города, в том числе разговорной речи, в заключение отметив сложность и богатство материала [Там же, с. 189].

Продуктивное изучение разговорной речи в отечественной лингвистике началось лишь в 60–70-е гг. XX столетия, когда «настало время лингвистического описания разговорной речи... на магнитофонном уровне достоверности» [Винокур, с. 47]. Возглавив данное научное направление, московская группа ученых Института русского языка им. В. В. Виноградова обосновала кардинально новый взгляд на разговорную речь как особую форму существования национального языка. На заседании сектора современного русского языка

М. В. Панов утвердил мысль о том, что «разговорная речь – не свалка неправильных форм, синтаксических конструкций, сниженной лексики и окказионализмов, а особая подсистема русского языка, которой владеют и пользуются в повседневном общении носители его литературного варианта» (цит по: [Розина, с. 47]).

Результатом работы Московской лингвистической школы стала серия монографических изданий, которая заложила основу дальнейшего изучения устной речи как ведущей формы проявления языка города [PPP 1973; Земская, Китайгородская, Ширяев; PPP 1983]. Этим коллективом в 1978 г. была впервые осуществлена публикации устных разговорных текстов в письменном переложении (хрестоматия «Русская разговорная речь. Тексты» под редакцией Е. А. Земской и Л. А. Капанадзе) [PPPT]. В настоящее время наука располагает целым рядом подобных хрестоматий [Живая речь уральского города: тексты; Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы] или приложений к научным монографиям [Борисова; Байкулова, 2012]. В последнем десятилетии созданы разговорные звуковые корпуса текстов¹.

Работа по изучению повседневной неофициальной речи была продолжена во многих научных центрах России (Саратове, Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми, Омске, Челябинске, Томске, Екатеринбурге и др.). Уже в 80-е гг. XX в. изучение разговорной речи оформилось в самостоятельное направление лингвистики, получившее название *коллоквиалистика* (от лат. *colloquium* – «разговор») [Скребнев].

Аспекты изучения и границы феномена разговорной речи

Описание разговорной речи на первых порах осуществлялось в русле системно-структурной концепции языка, ведущей в русистике XX в. Уровневый подход позволил детально представить специфику фонетической, лексической, морфологической и синтаксической сторон разговорной речи, противопоставляемой кодифицированному литературному языку в целом (см. названные выше монографии, а также [РРЛ; РРГ; Скребнев]). Итоги описания разговорной лексики воплощены в специализированных толковых словарях [Толковый словарь русской разговорной речи, вып. 1, 2; Химик, 2004; Химик, 2017].

На первом этапе изучения ставится задача определения статусных характеристик разговорной речи как онтологически первичной формы речевой организации. Таковыми являются ее неподготовленность, непринужденность речевого акта, непосредственность речевого контакта, ситуативная обусловленность общения и ряд других прагматических характеристик [PPP 1973; Земская, Китайгородская, Ширяев]. Обобщенный взгляд на реальную картину бытования непринужден-

¹ См.: Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (Санкт-Петербург), а также о нем: [Bogdanova-Beglarian et al.]; звуковой корпус «Рассказы о сновидениях» (Москва), а также о нем: [Рассказы о сновидениях; ГС; НКРЯ].

ной устной формы языка привел к заключению, что разговорная речь едина в своей естественности употребления, общедоступности, раскованности речевого узуса. Языковые же особенности, выводящие устную речь за пределы кодифицированного литературного языка, не являются вкраплениями устности, «но отвечают самому психолингвистическому механизму формирования устной речи» [Лаптева, с. 9]. Кроме того, обиходная разговорная речь была осмыслена как сфера взаимодействия литературных и нелитературных разновидностей русского языка [Сиротинина, 1974, с. 34; Городское просторечие; Разновидности городской устной речи], «естественная лингвокультурная среда живого русского многоречия» [Химик, 2016, с. 275].

Изучение номинативных особенностей разговорного слова сформировало ономаσιологическую ветвь коллоквиалистики [PPP 1973; Капанадзе; Кромер; Подлеская]. В рамках данного направления были определены основные номинационные тенденции разговорной речи (к синкретизму и к расчлененности обозначений) и описаны специфические виды номинаций в данной сфере: слова-дублиеты, указатели, «губки», эрзацы [PPP 1973, с. 403–463].

Сложной теоретической проблемой начального периода изучения разговорной речи являлось соотношение понятий «язык» и «речь» применительно к сфере неофициального речевого общения, а также определение места разговорной речи в системе функциональных стилей русского литературного языка. Труды по коллоквиалистике нередко характеризуются терминологической противоречивостью. Московская школа констатирует наличие двух субъязыков: разговорной речи (РР) и кодифицированного литературного (КЛЯ), причем утверждается, что «РР не может быть включена (вернее, втиснута) в систему КЛЯ» [PPP 1973, с. 18]. Ю. М. Скребнев также настаивает на понимании разговорной речи как субъязыка [Скребнев, с. 33–51] и утверждает, что она как совокупность речевых актов «не может составлять объект лингвистического описания» [Там же, с. 18]. Однако созданная оппозиция задевает представление о языке как диалектическом единстве всех его форм и видов. Заметим также, что декларация о субъязыках не мешает названным и другим ученым периодически или постоянно называть объект своего внимания именно *разговорной речью*.

Жесткость оппозиции названных глобальных феноменов (разговорного и кодифицированного литературного субъязыков) полностью преодолевается, на наш взгляд, применением дифференциального показателя к сфере разговорного речевого общения. О. Б. Сиротинина первой высказала мысль о наличии особой разновидности литературного языка – литературно-разговорной речи, характеризующейся особой нормированностью, своими грамматическими моделями и т. п. [Сиротинина, 1974, с. 33], тогда как разговорная речь в целом не является гомогенной структурой. Обслуживая сферу непринужденного личного общения, она включает в себя и ли-

тературную разговорную речь, и устные формы публичной речи, и нелитературные проявления, прежде всего просторечные [РМ, с. 6–7].

С развитием коммуникативной лингвистики вопрос о том, может ли речевой феномен быть объектом лингвистического изучения, упраздняется как таковой. Разработанная М. Н. Кожинной теория речевой системности [Кожина], укрепление теории дискурса, развитие лингвопрагматики приводят к тому, что в коллоквиалистике всё активнее применяются речедетельностные подходы, предполагающие комплексный учет ситуативных, когнитивных, социальных, психолингвистических факторов речеобразования. В конце XX в. начинается исследование не разговорного языка, а разговорного дискурса, что потребовало кардинальной смены терминологии. В научный обиход исследователя входят понятия «коммуникативное событие», «речевое поведение», «речевой поступок», «коммуникативные стратегии и тактики» русской диалогической речи. Типологизация речевых поступков [Борисова], выявление ведущих типов коммуникативных стратегий (семантического, прагматического, диалогового, риторического) и набора тактик, дифференцирующих каждую из них [Иссерс], составляет основное содержание современных исследований разговорной речи с коммуникативной направленностью. Речедетельностный подход активизирует динамический аспект коллоквиалистики и обладает высокой прагматической значимостью, поскольку при этом нередко ставится цель выявления той суммы и последовательности речевых действий, которая позволяет коммуниканту добиваться желаемого результата. Функциональный подход приводит исследователя к выявлению правил диалогической компетенции коммуникантов [Weigand, p. 62].

Выход на дискурсивный анализ разговорного диалога не только расширил границы поуровневого исследования, но и вплотную подвел исследователей к решению крупных теоретических проблем коллоквиалистики. Важнейшей из них является проблема целостности разговорного диалога. Дискуссионный вопрос о текстовом статусе такового [Матвеева, 1994; Сиротина, 1994] переводится в план интегративности и решается на комплексном основании с учетом коммуникативно-ситуативного, когнитивного, психолингвистического и речеповеденческого аспектов диалогического речевого произведения [Борисова].

Постепенно меняется и сам объект коллоквиалистики. Новый всплеск интереса к разговорной речи вызвали общественно-политические перемены в жизни России на рубеже XX и XXI вв., которые стимулировали возрастание коммуникативной роли устно-разговорных форм русской публичной речи. Высокодинамический тип языкового развития последних десятилетий наиболее ярко проявился в демократизации языка, в новом витке вульгаризации литературного языка, когда «просторечные и жаргонные элементы... становятся привычными средствами публичного общения»

[Какорина, с. 80]. Наличие в текстах печатных СМИ обеих названных черт позволяет говорить о «невиданной прежде и не характерной для русского языка коллоквиализации публичных сфер общения (то есть насыщении их разговорными элементами)» [Крысин, с. 6], причем разговорными в широком понимании данного термина. Тенденция к огрублению и детабуированию речи, спровоцированная разговорностью, проявляется в сниженности разной степени глубины – от минимальной (употребление разговорно-литературных, слабосниженных слов) до предельной, которая достигается употреблением маргинальных (табуированных) слов и выражений [Химик, 2016, с. 274].

Дополнительным фактором для экспансии разговорной речи стали информационные технологии. Интернет-коммуникация и СМС-общение – новые объекты исследования, представляющие собой «гибрид письменного и устного общения» [Мечковская, с. 167]. Они позволили выявить особенности текущего существования разговорной речи в новой ипостаси – в форме ее устно-письменной разновидности. Язык Интернета реализует языковые особенности, присущие живой разговорной речи: свернутость, редукцию сегментного ряда, высокую долю лексики с разговорной окраской, обилие специфических разговорных конструкций. В некоторых жанрах интернет-коммуникации широко представлена фиксация особенностей звучащей речи, которая отчасти отражает негласную конвенцию интернет-пользователей: «в интернет-среде (во всяком случае, в режиме синхронного общения) вполне уместно писать так, как говоришь; это позитивно воспринимается интернет-сообществом» [Колокольцева, с. 3]. Диалогически ориентированными являются не только жанры типового общения (чаты, форумы, интернет-конференции), но и вся блогосфера, социальные сети, а также электронные версии традиционных изданий. Интернет-коммуникация активно конкурирует с естественным общением с заметной, тревожащей многих носителей языка тенденцией превалирования над ним. «"Устность" приватного и непрофессионального сетевого общения корреспондирует с такими его чертами, как несубординативность и неофициальность, синтаксическая "непостроенность", лексическая вольница... относительная спонтанность и высокая фатичность» [Мечковская, с. 168].

Повсеместное развитие такого феномена современной коммуникации, как СМС-переписка, привело к разновидности устно-письменного варианта разговорной речи, которая характеризуется приближением «характера переписки к формату устной беседы», экономией «символов, усилий и времени», демократизацией «этикетных формул» [Ферсман, с. 30]. Новые формы общественной жизни расширяют границы устного спонтанного общения, усиливая его социально-культурную значимость, а значит, и актуальность лингвопрагматического изучения данного объекта.

Коллоквиалистика и культурология

Идея взаимосвязи и соположенности языка и культуры имеет богатую традицию лингвистического исследования (В. Гумбольдт, Ш. Балли, Э. Сепир, Б. Уорф, А. А. Потебня, Ю. Н. Караулов и др.). Характеристика данных глобальных объектов осуществляется на общем семиотическом основании, а язык рассматривается как важный компонент культуры, обладающий собственной культурной значимостью.

Коллоквиалистика в первую очередь разрабатывает социокультурный аспект изучения разговорной речи, в основе которого лежит представление об изоморфизме языка и культуры, соответствии культурной стратификации и стратификации языковой. Согласно этому представлению культурные страты получают отражение в соответствующих языковых, так что национальный язык предстает сочетанием литературного языка (экспликации элитарной культуры), говоров (народной культуры), просторечия (отражения «третьей культуры») и арго (профессиональной культуры) [Толстой, с. 6].

В силу процессуальности разговорной речи в лингвистических исследованиях акцентируются коммуникативные аспекты ее описания, набравший силу текстовый подход диктует необходимость описания разговорной речи на базе понятия текста и жанра и выявления жанровой стратификации этого явления. Жанры разговорного диалога плотно связаны с ситуациями речевого общения, так что общее описание разговорного материала приобретает ситуативно-жанровый характер.

Формируется коммуникативно-культурологическая концепция, которая вводит в научный оборот понятия лингвопрагматики («коммуникативный акт», «коммуникативное намерение», «фатическое и нефатическое общение») и лингвотекстового анализа («нарратив», «тема», «структурно-композиционная организация текста», «текстовое время и пространство»). В сочетании с собственно культурологическими оппозициями (общение дома и вне дома, в будни и в праздники, в семье и вне ее) создается понятийное поле, позволяющее исследователям выявить и описать жанры повседневной речевой коммуникации при опоре на социально-ролевой расклад в определенной сфере общения, то есть при учете социокультурных параметров речевого взаимодействия. Наиболее полно такой подход осуществлен М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой в монографии «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект», содержащей описание не только разговорно-жанровой типологии на материале речевого мира семьи, но и принципов и методов анализа, формирующих названный аспект изучения. Теоретическим итогом анализа является описание жанровых норм, действующих в сфере непринужденного речевого общения и его частных разновидностей.

Опора на социокультурную стратификацию открывает возможность комплексного описания неофициальной коммуникации определенного социума. Большой интерес вызывает семейная речевая коммуникация,

к настоящему времени уже описанная в разных аспектах, от номинационного и лексикологического до коммуникативно-жанрового и сценарного [Рытникова; РМ, с. 251–385; Занадворова; Байкулова, 2006; Байкулова, 2012]. С помощью культурологической основы определяются границы лингвистического анализа на отдельных участках изучаемой сферы, что способствует определенности выводов.

Продемонстрируем данный тезис на основе сценарного метода, применяемого в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Сценарные методы опираются на понятие коммуникативного события. В отличие от фрейма как ментальной схемы события [Долинин, с. 9], сценарий обладает собственным хронотопом, что помогает представить событие как последовательность составляющих его эпизодов [Алефиренко, с. 191]. За счет этого сценарный подход открывает возможность как целостного описания определенного коммуникативного события, так и его структурирования. Деление на эпизоды события облегчает возможность дальнейшего описания типичных речевых проявлений (номинаций, речевых актов/поступков) в рамках каждого этапа события по отдельности. Лингвокультурологические наблюдения за коммуникативным событием очень подробны, поскольку предполагают опору на всю совокупность его социокультурных, ситуативных, психологических компонентов. Своеобразие (и трудность) данного метода состоит в характере выводного знания. В схемы, списки, логические формулы оно не выливается (по крайней мере, на данном этапе его применения), и способы обобщения наблюдений пока недостаточно ясны.

В качестве образца сценарного лингвокультурологического подхода к разговорному материалу возьмем коммуникативное событие «прием гостей». Гостеприимство считается отличительной чертой русского национального характера, неотъемлемой характеристикой национального самосознания и коммуникативного поведения русских. Гостеприимство воспитывается в семье как малой общности, где обкатываются механизмы взаимодействия «своих» со «своими», а также «другими», «чужими» и формируются коммуникативно-этические нормы общения. Целью является описание речевого поведения, отражающего правила, действующие в данной социальной группе. Это описание оформляется в виде перечня речевых поступков и способов их выражения (типичных и атипичных для каждого этапа данного культурного сценария).

На предварительном этапе сценарного анализа осуществляется общая характеристика коммуникативного события, определяются ролевой состав его участников (здесь обобщенно – хозяев и гостей) и характеристика экстралингвистических обстоятельств общения (здесь весь акциональный ряд события: предварительная подготовка, застолье и др.), выделяются эпизоды данного сценария (приглашение, встреча гостей, общение в ожидании застолья, ведение застолья, прощание), формулируются принципы речевого поведения комму-

никантов (радушие и хлебосольство хозяев, общая благожелательность и оптимизм общения). В целом при коммуникативно-культурологическом подходе итоговое осмысление жанрового континуума, связанного с данным событием, осуществляется после поэпизодного анализа [РМ, с. 335–350].

В пределах каждого из эпизодов события «прием гостей» лингвокультуролог ведет поиск типичных речевых действий, совокупность которых, выявленная на множественном материале, является нормой ролевого коммуникативного поведения (хозяина и гостя), а также стереотипных способов оформления этих действий с учетом социопсихологической и ситуативной дифференциации в рамках каждого эпизода события.

Так, если эпизод «приглашение» предполагает различные способы данного намерения в зависимости от характера отношений (родственных, дружеских), возрастной разницы коммуникантов, степени духовной близости приглашающего с приглашаемым, то общение людей, входящих в ближний круг приглашающего, предполагает свободную форму данных речевых действий (ниже выделены), сплавленную с информацией о числе, месте и времени визита.

(Подруги А. и Б. разговаривают по телефону)

А. Привет Иванова! Как жизнь?

Б. Ой / Наташка / приветтики!

А. Не забыла про 22-е?

Б. А то! **Конечно нет** //

А. Придешь ко мне?

Б. **Ну ваще-то** [вообще-то] **собиралась** // Твой день рождения / это святое // Тем более юбилей / круглая дата //

А. Ой / душу мне не бери / Как подумаю / что полтинник стукнул / грустно становится // **Давай / мы тя** [тебя] **ждем** // Я так особо никого не приглашала // Марина Ивановна придет и ты / Она / кстати / маму недавно похоронила //

Б. Да ты что?!!

А. Да вот // Короче / **жду** // Кто помнит / тот придет // **Давай / как освободишься / так и приходи** // Ольга [дочь А.] обещала вкусенького приготовить //

Б. **Конечно приду...**

Варианты начального эпизода сценария связаны со степенью официальности отношений (чем она больше, тем короче и суше речь приглашающего), а также с возможностью визита без приглашения, требующего особых оговорок со стороны нежданного гостя и подчеркнутой доброжелательности хозяев.

*(В., приятельница С., и ее муж М. пришли навестить С.,
недавно пережившую операцию на колене)*

В. Здравствуй / дорогая // **Вот решили зайти к тебе без приглашения** //
М. Мимо шли тут // **Дай / думаем / зайдем к Саше / узнаем / как дела
у нее / поведедем** //

С. О-о / **привет / мои хорошие! Вот неожиданно-то** // **Молодцы какие!**
Вы как решились? Давайте / давайте раздевайтесь / проходите //

М. Сашенька / куда можно повесить плащ?

С. Да вот сюда / давайте // Веруня / тебе дать тапочки?

В. Да не суетись / не надо // Я так // Как хоть у тебя дела? Как нога твоя?

Русские люди действуют в соответствии с внутрикультурной установкой «надо видаться / встречаться / общаться». Константность данной установки особенно ярко проявляется в условиях недостаточной близости коммуникантов.

(У З. С. – день рождения, ей исполняется 75 лет.)

К ней приходит с поздравлениями Т. П., ее знакомая. Раздается звонок)

З. С. Ой / это кого это несёт? *(Подходит к двери.)* Да? Кто это? Ой / То-муля / ой / надо же // *(Обращается к Ф. П., присутствующей здесь подруге.)*
Из твоих краёв дама идёт / То муля // На фабрике с ней работала //

Входит Т. П.

Ф. П. Здравствуйте!

Т. П. Здравсьте [здравствуйте] //

З. С. **Давай проходи / садись!** Пробуйте салат // Вот свёкла / потом лук там резанный мелко / потом морковь // **Долго же мы не встречались / жили в одном городе / а не встречались!**

Т. П. Потому что вот так жись [жизнь] слóжилась //

З. С. **А щас [сейчас] / видимо / настал такой момент / что на'до видаться //**

Т. П. Я жила на одном месте писят [пятьдесят] лет / вы меня не признавали никто //

З. С. Да перестань ты! Некада [некогда] было // // Потом я по командировкам гоняла / лет восемь или десять // Мне некада было // С завода / где токо /

Т. П. *(Перебивает.)* А как на пенсию пошли /

З. С. *(Перебивает.)* **Вот я и сказала / что настало время / надо видаться / встречаться / общаться!**

Выявление культурных особенностей неформального общения в настоящее время приобретает самостоятельную ценность. Сложившийся коммуникативно-жанровый подход к разговорному материалу долгое время не был связан с открытым использованием основного понятия культурологии – понятия ценностей, под которыми понимаются «существенные жизненные ориентиры, выработанные обществом» [Карасик, с. 106], непосредственно отражающие взаимосвязь языка и культуры. Жанровая типология, хотя она и базируется на социокультурной стратификации, остается преимущественно

интралингвистической, поскольку не выдвигает на заметное место соотношение законов жанра с национальными обычаями и традициями и не ставит вопросов об особенностях национального самосознания, преломляемых в рамках разных жанров. Проблема осмысления национальных ценностей по данным языка стала очень актуальной, и не только в русистике (см., например: [Bartmiński; Bartmiński, Grzeszczak]).

Восполнение этой лакуны коллоквиалистики привело к обновлению теоретической позиции. Наиболее актуальной становится проблема поиска ценностного содержания разговорного речевого общения. Если коммуникативно-прагматическая (коммуникативно-культурологическая) концепция использует понятийное поле социолингвистики, лингвопрагматики, лингвистики текста как основание технологии анализа без сличения речевого поведения коммуникантов с национальными эталонами, то собственно культурологический подход невозможен вне такого сличения.

Культура строится на прецедентах, образцах для подражания, избранных в качестве таковых и осмысляемых как национальная ценность на основе длительного опыта общения людей, говорящих на одном языке. На этих образцах утверждаются устойчивые ценностные ориентации, вырабатываются принципы культуры. Это вызывает к жизни новое понятие, *культурная константа*, имеющее не только теоретическое значение, но и практическое предназначение. Культурной константой называется устойчивый ценностный феномен, обеспечивающий адаптационные возможности личности в рамках данного общества [Шалина, с. 47]. Содержание и состав современных русских культурных констант определяются не интралингвистически, но совокупными усилиями философии, культурологии, филологии, социологии, этики (и лингвистики тоже). В числе культурных констант в русской речевой практике называют искренность, «другоцентричность», максимализм, поляризованность оценок и др.

Собственно культурологический взгляд на речь предполагает опору на понятие идеала: «направлена культура всегда на какой-то идеал, а именно на идеал, выходящий за рамки индивидуального, на идеал сообщества» [Хейзинга, с. 259–260]. Все национально-культурные константы ориентированы на культурный идеал данной нации, конкретизируя ту или иную его часть, и в целом формируют национально-культурную систему, генетически определяемую историческими и географическими причинами, а в современности представляющую собой некое целостное мировоззрение, реализуемое, в частности, в формах и способах речевого общения. Русский речевой (риторический) идеал осмыслен в отечественной философии, риторике, лингвокультурологии как ментальный феномен, задающий общий принцип и конкретные ориентиры совершенного речевого общения (С. С. Аверинцев, А. Ф. Лосев, Ю. В. Рождественский, А. К. Михальская, А. А. Волков, А. П. Сковородников, И. В. Шалина и др.; обзор см.: [Михальская]).

В определенной мере русский речевой идеал преемственен по отношению к античной риторической практике, но основа русской речевой традиции заложена в православии и базируется на ценностях православной религиозной культуры. В связи с этим в области духовных ценностей главенствует моральный закон, наиболее значимыми признаются этически бесспорные ценности, любовь является всеобъемлющей добродетелью, а совесть – основным эталоном качества во взаимоотношениях людей. Высокое качество русской речевой практики связано с установками общения на искренность и задушевность, доброжелательность и уважительность, сдержанность и коммуникативное равенство, ответственное отношение к юмору. Эти предельно общие положения нуждаются в конкретно-речевом подтверждении, проверке, выявлении их динамики, чем в настоящее время и занимается коллоквиалистика собственно культурологического направления [Русское повседневное общение; Матвеева, 2018].

Таким образом, собственно культурологические понятия и парадигмы не только играют структурирующую роль, но и составляют понятийную основу интерпретации ценностного содержания речевой деятельности. При этом сетка культурологических понятий для коллоквиалистики остается вспомогательной системой, которая помогает судить о норме (и антинорме) анализируемого коммуникативного события прямым образом, описывать ценностное содержание разговорных речевых проявлений непосредственно. Коллоквиалистика и культурология уже несколько десятилетий идут на сближение, взаимно обогащая друг друга.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие. М. : Флинта, 2005. 416 с.
- Байкулова А. Н.* Речевое общение в семье : автореф. дис. ... канд филол. наук. Саратов : [Б. и.], 2006. 20 с.
- Байкулова А. Н.* Речевое общение в семье: семейные роли и семейный лексикон. Saarbrücken : Lambert Academic Publ., 2012. 300 с.
- Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог : структура и динамика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 408 с.
- Винокур Т. Г.* Устная речь и стилистические свойства высказывания // Разновидности городской устной речи. М. : Наука, 1988. С. 44–84.
- Городское просторечие: проблемы изучения* / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М. : Наука, 1984. 190 с.
- ГС – Ерофеева Т. И., Ерофеева Е. В., Грачева И. И.* Городские социолекты: пермская городская речь : звучащая хрестоматия. Пермь : Бохум, 2000. 173 с
- Долинин К. А.* Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Вып. 2. Саратов : Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. С. 7–13.
- Живая речь уральского города : тексты* / науч. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.
- Живая речь уральского города : устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия* / сост. И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 357 с.
- Занадворова А. В.* Функционирование русского языка в малых социальных группах (речевое общение в семье) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 2001. 18 с.

- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь : Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981. 276 с.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 1999. 30 с.
- Какорина Е. В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 67–89.
- Капанадзе Л. А.* Голоса и смыслы : Избранные работы по русскому языку. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 2005. 333 с.
- Карасик В. И.* Ценностная картина мира: межкультурный аспект // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии : тез. конф. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 106–107.
- Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1972. 395 с.
- Колокольцева Т. Н.* Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка // Грани познания. 2011. № 4 (14). С. 1–5.
- Кроммер Э. В.* Структура разговорных номинаций как проявление основных тенденций разговорной речи // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (6). С. 5–12.
- Крысин Л. П.* Введение // Толковый словарь русской разговорной речи : проспект / под ред. Л. П. Крысина. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 2010. С. 6–15.
- Латтева О. А.* Соотношение спонтанной и телевизионной речи // Проблема спонтанной и телевизионной речи : сб. науч. тр. Вып. 332. М. : Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1989. С. 5–23.
- Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание : (Избр. работы). М. : Просвещение, 1977. С. 175–189.
- Матвеева Т. В.* Непринужденный диалог как текст // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург : Ин-т развития регион. образования, 1994. С. 125–140.
- Матвеева Т. В.* О методе выявления ценностной информации разговорного диалога // Научный диалог. 2018. № 10. С. 89–101. DOI 10.24224/2227–1295–2018–10–89–101.
- Мечковская Н. Б.* Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165–185.
- Михальская А. К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике : учеб. пособие. М. : Academia, 1996, 190 с.
- НКРЯ–Национальный корпус русского языка : [официальный сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.05.2019).
- Подлеская В. И.* Нечеткая номинация в русской разговорной речи : опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.) : в 2 т. М. : Изд-во РГГУ, 2013. С. 561–573.
- Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М. : Наука, 1988. 259 с.
- Рассказы о сновидениях : Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлеской. М. : Языки славян. культур, 2009. 736 с.
- РМ – *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей : Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Рус. словари, 1999. 396 с.
- Розина Р. И.* Русская разговорная речь сквозь призму лексикографии и английского языка // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т. 74. 2015. № 4. С. 47–58.
- РРГ – Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 311 с.
- РРЛ – Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 253 с.
- РРР 1973 – Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1973. 485 с.
- РРР 1983 – Русская разговорная речь : Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1983. 239 с.

РРТ – Русская разговорная речь : Тексты / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М. : Наука, 1978. 306 с.

Русское повседневное общение: прагматика, культурология / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина ; под науч. ред. И. Н. Борисовой. Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2018. 442 с.

Рытникова Я. Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 1996. 212 с.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М. : Просвещение, 1974. 144 с.

Сиротинина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург : Ин-т развития регион. образования, 1994. С. 105–124.

Скрёбнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 206 с.

Толковый словарь русской разговорной речи / под ред. Л. П. Крысина. М. : Языки славян. культуры, 2014–. Вып. 1. А–И. 776 с. Вып. 2. К–О. 864 с.

Толстой Н. И. Язык и культура : (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики : Всесоюз. науч. конф., Москва, 20–23 мая 1991 г. : доклады : в 2 ч. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1991. Ч. 1. С. 5–22.

Ферсман Н. Г. К вопросу о лингводидактическом и социокультурном аспектах изучения и формирования современной коммуникативной среды в условиях обучения (на примере СМС как принципиально нового вида общения) // Вестн. Лен. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Т. 3. 2014. № 2. С. 24–32.

Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс, 1992. 464 с.

Химик В. В. Русская разговорная речь: актуальные вопросы // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2015 : сб. науч. тр. СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2016. С. 272–276.

Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2017. 530 + 530 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики. СПб. : Норинт, 2004. 768 с.

Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. 443 с.

Bartmiński J. Polskie wartości w europejskiej aksjosferze / wybór i redakcja S. Niebrzegowska-Bartmińska, M. Nowosad-Bakalarczyk, S. Wasiuta. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014. 372 s.

Bartmiński J., Grzeszczak M. Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? // Etnolingwistyka. 2014. Nr 26. S. 21–44.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Martynenko G. The “One Day of Speech” Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of Everyday Spoken Russian // SPECOM 2015 : Lecture Notes in Artificial Intelligence. 2015. Vol. 9319. P. 429–437. DOI: 10.1007/978-3-319-23132-7_53.

Weigand E. Language as Dialogue : From Rules to Principles of Probability. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publ. Co., 2009. 410 p.

References

Alefirenko, N. F. (2005). *Sovremennye problemy nauki o yazyke: uchebnoe posobie* [Modern Issues of the Scholarship of Language]. Moscow, Flinta. 416 p.

Baikulova, A. N. (2006). *Rechevoe obshchenie v sem'e* [Verbal Communication in the Family]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, S. n. 20 p.

Baikulova, A. N. (2012). *Rechevoe obshchenie v sem'e: semeinye roli i semeinye leksikon* [Verbal Communication in the Family: Family Roles and Family Vocabulary]. Saarbrücken, Lambert Academic Publ. 300 p.

Bartmiński, J. (2014). *Polskie wartości w europejskiej aksjosferze / wybór i redakcja S. Niebrzegowska-Bartmińska, M. Nowosad-Bakalarczyk, S. Wasiuta. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 372 s.*

Bartmiński, J., Grzeszczak, M. (2014). Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? In *Etmolingwistyka*. Nr 26, pp. 21–44.

Bogdanova-Beglarian, N., Sherstinova, T., Martynenko, G. (2015). The “One Day of Speech” Corpus: Phonetic and Syntactic Studies of Everyday Spoken Russian. In *SPECOM 2015 : Lecture Notes in Artificial Intelligence*. Vol. 9319, pp. 429–437. DOI: 10.1007/978–3–319–23132–7_53.

Borisova, I. N. (2001). *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian Conversational Dialogue: Structure and Dynamics]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 408 p.

Borisova, I. N. (Ed.), Danilov, S. Yu., Rozanova, N. N., Shalina, I. V. (2018). *Russkoe povsednevnoe obshchenie: pragmatika, kul'turologiya* [Russian Everyday Communication: Pragmatics, Culturology]. Yekaterinburg, Gumanitarnyi universitet. 442 p.

Dolinin, K. A. (1999). Rechevye zhanry kak sredstvo organizatsii sotsial'nogo vzaimodeistviya [Speech Genres as a Means of Organising Social Interaction]. In *Zhanry rechi*. Iss. 2. Saratov, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra “Kolledzh”, pp. 7–13.

Fersman, N. G. (2014). K voprosu o lingvodidakticheskom i sotsiokul'turnom aspektakh izucheniya i formirovaniya sovremennoi kommunikativnoi sredy v usloviyakh obucheniya (na primere SMS kak printsipial'no novogo vida obshcheniya) [On the Linguo-Didactic and Socio-Cultural Aspects of the Study and Formation of the Modern Communicative Environment in the Learning Environment (with Reference to Text Messages as a Fundamentally New Type of Communication)]. In *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. Vol. 3. No. 2, pp. 24–32.

GS – Erofeeva, T. I., Erofeeva, E. V., Gracheva, I. I. (2000). *Gorodskie sotsiolekty: perm'skaya gorodskaya rech'*. *Zvuchashchaya khrestomatiya* [Urban Sociolects: Perm Urban Speech. Sound Anthology]. Perm', Bokhum. 173 p.

Huizinga, J. (1992). *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. Moscow, Progress. 464 p.

Issers, O. S. (1999). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of the Russian Language]. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Yekaterinburg, S. n. 30 p.

Kakorina, E. V. (1996). Transformatsiya leksicheskoi semantiki i sochetaemosti (na materiale yazyka gazet) [The Transformation of Lexical Semantics and Compatibility (with Reference to the Language of Newspapers)]. In *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 67–89.

Kapanadze, L. A. (2005). *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and Meanings. Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Institut russkogo yazyka RAN. 333 p.

Karasik, V. I. (1995). Tsenostnaya kartina mira: mezhkul'turnyi aspekt [Value Picture of the World: An Intercultural Perspective]. In *Rechevye i mental'nye stereotypy v sinkhronii i diakhronii. Tezisy konferentsii*. Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, pp. 106–107.

Khimik, V. V. (2004). *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi leksiki* [Great Dictionary of Russian Spoken Expressive Vocabulary]. St Petersburg, Norint. 768 p.

Khimik, V. V. (2016). Russkaya razgovornaya rech': aktual'nye voprosy [Russian Spoken Language: Topical Issues]. In *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya – 2015. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina, pp. 272–276.

Khimik, V. V. (2017). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovorno-obikhodnoi rechi v 2 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Spoken Language. 2 Vols.]. St Petersburg, Zlatoust. 530 + 530 p.

Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (Eds.). (2009). *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about Dreams. Corpus Study of Oral Russian Discourse]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 736 p.

Kolokol'tseva, T. N. (2011). Internet-kommunikatsiya kak zerkalo osnovnykh tendentsii razvitiya i funktsionirovaniya russkogo yazyka [Internet Communication as a Mirror of the

Main Trends in the Development and Functioning of the Russian Language]. In *Grani poznaniya*. No. 4 (14), pp. 1–5.

Kozhina, M. N. (1972). *O rechevoi sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi* [On the Speech System of the Scientific Style in Comparison with Some Others]. Perm', Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 395 p.

Kromer, E. V. (2013). *Struktura razgovornykh nominatsii kak proyavlenie osnovnykh tendentsii razgovornoj rechi* [The Structure of Conversational Nominations as a Manifestation of the Main Trends of Spoken Language]. In *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. No. 3 (6), pp. 5–12.

Krysin, L. P. (2010). *Vvedenie* [Introduction]. In Krysin, L. P. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi. Prospekt*. Moscow, Institut russkogo yazyka RAN, pp. 6–15.

Krysin, L. P. (Ed.). (2014–). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory Dictionary of the Russian Spoken Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Iss. 1. A–I. 776 p. Iss. 2. K–O. 864 p.

Lapteva, O. A. (1989). *Sootnoshenie spontannoi i televizionnoi rechi* [The Correspondence between Spontaneous and Television Speech]. In *Problema spontannoi i televizionnoi rechi. Sbornik nauchnykh trudov*. Iss. 332. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi institut inostrannykh yazykov imeni M. Toreza, pp. 5–23.

Larin, B. A. (1977). *O lingvisticheskom izuchenii goroda* [On the Linguistic Study of the City]. In Larin, B. A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie. (Izbrannye raboty)*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 175–189.

Matveeva, T. V. (1994). *Neprinuzhdennyi dialog kak tekst* [Small Talk as Text]. In *Chelovek. Tekst. Kul'tura*. Yekaterinburg, Institut razvitiya regional'nogo obrazovaniya, pp. 125–140.

Matveeva, T. V. (2018). *O metode vyavleniya tsennostnoi informatsii razgovornogo dialoga* [On the Method of Revealing the Value Information of Colloquial Dialogues]. In *Nauchnyi dialog*. No. 10, pp. 89–101. DOI 10.24224/2227–1295–2018–10–89–101.

Matveeva, T. V. (Ed.). (1995). *Zhivaya rech' ural'skogo goroda. Teksty* [The Living Speech of the Ural City. Texts]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 206 p.

Mechkovskaya, N. B. (2006). *Estestvennyi yazyk i metayazykovaya refleksiya v vek Interneta* [Natural Language and Metalanguage Reflection in the Internet Age]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (12), pp. 165–185.

Mikhail'skaya, A. K. (1996). *Russkii Sokrat. Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoi ritorike. Uchebnoe posobie* [Russian Socrates. Lectures on Comparative Historical Rhetoric. Study Guide]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Academia". 190 p.

NKRYa – Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language] [website]. URL: <https://ruscorpora.ru> (mode of access: 03.05.2019).

Podlesskaya, V. I. (2013). *Nechetkaya nominatsiya v russkoi razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovaniya* [Unclear Nomination in Russian Colloquial Speech: Corpus Research Experience]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 29 maya – 2 iyunya 2013 g.) v 2 t.* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, May 29 – June 2, 2013). 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, pp. 561–573.

RM – Kitaigorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1999). *Rech' moskvichei. Kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [The Speech of Muscovites: Communicative and Cultural Aspect]. Moscow, Russkie slovari. 396 p.

Rozina, R. I. (2015). *Russkaya razgovornaya rech' skvoz' prizmu leksikografii i angliiskogo yazyka* [Russian Spoken Language through the Prism of Lexicography and English]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 74. No. 4, pp. 47–58.

RRG – Sirotinina, O. B. (Ed.). (1992). *Razgovornaya rech' v sisteme funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Grammatika* [Spoken Language in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Grammar]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 311 p.

RRL – Sirotinina, O. B. (Ed.). (1983). *Razgovornaya rech' v sisteme funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Leksika* [Spoken Language in the

System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Vocabulary]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 253 p.

RRR1973 – Zemskaya, E. A. (Ed.). (1973). *Russkaya razgovornaya rech'* [The Russian Spoken Language]. Moscow, Nauka. 485 p.

RRR1983 – Zemskaya, E. A. (Ed.). (1983). *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [The Russian Spoken Language. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, Nauka. 239 p.

RRRT – Zemskaya, E. A., Kapanadze, L. A. (Eds.). (1978). *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian Spoken Language. Texts]. Moscow, Nauka. 306 p.

Rytnikova, Ya. T. (1996). *Semeinaya beseda: obosnovanie i ritoricheskaya interpretatsiya zhanra* [Family Conversation: A Narrative and Rhetorical Interpretation of the Genre]. Dis. ... kand. filol. nauk. Yekaterinburg, S. n. 212 p.

Shalina, I. V. (2009). *Ural'skoe gorodskoe prostorechie: kul'turnye stsenarii* [Ural Urban Vernacular: Cultural Scripts]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 443 p.

Shalina, I. V. (Ed). (2011). *Zhivaya rech' ural'skogo goroda. Ustnye dialogi i epistolnyye obratzы. Khrestomatiya* [The Living Speech of the Ural City. Oral Dialogues and Epistolary Samples. Anthology]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 357 p.

Shmelev, D. N., Zemskaya, E. A. (Eds.). (1988). *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi. Sbornik nauchnykh trudov* [Varieties of Urban Speech. Collection of Scholarly Papers]. Moscow, Nauka. 259 p.

Sirotnina, O. B. (1974). *Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti* [Modern Spoken Language and Its Features]. Moscow, Prosveshchenie. 144 p.

Sirotnina, O. B. (1994). *Teksty, tekstoidy, diskursy v zone razgovorno rechi* [Texts, Textoids, Discourses in Colloquial Speech]. In *Chelovek. Tekst. Kul'tura*. Yekaterinburg, Institut razvitiya regional'nogo obrazovaniya, pp. 105–124.

Skrebnev, Yu. M. (1985). *Vvedenie v kollokvialistiku* [Introduction to Colloquial Speech Studies]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 206 p.

Tolstoy, N. I. (1991). *Yazyk i kul'tura. (Nekotorye problemy slavyanskoi etnolingvistiki)* [Language and Culture. (Some Issues of Slavic Ethnolinguistics)]. In *Russkii yazyk i sovremennost': problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya, Moskva, 20–23 maya 1991 g. Doklady v 2 ch.* Moscow, Institut russkogo yazyka RAN. Part 1, pp. 5–22.

Vinokur, T. G. (1988). *Ustnaya rech' i stilicheskie svoistva vyskazyvaniya* [Oral Speech and Stylistic Properties of Utterance]. In *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi*. Moscow, Nauka, pp. 44–84.

Weigand, E. (2009). *Language as Dialogue : From Rules to Principles of Probability*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Co. 410 p.

Zanadvorova, A. V. (2001). *Funktsionirovanie russkogo yazyka v malykh sotsial'nykh gruppakh (rechevoe obshchenie v sem'e)* [The Functioning of the Russian Language in Small Social Groups (Verbal Communication in the Family)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 18 p.

Zemskaya, E. A., Kitaigorodskaya, M. V., Shiryaev, E. N. (1981). *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [The Russian Spoken Language. General Issues. Wordbuilding. Syntax]. Moscow, Nauka. 276 p.

Zemskaya, E. A., Shmelev, D. N. (Eds.). (1984). *Gorodskoe prostorechie: problemy izucheniya* [Urban Vernacular: Problems of Studying]. Moscow, Nauka. 190 p.

The article was submitted on 25.05.2019

Disputatio

Disputatio

A REVIEW OF LITERATURE ON THE LANGUAGE POLICY OF IMPERIAL RUSSIA AND THE MODERN LINGUISTIC SITUATION*

Elena Shelestyuk

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

This article traces Russian nationality and language policies from 1800 to the early 20th century based on historical, historiographic, sociological, and sociolinguistic sources. The 1822 Charter on the Governance of Indigenous Peoples (concerning the peoples of Siberia) was indicative of Russian national policies in general. It ordained that ethnicities be self-governed and that official routines, school education and church services be in native languages. However, following the Polish uprisings of 1830–1831 and 1863, the empire began to tighten its grip on its western regions. Polish was banned from schools and publications outside the Kingdom of Poland, while Ukrainophilia was repressed; alternatively, Lithuanian and Belarusian were advanced and Russian schools introduced. Basically, the policies of Russia reveal a pattern of dynamic fluctuations, dependent on domestic political conditions and the international situation – liberal in calm and prosperous times, repressive in times of external/internal threats. By and large, Russia governed so as to preserve the diversity of its national provinces. In the 20th century, it quite logically resulted in the principle of democratic centralism in the nationality policy of the USSR, the autonomy of Soviet national republics united in a single centralised multinational state. The Russian Federation largely inherited its current nationality policy from imperial and Soviet models.

Keywords: language policy, Russia between the 19th and early 20th centuries; bilingualism, monolingualism, language building, cyrillisation, language of inter-ethnic communication.

Прослеживается национальная и языковая политика России с 1800 г. по начало XX в. на основе исторических, историографических, социологических и социолингвистических источников. «Устав об управлении инородцев» (1822), установивший систему управления коренными на-

---

* *Citation:* Shelestyuk, E. (2019). A Review of Literature on the Language Policy of Imperial Russia and the Modern Linguistic Situation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 939–954. DOI 10.15826/qr.2019.3.416.

Цитирование: Shelestyuk E. A Review of Literature on the Language Policy of Imperial Russia and the Modern Linguistic Situation // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 939–954. DOI 10.15826/qr.2019.3.416.

родами Сибири, был показателен для российской национальной политики. Он предписывал самоуправление этнических групп, полную веротерпимость, использование родных языков в официальных процедурах, школьном образовании и богослужении. После польских восстаний 1830–1831 и 1863 гг. политика в отношении национальных меньшинств изменилась, империя начала усиливать контроль западных регионов. Польский язык был запрещен в школах и изданиях за пределами Королевства Польша, в качестве альтернативы стали продвигаться литовский и белорусский языки, кириллическое письмо, радикальные проявления украинофилии подавлялись, распространились русские школы. Политика России демонстрировала динамические колебания, зависящие от внутривнутриполитических условий и международной ситуации, – она носила либеральный характер в спокойное и процветающее время и становилась более авторитарной во времена внешних/внутренних угроз. Модель управления России национальными провинциями предполагала сохранение этнического и языкового разнообразия. В XX в. она привела к принципу демократического централизма в национальной политике СССР, автономии советских национальных республик, объединенных в единое централизованное многонациональное государство. Российская Федерация в значительной степени унаследовала свою нынешнюю национальную политику от имперской и советской моделей.

Ключевые слова: языковая политика; Россия в XIX – начале XX в.; языковое строительство; билингвизм; монолингвизм; кириллизация; язык межнационального общения.

Expansion, Christianization and national unity

While establishing administrative and commercial ties with the local national elites of the Russian Tsardom and, later, Empire, Russian emissaries encountered ethnicities with Turkic, Finno-Ugric, Baltic, Mongolian and other languages¹ and various religions (Islam, Buddhism, Catholicism, etc.). Russian Orthodox missionaries studied local ethnic languages (Komi, Mari, Chuvash, Tatar, Kazakh, Dagestani, the languages of Siberia and the Extreme North, etc.) [Вахтин, Головкин, с. 181]. Cultures and religions which had taken root prior to the missions remained in place. A common practice was elaborating scripts for oral societies. During the 14th-century monastic colonization of Perm, the missionary St Stephen of Perm developed an alphabet for the Komi, combining Cyrillic and Greek

¹ Ethnicities of the modern Russian Federation represent 14 language families. The 2002 Russian Federation census cites more than 160 ethnic groups and more than 150 languages in the country [Степанов], the 2010 census cites about 174 languages, including some language varieties. The state language of the Russian Federation is Russian. In the USSR, Yu. D. Desheriev cited about 130 written literary languages, their speakers living in 15 union, 20 autonomous republics, 8 autonomous regions and 10 autonomous okrugs [Языки народов СССР]. V. M. Alpatov claimed 150 languages in the USSR [Алпатов].

letters with Komi runes [Struve].² In 1383, the Moscow Metropolitan Pimen, with the consent of Dmitry Donskoy, put Stepan in charge of the new Perm diocese, extending further to the Upper Kama region.

In the 17th century, Kalmyks migrated across the Eurasian steppe, passing east of Mongolia through the lands of modern Kazakhstan. In 1608, they sent an embassy to Moscow and received permission to move westward along the southern borders of Russian Siberia; by the mid-17th century, they had settled between the Lower Volga and the Don. In 1664, the Kalmyk Khanate was established there under the protection of Russia. Kalmyks were Buddhists and spoke Old Mongolian.

Starting with Cossack Ataman Yermak's Conquest of Siberia campaign of 1581–1585 (sponsored by the merchant-manufacturers Stroganovs), rapid Russian expansion to the east began. Although intervention in foreign territories, cultures, and languages is never entirely untroubled, it had positive results galvanizing Siberia's development. Russians built forts and townships which later grew into larger towns: Tyumen, Tobolsk, Tomsk, Kuznetsk, Krasnoyarsk, Chita and Nercinsk in the south; Beryozov, Obdorsk (Salekhard), Turuhansk, Yakutsk, Okhotsk etc. in the north. The "foreigners" (indigenous peoples of Siberia and the Far East) had to pay *yasak*, less than state tax, with furs and cattle, as a sign of allegiance and for the Russian tsars' protection. They had special rules to be governed and judged by their customs, their elected elders and superiors; general courts had jurisdiction only in more serious crimes [ВДОВИН, с. 262]. Serious economic development of these territories began in the 18th century.

The Tatars and Bashkirs lived in the regions of the Volga, Astrakhan, Urals, Siberia and the Pontic-Caspian steppe. In the 13th and 14th centuries, these peoples, along with others, were united in the Golden Horde. The Kazan, Astrakhan and Siberian Khanates in the 16th, the Nogai Horde in the 17th century became parts of the Russian Tsardom. The former subjects of the Kazan Khanate – Turkic and Finno-Ugric peoples like the Chuvash, Bashkirs, Kumyk, Nogai, Mordovians, Cheremis (Mari), and Votyaks (Udmurt) – used Tatar with its long written tradition, and retained it as the language of inter-ethnic communication well into the 20th century.

In 1613, the Russian Ambassadorial Chancellery was set up with interpreters and translators from Tatar, a tradition preserved for a long time. Tatar was specially taught at the School of Oriental Languages in the St Petersburg College of Foreign Affairs (founded 1798), along with Chinese, Manchu, Arabic, Persian and Turkish [Беликов, Крысин, с. 241–242].

The Siberian Khanate conquered in 1582, Russia took under its aegis numerous ethnic groups with no state structure as far as the Pacific Ocean. Thus, less than a century after the accession of the Volga and Ural regions

---

² The first monuments of Old Komi literature based on Stephen of Perm's system relate to the 14th–16th centuries. Further, in the 19th century, the Russian researchers A. Sjögren, N. Nadezhdin and G. Lytkin began to record and publish Komi folklore; in the same century, the foundation of Komi literature was laid by the democrat poet I. A. Kuratov [Ками АССР]. In 1918, the Komi-Perm script was reformed by V. A. Molodtsov.

and long before “cutting through the window to Europe” with the exit to the Baltic and Black Seas, Russia became present in the Pacific [Там же, с. 242].

Russians came into close contact with the peoples of North Asia, trading and collecting tribute through native chiefs, “knyaztsy”. The Tungus, dispersed over Siberia from the Yenisei to the Sea of Okhotsk, were chief interpreters. Russians settled in Siberia (the Semey of the Transbaikalian, the Ruskoustintsy of the Lower Indigirka, Kamchadals etc.) and anthropologically mixed with the natives. The language of the resulting population was predominantly Russian, though the ability to *sakhala ripgi* (“to speak Yakut”) was also quite common [Там же, с. 243]. The Yakut language, being the product of three Altai elements: ancient Turkic, 12th–13th c. Mongolian, and later Evenk [Грамматика современного якутского литературного языка], in its turn provided a basis for the Dolgan language (emerged in the 18th–19th centuries from a mixture of Tungus, Yakuts, Nenets and Russian “tundra peasants”).

Under Peter I, Arabic was taught in religious schools in Muslim areas of Russia. In Estonia and Livonia, German dominated. They also served as languages of official communication. Russian tsars showed curiosity towards local peoples, arranging fancy-dress carnivals in national ethnic costumes, admired the Malorussian tongue etc. Under Catherine II, the Educational Commission was created, which recommended that schools in indigenous areas should use native languages and cultures in teaching. Catherine ordered the collection of data on all the languages and dialects of the Russian Empire [Беликов, Крысин, с. 246], whereupon the expedition headed by Academician P. S. Pallas was carried out in 1768–1774.

Liberalism in the 19th century

The Russian Empire entered the 19th century with basically liberal policies, respecting the languages and traditions of its peoples. In 1804, the Holy Synod ordered “at schools and churches, to give instruction in natural languages as long as all parishioners are not familiar with Russian” [Судакова, с. 90].

The Charter on the Governance of Indigenous Peoples (1822), as part of Mikhail Speransky’s reforms in Siberia, regulated lands in the use of the “foreigners”, the order/size of yasak (tribute), trade with Russians, criminal law and the opening of schools. It declared full religious tolerance. The Charter concerned the peoples of Siberia, but was simultaneously indicative of Russian nationality policies in general. For each group special regulations were provided, effective until the early 20th century. “Settled foreigners” (chiefly Siberian Tatars) were legally equated with Russian taxed estates – burghers and state peasants. “Itinerant foreigners” (Nenets, Koryaks, Yukagirs and other hunting peoples of northern Siberia) were granted self-management by traditional elites – the knyaztsy and elders. “Nomadic foreigners” (Buryats, Yakuts, Evenki, Khakascs etc.) were divided into uluses and camps, each receiving patrimonial administration

made up of elders and 1–2 assistants elected by the community for three years and approved by the governor. “Foreign councils” – administrative, financial and economic institutions – catered for nationalities, carried out orders of council chiefs, executed court sentences, distributed *yasak* [Устав об управленіи инородцев]. The 1830 law envisaged native schools, literacy, prayer and faith in native languages [Вахтин, Головки, с. 181].

Through Russia’s victories during the Napoleonic wars, some provinces of Russia’s adversaries became Russian. Because of Sweden’s defeat by Russia in 1809, Finland was acceded to the latter. Alexander I recognized the benefit “of approving and certifying the religion, laws, rights and benefits, which every state of the Finnish principality and all its subjects hitherto enjoyed” [Национальная политика в России, с. 72]. The Grand Duchy of Finland retained Swedish laws, the Sejm, the Senate and was granted the land ceded to Russia in the 18th century [Беликов, Крысин, с. 246].

Poland (Napoleon’s ally, with many Poles in his armies) was partitioned by the 1814–1815 Congress of Vienna. Russia took control over the semiautonomous Kingdom of Poland (a personal union), Prussia – the western Grand Duchy of Poznań, and Austria – the southern Polish territories. The kingdom had broad rights of autonomy.³ The Polish language was used in schools and universities in Warsaw and Vilna. Lithuanian existed as Samogitian, with no serious written tradition and not used in education [Там же, с. 247].

Bessarabia (Moldavia), formerly Orthodox and subjugated in the 16th century by the Ottoman Empire, was liberated in the Russo-Turkish war of 1806–1812. According to the Bucharest Peace Treaty, the Ottoman Porte yielded Bessarabia to the Russian Empire. The Cyrillic-based Moldovan language was developed. In 1840, Ya. Ginkulov (Hancu) published *The Wallachan-Moldovan Rules of Grammar* and *The Wallachan-Moldovan Collection of Essays and Translations* in St Petersburg. Moldovan was introduced into official proceedings and schools. From the 1840s, Chisinau primary school instruction was in Moldovan and secondary – in Russian, with Moldovan taught as a subject. Parish schools used Moldovan [Там же, с. 252]. From 1873, Moldovan was excluded from the syllabus, to be re-introduced after 1905.

In Ukraine, the Malorussian dialect, along with Russian and Belarusian, had evolved from Proto-Slavic and Common Old Russian [Історія української мови, с. 235–239]. In the 14th century, differences between Malorussian, Russian and Belarusian were slight. Written records in Ukraine before the 16th century were only in Common Old Russian.⁴ In the 17th century, Kievan scholars helped to establish the Church Slavonic language. Malorussian townspeople spoke literary Russian, writers wrote

³ It was a constitutional monarchy, governed by the biennial Diet and the King (the Russian Tsar), who was represented by a governor in Warsaw.

⁴ The first genuine Ukrainian literary artefact is the 16th-century Peresopnitsa Gospel, written in what is believed to be the Ukrainian dialect of Old Russian.

in it, too, for example, the poet Gregory Skovoroda (1722–1794) and the writer Nikolai Gogol (1809–1852), who knew the dialect of the Poltava province. The central rural population spoke uncodified conversational Surzhik, a mixture of Malorussian dialects with Russian. The population of Western Ukraine, from Transcarpathia to Bucovina and Galicia, was under the influence of Austria and Poland, which sought to alienate Galician and Ruthenian identity from Russia. Galician dialects were polonized and germanized.

In the 19th century, writing was established for regional languages, including Malorussian. Ukrainian self-consciousness formed at the time, as reflected in the works of I. P. Kotlyarevsky, P. P. Gulak-Artemovskyy and G. F. Kvitka. Theoretical Ukrainophilia appeared, at first “of an archaeological colour” (meaning the study of folklore, legends, songs etc.), then as a social political trend, producing Ivan Franco’s party. Kotlyarevsky, one of the first ethnographers to collect Malorussian folklore, published folk songs and wrote the Malorussian section in Ivan Snegirev’s *Russians in Their Proverbs* [Украинофильство].

In the spirit of Slavic revival, Ukrainophilia was embraced by many Russian and Polish intelligentsia. V. B. Antonovich, M. P. Drahomanov, A. A. Potebnya, P. P. Tchubinsky, D. I. Mordovtsev, D. I. Bagaley, M. S. Grushevsky propagated Ukrainian, compiled histories of Ukraine, engaged in education, literary work, ethnography and folklore. Grushevsky was especially instrumental in the development of “*ukrayinska mova*” and wrote an eight-volume history of Ukraine, separating Malorussian facts from common Russian history [Там же]. Ukrainian books were freely published, Sunday schools set up and plays put on stage [Шейко, Тишевская]. Ukrainophiles engaged in politics. The Russian imperial government, initially benign, stepped up pressure after certain events.

Restrictions

The change came in the wake of the Polish uprisings of 1830–1831 and, especially, 1863. The uprisings were rather controversial; despite the support of commoners, their driving force was the Polish and Lithuanian szlachta, whose goal was regaining, with Europe’s help, the Rzeczpospolita, including the eight provinces of Ukraine, Belarus and Lithuania. “No concessions or favors could satisfy the Polish revolutionaries, who wanted to restore the Polish-Lithuanian Commonwealth in the borders of 1772” [Айрапетов, с. 131].

After the 1830–1831 uprising, Russia proclaimed Poland its part, the Sejm and the Polish army was disbanded and voivodeships were replaced by administrative provinces. Russia’s coinage, weights and measures were adopted. The administration of local schools was devolved to the Ministry of National Education. The teaching of Russian was introduced. Outside the Kingdom of Poland, Polish was banned from schools and publications. In Lithuania, from 1833, Lithuanian was promoted as the language of education.

The 1863 Polish uprising, represented by Alexander Herzen in his *The Bell* as a struggle for civil liberties, agrarian reforms, democratization and independence, ultimately had the same aim of recapture of the Lithuanian, Belarusian and Ukrainian territories. Mikhail Katkov, then *Moskovskiyе Vedomosty*'s editor-in-chief, ranked the motives of the rebels thus: struggle for power – foreign influence – need for self-development. To him, the Polish uprising of 1863 was “nationally destructive,” he blamed the liberalism of the Russian government, whose “pandering to Polish nationalism could be the undoing of both Poland and Russia” [Катков]. Autochthonous schools and universities, administrative apparatus and national autonomy created prerequisites for rebellion, skillfully used by Russia's rivals. The rebels propagated anti-Russian sentiment in Ukraine and Belarus, committing mass murder of those peasants they considered enemies of the Polish cause [Тихомиров].

The 1863 uprising resulted in stricter measures in imperial policies towards Poland, extending to Ukraine, Lithuania and Belarus. Count Mikhail Muravyov-Vilensky, who suppressed the uprising, insisted on the shift to the Cyrillic script. In 1865, the Vilna governor-general Konstantin von Kaufman banned the printing in Latin letters, the use of Polish in official documents was penalized. From 1871, the obligatory study of Russian was introduced in primary Polish and Baltic schools, including Catholic and Lutheran ones. In 1876, Alexander II signed the Ems Decree that made effective the ban on the Latin script [Беликов, Крысин, с. 251]. However, this decree was abrogated after 1882, and other measures remitted.

The decree also envisaged subduing radical Ukrainophilia (Drahomanov, Tchubinsky) and forbade smuggling literature in the “kulishovka” script (named after its inventor P. A. Kulish) from Austria-Hungary. Special permission to publish Ukrainian educational and historical books was required. There was a temporary ban on the use of Ukrainian on stage, except amateur theatres. From 1882, however, the Ukrainian professional drama prospered, developing into permanent theaters, staging Russian and Ukrainian plays: Kievan Kropivnitsky, Sadovtsev, Kharkiv, the Society of the New Drama and others.

In parallel, Russia dealt with Austria-Hungary, which pursued anti-Russian policies, seeing Russia as its rival in Serbia, the Balkans and Wallachia. The suppression of the Russian-speaking population in Austrian Galicia was very harsh.

Belarus acceded to the Russian Empire as part of the Grand Duchy of Lithuania in 1772–1795, being included in the Northwestern Region. Belarusian rural ethnos was dominated by the Polish szlachta. To reverse this and create a prosperous peasantry capable of withstanding the Polish economic dominance, Mikhail Muravyov equalized the rights of Belarusian peasants with those of Polish landowners and even gave them priority. Peasant landholdings increased in the provinces: Kovno – by 42.4%, Vilna – by 42.4%, Grodno – by 53.7%, Minsk – by 18.3%, the Vitebsk Oblast – by 3.7%. Belarusian peasant land taxes were 64.5 : of those

of Russian peasants. Socio-economic modernization resulted in industry development, demographic growth, Belarusian national self-awareness [Рихтер; Анисимов].

Despite the rich folklore, the Belarusian written language was scarcely used, in Catholic and Uniate schools the teaching was in Polish. From 1864, belarusification was encouraged. Officials, teachers, and priests from Russia were invited. Muravyov established the Wilensky Commission for the analysis and publication of ancient Belarusian material [Гигин]. Light was shed on the past of White Russia and Orthodoxy; the head of the commission, Peter Bessonov, published a collection *The Belarusian Song*, fundamental for academic Belarusica; *Talk of the Old Fighter with New Ones* and *Tales of the Belarusian Dialect* also came out. Writers and poets writing in Belarusian appeared (V. I. Dunin-Martsinkevich, F. Bogushevich, Ya. Luchina, etc.).

Policies in Central Asia, Muslim provinces, Caucasus

The ban on Polish in Ukrainian, Lithuanian and Belarusian schools contrasted with the official recognition of indigenous languages in the east of the Russian Empire, Central Asia and the Caucasus.

Despite the written tradition (Qol Ghali, Sarani, Muhammediyar), most common Tatars were illiterate. Teaching in religious schools was in Tatar. Kazan Gymnasium (set up as early as 1758) taught Tatar as a subject since 1769. In the 19th century, Russian-Tatar education at schools and teachers' institutes was introduced. The renowned Kazan University (founded 1804), the leading center for the study of Oriental languages, had instruction in Russian. In 1863, the orientalist and pedagogue N. I. Ilminsky founded the Kazan Tatar School, graduating more than 6,000 people in 50 years, including about 900 teachers. The content of textbooks was largely secular: geography, animals, great explorers, steam trains, vaccination etc. [Беликов, Крысин, с. 252–253; Судакова, с. 216].

Central Asia, originally settled by Iranian descendants, Tajiks, with their ancient cities of Bukhara, Khiva, Samarkand and their sons Al-Khwarizmi, Rudaki, Khujandi, Ibn Sina, was populated by Turkic peoples since the Middle Ages. In the 15–17th centuries, Tajiks, Iranians and Turks lived in the arable center, Turkmens in the west and nomadic Kirghiz-Kazakhs and Karakalpak in the north. Tajiks and Iranians used Farsi (cf. Jāmī, Alisher Navoiy, Balasaguni), Uzbeks and Turkmens – Chagatay and Turkic (Zahiriddin Bobur, Makhdumqoli Faraghi). Kazakhs were the first to come under the Russian imperial rule in the 18th century as the Nogai Horde and the Kazakh Khanate. The Kirghiz acquired Russian allegiance in 1855–1863, the Kokand Khanate was annexed in 1865, and Bukhara and Khiva recognized Russian protection in 1868 and 1873 [Беликов, Крысин, с. 244]. By the 1880s, the Turkestan province was formed.

In the 19th century, the Kazakh (Kirghiz) language was promoted as one of the subjects and languages of instruction [Вахтин, Головки,

c. 182]. Education in Central Asia could be obtained through the system of mektebs and medressehs. Most boys in urban areas attended mektebs and were largely trained via rote memorization of the Qur'an and of Arabic and Persian religious books. Privileged minorities studied history, mathematics, astronomy, and poetry in medressehs, in addition to theology. Most ordinary people were illiterate. The traditional system of Islamic education was augmented by the network of Russian and Russo-native schools set up in Central Asia, beginning with Kazakhstan. As Russian settlers moved into the area, Russian and Russian-native schools were established. Only a small percentage of local children had access to this education, but it was hoped that students from these schools would serve as a cultural bridge between the Russian governors and the local people [Dickens].

In 1874, Muslim educational institutions were subordinated to the Ministry of Education. By the 20th century, training of Russian was introduced in medressehs; dozens of mixed Russian-Azerbaijani, Russian-Tatar, Russian-Bashkir, Russian-Kazakh schools were set up. But the intake in them, and thus command of Russian in monolingual areas, was low [Беликов, Крысин, с. 254].

Russian nationality and language policies in the Caucasus followed a similar pattern. Eastern Armenia acceded to Russia in 1801, while Georgia became a Russian protectorate in 1802. The Office of the Caucasian Viceroy was set up manned by a staff of interpreters. In the 19th century, Armenia and Georgia, with rich ancient cultures (e. g. Nerses Shnorhali, Shota Rustaveli), experienced cultural renaissance (Haçatur Abovyan, Alexander Chavchavadze and many others). The Georgian and Armenian languages were used officially.

In 1804, Tiflis Noble School, proposed by P. D. Tsitsianov, was set up, with Russian as the language of instruction and Armenian, Georgian and Azerbaijani (then called Tatar) as obligatory subjects. A network of schools and colleges was developed: public schools run by the Ministry of Education, by the Georgian Orthodox and Armenian Gregorian Churches. By 1848 there were also 21 uezd and 10 parish schools (instruction in Caucasian and Russian) [Судакова, с. 74]. In the Treasury-funded Caucasus Line Cossack Host (1832) study of local languages was mandatory [Зекон, с. 160]. Textbooks in minor North Caucasus languages appeared (Adyghe – 1853, Kabardian – 1865) and were used in the Stavropol, Ekaterinodar, Novocherkassk, and Yeisk gymnasiums.

The 1883 administrative reform envisaged bringing the Caucasian elites closer to the imperial center, and the school was recognized as the best tool for achieving these ends [Национальная политика в России, с. 97]. So Russian became the language of instruction in secondary school, History and Geography being taught in it.

The Azerbaijani, the Muslim community of Transcaucasia, saw themselves as part of the *umma*, rather than as a continuous national tradition, like the Georgians and Armenians [Azerbaijan]. The Azerbaijani Khanates of Karabakh, Ganja, Shirvan, Sheki, Baku, Derbent, Cuban,

Talysh, Nakhchivan, and Ordubad, together with Eastern Georgia and Dagestan, joined the Russian Empire in 1803–1828. This brought relief from invasions from outside and internal feudal strife and disunity while creating favorable conditions for cultural development (А. Вакиханов, М. Топчibashev, К. Закир М. Ф. Ахундов etc.) [Азербайджанская ССР].

Publications and periodicals in indigenous languages

There were publications in native languages with written tradition; otherwise, standards were developed, literature and periodicals created. Thus, periodicals in Lithuanian (Samogitian) and Estonian were issued from 1822 and 1857, respectively [Беликов, Крысин, с. 259]. In Cyrillic Yakut, developed in the early 19th century, about 100 books were published before 1905 [Исаев, с. 101]. The government founded newspapers in native languages, even if literacy in these regions was low. In Tbilisi from 1828 the *Tbilisi Gazette* in Russian and its Georgian version – *Tpilisis Utskebani* – were released; from 1832, a similar periodical came out in Azerbaijani – *Tiflis Ehbary*. In Central Asia from 1870, the journal *Turkistan News* was published, first in Turkmen, later in Uzbek and Kazakh (Chagatai). Private periodicals appeared: in Georgian – from 1819; in Azerbaijani – from 1875 [Беликов, Крысин, с. 260]. Books and periodicals appeared in more than 20 native languages [Там же, с. 263].

Table 1

Distribution of books published in Russia in ethnic languages [Левин, р. 18–19]*

Languages	Number of editions	Total circulation	Languages	Number of editions	Total circulation
Avar	3	2,800	Moldovan	1	500
Armenian	263	404,407	Ossetian	3	1,270
Belarusian	12	33,000	Tajik	5	15,000
Bulgarian	1	300	Tatar (Kazan)	267	1,052,100
Dargin	3	3,200	Turkic	95	115,540
Georgian	236	478,338	Turkmen	1	1,000
Jewish	574	1,541,015	Uzbek	36	85,300
Kazakh and Kirghiz	37	150,300	Ukrainian	228	725,585
Komi	1	600	Finnish	1	10,000
Mari	17	27,200	Yakut	1	1,614
Chuvash	57	106,900	Russian	26,029	98,819,103

* In some languages, publications were not annual, e. g. in Dargin during 1910–1912 three titles (3,200 copies), in Komi and Turkmen in 1910–1915 – one title. Not included are editions published in Poland, the Baltic provinces, Finland.

In order to obtain the top positions in the government, nationality did not matter, but speaking Russian was vital (for Baltics – to a lesser extent before Alexander II) [Беликов, Крысин, с. 260–261]. Many noble families, statesmen, intelligentsia and officials had Turkic or Caucasian roots (e. g. the Dashkovs, Kochubeys, Yusupovs, Tsitsianovs, Bagrations, Andronikovs etc.).

According to the 1897 general census, in which a question was asked about mother tongue, there were 146 languages and dialects in the Russian Empire [Вдовин, с. 259]. Russians totalled 117,900,000 (65.5 % of the population): Great Russians 80,500,000 (43.4%), Malorussians 33,400,000 (18.4%), and Belarusians 4,000,000 (3.7%). “Non-Slavic subjects” – 28%, and minor “foreigners” (Mongolian, Turkic and Finnish) – 6.6 : [Там же, с. 262].

In general, Russia manifests a pattern of diversity-preserving national governance. Drawing on experience from the imperial and the Soviet periods, the Russian Federation tries to develop their most efficient features. It has inherited the tolerance and pragmatic common sense of the imperial period, democratic centralism and government’s boosting of cultures and creativity of the Soviet period. Policies pattern fluctuates from liberal in calm and prosperous times to stricter in times of external/internal threats.

Nationality-language policy in the Russian Federation

Modern Russia has a varied instrumentarium of legislation to apply in its national and language policies.⁵ Unlike in the USSR, there is an article (68, §1) in the Russian Constitution that provides that Russian is the official state language throughout the territory of the country. At the same time, autonomous republics within the Russian Federation are entitled to establish their own republican state languages, which are used alongside the state language of the Russian Federation (Article 68, §2). There are more than 30 state languages of the titular peoples (i. e. peoples with their own national administrative territories), including ten Turkic (Altai, Bashkir, Chuvash, Karachi-Balkar, Khakas, Kumyk, Nogai, Tatar, Tuvan and Yakut), five Ural (Erza, Komi, Mari, Moksha, Udmurt), three Abkhazian-Circassian (Abaza, Adyghe, Kabardino-Circassian), two Mongolian (Kalmyk, Buryat), many Nakh-Dagestani (Chechen, Ingush, Avar, Agul, Azeri, Dargin, Lak, Lezghian, Rutul, Tabasaran, Tat, Tsakhur) and one Iranian (Ossetian). Autonomous okrugs (i. e. districts, prefectures) establish the official status of their languages in their own statutes and laws; as of 2013, they are 15.

The Federal Law on the Languages of the Peoples of the Russian Federation establishes the functional equality of languages of its peoples in the status of native languages, but without substitution of the status of their state language or exclusion of the functions of Russian [Степа-

---

⁵ The Law on National Cultural Autonomy (1996), the Federal Law on the Languages of the Peoples of the Russian Federation (1998), the Federal Law on the State Language in the Russian Federation (2005), the Federal Law on Learning Native Languages (2018); the Model Law on Languages (2004) etc.

НОВ, с. 108]. Respecting the principle of ethnic and linguistic equality, the regional legislations of the Russian Federation nevertheless implement the established practice of giving priority to titular ethnic groups and to indigenous (autochthonous) ethnic communities living in an area for a long historical period. Udmurtia, Tatarstan, Mordovia and Bashkiria have adopted regulatory legal acts and interrepublican agreements aimed at promoting linguistic and cultural development of titular language groups who reside outside their respective territories. For example, the Republic of Mordovia on its territory caters to the Tatar minority (5 : of the population), while the Republic of Tatarstan does so to the Mordovian minority (0.6 %) [Там же, с. 105].

Minor languages, including recent new-script (developed in 1970–2000 – Dolgan, Tofalar, Rutul, and Aghul), are studied in primary school and have educational and literary publications, even though they are structurally and functionally underdeveloped, and have small numbers of speakers.

There are 5 types (models) of national school in the Russian Federation. In Tatarstan and Bashkortostan, secondary education is taught in the native language for the whole period of study (1st type). In Sakha, Tyva, and Chuvashia, students are instructed in the native language for 5–7 grades (2nd type), while in Buryatia and Mordovia this is limited to elementary school (3rd type); thereafter, children are instructed in Russian and continue studying their native language as a separate subject. In most other republics, autonomous districts and regions, national schools use Russian as the language of instruction throughout the whole period of study, while the native language is taught as a separate subject (4th and 5th type). In addition, there are several types of schools for the numerically-few indigenous peoples of the North. It was officially reported that by 2005, students were instructed in their native languages in 9.9 : of general education institutions in Russia, while native languages were taught as a separate subject in 16.4 : of schools. In 2009, the share of schools teaching in a native language was measured at 45 : in Bashkortostan, 40 : in Sakha, 59 : in Tatarstan and 80 : in Tyva. The number of schools teaching in native languages in all of Russia's republics increased on average from 13.5 : in 1991 to 56 : in 2009 and the number of schoolchildren increased accordingly [Zamyatin, p. 21–22].

There are certain problems associated with the implementation of linguistic rights and, particularly, functional bilingualism. This has been outlined in [Zamyatin], who shows that nationalities opt for their native language as a language of instruction in smaller numbers than is desirable: "...in Tatarstan there is native language instruction for a few hundred Mari and Udmurt schoolchildren in secondary education, and in Bashkortostan for a few hundred Udmurt schoolchildren in primary school and approximately 3,000 Mari schoolchildren in basic secondary education... The situation for these nationalities is worse in their own titular republics: the 11,000 Mari and 19,000 Udmurt schoolchildren in the Republics of

Mari El and Udmurtia respectively learn the native language as a subject only” [Ibid., p. 21]. The causes of this appear to be: firstly, children and their parents may be guided by language status, they may opt for the state language as “the language of opportunity” rather than their native one [Zamyatin]; secondly, some national republics are not efficient enough in supporting their republican languages; thirdly, symbolic identification with one’s ethnic group happens more readily when one is not in the environment of one’s kinsmen [Беликов, Крысин, с. 168].

K. Zamyatin poses as a problem the fact that the emphasis in Russia is, by tradition, placed on the rights of nationalities as ‘equal-in-right collectives’ rather than on native languages and individual linguistic rights, awareness of which should be fostered from childhood. These linguistic collectives, irrespective of their size, but with a hierarchy of importance for language sustenance and education are: 1) nationality republican titular languages, 2) the state language (Russian), 3) indigenous republican state (official) languages, 4) native languages.

On the other hand, in Russia with its polyethnic landscape the problem of the native languages has been systematically legislatively addressed. There is a special legal instrument in Russia – national-cultural autonomy serving to protect ethnocultural and linguistic interests of groups with cultural and linguistic specificity. Since 1995, the norms provide for the realization of the linguistic and cultural rights of extraterritorial autonomy to any dispersed ethnic community, which also entails teaching their languages at school [Степанов, с. 106]. The recent 2018 Federal Law on learning native languages provides for a free choice, made by the parents or legal representatives of a child before their entering the first and fifth grades, to study one’s native tongue as the subject, as well as to have it as a language of instruction, if this can be effected by the educational system of a particular region [Принят закон об изучении родных языков].

In some republics there were attempts to introduce English as the third official language (Tatarstan, Yakutia and others). However, the rationales for the National-English-Native trilingualism are rather equivocal [Туксайтова]. The claim of democratization of language situation for minorities by introducing exoglossia is offset by the danger of the partial national identity and separatism. Involvement in modern technological and scientific trends is disproved by some data on the absence of higher (or downright lower) achievements in sciences in a trilingual environment (given the time and effort spent on three languages). The introduction of English in the high domains of functional social communication is fraught with the decadence of the respective sublanguages of national/ethnic languages. There is a risk of a two-tiered society in which English is used for high-status interaction and national/native languages for lower-status, daily interactions (such dangers are attested in some Scandinavian countries, see [Hult]). So exoglossic trilingualism has in most cases been suspended.

Thus, there is an integral effort in the Russian Federation to cater for both the national-administrative and ethnic-historical legal regimes

of languages – national republican titular, state (Russian), national republican official (indigenous), native. We may conclude that the linguistic situation and polyethnic education, both in schools and in higher education, in the Russian Federation is sustainable.

Список литературы

- Азербайджанская ССР // БСЭ. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1969. Т. 1. С. 269.
- Айранетов О. Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М. : Европа, 2006. 672 с.
- Аллатов В. М.* 150 языков и политика: 1917–1997 : Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М. : Крафт : Ин-т востоковедения РАН, 2000. 224 с.
- Анисимов В. И.* Наделы // Великая реформа. 19 февраля 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем : в 6 т. / ред. А. К. Дживелегов и др. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 76–103.
- Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М. : РГГУ, 2001. 315 с.
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* Социолингвистика и социология языка. М. : Гуманитар. акад., 2004. 388 с.
- Вдовин А. И.* Русские в XX веке : Трагедии и триумфы великого народа. М. : Вече, 2013. 624 с.
- Гигин В. Ф.* Оклеветанный, но не забытый : (Очерк о М. Н. Муравьеве-Виленском) // Нёман. 2005. Вып. 6. С. 127–139.
- Грамматика современного якутского литературного языка : в 2 т. / отв. ред. Е. И. Убрятова. М. : Наука, 1982. Т. 1. Фонетика и морфология. 496 с.
- Зекох У. С.* Система склонения адыгейского языка. 2-е изд., доп. Майкоп : Адыг. респ. книж. изд-во, 2001. 204 с.
- Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР. М. : Наука, 1979. 350 с.
- Історія української мови // Українська мова : енциклопедія. Київ : Українська енциклопедія, 2004. С. 235–239.
- Катков М. Н.* Слабы не силы наши, а слабы наши мнения. Необходимо подавить восстание // Катков М. Н. Имперское слово. М. : Журнал «Москва», 2002. С. 112–117.
- Коми АССР // БСЭ. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1973. Т. 12. С. 505.
- Левин И.* Материалы к политике царизма в области письменности «иностранцев» // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку : Гостип. «Красный Восток», 1930. С. 3–19.
- Национальная политика в России: история и современность / сост. Н. И. Наумова. М. : Рус. мир, 1997. 680 с.
- Рихтер Д. Г.* Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1900. № 39. С. 589–591.
- Принят закон об изучении родных языков // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации : [website]. URL: <http://duma.gov.ru/news/27720/> (mode of access: 05.12.2018).
- Степанов В. В.* Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 101–115.
- Судакова Н. Я.* Из истории методики преподавания русского языка в нерусской школе. Махачкала : Дагучпедгиз, 1972. 248 с.
- Тихомиров Л. А.* Варшава и Вильно в 1863 году. М. : [Б. и.], 1897. 44 с.
- Туксайтова Р.* Русский язык в мультикультурном пространстве Казахстана: государственная политика и общественные настроения // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 4. С. 94–106. DOI 10.15826/q.2016.4.193.
- Украинофильство // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 4 т. 2-е изд. СПб. : Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1907–1909. Т. 4. 1902. С. 635–638.

Устав об управлении инородцев // Большая Советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1977. Т. 27. С. 126.

Шейко В. М., Тишневская Л. Г. История украинской культуры : учеб. пособие. Киев : Кондор, 2006. 264 с.

Языки народов СССР // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 613–615.

Azerbaijan // Encyclopædia Britannica : [website]. URL: <https://www.britannica.com/place/Azerbaijan/Cultural-life> (mode of access: 25.12.2018).

Dickens M. Soviet Language Policy in Central Asia // Internet Archive : [website]. 1988. URL: <http://www.oxuscom.com/lang-policy.htm> (mode of access: 15.05.2019).

Hult F. English on the Streets of Sweden : An Ecolinguistic View of Two Cities and a Language Policy // Working Papers in Educational Linguistics. Vol. 19. 2003. № 1. P. 43–63.

Struve N. The Russian Orthodox Church and Mission // History's Lessons for Tomorrow's Mission : Milestones in the History. Geneva : World's Student Christian Federation, 1960. P. 105–118.

Zamyatin K. The Education Reform in Russia and Its Impact on Teaching of the Minority Languages: An Effect of Nation-Building? // J. on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. Vol. 11. 2012. No 1. P. 17–47.

References

Airapetov, O. R. (2006). *Vneshnyaya politika Rossiiskoi imperii (1801–1914)* [The Foreign Policy of the Russian Empire (1801–1914)]. Moscow, Evropa. 672 p.

Alpatov, V. M. (2000). *150 yazykov i politika : 1917–1997. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 Languages and Politics : 1917–2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and Post-Soviet Space]. Moscow, Kraft, Institut vostokovedeniya RAN. 224 p.

Anisimov, V. I. (1911, 2012). Nadely [Allotments]. In Dzhivelegov, A. K. et al. (Eds.). *Velikaya reforma 19 fevralya 1861–1911. Russkoe obshchestvo i krest'yanskiy vopros v proshlom i nastoyashchem v 6 t.* Moscow : Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina. Vol. 6, pp. 76–103.

Azerbaidzhanskaya SSR [Azerbaijan SSR]. (1969). In *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya v 30 t.* 3th Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 1, p. 269.

Azerbaijan (N. d.). In *Encyclopædia Britannica* [website]. URL: <https://www.britannica.com/place/Azerbaijan/Cultural-life> (mode of access: 25.12.2018).

Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 315 p.

Dickens, M. (1988). Soviet Language Policy in Central Asia. In *Internet Archive* [website]. URL: <http://www.oxuscom.com/lang-policy.htm> (mode of access: 15.05.2019).

Gigin, V. F. (2005). Oklevetannyi, no ne zabytyi (Ocherk o M. N. Murav'evе-Vilenskom) [Slandered but not Forgotten (Essay on M. N. Muravyov-Vilensky)]. In *Neman*. Iss. 6, pp. 127–139.

Hult, F. (2003). English on the Streets of Sweden : An Ecolinguistic View of Two Cities and a Language Policy. In *Working Papers in Educational Linguistics*. Vol. 19. No. 1, pp. 43–63.

Ilyin, I. A. (1993). *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : in 10 vols. / Comp.: Yu. T. Lisitsa. Moscow : Russkaya kniga. Vol. VI. 576 p.

Isaev, M. I. (1979). *Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR* [Linguistic Construction in the USSR]. Moscow, Nauka. 350 p.

Istoriya ukrains'koï movi [History of the Ukrainian Language]. (2004). In *Ukrains'ka mova. Entsiklopediya v 30 t.* Kyiv, Ukrains'ka entsiklopediya, pp. 235–239.

Katkov, M. N. (2002). Slaby ne sily nashi, a slaby nashi mneniya. Neobkholdimo podavit' vosstanie [Weak is not Our Power, Our Opinions are Weak. Need to Put down the Rebellion]. In Katkov, M. N. *Imperskoe slovo*. Moscow, Zhurnal “Moscow”, pp. 112–117.

Komi ASSR [Komi ASSR]. (1973). In *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya v 30 t.* 3th Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 12, p. 505.

Levin, I. (1930). Materialy k politike tsarizma v oblasti pis'mennosti "inorodtsev" [Materials for the Policy of Tsarism in Writing of "Foreigners"]. In *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Book 6. Baku, Gostipografiya "Krasnyi Vostok", pp. 3–19.

Naumova, N. I. (Ed.). (1997). *Natsional'naya politika v Rossii: istoriya i sovremennost'* [National Policy of Russia: History and Modernity]. Moscow, Russkii mir. 680 p.

Prinyat zakon ob izuchenii rodnnykh yazykov [A Law Passed on the Study of Native Languages]. (N. d.). In *Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo sobraniya Rossiyskoi Federatsii* [website]. URL: <http://duma.gov.ru/news/27720/> (mode of access: 05.12.2018).

Richter, D. I. (1900). Materialy po voprosu o zemel'nom nadele byvshikh pomeshchich'ikh krest'yan i servitutakh v yugo- i severo-zapadnykh guberniyakh Rossii [Materials on Land Allotment of Former Serfs and Easement in South and North-Western Provinces of Russia]. In *Vestnik finansov, promyshlennosti i torgovli*. No. 39, pp. 589–591.

Sheiko, V. M., Tishevskaya, L. G. (2006). *Istoriya ukrainskoi kul'tury. Uchebnoe posobie* [History of Ukrainian Culture. Study Guide]. Kiev, Kondor. 264 p.

Stepanov, V. V. (2010). Podderzhka yazykovogo raznoobraziya v Rossiiskoi Federatsii [Support of the Linguistic Diversity in the Russian Federation]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4, pp. 101–115.

Struve, N. (1960). The Russian Orthodox Church and Mission. In *History's Lessons for Tomorrow's Mission : Milestones in the History*. Geneva, World's Student Christian Federation, pp. 105–118.

Sudakova, N. Ya. (1972). *Iz istorii metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v nerusskoi shkole* [From the History of the Methodology of Teaching the Russian Language in a Non-Russian School]. Makhachkala, Daguchpedgiz. 248 p.

Tikhomirov, L. A. (1897). *Varshava i Vil'no v 1863 godu* [Warsaw and Vilna in 1863]. Moscow, S. n. 44 p.

Tuksaitova, R. (2016). Russkii yazyk v mul'tikul'turnom prostranstve Kazakhstana: gosudarstvennaya politika i obshchestvennye nastroyeniya [The Russian Language in the Multicultural Space of Kazakhstan : State Policy and Public Mood]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 4, pp. 94–106. DOI 10.15826/qr.2016.4.193.

Ubrayatova, E. I. (Ed.). (1982). *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka v 2 t.* [Grammar of the Modern Yakut Literary Language. 2 Vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 1. Fonetika i morfologiya. 496 p.

Ukrainofil'stvo [Ukrainophilia]. (1902). In *Malyi entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona v 4 t.* [Brockhaus and Efron Small Encyclopaedic Dictionary. 4 Vols.]. (1907–1909). St Petersburg, Izdatel'stvo Brokgauza i Efrona. Vol. 4, pp. 635–638.

Ustav ob upravlenii inorodtsev [Charter on the Governance of Indigenous Peoples]. (1977). In *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya v 30 t.* 3th Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 27, p. 126.

Vakhtin, N. B., Golovko, E. V. (2004). *Sotsiolingvistika i sotsiologiyazyka* [Sociolinguistics and Sociology of Language]. St Petersburg, Gumanitarnaya akademiya. 388 p.

Vdovin, A. I. (2013). *Russkie v XX veke. Tragedii i triumfy velikogo naroda* [Russians in the 20th Century. The Tragedies and Triumphs of the Great Nation]. Moscow, Veche. 624 p.

Yazyki narodov SSSR [Languages of the Peoples of the USSR]. (1990). In Yartseva, V. N. (Ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 613–615.

Zamyatin, K. (2012). The Education Reform in Russia and Its Impact on Teaching of the Minority Languages : An Effect of Nation-Building? In *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. Vol. 11. No. 1, pp. 17–47.

Zekokh, U. S. (2001). *Sistema skloneniya adygeiskogo yazyka* [Adyghe Language Declension System]. 2nd Ed., add. Maikop, Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 204 p.

The article was submitted on 16.12.2017

DOI 10.15826/qr.2019.3.417

УДК 81:39+81'244+811.17'246+811.512.122'246.3

ПОЛИТИКА МОНОЛИНГВИЗМА И МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В ЛАТВИИ И КАЗАХСТАНЕ*

Лю Цзюань

Цзянсуский океанологический университет,
Ляньюньган, Китай

Гун Лэй

Гуандунский университет
иностраннных языков и внешней торговли,
Гуанчжоу, Китай

THE POLICY OF MONOLINGUALISM AND MULTILINGUALISM IN LATVIA AND KAZAKHSTAN**

Liu Juan

Jiangsu Ocean University,
Lianyungang, China

Gong Lei

Guangdong University of Foreign Studies,
Guangzhou, China

This article examines the evolution of language policy in Latvia and Kazakhstan, former republics of the Soviet Union. An analysis of the historical roots and development in the language policies of the two post-Soviet countries makes it possible to identify similarities and differences and advantages and disadvantages in the implementation processes. This article represents complex interdisciplinary research in the fields of linguistics, sociology, education, history, political science, and ethnology. The study is relevant as it considers the little-studied issue of language policy in former USSR republics and countries of the socialist camp. The research takes into account the fact that all countries are aware of the status of cultural soft power in the conditions of ongoing globalisation and a wave of ethnic nationalism

---

* Работа поддержана грантом № 18YUB003 «Языковая политика и языковое образование в Латвии» Фонда социальных наук провинции Цзянсу, КНР.

** *Citation*: Liu Juan, Gong Lei (2019). The Policy of Monolingualism and Multilingualism in Latvia and Kazakhstan. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 955–968. DOI 10.15826/qr.2019.3.417.

Цитирование: Liu Juan, Gong Lei. The Policy of Monolingualism and Multilingualism in Latvia and Kazakhstan // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 955–968. DOI 10.15826/qr.2019.3.417 / Лю Цзюань, Гун Лэй. Политика монолингвизма и мультилингвизма в Латвии и Казахстане // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 955–968. DOI 10.15826/qr.2019.3.417.

where language is increasingly valued as a carrier of national culture. The entire global community, including Latvia and Kazakhstan, constantly adjusts and improves language policy in order to fulfill strategic goals. Latvia and Kazakhstan have similar historical memories and language situations, but they are carrying out different language policies. The government of Latvia has implemented a policy of monolingualism, while Kazakhstan has stuck to a bilingualism policy (although it is also attempting to realise a policy of trilingualism). The authors conclude that monolingualism fundamentally serves politics and occupies a weak position. In an era of globalisation, it is extremely difficult to establish a system of monolingualism in its strict sense; ultimately, it will be replaced by multilingualism.

Keywords: language policy; Latvia; Kazakhstan; monolingualism; multilingualism; comparative analysis.

Исследуется эволюция языковой политики в бывших республиках Советского Союза Латвии и Казахстане. Анализ ее исторических корней и развития позволяет выявить сходства и различия двух стран постсоветского времени, преимущества и недостатки реализации этой политики. Работа является комплексным междисциплинарным исследованием на основе сочетания методов лингвистики, социологии, истории, политологии и этнологии. Ее актуальность обусловлена недостаточной разработанностью проблемы языковой политики в бывших советских республиках и странах социалистического лагеря. Учитывается факт осознания странами роли культурной мягкой силы на фоне непрекращающейся глобализации и волны этнического национализма, когда язык все больше ценится как носитель национальной культуры. Мировое сообщество, включая Латвию и Казахстан, для достижения стратегических целей постоянно корректируют и совершенствуют языковую политику. Латвия и Казахстан имеют схожие исторические воспоминания и языковые ситуации, однако в них применяются разные варианты языковой политики. Правительство Латвии утвердило политику монолингвизма как юридически закрепленную форму, в Казахстане же предпочитают политику двуязычия, здесь принята программа о триединстве языков. Авторы приходят к выводу, что монолингвизм, облуживая политические запросы, находится в слабой позиции. В эпоху глобализации крайне сложно утвердить систему монолингвизма в ее строгом смысле, на смену ей рано или поздно утвердится мультилингвизм.

Ключевые слова: языковая политика; Латвия; Казахстан; монолингвизм; мультилингвизм; сравнительный анализ.

В многонациональных странах, включая Россию и Китай, языковая ситуация и соответствующая языковая политика часто характеризуются разнообразием и сложностью вследствие исторических традиций и социального контекста. Языковые проблемы многонациональных государств и путь максимально последовательного осуществления языковой политики в соответствии с реальным положением дел в стране важны не только в академическом аспекте, но и влияют

на политическое единство и межэтническое согласие в многонациональных государствах.

Выбор анализа языковой ситуации в Латвии и Казахстане, дополненного сравнением исторического развития языковой политики двух стран и опытом ее реализации для разработки языковой политики в многонациональных странах, обусловлен следующими причинами:

– Латвия и Казахстан – многонациональные страны, язык преобладающего этнического населения и языки меньшинств долгое время оказывали здесь влияние друг на друга, то есть языковая ситуация внутри этих стран является относительно сложной.

– Латвия и Казахстан – бывшие советские республики (и, собственно, были созданы как независимые республики-государства в раннесоветский период), существовавшие ранее внутри социалистической политической системы. После обретения независимости они разрабатывают собственную языковую политику, в которой прослеживаются как общность исторических традиций, так и национальные особенности.

– Изучение языковой политики этих стран, являющихся одновременно типичными представителями Европы и Азии, носит репрезентативный и универсальный характер, помогает понять различия между Востоком и Западом.

Языковая политика обозначает законы, положения, меры и т. п., разработанные социальной группой в процессе речевого общения в соответствии с позициями и взглядами на определенный язык или языки. Она является неотъемлемой частью основного государственного политического курса и тесно связана с политикой, экономикой, культурой, религией, национальностью, технологиями и обществом. Установление языковой политики любой страны осуществляется в соответствии с ее национальными условиями и потребностями, языковыми особенностями и основной государственной политикой.

Б. Спольский разделил языковую политику национального государства на три основных типа: одноязычную (монолингвизм), двуязычную (билингвизм) и многоязычную (мультилингвизм) [Spolsky, с. 58], в нашем случае речь пойдет об «одноязычном» и «многоязычном» типах. Под одноязычной понимаются официальная политика и ситуации, в которых используется только один язык. К одноязычным странам, в которых используется только один официальный язык, относятся, например, США, Великобритания, Франция и другие западные страны, а также государства, в которых существует преимущественное преобладание определенного этноса, Япония, Южная Корея; из бывших советских республик это Латвия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и др. Как следует из названия, термин «многоязычие» означает, что официальными в стране являются два языка или более, которые закреплены в использовании законодательно. В число многоязычных стран входят из бывших республик Белоруссия, Казахстан, Киргизия, из мирового сообщества – Бельгия,

Босния и Герцоговина, Индия, Канада, Кипр, Люксембург, Финляндия, Швейцария, Перу и др.

Текущая языковая ситуация в Латвии и Казахстане

Латвия и Казахстан, две крупные республики Советского Союза, были своеобразными «воротами» бывшей РСФСР в Прибалтику и Центральную Азию. Кажется, что эти две республики географически, исторически, ментально далеки друг от друга и не имеют между собой ничего общего, но на самом деле именно из-за тесных отношений с Россией и бывшим Советским Союзом они, возможно, в большей степени, чем все остальные бывшие республики СССР, сохраняют огромное историческое наследие и память об ушедшей эпохе.

Согласно статистическим данным, по состоянию на 2013 г. доля латышей в общей численности населения Латвии составляет около 61 %. Этнические русские являются вторыми по численности в Латвии и составляют около 27 %. Остальное население составляют украинцы, белорусы, поляки, литовцы, а также небольшое количество евреев и эстонцев. В настоящее время официально признанными в Латвии являются только латышский язык и латгальский язык как исторический вариант латышского, отмечается особая роль ливского языка, в то время как русский, украинский, белорусский и польский языки считаются фактическими языками меньшинств или иностранными языками, такими как английский, китайский и французский (см.: [О государственном языке]).

Согласно соответствующим постановлениям латвийского правительства, государственным и официальным языком в стране признается только латышский. Он является родным для 58 %, а русский – для 39 % населения Латвии (данные на 2000 г.). Причем 93 % населения Латвии в большей или меньшей степени владеют латышским языком (данные на 2008 г., 86 % – на 2005 г.). В свою очередь, на русском языке без проблем воспринимают информацию 90 % экономически активного населения (2005 г.). Таким образом, в Латвии существует реальное двуязычие [Кривцова, с. 128].

С момента получения этих статистических результатов прошло уже почти 15 лет, в течение этого времени курс Латвии на популяризацию и усиление латышской одноязычной языковой политики, обретение культурной независимости и устранение влияния русификации в постсоветскую эпоху ожидаемо изменил долю использования латышского и русского языков. Однако мы убеждены, что русский язык имеет здесь существенный вес, и главное – имеет полное право на влияние как язык этнических меньшинств согласно международным документам о защите языковых и культурных прав меньшинств (ст. 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 55 Устава ООН, задача 4.7 «Цели в области устойчивого развития» (ЦУР 4), Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и др.).

Языковая ситуация в Казахстане, расположенном в Центральной Азии, отличается от таковой в Латвии. Сегодня этнический состав Казахстана в значительной степени зависит от политики, проводимой на постсоветском пространстве. В современном Казахстане казахи и русские, в долях 66 и 21 % соответственно, являются преобладающими этническими группами. Представителями более чем 130 национальных меньшинств, говорящих на 126 языках, широко используются казахский и русский языки. Кроме того, в настоящее время здесь насчитывается менее 200 пользователей 42 языков (33 % от их общего числа), которые находятся на грани исчезновения [Ма Лисинь, с. 152].

До обретения независимости в Казахстане как во времена царской России, так и в постсоветский период русский язык всегда был основным и использовался в «высоких» сферах социального взаимодействия, таких как наука и образование, отчасти литература и журналистика (но не в государственном управлении, суде, культуре (включая театр) и региональных СМИ). После обретения Казахстаном независимости в законе «О языках в Республике Казахстан», принятом новым правительством, казахский язык был официально закреплен как государственный, а русский – как язык межнационального общения [О языках в Республике Казахстан]. Однако фактическая ситуация несколько иная. По данным переписи населения Казахстана 1999 г., 74,8 % казахов владеют русским языком, 25,2 % из них говорят только на казахском языке и не говорят по-русски, и только 7,7 % русских владеют казахским языком [Ян Шичи, с. 15].

Из-за сходных социальных изменений и политики за последние 20 лет языковая ситуация в современном Казахстане должна быть в некоторой степени похожа на языковую ситуацию в Латвии, то есть основными языками, используемыми населением, все еще остаются казахский и русский. Но в то же время доля использования казахского языка должна была увеличиваться по мере реализации государственной языковой политики. Разница заключается в том, что, в отличие от латвийской тенденции к сокращению использования русского языка, обусловленной официальной политикой неприятия общего с Россией прошлого, и русского языка в частности, использование русского языка в Казахстане продолжает набирать обороты при всей популярности казахского языка.

Метаморфозы языковой политики в Латвии и Казахстане

В XIII–XIV в. в Ливонии не существовало одного законодательно утвержденного официального языка, в официально-деловой, научной и образовательной сферах использовались латинский и немецкий языки. Влияние последнего было сильным задолго до того, как Латвия вошла в состав Советского Союза, и можно сказать, что, начиная со Средневековья, после поражения в XIV в. от войска Ивана

Грозного, во время польско-шведской оккупации Задвинского герцогства, после принятия господства Российской империи – во все эти времена немецкий был первым общим языком в Латвии и широко использовался во всех сферах общественной жизни¹. Начиная с XIX в. в связи с развитием национального самосознания возрастает влияние латышского языка, он постепенно становится гражданским языком, отличающимся от языка правящего класса. В конце XIX в., когда император Александр III, следуя практике Эмского указа Александра II, ужесточившего централизацию окраин Российской империи после польских восстаний 1830 и 1863–1864 гг., начал активнее проводить политику русификации и ассимиляции русских в нерусских регионах, развитие латышского языка в Курляндской губернии как вассале Российской империи приостановилось. «11 января 1882 года Александр III утвердил мнение Государственного совета, обязывающего все государственные учреждения Прибалтийского края принимать к рассмотрению прошения и заявления, написанные на русском, эстонском, немецком и латышском языках. Следом, 12 апреля 1882 года, вышел указ, вводивший русский язык в качестве обязательного в местных по воинским повинностям присутствиях. Наконец, 14 сентября 1885 года царь утвердил закон, предписывающий всем присутственным местам и должностным лицам вести делопроизводство на русском языке. Потом появилось еще несколько законодательных актов, устанавливающих обязательное использование государственного русского языка при судопроизводстве, в учебных заведениях, в делопроизводстве городских управлений, при составлении метрических книг» [Боханов, с. 438–439]. Но по историческим причинам немецкий язык тогда не покинул Латвию полностью. До Первой мировой войны немецкий и русский фактически использовались в качестве языков правящего класса, и немецкий в какой-то степени оставался доминирующим. Можно сказать, что, хотя в Латвии до XX в. объективно существовали различные лингвистические условия и языковые нормы, она не имела независимой языковой политики, но пассивно принимала и осуществляла языковую политику правящего класса.

В 1918 г. независимая Латвийская Советская Социалистическая Республика воспользовалась возможностью начать реформирование национального языка и попытаться трансформировать национальное самосознание. Новое правительство ввело ряд либеральных языковых стратегий, которые объективно признавали право и разре-

---

¹ Полученная Российской империей по мирному договору в 1721 г. Шведская Лифляндия (в которую входили северная часть современной Латвии и южная часть современной Эстонии) стала частью Рижской губернии, а потом отдельной Лифляндской губернией. В 1772 г. в результате первого раздела Речи Посполитой к России была присоединена Латгалия (Инфлянты Польские). При третьем разделе Речи Посполитой (март 1795 г.) к Российской империи была присоединена Курляндия, и на ее территории была образована Курляндская губерния.

шали государственным органам, таким как парламент, использовать русский и немецкий языки, а также признавали право этнических меньшинств на изучение родного языка в школах. Можно сказать, что на данном этапе в Латвии проводилась политика толерантности и открытости, причем многие из языков, в том числе немецкий, русский и языки национальных меньшинств, имели равный правовой статус. Эта политика продолжалась до Второй мировой войны, но с ее началом резко прекратилась.

Во время Второй мировой войны языковая ситуация в Латвии пережила ряд потрясений. Немецкий язык в начале войны почти исчез в Латвии из-за массового возвращения этнических немцев на родину, но с вторжением фашистов в 1941 г. его роль резко возросла. Таким образом, в плане языковой политики Латвия во время войны снова утратила свою самостоятельность.

После окончания войны Латвия вновь вошла в состав СССР в качестве союзной республики. Однако еще до основания Латвийской Советской Социалистической Республики 30 декабря 1922 г. здесь в январе 1918 г. был принят «Указ о рабочем языке в официальных органах Латвии», а именно постановление о равенстве языков. «С точки зрения процесса создания Союза Советских Социалистических государств, равноправная языковая политика отражает равный статус союзных республик и автономных республик и способствует добровольному союзу». Однако после смерти Ленина Сталин постепенно отошел от этого принципа, став национальным лидером [Тянь Пэн, с. 98]. В эпоху Н. С. Хрущева и затем Л. И. Брежнева принцип двуязычия стал определяющим в языковой политике. Несмотря на то, что в какой-то момент была проведена корректировка национальной политики, советское правительство приложило все усилия для проведения реформы образования с тем, чтобы расширить сферу применения русского языка и ускорить процесс национальной ассимиляции. В это время статус русского языка в Латвии быстро поднялся до уровня основного рабочего языка общения в «высоких» сферах социальной коммуникации и имел значительное влияние вплоть до распада Советского Союза.

В конце XX в. три балтийских государства, и Латвия в том числе, провозгласили независимость и тем самым открыли путь к распаду СССР. В качестве первоочередных задач независимым правительством Латвии были провозглашены идеи национального самоопределения и национальной независимости, возрождения национального языка и восстановления национального самосознания.

В 1988 г. Латвия впервые публично объявила о придании латышскому языку статуса официального, что было подтверждено в 1989 г. Верховным Советом Латвийской ССР. В 1989 тогдашний парламент ЛССР издал первый в Латвии «Закон о языках», в котором в качестве официального языка назывался латышский, ст. 1 этого закона также предусматривала использование русского языка в официальной

сфере, однако в 1992 г. латвийские власти пересмотрели его, изменив официальный статус русского языка, который стал теперь именоваться языком гражданского общения. В 1993 г. в Латвии принимается резолюция, по которой восстанавливается Конституция 1922 г., затем в нее последовательно в 1994, 1996 и 1999 гг. вносятся три поправки. Ст. 4 и 114 Конституции Латвии устанавливают основу языковой политики в стране, объявляют латышский язык официальным и провозглашают, что меньшинства имеют право сохранять и развивать свой собственный язык. В то же время в Конституции подчеркивается, что латышский, латгальский и ливонский языки являются единственными языками коренных народов Латвии. В 1999 г. был принят закон «О государственном языке и письменности», который пересматривался в 2000, 2001 и 2002 гг. Согласно ему все другие языки, кроме латышского, латгальского и уже исчезнувшего ливонского, признаются иностранными. По сути, он является зеркалом латышской политики монолингвизма. 18 февраля 2012 г. в Латвии был проведен референдум по вопросу о статусе русского языка, в результате которого он был признан иностранным, наряду с английским и немецким. 2 апреля 2018 г. президент Латвии Раймондс Вейонис подписал поправку к закону «Об образовании», направленную на то, чтобы к концу 2022 г. латышский стал единственным языком обучения в начальных и средних школах страны.

Латвийскую языковую политику начала 1990-х гг. можно признать терпимой и мягкой. В ней проявлялось уважение и признавались языки национальных меньшинств, включая и русский, одновременно были гарантированы надлежащие права и законные интересы населению, для которого он является родным. Начиная с периода середины – конца 1990-х гг. правительство Латвии становится все более националистическим и в итоге утверждает политику монолингвизма как юридически закрепленную форму. В этот период вводится понятие неграждан (*лат. perilsoņi*) – особый юридический статус, предоставленный Латвийской Республикой бывшим гражданам СССР, проживавшим по состоянию на 1 июля 1992 г. в Латвии и не имевшим гражданства никакой другой страны, а также их потомкам. По состоянию на 1 января 2019 г. насчитывалось 224 670 неграждан, проживающих в Латвии, а также 5 105 неграждан вне ее территории (в середине 1990-х гг. численность неграждан была около 730–740 тыс. чел.). Приблизительно 65,5 % из них составляют этнические русские. Тем самым, вероятно, латвийское руководство стремится с помощью принудительной языковой идентификации сформировать в многонациональной стране моноэтническое государство или страну, в целом подобную США, по принципу «многообразные племена, один народ». В определенной мере такая языковая политика является и формой компенсации болезненного периода бедствий этого народа.

Казахстан, как и Латвия, входил в состав Советского Союза. Процесс исторической эволюции языковой политики в этом централь-

ноазиатском государстве просматривается еще более отчетливо. В языковой политике Казахстана можно выделить два направления: это гармоничный симбиоз казахского языка с русским и движение Казахстана в мир.

Истоки истории казахского народа можно проследить в Казахском ханстве, которое берет начало от Золотой Орды. Вплоть до присоединения ханства Русским государством в XVI в. для каждой народности и каждого сословия казахский здесь выступал и как общеупотребительный, и как официальный язык того времени.

Позже Российская империя поощряла использование казахского языка в администрировании и образовании, публикацию периодических изданий на казахском языке (в 1913 г. – 37 изданий тиражом 150 300 экз. [Исаев, с. 34]). Лишь во второй половине XIX в. русские и русско-казахские школы появились на территории Казахстана, и набор в них был не столь велик. Русский язык был мало распространен в дореволюционном Казахстане.

Российская интеллигенция, просветители, а также казахская интеллигенция, оказавшаяся в поле влияния русской культуры, начали проводить в жизнь политику русификации. Присоединение значительной части Казахстана к России на рубеже XIX–XX вв. способствовало развитию казахской культуры, в том числе литературы, введению казахского языка в систему образования (середина XIX в.), появлению светского образования на нем, развитию прессы (с 1870 г.). Просветители А. Кунанбаев, И. Алтынсарин, Ч. Валиханов развивали литературный язык, записывали эпос и фольклор, переводили произведения писателей Азии, России, Европы, создавали оригинальные труды на казахском и русском языках. Советский период породил плеяду таких писателей как Г. Мустафин, С. Мауленов, Ж. Мулдагалиев, М. Ауэзов, А. Нурпеисов, Т. Ахтанов, Д. Досжанов, О. Сулейменов, С. Муканов, М. Каратаев и др. Российские и казахские лингвисты описывали и развивали казахский язык: это А. Байтурсунов (внес изменения в арабский алфавит, описал казахскую грамматику), Н. А. Баскаков (классифицировал тюркские языки, развивал новый алфавит на основе латинской графики), С. А. Аманжолов (разработал казахский алфавит на кириллице), М. Б. Балакаев, С. К. Кенесбаев и др. (см.: [БСЭ, т. 11]).

После учреждения в 1925 г. Казахской ССР в языковой политике республики происходили примерно те же процессы, что и в Латвии. Единственное отличие – это то, что, в период Второй мировой войны Казахстан находился в глубоком тылу, поэтому избежал языковых потрясений времен оккупации, подобных латвийским. К тому же правительство Сталина начало плановое переселение различных народностей с востока и запада территории СССР в Казахстан и в целом в районы Средней Азии, в частности это коснулось крымских татар, корейцев, немцев. Подобное искусственное этническое смешение объективно усиливало запрос в отношении

русского языка, укрепляло языковую политику ассимиляции через русификацию.

В преддверии крутых перемен в Восточной Европе и Советском Союзе еще в 1989 г., как и во всех остальных союзных республиках, в Казахстане был принят закон «О языках в Республике Казахстан», в котором был определен статус казахского языка как республиканского государственного, а русский язык был признан языком межнационального общения. С момента обретения Казахстаном независимости в декабре 1991 г. с целью усиления национальной солидарности и укрепления национального самосознания новое правительство предприняло целый ряд мер по укреплению позиций казахского языка. В самом начале своей самостоятельности, как это происходило и с Латвией, Республика Казахстан сделала упор на усиление статуса языка титульной нации и осуществление принципа одноязычия, в различных правовых актах четко подчеркивая статус казахского языка как официального языка государства, одновременно формально закрепив этот статус в Конституции Республики Казахстан 1995 г. Но ввиду того, что граждане Республики Казахстан все же не слишком хорошо владели казахским языком высоких сфер социальной коммуникации в начальный после развала СССР период, эти идеи столкнулись с мощным противодействием. Граждане уже привыкли использовать русский язык в повседневном общении, кроме того, правительству Казахстана необходимо было смотреть в лицо объективному факту – наличию внутри страны огромной русской диаспоры. И казахстанская языковая политика начала поворот от одноязычия к двуязычию. Опубликованный в июле 1997 г. закон «О языках в Республике Казахстан» снова утвердил в качестве государственного языка казахский, но для русского также предусмотрел статус языка межнационального общения. Ст. 5 этого закона гласит, что в государственных органах и органах местного самоуправления казахский и русский языки имеют равный статус. Этот поворот обозначил установление двуязычной формы языковой политики Казахстана.

Политика двуязычия в Казахстане дала положительный результат, эффективно разрешив этнические разногласия в обществе, одновременно предоставив гражданам Казахстана еще больше возможностей для саморазвития. На этой основе, чтобы еще лучше влиться в волну глобализации и модернизации, Казахстан в новом веке представил обновленную концепцию языковой политики – программу о триединстве языков. Эта концепция впервые была предложена Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым в 2004 г. в соответствии с программой развития Казахстана до 2030 г. «Казахстан – 2030», а в 2007 г. в послании президента «О положении в стране» была официально конкретизирована через инициативу достичь владения нацией тремя языками: казахским (как государственным), русским (как языком межнационального общения) и английским (как языком благоприятного вхождения в мировую экономику).

Постсоветский разворот

Посредством сравнения изменений языковой политики Латвии и Казахстана мы можем обнаружить много общего, существующего у этих стран. К примеру, обе они в прошлом оказывались в вассальной зависимости у другого государства и вынужденно понижали статус своего языка, следуя политике страны-гегемона; обе они стояли перед политическими вызовами и социокультурными влияниями, свойственными многонациональным государствам постсоветского пространства; руководство обеих стран предпринимало попытки активно выйти в мир, а также защитить родной национальный язык для сохранения политического единства, государственного развития и общественной стабильности.

При сравнении процесса реализации языковой политики в этих двух странах мы можем обнаружить как положительные, так и отрицательные стороны.

Как и в языковой политике всех одноязычных стран, в латвийской языковой политике нужно отметить то положительное обстоятельство, что она способствовала поддержанию связей внутри нации, а также то, что касается нового типа латвийского национального государства, в котором сейчас языковая политика играет незаменимую роль в реконструкции национального духа. Но не может не обращать на себя внимание и негативное влияние формата монолингвизма.

Прежде всего, будучи многонациональным государством, Латвия, осуществляя «защитную» языковую политику, не признает факт наличия в ее границах национальных меньшинств, что лишает их представителей гарантий соблюдения прав и законных интересов, ведет к утрате их традиций и культуры. Кроме того, Латвия отрицает роль русского языка, относя его к разряду иностранных, что приводит к противостоянию латышей и русских. И это при том, что Латвия на протяжении XX в. исторически неразрывно связана с Россией и ее языком, а политика монолингвизма приводит к тому, что молодое поколение потеряет возможность самостоятельно читать, например, русскоязычные исторические источники своей страны, подобно тому как это сегодня произошло в Южной Корее и Вьетнаме, упразднивших у себя китайские иероглифы.

Обращаясь к формату языковой политики триединства языков в Казахстане, мы полагаем, что его положительное и созидательное значение состоит в защите государственной целостности и национальной солидарности, создании большого числа возможностей для будущих поколений, а также в том, что данный формат сочетается с исторической взаимозависимостью и интеграцией, защищает культурное многообразие. Однако он также имеет свои недостатки.

Прежде всего, юридически закрепленное сосуществование двух официальных языков в ходе народного выбора неизбежно приведет к неравномерному их использованию. Возникает проблема обеспече-

ния развития казахского языка в сфере межнационального общения, его статуса государственного языка, и это немалый вызов. В то же время утверждение формата триязычия не исключает появления «языкового шовинизма», поскольку гарантии защиты национальных языков этнических меньшинств на территории Казахстана не подкреплены конкретными действиями, за исключением примеров казахского и русского языков.

В большом многонациональном государстве сохранение гармоничной языковой среды становится предпосылкой создания равноправных межэтнических отношений. Осуществление гарантий всеобщего развития и гармоничное сосуществование множества языков в многонациональном государстве, несомненно, нужно признать его ценным достоянием. Надлежит поддерживать совместное развитие различных языков и культур, при этом четко определив доминирующее место официального языка, и придерживаться сохранения его ведущей позиции и стандарта его применения, указывать путь его правильного развития. В отношении языков этнических меньшинств должны при этом предоставляться необходимые поддержка и признание. Государство должно обращать внимание на сохранение баланса языковой среды, согласованность общего развития языков каждой этнической группы, воспитывая соответствующие кадры, обладающие высокой языковой компетенцией. И наконец, необходимо заботиться о сохранении местных диалектов, важных для исследования исторической эволюции языка.

* * *

Формат монолингвизма является типом языковой политики, основанным на конкретных политических воззрениях государства. В ближайшей перспективе, вероятно, принцип монолингвизма останется одним из распространенных. Однако в эпоху глобализации мононациональные государства или стопроцентно одноязычные общества уже практически перестали существовать. Поэтому в современной социальной среде крайне сложно утвердить систему монолингвизма в его строгом смысле. Фактически языковая политика монолингвизма в процессе ее реализации во многих так называемых одноязычных странах сталкивается с большим количеством ранее не имевшихся вызовов, среди которых, например, проблема получения образования представителями этнических меньшинств, вопросы обучения иностранным языкам внутри страны. В связи с этим многие государства, в которых конституционно закреплены положения об осуществлении «одноязычного» строя, в реальности реализуют многоязычный формат или, по крайней мере, уже начали ставить эксперименты в этой сфере.

Монолингвизм предстает лишь в качестве курса унификации, стабилизации и интегрирования. Государствам, проводящим одно-

язычную языковую политику, нужно пройти ряд переходных этапов по последовательному сближению с многоязычным устройством, что в конечном счете и приведет к установлению многоязычия, которое является общепризнанным в мировом сообществе.

Список литературы

- Боханов А. Император Александр III. М. : Рус. слово, 1998. 512 с. БСЭ. Т. 11. 648 с.
- Исаев М. И. Языковое строительство в СССР. М. : Наука, 1979. 350 с.
- Кривцова Е. Новый подход к языковой политике Латвии // Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления : сб. ст. / под ред. А. В. Гапоненко. М. ; Рига : Моск. бюро по правам человека, 2012. С. 128–133.
- Ма Лисинь. Сравнительное исследование языковой политики в Китае и Казахстане // Современная филология. 2014. № 12. С. 152–154. –马立新. 中国与哈萨克斯坦语言政策的对比研究 // 现代语文. 2014. № 12. С. 152–154.
- О государственном языке : закон Латвийской Республики от 21.12.1999 // Латвийская Республика : [сайт]. URL: http://latvia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_iercib.htm (дата обращения: 27.08.2019).
- О языках в Республике Казахстан : закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. № 151 // Эділет : информ.-прав. система нормативных правовых актов Республики Казахстан : [сайт]. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (дата обращения: 27.08.2019).
- Тянь Пэн. Исследование языковой политики Европейского союза с точки зрения коллективной идентичности. Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2015. 212 с. – 田鹏. 集体认同视角下的欧盟语言政策研究. 北京 : 北京大学出版社, 2015年, 212页.
- Ян Шичи. Исследование языковой политики в Казахстане : дис. ... магистра филологии. Урумчи : [Б. и.], 2013. 39 с. – 杨诗琦. 哈萨克斯坦语言政策研究. 新疆师范大学硕士学位论文, 2013年, 39页.
- Spolsky B. Language Policy. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 250 p.

References

- Bokhanov, A. (1998). *Imperator Aleksandr III* [Emperor Alexander III]. Moscow, Russkoe slovo. 512 p.
- BSE. Vol. 11. 648 p.
- Isaev, M. I. (1979). *Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR* [Linguistic Construction in the USSR]. Moscow, Nauka. 350 p.
- Krivtsova, E. (2012). Novyi podkhod k yazykovoi politike [A New Approach to Language Policy]. In Gaponenko, A. V. (Ed.). *Diskriminatsiya russkikh v stranakh Baltii: prichiny, formy, vozmozhnosti preodoleniya. Sbornik statei*. Moscow, Riga, Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, pp. 128–133.
- Ma Lixin, (2014). Sravnitel'noe issledovanie yazykovoi politiki v Kitae i Kazakhstane [A Comparative Study of Language Policy in China and Kazakhstan]. In *Sovremennaya filologiya*. No. 12, pp. 152–154. –马立新. 中国与哈萨克斯坦语言政策的对比研究 // 现代语文. 2014. № 12. С. 152–154.
- O gosudarstvennom yazyke : zakon Latviiskoi Respubliki ot 21.12.1999 [On the State Language: Law of the Republic of Latvia as of 21.12.1999]. (N. d.). In *Latviiskaya respublika* [website]. URL: http://latvia.news-city.info/docs/sistemsf/dok_iercib.htm (mode of access: 27.08.2019).
- O yazykakh v Respublike Kazakhstan: zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iyulya 1997 g. № 151 [On Languages in the Republic of Kazakhstan: The Law of the Republic of Kazakhstan as of 11 July 1997. No. 151]. (N. d.). In *Edilet : informatsionno-pravovaya*

sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan [website]. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (mode of access: 27.08.2019).

Spolsky, B. (2004). *Language Policy*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 250 p.

Tian Peng, (2015). *Issledovanie yazykovoï politiki Evropeiskogo soyuza s točki zreniya kollektivnoi identichnosti* [A Study of the Language Policy of the European Union in Terms of Collective Identity]. Beijing, Peking Univ. Press. 212 p. – 田鹏. 集体认同视角下的欧盟语言政策研究. 北京: 北京大学出版社, 2015年, 212页.

Yang Shichi, (2013). *Issledovanie yazykovoï politiki v Kazakhstane* [The Study of Language Policy in Kazakhstan]. Dis. ... magistra filologii. Urumqi, S. n. 39 p. – 杨诗琦. 哈萨克斯坦语言政策研究. 新疆师范大学硕士学位论文, 2013年, 39页.

The article was submitted on 22.04.2019

DOI 10.15826/qr.2019.3.418

УДК 94(470)"1768"+94(477)"1768"+316.485.22

УЧАСТИЕ ЗАПОРОЖЦЕВ В ВОССТАНИИ ГАЙДАМАКОВ 1768 Г. (КОЛИИВЩИНА)*

Татьяна Таирова-Яковлева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

THE PARTICIPATION OF ZAPOROZHIAN COSSACKS IN THE 1768 HAIDAMAKA UPRISING (*KOLIIVSHCHYNA*)

Tatiana Tairova-Yakovleva

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

Dedicated to the 250th anniversary of the Koliivshchyna, an uprising among Haidamakas in Right-Bank Ukraine in 1768, this article considers the question of the participation and role of Zaporozhian Cossacks. The author raises some fundamental terminological questions: who should be considered a Cossack in the context of the uprising? Why and how did so many Cossacks take part in the movement? What was their role? How did the Zaporozhian Sich and the Haidamaka movement relate to one another? And how did Koliivshchyna differ from previous uprisings? The author considers a number of archival sources which have not been studied previously and carries out comprehensive analysis of the *Kodensky Book*, the most important set of decisions taken by the Polish military court about the Haidamakas. The author concludes that the Zaporozhians, bearers of the “ideological” component of the Haidamaka movement, played a fundamental role. It is proved that the Cossacks played a key part in the Koliivshchyna, for which they were put on trial by both the Russian and Polish authorities. The author substantiates the fact that the participation of the Zaporozhians in the Koliivshchyna was the main reason for the disbandment of the Zaporozhian Sich after the end of the Russo-Turkish war.

Keywords: Cossacks; Russian Empire; Zaporozhian Sich; Zaporozhian Army; Haidamakas.

---

* *Citation:* Tairova-Yakovleva, T. (2019). The Participation of Zaporozhian Cossacks in the 1768 Haidamaka Uprising (*Koliivshchyna*). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 969–980. DOI 10.15826/qr.2019.3.418.

Цитирование: Tairova-Yakovleva T. The Participation of Zaporozhian Cossacks in the 1768 Haidamaka Uprising (*Koliivshchyna*) // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 969–980. DOI 10.15826/qr.2019.3.418 / Таирова-Яковлева Т. Участие запорожцев в восстании гайдамаков 1768 г. (Колиивщина) // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 969–980. DOI 10.15826/qr.2019.3.418.

В настоящей статье, приуроченной к 250-летию восстания гайдамаков на Правобережной Украине в 1768 г. (Колиивщины), рассматриваются участие и роль запорожцев в восстании. Поднимаются основополагающие терминологические вопросы, в том числе о том, кого считать запорожцами в контексте данного восстания. Изучается, почему и в какой степени участвовали в нем запорожцы, какова была их роль, как соотносились Запорожская Сечь и гайдамацкое движение, и чем отличалась Колиивщина от предыдущих восстаний. В научный оборот впервые вводится ряд архивных источников и дается всесторонний анализ Коденской книги, важнейшего комплекса решений польского военно-полевого суда над гайдамаками. Делается вывод об исключительной роли запорожцев, носителей «идеологической» составляющей гайдамацких движений. Доказывается, что запорожцы играли ключевую роль в Колиивщине, привлекались к суду как российскими, так и польскими властями. Обосновывается тезис о том, что именно участие запорожцев в Колиивщине стало главным поводом для ликвидации Запорожской Сечи после окончания Русско-турецкой войны.

Ключевые слова: казачество; Российская империя; Запорожская Сечь; Войско Запорожское; гайдамаки.

В 2018 г. исполнилось 250 лет со времен Колиивщины, крупнейшего гайдамацкого восстания на Правобережной Украине – события, которое, как нам представляется, имело большое значение для всей Центрально-Восточной Европы XVIII в., а его последствия были сравнимы с восстанием Б. Хмельницкого.

В данной работе ставится конкретная задача – обозначить ряд ключевых аспектов участия запорожцев в восстании. Основная часть запорожцев проходила по материалам «русского следствия» в Киеве, документы которого в большой степени опубликованы в сборнике «Гайдамацкий рух», а также содержатся в архивах Киева. В исследовании, помимо архивных и опубликованных источников, используются материалы Коденской книги, в которой сохранились 49 судебных дел польского военного суда над гайдамаками, проходившего в Троянове, Кодне и Тетиеве. Многие дела касаются тех же самых лиц и повторяются в различных местах книги, представляя разные этапы следствия.

Следует отметить, что гайдамацкое движение вообще и Колиивщина в частности имеют весьма скромную историографию, не сопоставимую, например, с восстанием Б. Хмельницкого. В последние годы эта тема стала на Украине «неудобной», и даже серьезный юбилей не послужил поводом к широкой научной дискуссии. В разное время к вопросу об участии запорожцев обращались дореволюционные историки [Скальковский; Антонович; Шульгин], польские [Serczyk], советские [Голобуцкий], западные [Kohut; Мірчук; Skinner], современные украинские [Мільчев] и многие другие. При этом три первых автора имели огромное преимущество, так как базировались

на значительных архивных комплексах, которые сами издавали (архив Новой Запорожской Сечи, архив Киевской археографической комиссии и Коденская книга, соответственно). К сожалению, по ряду объективных причин с тех пор так и не появилось работ, обобщивших все группы источников, равно как и комплекса документов, изданных в советское время. А Коденская книга, по всей видимости, не только из-за сложности ее изучения, а преимущественно из-за недоступности издания, в свое время попавшего в спецхран, так и не была введена в должной мере в научный оборот.

Колиивщина, на наш взгляд, оказала существенное и недооцененное влияние на такие события, как разделы Речи Посполитой, ликвидация украинского гетманства и разгром Запорожской Сечи. Недавняя статья о причинах ликвидации Запорожья, в которой не затрагивается фактор гайдамаков и Колиивщины, только подчеркивает актуальность вопроса [Мильчев, Сень].

Необходимо определиться с терминами и понятиями в контексте поставленных задач.

В историографии до сих пор остался открытым основополагающий вопрос: кого в контексте Колиивщины считать запорожцами? На международном конгрессе „ASEEES-MAG Summr Convention ”Images of the Other” (Львов, 26–28 июня 2016 г.) на наш вопрос, кого считать запорожцами, представитель Запорожского университета С. Н. Биливенко ответил достаточно расплывчато: «Того, хто там жив, хто був записаний в курінь». Более четко высказалась Н. Н. Яковенко, подчеркнув, что в протоколах гайдамаков разделяют на «запорожец = воин» и «запорожец = мужик».

В. А. Голобуцкий в свое время писал, что «Польські пани з неприхованою ненавистю ставились до гайдамаків і до запорізьких козаків, між якими вони не вбачали ніякої різниці» [Голобуцкий, с. 376–377]. С такой постановкой вопроса мы не можем согласиться. Голобуцкий не смотрел Коденскую книгу (по крайней мере, он на нее не ссылается). Такое ошибочное мнение можно получить только на основе польских дневников, о фантастическом характере которых написал еще И. Франко [Франко, с. 1–40]¹. Таким образом, польские власти четко выделяли из среды гайдамаков запорожцев. Но кого они ими считали, и кого вообще можно назвать запорожцами в контексте Колиивщины?

Нельзя, на наш взгляд, согласиться и с мнением Я. Шульгина, который писал, что гайдамаков не принимали в Запорожье [Шульгин, с. 6]. И в другом месте: запорожцы «жили в пределах вольностей войска запорожского, однако к запорожскому войску они не причислялись, ибо войско это вследствие влияния русского правительства не имело возможности включить их легально в свою семью» [Там же, с. 144].

---

¹ Например, Павлу Младановичу во время взятия Умани было семь лет. Его сестра Вероника (Кребс) свои записки писала через 60 лет после событий.

Следует учесть, что в Запорожской Сечи (Войске Запорожском Низовом, далее – ВЗН), в отличие от городского казачества Украинского гетманства (Войска Запорожского), не существовало четких списков или реестра. Это было наследие старинной вольности, традиции которой не изменились и в XVIII в. Показательно, что, когда Запорожье переподчинили власти гетмана, Кирилл Разумовский в 1756 г. запросил именной список запорожцев (впервые в истории) [Антонович, с. 76–77]. Но кошевой всячески отказывался исполнять это указ, ссылаясь на то, что «атаманы же куренные вспомнить всех до единого не могут» [Архів Коша. № 43. С. 234–235].

Интересен вопрос, кого само ВЗН считало запорожцами. Ответ дает наказ Коша, поданный на Комиссию Уложения в 1767 г. Там прямо говорится, что большинство запорожцев, принятых на службу, «по желанию их и по волности... идут в Малую Росию, в Полшу, в Волощину и тамо женятся». ВЗН в своем наказе просило, чтобы эти запорожцы официально числились «под владением и командою Коша войска запорожского низового» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 171. Л. 7 об. –8]. Таким образом, официальная позиция Сечи была простой: всякий поступивший к ним на службу, ставший православным и прошедший обучение, являлся запорожцем, вне зависимости от того, где он потом жил и чем занимался.

Нам представляется, что именно такая трактовка запорожцев в отношении середины XVIII в. является наиболее точной и оправданной. Запорожцы совершенно не обязательно жили в куренях, но сохраняли связь с Сечью.

Что касается роли Запорожской Сечи и запорожцев в гайдамацком движении, то об этом существует множество мнений. А. Скальковский, например, пытался полностью отрицать участие Коша в организации отрядов «разбойников». Советская историография во главе с В. Голобуцким, действуя в русле «классового подхода» в вопросе отношения Сечи к гайдамакам, весьма примитивно делила запорожцев на старшину и сирому.

Такое же противопоставление делал американский историк П. Мирчук, который заявлял, что рядовым запорожцам не нравилось подчинение Сечи Российской империи, они якобы считали старшину изменниками [Мірчук, с. 108]. Не вдаваясь в подробности, скажем, что этот тезис не выдерживает критики. Например, «рядовой» запорожец М. Железняк возглавил Коливщину именно под лозунгом «золотой грамоты», то есть за присоединение к Российской империи.

Разделяя тезис указанной части историографии о том, что рядовые запорожцы активно поддерживали гайдамаков, подчеркиваем, что совсем не однозначно антигайдамацкой была и позиция старшины. В частности, гетман К. Разумовский просил, чтобы «искоренение воровства при тамошних всех степях (то есть гайдамаков. – Т. Т.) [было] дозволено и определено на самое Низовое запорожское войско». Он уверял, что «козачие зимовники по древнему обычаю защищают

в случае нападения воровского добросовестно там живущие козаки» [Архив ИИ СПбРАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 71. Л. 1–2].

Мы полагаем, что вопрос об участии запорожцев и их роли в Колиивщине невозможно полностью раскрыть и оценить без учета предыстории как самого гайдамацкого движения, так и создания (воссоздания) ВЗН (Запорожья).

Стоит вспомнить, что Запорожье было уничтожено по приказу Петра I в 1709 г. в наказание за присоединение к гетману И. Мазепе и шведскому королю Карлу XII. С тех пор запорожцы долгие годы скрывались на территории Молдавии. Потеряв веру в союзников Ф. Орлика, запорожцы в 1734 г. приняли предложение императрицы Анны Иоанновны, вернулись на свои старые земли и присягнули на верность России. При этом, как совершенно верно писал В. Антонович, запорожцы «никогда не признавали возможности окончательной уступки юго-западного края Польше и считали своею обязанностью на деле протестовать против совершившегося факта; лишь только возвратились они из своего изгнания в Алешки и возобновили в 1734 г. Сечь в бывших своих угодиях, они немедленно приняли живое участие в возгоревшемся народном брожении» [Антонович, с. 25].

Что касается гайдамацкого движения, то оно возникло на Правобережной Украине и в Диких полях как протест против геополитических реалий, вернувших этот регион под власть Речи Посполитой и уничтоживших там казачество. Движение это не было однозначным. Можно согласиться с Антоновичем, что гайдамаки всегда имели две составляющие: грабительскую и идейную.

Представляется, что именно с возобновлением Запорожской Сечи гайдамацкое движение приобрело другой характер. Мысль эта, на наш взгляд, в историографии не подчеркнута должным образом, хотя многие авторы и отмечали роль запорожцев в привнесении идеологии в гайдамацкие бунты. Например, Я. Шульгин замечал, что именно запорожцы привносили организационную стройность. Но одновременно он писал, что «запорожцы участвовали в гайдамацких отрядах только в небольшом числе» [Шульгин, с. 158].

Мы разделяем мнение Антоновича, что именно под влиянием запорожцев «гайдамачество приобретает вид постоянной организованной войны против шляхетства» [Антонович, с. 26], что подтверждает хроника событий. В 1733 г. восстанавливается Сечь, тогда же происходит первое крупное гайдамацкое восстание, и в 1750 г. восстание происходит вновь. Такое совпадение дат, на наш взгляд, не случайно.

Активность запорожцев на Правобережье становится неприятной неожиданностью для российских властей. Они воссоздавали Запорожье с единственной целью получить опытных союзников в русско-турецких войнах. Но вместе с тем они получили комплекс проблем: вольницу на эфемерной открытой южной границе (представлявшей собой бескрайнее Дикое поле) и постоянный конфликт с Речью Посполитой. Поддержка запорожцами гайдамаков стала причиной бес-

численных жалоб на них со стороны поляков, от простой шляхты до сейма. Русские власти пытались реагировать (больше для вида) на эти жалобы. Но на самом деле слабеющая Речь Посполитая тем самым только давала официальный повод для вмешательства в свои внутренние дела. Так что сама по себе поддержка запорожцами гайдамаков не была причиной для гнева императрицы.

Другое дело, что вольный край вызывал недовольство как русских помещиков пограничных губерний, так и украинских с Левобережья, так как туда бежали их крепостные и крестьяне. Украинские гетманы мирились с запорожской вольницей, особенно после их переподчинения их власти. А. Разумовский, как мы видели выше, защищал Сечь и противился насаждению в южных степях инородных элементов. Когда же в гетманстве к власти пришел П. Румянцев, то он считал запорожцев главной опасностью и препятствием для наведения «порядка» в регионе.

Документы, известные в настоящее время, не оставляют сомнения в том, что запорожцы приняли активное участие в Колиивщине. В рапорте к Н. И. Панину от 11/22 июля 1768 г. М. Кречетникова, который арестовывал гайдамаков, говорится, «что 930 человек в Гумане вдруг гайдамаков взято, ис коих по точному разбирательству найдено наших запоросцов 73» [Гайдамацкий рух, с. 387]. Неделий позже Кречетников доносил Панину: «поруччик Кологривов привел 85 гайдамаков, в коем числе 49 запоросцов» [Там же, с. 404].

Только в этих двух рапортах упомянуты 122 запорожца, принимавших участие в Колиивщине. Если еще можно сомневаться в точности определения запорожцев Кречетниковым, произведенного по горячим следам, то уже ордер П. А. Румянцева к кошевому атаману от 24 июля 1769 г. не оставляет сомнения. Он приказывал «не укрывать от наказания... тех людей, которых повседневно приводят ко мне посланные команды из Польши, ловя их в шаиках гайдамацких, а они все показывают себя запорожцами, отлучившимися из Сечи самовольно». Румянцев настаивал, что «вам господин кошевой атаман со всеми старшинами и товариством надлежит отлучить из общества всех таковых, которые недостойны носить почетного имени воина» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 219. Л. 1–2]. Цифры по результатам захвата колиев под Уманью называл и Н. Репнин (10/21 июля): «взятих 938 человек, между коими действительно по нещастю нашлись 87 запорожских казаков» [Гайдамацкий рух, с. 382].

Не менее убедительным свидетельством участия запорожцев является указ Екатерины II от 12 июля 1768 г. Интересно, что этот императорский указ был подписан Паниным и Голицыным. «Мы с крайним удивлением уведомиться принуждены, что партия запорожских казаков, которых предводители называют себя и подписываются: Максим Железняк, Андрей, атаман каневский куренной, Никита, атаман, Швачка, журиловский куренной, и Андрей Односум, ворвались недавно в Польскую Украину...» [Гайдамацкий рух, с. 393].

Изучение материалов Коденской книги неоспоримо доказывает, что укоренившийся в историографии миф, будто на суд полякам были отданы только королевские подданные (то есть жители Правобережной Украины, входившей в состав Речи Посполитой), а всех подданных императрицы судили в России, не соответствует действительности. Между тем, документы Коденской книги дают четкую классификацию: гайдамаки, запорожцы, заграничные и т. д. Не вызывает сомнений, что польские власти во время следствия не объединяли в одно целое гайдамаков и запорожцев.

Польским военным судом разбирались дела 18 запорожцев, из них по приговору один был колесован (Савко Плыханенко), трое повешены (Гнат Голуб, Федор Базарный, Махим Швец), двое четвертованы (Левко Малый, Клим Белый), шестеро обезглавлены (Федор Гусак, Юско Головчан, Лукьян Сухонис, Давид Горб, Мусий Черный, Иван Лапко), пятеро выпущены (Стефан Билен, Максим Магро Юшко Перевертайло, Иван Гладаренко, Тимош Белый), и судьба еще одного (Ивана Чонкало) неизвестна [Коденська книга]. Заметим, что отпущенные запорожцы вынесли пытки, ни в чем не признались и потому избежали казни.

Истинное же число запорожцев, принимавших участие в Колиивщине, сведения о которых сохранились в Коденской книге, значительно выше. Например, в показаниях гайдамака Кондрата Письменного известно, что он был «z kapralem swoim Burchalem zaporozcem, Пкем уаророуцем, Michaiłem Nazarenkem» («с капралом своим запорожцем Бурхалем, Илькем запорожцем и Михалем Назаренко»)² [Коденська книга, с. 2]. В другом месте сообщается, что запорожцы приехали в село Куливки на Великий пост [Коденська книга, с. 25]. В село Квитки пришел «запорожец на временное проживание», а когда началось восстание, он силой заставил всех «заграничных» к нему присоединиться [Коденська книга, с. 3]. Польские судебные дела также содержат сведения о шестерых запорожцах, приехавших из Коша и желавших «быть ватажками», но пойманных польскими властями [Там же, с. 14].

Другое интереснейшее свидетельство из Коденской книги доказывает, что поддержку гайдамакам оказывала и запорожская старшина. Некий Василий Вишневецкий был арестован за участие в Колиивщине и сидел в крепости Елизавета (Российская империя), но «potym zapozroziec nazwiskem Orlik, ataman korenia Stebloskiego, 26 z niniejszym aresztantem puscil wolno» («потом запорожец по имени Орлик, атаман куреня Стебловского, выпустил 26 человек, включая нынешнего арестанта») [Коденська книга, с. 8]. Один из запорожцев, проходивших по следствию в Киеве, передавал слухи, что к Железняку в Умань прибыло «четыре товарища» с письмом «от пана кошевого». Он утверждал и следующее: «говорят де атамани не препятствуя ни в чем: “Боже помагай, ступайте, а потом, может быть, мы и самы пойдем”» [Архив Коша, № 53].

² Украинский текст передается в оригинале латиницей. Здесь и далее пер. с укр. Т. Г. Таировой-Яковлевой.

Очень близко к реальности описывал ситуацию генерал-майор М. Кречетников в письме Н. Репнину от 18 (29) июля. Он писал о запорожцах, что «они обыкновенно из Сечи выходят, не спрашивая никого, а потом уже, соединясь, грабительство делают» [Гайдамацкий рух, с. 403].

Запорожцы в своих показаниях все как один заявляли о существовании «грамоты» или «указа». Когда атаман С. Неживый в лесу около Матронинского монастыря лично познакомился с М. Железняком, он уже от него самого, «так и от собравшихся к нему запорожских и польских казаков слышел он, яко оной Железняк такой указ подлинно имеет, чтобы искоренять поляков за благочестие» [Там же, с. 422]. Самое подробное описание «грамоты» дал запорожец С. Галицкий, который на допросе в Сечи заявил, что во время осады Балты запорожцы предъявили Якубу Аге-Баше «какой-то на листу указ, будто от г. кошевого с Петербурга за собственною рукою к оным гайдамакам присланной, чтобы они всех жидов и ляхов до единого выгубили» [Там же, с. 370].

Документы не оставляют сомнения, что запорожцы участвовали в Колиивщине, искренне желая помочь правобережным единоверцам против зверств Барской конфедерации. Так, запорожец Демьян Чернявченко прямо называл причину восстания: «конфедератные возмутители в Смелянской и Чигиринской ключи (здесь – районах. – Т. Т.) быть имели для всеконечного истребления все тамо жителствующих греческаго исповедания людей» [Гайдамацкий рух, с. 367]. Запорожец Василий Богомаз объяснял, что казаки собрались «в Польшу» «для защищения находящихся тамо благочестивыхъ мнстыреи от поляков» [IP НБУВ. Ф. 2. Д. 5878. Л. 67]. Атаман Семен Неживый в письме к командиру гусарского полка Ф. Чорбе перечислял обиды, нанесенные православным жителям Правобережья, и объяснял, что он, «видячи кривду народа православного, собравши казаков, вооружился и тех конфедератов з Украины отогнал, а некоторых ляхов смерти предал» [Костомаров, с. 306–307].

И хотя среди запорожцев были те, которые видели в восстании исключительно возможность наживы, но большинство тоже верило «в указ». К. Браницкий в письме к королю Станиславу Августу с изумлением пересказывал, что пойманные гайдамаки на допросах ссылались на существующие универсалы: «что вышли они на защиту чести своей монархини и в. к. м.» [Konfederacya barska, s. 29]. 23 арестованных генерал-майором Подгоричани запорожца заявили, «что по разсеянному слуху якобы находящиеся в Польше донские казаки принимают запорожцов в помощь против поляков для защищения греческаго исповедания веры и потому, согласясь, пошли в Полшу» [Гайдамацкий рух, с. 449].

Этот ярко выраженный характер «религиозной войны» отличает Колиивщину от других гайдамацких восстаний. К тому же, оно началось именно на Правобережье, и на призыв защитить православ-

ное население активно откликнулись запорожцы, ставшие организующей и самой активной частью восстания, предавшие ему черты регулярных военных действий. Можно заметить, что первые шаги, предпринятые лидерами Колиивщины, очень походили на события начала восстания Б. Хмельницкого и сильно отличались от единичных гайдамацких набегов. Если в прежних случаях базой для сборов обычно становилось Дикое поле или иногда даже киевские монастыри и их владения, то на этот раз колии поставили лагерь прямо на Правобережье, в непосредственной близости от врага. Как докладывал П. Румянцев: «все партии гайдамацкие... соединясь в одно место человек до тысячи в Мотронинском лесу, сделали себе засеку, расстановив отбитые в польских местечках пушки» [Архив военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского, с. 20].

Факт веры в «указ» не вызывает сомнений, равно как и то, что поводом к восстанию послужили расправы участников Барской конфедерации над православным населением Правобережья. Польская шляхта видела в православных угрозу своей государственности, что, в свою очередь, было спровоцировано агрессивной политикой Екатерины II в защиту «диссидентов» [Srogosz, s. 171–183]. Между тем, вопрос происхождения «грамоты» и того, кто стал непосредственным инициатором восстания, остается открытым. В польской историографии существует вера в существование «грамоты», то есть в личную причастность Екатерины II к началу восстания, равно как и убежденность о причастности к этому игумена Мотронинского монастыря Мельхиседека. Например, писали об этом Ф. Равита-Гавронский [Rawita-Gawroński, t. 2, s. 92–97] и выдающийся польский исследователь Колиивщины В. Серчик [Serczyk, s. 281].

Народная украинская традиция именно Мелхиседека считает агитатором и непосредственным организатором. То, что во многих «поздних» польских мемуарах он упоминается как автор «грамоты», неудивительно, если учесть его популярность и громкую историю его ареста [Шпитовський, с. 150; Документы объясняющие историю, с. 456]. К тому же все знали, что гайдамаки собирались в Мотронинском лесу, у монастыря – значит, Мельхиседек. Но игумен не мог организовать восстание, так как его не было на Правобережье. В январе 1768 г. он уехал в Варшаву на сейм, потом до 15 марта болел, а 22 апреля прибыл в Киев. В Мотронинский монастырь он до начала Колиивщины так и не попал [Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 3. С. 659–660]. Другое дело, что монахи Мотронинского монастыря и его наместник сами активно подключились к поиску защитников и рассылали призывные документы в Запорожье. Но это выходит за рамки данной статьи.

Другими словами, «золотая грамота» была задумана и реализована в союзе православных монахов Мотронинского монастыря, священников Чигиринского староства и запорожцев. Но тайну авторства «грамоты» или «указа» участники восстания унесли с собой.

На допросах в Киеве запорожцы ничего не сказали, и это неудивительно. Даже на пытках в Кодне они ни в чем не признавались и вынуждали польские власти отпускать их по недоказанности. А в России Екатериной II был принят 4-й артикул от 10 февраля 1763 г., запрещающий использование пыток. И запорожцы, руководствуясь своим пониманием чести, старались выгородить прежде всего кошевого атамана. Например, атаман П. Таран прямо заявил, что они «пошли в Польшу без ведома кошевого атамана и воисковой старшины» [Гайдамацький рух, № 244, с. 425]. Сам М. Железняк тоже утверждал, что «из Сечи Запорожской пошел он, Железняк, в Польшу без ведома кошевого атамана и протчих старшин» [Там же, № 248, с. 437].

Случайное нападение гайдамаков на Балту спровоцировало начало Русско-турецкой войны. Императрица была в ярости: все ее планы были нарушены, а она была вынуждена начать неподготовленную войну. В этих условиях Екатерина II не имела возможности наказывать запорожцев за участие в Колиивщине и постаралась ослабить градус напряженности. В грамоте от 19 декабря 1768 г. к кошевому атаману она примирительно писала: «Что касается до спорных земель между нашим верным войском запорожским и обывателями Екатерининской провинции, то мы повелели нашему киевскому губернатору Воейкову отложить разобранье того до спокойнейших времен» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 214. Л. 1].

Но победное завершение Русско-турецкой войны сыграло против запорожцев. Отдаление южной границы Российской империи сняло необходимость в ее охране Запорожьем. Настало время вольным казакам поплатиться за свое участие в Колиивщине.

Список литературы

- Антонович В.* Исследование о гайдамачестве по актам 1700–1768. Киев : Университет. тип., 1876. 128 с.
- Архив военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского : в 2 ч. / изд. М. О. Судненко // ЧОИДР. М. : Университет. тип., 1865. Ч. 1. 1767–1769. С. 1–270. Архив СПбИИ РАН. Ф. 200. Оп. 3. Карт. 1. Д. 71, 171, 214, 219.
- Архив Юго-Западной России : в 7 ч. Киев : Тип. Е. Федорова, 1864. Ч. 1. Т. 3. 907 с.
- Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів 1734–1775. Т. 7. Колиівщина 1768 року в документальній та мемуарній спадщині. Ч. 1. № 53. Київ. (*В печаті.*)
- Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Київ : Наукова думка, 1970. 658 с.
- Голобуцький В. О.* Запорізька Січ в останні часи свого існування. 1734–1775. Київ : Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. 416 с.
- Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и Польше. СПб : Тип. Э. Праца, 1865. 862 с.
- ІР НБУВ. Ф. 2. Д. 5878.
- Коденська книга // Український архів. Київ : Всеукраїнська академія наук, 1931. Т. 2. 436 с.
- Костомаров Н.* Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина. 1882. № 8. С. 297–321.
- Мильчев В., Сень Д.* Процесс упразднения Войска Запорожского Низового: амбиции казачества vs интересы империи (1740–1770-е гг.) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 2. С. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302.

Мирчук П. Коліївщина : Гайдамацьке повстання 1768 р. Нью-Йорк : Наукове товариство ім. Т. Шевченка, 1973. 318 с.

Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского, составленная из подлинных документов запорожского сечевого архива : в 3 т. Одесса : Тип. А. Шульце, 1885. Т. 1. 302 с.

Франко І. Польська поема про уманську різню // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів : Наукове товариство ім. Шевченка, 1904. № 62. С. 1–40.

Шпитковський І. Мемуар ржищівського тринітарія про Коліївщину // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів : Наукове товариство ім. Шевченка, 1908. № 83. С. 134–157.

Шульгин Я. Очерк Коливщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов. Киев : Тип. Г. Т. Горчак-Новицкого, 1890. 209 с.

Kohut Z. Myths Old and New : The Haidamak Movement and the Koliivshchyna (1768) in Recent Historiography // Harvard Ukrainian Studies. 1977. № 3. P. 359–378.

Konfederacya barska : Korespondencya między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim w roku 1768 / wyd. L. Gumpłowicz. Kraków : Kraju, 1872. 225 s.

Rawita-Gawroński Fr. Historia ruchów hajdamackich : 2 t. Lwów : St Bayleg, 1899. T. 2. 297 s.

Serczyk W. Koliszczyzna. Krakow : Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1968. 175 s.

Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in the 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus and Russia. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2009. 295 p.

Srogosz T. Początki budowy stronnictwa królewskiego na Ukrainie przez Józefa Gabriela Stempkowskiego (koniec lat sześćdziesiątych – początek siedemdziesiątych XVIII w.) // Przegląd Nauk Historycznych. Łódź : Uniwersytet Łódzki. R. V. Nr 1 (9). S. 171–183.

References

Antonovich, V. (1876). *Issledovanie o gaidamachestve po aktam 1700–1768* [Study of the Haidamaka Movement with Reference to Acts of 1700–1768]. Kiev, Universitetskaya tipografiya. 128 p.

Arkhiv Kosha Novoï Zaporoz'koï Sichi: korpus dokumentiv 1734–1775. [Archive of the New Zaporozhian Sich: Documents 1734–1775]. (N. d.). Vol. 7. Koliivshchyna 1768 roku v dokumental'niï ta memuaranii spadshchini. Part 1. No. 53. (*in print*)

Arkhiv SPbII RAN [Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 200. List 3. Carton 1. Dos. 71, 171, 214, 219.

Arkhiv voenno-pokhodnoi kantselyarii grafa P. A. Rumyantseva–Zadunaiskogo v 2 ch. [Archive of the Military Campaign Office of Earl P. Rumiantsev–Zadunaisky. 2 Parts] / publ. by M. O. Sudienko. (1865). In *ChOIDR*. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 1. 1767–1769, pp. 1–270.

Arkhiv Yugo-Zapadnoi Rossii v 7 ch. [Archive of South-Western Russia. 7 Parts]. (1864). Kiiv, Tipografiya E. Fedorova. Part 1. Vol. 3. 907 p.

Dokumenty, ob'yasnayushchie istoriyu zapadno-russkogo kraia i ego otnosheniya k Rossii i Pol'she [Documents Explaining the History of Western Russian Region and Its Relations with Russia and Poland]. (1865). St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa. 862 p.

Franko, I. (1904). Pol's'ka poema pro umans'ku riznyu [Polish Poem about the Massacre of Uman]. In *Zapiski naukovoï tovaristva imeni Shevchenka*. L'viv, Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. No. 83, pp. 1–40.

Gaidamats'kii rukh na Ukraïni v XVIII st. [The Haidamaka Movement in Ukraine in the 18th Century]. (1970). Kyïv, Naukova dumka. 658 p.

Golobuts'kii, V. O. (1961). *Zaporiz'ka Sich v ostanni chasi svogo isnuvannya* [The Zaporozhian Sich in the Final Period of Its Existence]. Kiïv, Vidavnistvo Akademii nauk Ukraïns'koï RSR. 416 p.

Gumplowicz, L. (Ed.). (1872). *Konfederacya barska : Korespondencya między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim w roku 1768*. Kraków, Kraju. 225 s.

IR NBUV [Intitute of Manuscripts. Vernadsky National Library of Ukraine]. Stock 2. Dos. 5878.

Kodens'ka kniga [Book of Kodnia]. (1931). In *Ukrains'kii arkhiv*. Kiiv, Vseukrains'ka akademiya nauk. Vol. 2. 436 p.

Kohut, Z. (1977). Myths Old and New: The Haidamak Movement and the Koliivshchyna (1768) in Recent Historiography. In *Harvard Ukrainian Studies*. No. 3, pp. 359–378.

Kostomarov, N. (1882). Materialy dlya istorii Koliivshchiny ili rezni 1768 g. [Materials for the History of the Koliivshchyna, or the Massacre of 1768]. In *Kievskaya starina*. No. 8, pp. 297–321.

Mil'chev, V., Sen', D. (2018). Protsess uprazhneniya Voiska Zaporozhskogo Nizovogo: ambitsii kazachestva vs interesy imperii (1740–1770–e gg.) [The Disbandment of the Zaporozhian Army (Sich): The Ambitions of the Cossacks and the Interests of the Empire]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 2, pp. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302.

Mirchuk, P. (1973). *Koliivshchina. Gaidamats'ke povstannya 1768 r.* [The Koliivshchyna. The 1768 Haidamaka Uprising]. N. Y., Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. 318 p.

Rawita-Gawroński, Fr. (1899). *Historza ruchów hajdamackich: 2 t.* Lwów, St. Bayleg. T. 2. 297 s.

Serczyk, W. (1968). *Koliszczyzna*. Krakow, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. 175 s.

Shpitkovs'kii, I. (1908). Memuar rzhishchivs'kogo trynitiariya pro Koliivshchinu [Memoirs of a Rzhishchiv Trinitarian about the Koliivshchyna]. In *Zapiski naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. L'viv, Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. No. 83, pp. 134–157.

Shul'gin, Ia. (1890). *Ocherk Koliivshchiny po neizdannym i izdannym dokumentam 1768 i blizhaishikh godov* [Essay about the Koliivshchyna with Reference to Unpublished and Published Documents from 1768 and Other Years]. Kiev, Tipografiya G. T. Gorchak-Novitskogo. 209 p.

Skal'kovskii, A. A. (1885). *Istoriya Novoi Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo, sostavlenneya iz podlinnykh dokumentov zaporozhskogo sechevogo arkhiva v 3 t.* [The History of the New Sich, or the Last Kosh of Zaporozhia: Composed of Genuine Documents from the Zaporozhian Sich Archive. 3 Vols.]. Odessa, Tipografiya A. Shul'tse. Vol. 1. 302 p.

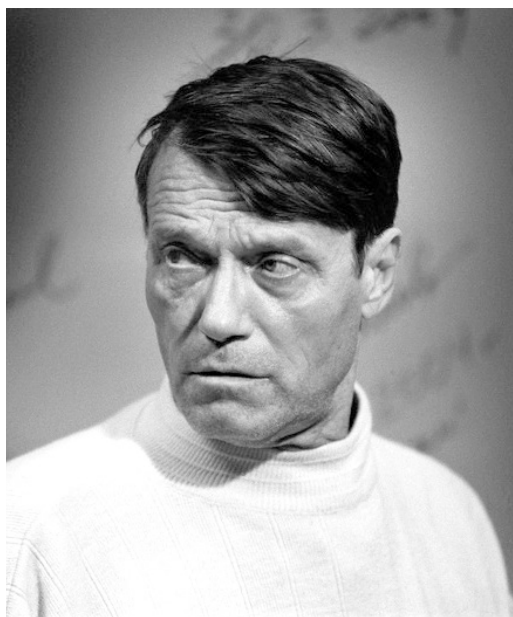
Skinner, B. (2009). *The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in the 18th-Century Poland, Ukraine, Belarus and Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 295 p.

Srogosz, T. (2006). Początki budowy stronnictwa królewskiego na Ukrainie przez Józefa Gabriela Stempkowskiego (koniec lat sześćdziesiątych – początek siedemdziesiątych XVIII w.). In *Przegląd Nauk Historycznych*. Łódź, Uniwersitet Łódzki. R. V. Nr 1 (9), s. 171–183.

The article was submitted on 26.09.2018

Ars interpretandi

I. Zhdanov. 2000s. Photograph by A. Tyagny-Ryadno

Ars interpretandi

MOTIF OF WORLD TRANSFIGURATION IN IVAN ZHDANOV'S POEM *ORANS** **

Andrea Grominová

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava,
Trnava, Slovak Republic

In the works of the contemporary Russian poet Ivan Zhdanov, religious motifs, images, and ideas are intertwined with the philosophy of seeking answers to the 'eternal' questions of life and death, faith and breaking away from God, and good against evil. Referring to the analysis and interpretation of his most poignant poem *Orans*, the article demonstrates the author's metaphysical approach to the perception and transformation of the world and humanity. As in all Zhdanov's works, in this poem there are two worlds, i. e. the divine and the human, which the author strives to unify and transform. The poet considers love, hope, and forgiveness the fundamental way to reconfigure human experience, which is also apparent from the very title of the poem, *Orans*. This is a symbol of forgiveness, embodied in the person of the Mother of God, whom the author calls "hope for ultimate forgiveness". Themes of pain and suffering, an integral part of human existence, are intertwined in this poem, as well as among many others in the author's oeuvre. Elements of Christian axiology are among the main pillars of his artistic world, which is filled with a desire for spiritual revival. In addition to biblical motifs (the Archangel, the Last Judgment, etc.), we also observe reliance on the folk tradition of the Eastern Slavs (*Pokrov* Day or the Intercession of the Theotokos). In addition to decoding individual images, the article also pays attention to the poetic style, rhythmic composition, rhyme, and complex metamorphic language which make the poet a representative of metametaphorism/metarealism/neo-baroque. The relationship between the poet and memory, or poetic mission, plays an important role in the poem.

Keywords: modern Russian poetry; transformation of the world; metaphysics; *Orans*; Ivan Zhdanov.

Рассмотрено творчество современного русского поэта Ивана Жданова, в котором религиозные мотивы, образы и идеи переплетаются с философией поиска ответов на «вечные» вопросы жизни и смерти, веры и раз-

---

* This paper is based upon work supported by KEGA under Grant No. 013UCM-4/2017 *Vymedzovanie špecifík modelu „ruského sveta“ v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.*

** *Citation:* Grominová, A. (2019). The Motif of World Transfiguration in Ivan Zhdanov's Poem *Orans*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 983–991. DOI 10.15826/qr.2019.3.419.

Цитирование: Grominová A. The Motif of World Transfiguration in Ivan Zhdanov's Poem *Orans* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 983–991. DOI 10.15826/qr.2019.3.419.

рыва с Богом, добра и зла. На основе анализа и интерпретации его самого пронзительного стихотворения «Оранта» показан метафизический подход автора к восприятию и преобразению мира. В стихотворении присутствуют два мира – Божественный и человеческий, которые он пытается объединить и преобразить. Фундаментальным путем к преобразению поэт считает любовь, надежду, прощение, что в конечном счете вытекает из самого названия стихотворения. Оранта является символом прощения, олицетворенным в Божьей Матери – «надеждой на всепрощенье». Элементы христианской аксиологии становятся одними из главных столпов картины художественного мира поэта, наполненного желанием духовного возрождения человека. Мотивы боли и страдания представляют неотъемлемую часть его существования. Наряду с библейскими образами (Архангел, Страшный суд и т. д.), также важно обращение к народным традициям восточных славян (празднику Покрова). Кроме декодировки отдельных образов, уделяется внимание поэтологическим приемам, ритмической композиции, рифме и сложному метаметафорическому языку, благодаря которому данного поэта относят к представителям метаметафоризма/метареализма/необарокко. Важную роль в стихотворении играет вопрос отношений поэта и Памяти, или же поэтического наследия.

Ключевые слова: современная русская поэзия; преобразование мира; метафизика; «Оранта»; Иван Жданов.

Ivan Zhdanov is one of the most prominent and “difficult” modern Russian poets supporting the principles of metaphysics. His poetry is deep, serious, paradoxical and distinctly intellectual: it builds a multi-layered image of the world, seeking to convey the unity of all things. Turning to the poem *Orans*, we will read a poetic message based on a rethinking of religious images.

Questions of religion and faith often arise in Zhdanov’s interviews and essays. To a question from V. Polishchuk about whether modern poetry and Orthodoxy can be considered compatible, Zhdanov replied: “Speaking of Russian poetry, it can be said that it is inseparable from Orthodox consciousness, since these two layers are strongly interrelated. Not only was it born out of Orthodoxy itself, its roots are there.” [Полищук].¹ The poet reveals the reason for his repeated appeal to the beginning of things: “And in our time somehow the conditions were set in such a way that existence began to need some deep justification. That is, a person must go back to what preceded this being, in such plans as the unconscious, the mythological, and so on” [Тихонов]. In an interview with D. Baviľsky, he admits: “I believe in the immortality of the soul, therefore I have no doubt about the resurrection. I rather doubt that I will come into existence again like Vanechka, with the ears and nose. Yet it does not interest me – since

¹ Hereinafter, the translations of Zhdanov’s poems and quotations from scholarly articles belongs to the paper’s author.

this is regarded as something transitory, it will pass” [Бавильский]. On the basis of what has been said, we can state that the poet does not doubt the existence of God. He perceives him as an unchanging and eternal essence. In contrast, he regards himself as a concrete subject who is a shaky and unstable being that belongs to a certain period of time. To the question of V. Tikhonov “What should a poet transfer if, as you say, he should be a conductor?” [Тихонов], Zhdanov answers, “What to transfer? What God commands must be transferred. Here everything is the same as always” [Там же]. Thus, according to Zhdanov, a poet is an intermediary between man and God. In these terms, the following question of V. Polishchuk is interesting, as it states whether it is possible to consider poetry, the search for feelings in words, as knowing God: Zhdanov answers: “If you take art seriously, sooner or later you will find out that it is connected with religion and knowledge of God. Let us take the work of any poet. What do we usually say? These poems are about love, these are about nature, and these are about creativity. But the poet does not have such a division. It’s all about the same thing. This is a single process of knowing. You can call it knowledge, you can call it knowledge of God. It’s like looking into the same well. Behind one infinity there is another, behind it – the third, etc. And there is no end to it either” [Полищук].

Zhdanov comments on the insertion of Christian images into modern poetry: “When I published my first book in 1982, there were big problems. I do not even understand how it was published. The editor of the book said that all the same censorship will take away my crosses and my God. But surprisingly, the word God was removed only in one place – where it was written with a capital letter. These and some other categories were necessary for me to generalize. Although from the perspective of an enlightened Orthodox, I surpassed myself. But this is not due to trends. I was interested in categories of sin, guilt, and their correlation. In the second book, *Неразменное небо* (*The Inconvertible Heaven*), I explored the category of relativism through my poetic possibilities. I was interested in why modern man does not have such clear contrasts as in the olden days or whether there is among modern believers truth – lies, light – darkness, good – evil. In modern man these concepts are blurred, so love, for example, is not opposed to hatred, but, let’s say, jealousy. Something emotional, even everyday routine” [Там же].

In her dissertation *Метафизика всеединства в поэзии И. Жданова* (*The Metaphysics of Unity in Zhdanov's Poetry*), O. N. Merkulova comes to the conclusion that “in Zhdanov, the reconciliation of the world as history and the world as eternity takes place in the unique formula of suffering humanity” [Меркулова, с. 56]. In her opinion, Zhdanov describes the action-packed and intense process of transformation of the unity of the worlds in the spiritual act of suffering, which is understood as love, hope, forgiveness, and mercy. The researcher considers pain and suffering as a sign of the truth of existence in Zhdanov’s poetry. The situation “together” is the essence of human existence as a human [Там же].

Cover of I. Zhdanov's *Air and Wind. Compositions and Photographs*. 2006

A detailed examination of Zhdanov as a poet of total unity is presented in the monograph of O. A. Dashevskaya *Мифотворчество В. Соловьёва и соловьевский текст в поэзии XX века* (*V. Solovyov's Myth Creation and Solovyov's Text in 20th-Century Poetry*). She explains that Vladimir Solovyov entered the consciousness of Russian culture as the creator of the concept of God-manhood. He presented the evolution of the world as a "God-man process" and as the history of the reunion of man with God [Дашевская, с. 8]. The researcher writes: "Sophian God-manhood acquires from him the status of truth, goodness, and beauty thanks to the presence of the eternally feminine principle that affirms the perfection of the transformed cosmos" [Там же, с. 8–9]. Through the Virgin in the

poem *Orans*, there is transformation and forgiveness in order to achieve the purification of the soul, which, according to Dashevskaya, is the only way to embrace the world as a whole. At the same time, she comes to the conclusion that "in the work of Zhdanov Christian consciousness is not expressed, it can rather be called universalistic (extra- and over-confessional); and yet the ethical parameters (coordinates) of the contemporary spiritual world are set by generally accepted cultural and historical notions; Zhdanov's picture of the world is built up against the background and in connection (in dialogue) with Christian axiology, including it in itself as part of the spiritual experience of mankind" [Там же, с. 111].

Modern Russian researchers of Ivan Zhdanov's poetry pay attention to religious motives in his work. The fact that Zhdanov in his poetry continues in the line of Russian philosophical-religious thought stemming from Solovyov is a key point in N. S. Chizhov's dissertation *Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики – The Poetry of Ivan Zhdanov: Problems of Poetics* [Чижов, с. 52]. The spiritual symbolism, spiritual realia and spiritual values intertwined in Zhdanov's are demonstrated in the theses of E. A. Knyazeva (*Материализм как направление: эстетические принципы и поэтика – Materialism as a Trend: Aesthetic Principles and Poetics*) and A. A. Tokarev (*Поэтика русского материализма – The Poetry of Russian Materialism*), as well as in the papers of S. M. Kozlova («Божественный младенец» в поэзии И. Ф. Жданова – "The Holy Child" in the Poetry of I. F. Zhdanov), O. N. Zaytseva (*Концепция Божественного в творчестве Ивана Жданова – The Conception of the Divine in the Work of Ivan Zhdanov*) and others.

The title image (*Orans*) means “the one who is praying” and unites various iconographic images of the Mother of God, also known as Panagia (Most Holy), Great Panagia or Sign. *Orans* is a symbol of forgiveness in the face of the Mother of God, extending hands in prayer for the whole human race. It still remains one of the most common stories in Christian art [Божья Матерь Оранта].

The first stanzas of the poem go thus:

За звуковым барьером, в слоеном сугробе агоний
луна обтянута кожей молящей твоей ладони.
Здесь глушь затмевает глушь, ветвистую кровь круша,
здесь горсть как черенок упавшего навзничь ножа.
За звуковым барьером изгиб возвращенной стаи
очертит твое лицо колодцами лунных статуй,
тыходишь в каждый из них смертью моей и всех.
Тает морозный нерв – не выпускает страх... [Жданов, с. 88].

The long lines of the six-beat accentual verse sound solemn and mournful. Each line is divided by a caesura into a hemistich. In the first stanza, all the first (“left”) hemistichs draw a completely remote world – the soundless (За звуковым барьером/Beyond the sound barrier) moon, doubly “deaf” and with a flat face covered in leather, like the handle of a fallen knife. The second (“right”) hemistich transmits deadly suffering, the agony of man. Here the images are very visually concrete: puffy snowdrifts, a palm, a divaricated blood circulation system, and a knife. The double-repeated adverb of place “here” suggests that the dying person is almost beyond the earthly world, in a lifeless “lunar” world.

The second stanza, starting with the same word combination as the opening stanza (За звуковым барьером/Beyond the sound barrier), is a description of the Virgin. The metabol “...изгиб возвращенной стаи / очертит твое лицо колодцами лунных статуй” (...the arch of the returned flock / will delineate your face with the wells of the lunar statues) can be perceived as a halo shining above the head of the Mother of God. But it can also be interpreted that the Mother of God enters the moonbeams, the wells of death, death of “моей” (me), and “всех”. (all) The final line, “Тает морозный нерв – не выпускает страх” (The frosty nerve melts – does not release fear), is contrasted with the preceding ones by more intense intonation: together with the clear syntax, the monosyllabic words (нерв, страх) (nerve, fear) before the caesura and at the end of the line make up a total 12 syllables, whereas the number of syllables reached 13–16 in the previous lines.

Poetic motifs develop a movement from top to bottom, from the world of the lunar non-being (death) to the earth. The third stanza is the most poignant in the poem. It begins with an exclamation-appeal: “you” is first named as “Матерь скорбящая” (grieving Mother): she is “Память” (Memory), “вечное отраженье” (eternal reflection) and “надежда на всепрощенье” (hope for forgiveness).

Матерь скорбящая, Память, ты – вечное отраженье
 на гневной трубе Архангела, надежда на всепрощенье.
 Развяжешь верхнюю воду камерных длин бытия,
 на Покрова вернется тополиная свадьба твоя... [Жданов, с. 88].

If you look at the verb order (затмевает – круша – очертит – входишь – тает – не выпускает – развяжешь – вернется – обрратился – прошелестит – преобразится – простится – простится / eclipses – destroys – delineates – you enter – melts – does not release – you untie – returns – turned – whispers – turns into – forgives – forgives), the only two verbs in the second person of the singular immediately become visible, which helps the lyrical subject turn to the Virgin: “входишь” (you enter) and “развяжешь” (you untie), which signal calm and liberation. Thanks to the presence of the Mother of God, the wrathful trumpet of the Archangel announcing the Last Judgment appears to be pacified. The mentioned holiday is Pokrov Day, when in the folk tradition of the Eastern Slavs, the end of autumn and the beginning of winter was celebrated. From the point of view of etymology, it is connected with the first snowfall covering the earth, indicating the proximity of the cold winter [Агапкина, с. 127–128]. In addition, it also corresponds to the beginning of evening gatherings and the autumn wedding season: therefore, the word “wedding” is found in the line. The Protection of the Most Holy Mother of God – the omophorion – bestows liberation from enemies and protects life. Pokrov Day is a great Orthodox holiday celebrated by the Russian Orthodox Church. One can agree with the opinion of M. G. Milyutina and A. I. Milyutin (investigating this poem as ekphrasis), who state that “the text *на Покрова вернется тополиная свадьба твоя* (when the holiday of Protection of the Mother of God comes, your polar wedding returns) refers us to the icons of the Novgorod version of the Покров Пресвятой Богородицы (the Protection of the Most Holy Mother of God). In these images, as if in a section, the temple is represented, and under its arches the Mother of God is depicted in a prayerful pose” [Милютина, Милютин, p. 115]. V. N. Lossky and L. A. Uspensky explain the meaning of this icon the Protection of the Most Holy Mother of God in the following way: “In our icon the Mother of God is depicted as standing on a small cloud: she rises in the air above the crowd of believers. Dressed in Her ordinary maphori, she raises her hands in the Orans gesture, which expresses her prayerful intercession. The two angels hold a great veil over the ends, rising above it like a vault” [Лосский, Успенский, с. 229]. The icon of the Protection of the Blessed Virgin unites two worlds, heaven and earth.

In the third stanza, the soundless “глушь” (wilderness) is replaced by the sound of a pipe, densely compressed, hard “snowdrifts” are covered by poplar fluff (representing the soft first snow, waxing the earth on Pokrov Day), the lifeless cold is replaced by water, and “agony” is replaced by a “wedding”. The fourth stanza, which completes the poem, depicts the transformed world, the saved life:

Шепот ночной трубы на свету обратился в слово,
 сфера прошелестит смальтой древесной славы,
 кубических облаков преобразится взвесь.
 Миру простится гнет. Небу простится высь [Жданов, с. 88].

Night's "тьма" (dark) is replaced by day's "свет" (light). An angry trumpet is heard in a whisper and then in the rustle of poplar foliage (смальты древесной) (wooden smalt). Milyutina and Milutin note that "in the iconographic tradition of the Mother of God, her clothing is filled by light: she is depicted as a large assistant, which is an expression of the streams of grace of the Holy Spirit poured upon the Blessed Virgin at the time of conception... In the mosaic icon *Нерушимая стена* (The Inviolable Wall) (Kiev, St Sophia Cathedral, 11th century), circles of light seem to pour onto the Mother of God, visually repeating and embodying the metaphorical image of wells of lunar statues [provided by] I. Zhdanov... The image of *Orans* (the Inviolable Wall) is unambiguously referenced by the line mentioned at the end of the poem: the sphere will whisper with the fame of wooden malt, as this is a mosaic icon" [Милютина, Милютин, с. 115]. We note, in turn, that Zhdanov does not literally reproduce the icon. He replaces "смальта" (smalt, pieces of opaque glass) with the living leaves of the tree (an archetype of the World Tree).

In the last stanza, we find the most important figures defining the composition in the icon, namely the circle (сфера/sphere) and the quadrilateral (кубические облака/cubic clouds). M. G. Davidova and E. Shlychkova argue that the geometric shapes in the icon have a theophanic meaning. In their opinion, the combination of a circle and a square (an oval and a rhombus) is a symbol of the union of the Divine and the human [Давидова, Шлычкова]. It can be assumed that Zhdanov strove to express this union, possibly due to the Mother of God's prayer from the heavenly world for the forgiveness of all the sins of the earthly, human world. The final line of the poem is rhythmically similar to the eighth line (Таёт морозный нерв – не выпускает страх / The frosty nerve melts, does not release fear), but has the opposite meaning, claiming total-unity: "Миру простится гнет. Небу простится высь" (The world will say goodbye to oppression. The world will say goodbye to skies).

* * *

Taking into account the opinions of other researchers, we will add that the grieving Mother in Zhdanov's poem not only "reconciles" earth and heaven, flesh and spirit, and Divine and human, but also gives poetry a role in the process. In one line, Zhdanov places the words "Память", "слово", and "слава" (Memory, word, and glory), while the woody foliage recalls those "leaves" on which the poem is written. The poet is, according to Zhdanov, a witness and keeper of the memory of the miraculous transformation of the world: the poetic word allows each reader to relive the difficult process

of winning compassion and love over sin and death. We have already noted the balanced rhythmic composition of the poem, in which four stanzas form two parts, mirroring and reflecting each other. The nature of rhyme attracts attention: a pair rhyme divides each quatrain in two and a caesura divides each line into hemistichs. The rhymes are inaccurate, but the resonance of the pre-accent sounds are rich: агоний – ладони, стаи – статуи, слово – славы, взвесь – ввысь (agonizing – palms, flocks – statues, word – glory, slurry – upwards). This rhyme is not “mechanical”, but emphasizes the difference in words that have a similar sound to make one listen and think. The “sound barrier” is overcome by the glory and prayer of the Virgin, recreating the transformation of the world by the word of the poet.

Список литературы

Агапкина Т. А. Покров // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 127–128.

Бавильский Д. Дойти до полного предела : Иван Жданов отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского // Топос : лит.-филол. журн. : [сайт]. 2003. URL: <http://www.topos.ru/article/1170> (mode of access: 06.03.2018).

Божья Матерь Оранта // Мир икон : [сайт]. 2010. URL: http://mirikon.org/ikonografiya/bozhya_mater/oranta/ (mode of access: 02.03.2018).

Давидова М. Г., Шлычкова Е. Символика иконы // Пространство и время в иконе : [сайт]. 2009. URL: http://www.hram-feodosy.kiev.ua/iconograf_sym-bol.htm (mode of access: 06.03.2018).

Дашевская О. А. Мифотворчество В. Соловьева и соловьевский текст в поэзии XX века. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2005. 150 с.

Жданов И. Ф. Оранта // Жданов И. Воздух и Ветер : соч. и фотографии. М. : Наука, 2006. С. 88.

Зайцева О. Н. Концепция Божественного в творчестве Ивана Жданова // Вестн. Иркутск. гос. лингв. ун-та. 2008. № 3. С. 27–32.

Князева Е. А. Метареализм как направление: эстетические принципы и поэтика : дис. ... канд. филол. наук. Пермь : [Б. и.], 2000. 209 с.

Козлова С. М. «Божественный младенец» в поэзии И. Ф. Жданова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2002. Вып. 4. Судьба культуры и образы культуры в поэзии XX века. С. 149–166.

Лосский В., Успенский Л. Покров Пресвятой Богородицы // Смысл икон / пер. с фр. В. А. Решиковой, Л. А. Успенской. М. : ПСТГУ : ЭКСМО, 2014. С. 229–231.

Меркулова О. Н. Метафизика всеединства в поэзии И. Жданова : дис. ... канд. филол. наук. Томск : [Б. и.], 2017. 173 с.

Милотина М. Г., Милотин А. И. Стихотворение И. Ф. Жданова «Оранта» как ансамбль семиотических образований // Филология и культура = Philology and Culture. 2015. № 4 (42). С. 114–117.

Полищук В. Наша поэзия неотторжима от православного сознания : интервью с Иваном Ждановым // Новая карта русской литературы : [сайт]. 2007. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/nasha-poeziya-neottorzhima-ot-pravoslavnogo-soznaniya> (mode of access: 06.03.2018).

Тихонов В. Иван Жданов: «Шила в Москве не утаишь» // Инфомом Алтай : [сайт]. 1994. URL: <http://www.infomom-altai.ru/node/659> (mode of access: 06.03.2018).

Токарев А. А. Поэтика русского метареализма : дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 2018. 149 с.

Чижев Н. С. Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2016. 261 с.

References

- Agapkina, T. A. (2009). Pokrov [Intercession of the Theotokos]. In Tolstoy, N. I. (Ed.). *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar' v 5 t.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 4, pp. 127–128.
- Bavil'skii, D. (2003). Doiti do polnogo predela: Ivan Zhdanov otvechaet na voprosy Dmitriya Bavil'skogo [Reaching the Final Limit. Ivan Zhdanov Answers Dmitriy Babil'sky's Questions]. In *Topos: literaturno-filosofskii zhurnal* [website]. URL: <http://www.topos.ru/article/1170> (mode of access: 06.03.2018).
- Bozh'ya Mater' Oranta [The Orans Mother of God]. (2010). In *Mir ikon* [website]. URL: http://mirikon.org/ikonografiya/bozhya_mater/oranta/ (mode of access: 02.03.2018).
- Chizhov, N. S. (2016). *Poeziya Ivana Zhdanova: problemy poetiki* [The Poetry of Ivan Zhdanov: Problems of Poetics]. Dis. ... kand. filol. nauk Yekaterinburg, S. n. 261 p.
- Dashevskaya, O. A. (2005). *Mifotvorchestvo V. Solov'eva i solov'evskii tekst v poezii XX veka* [The Mythmaking of V. Solovyov and His Text in the Poetry of the 20th Century]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 150 p.
- Davidova, M. G., Shlychkova, E. (2009). Simvolika ikony [The Symbolism of the Icon]. In *Prostranstvo i vremya v ikone* [website]. URL: http://www.hram-feodosy.kiev.ua/ikonograf_symbol.htm (mode of access: 06.03.2018).
- Knyazeva, E. A. (2000). *Metarealizm kak napravlenie: esteticheskie printsipy i poetika* [Materialism as a Trend: Aesthetic Principles and Poetics]. Dis. ... kand. filol. nauk. Perm', S. n. 209 p.
- Kozlova, S. M. (2002). "Bozhestvennyi mladenets" v poezii I. F. Zhdanova [The "Divine Child" in I. F. Zhdanov's Poetry]. In *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Iss. 4. Sud'ba kul'tury i obrazy kul'tury v poezii XX veka, pp. 149–166.
- Losskii, V., Uspenskii, L. (2014). Pokrov Presvyatoi Bogoroditsy [The Intercession of the Theotokos]. In *Smysl ikon* / transl. by V. A. Reshchikova, L. A. Uspenskaya. Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, EKSMO, pp. 229–231.
- Merkulova, O. N. (2017). *Metafizika vseedinstva v poezii I. Zhdanova* [The Metaphysics of Unitotality in I. Zhdanov's Poetry]. Dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, S. n. 173 p.
- Milyutina, M. G., Milyutin, A. I. (2015). Stikhotvorenije I. F. Zhdanova "Oranta" kak ansambl' semiotičeskikh obrazovanij [Poem of I. F. Zhdanov *Orans* as an Ensemble of Semiotic Formations]. In *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (42), pp. 114–117.
- Polishchuk, V. (2007). Nasha poeziya neottorzhima ot pravoslavnogo soznaniya: interv'yu s Ivanom Zhdanovym [Our Poetry is Inseparable from Orthodox Consciousness. An Interview with Ivan Zhdanov]. In *Novaya karta russkoj literatury* [website]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/nasha-poeziya-neottorzhima-ot-pravoslavnogo-soznan> (mode of access: 06.03.2018).
- Tikhonov, V. (1994). Ivan Zhdanov: "Shila v Moskve ne utaišh" [Ivan Zhdanov: "Awls cannot be Hidden in Moscow"]. In *Infodom Altai* [website]. URL: <http://www.infohome-altai.ru/node/659> (mode of access: 06.03.2018).
- Tokarev, A. A. (2018). *Poetika russkogo metarealizma* [The Poetics of Russian Metarealism]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 149 p.
- Zaitseva, O. N. (2008). Kontseptsiya Bozhestvennogo v tvorčestve Ivana Zhdanova [The Conception of the Divine in the Work of Ivan Zhdanov]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta*. No. 3, pp. 27–32.
- Zhdanov, I. F. (2005). Oranta [Orans]. In Zhdanov, I. F. *Vozdukh i Veter. Sochineniya i fotografii*. Moscow, Nauka, p. 88.

DOI 10.15826/qr.2019.3.420
УДК 811.161'282+821.161-14+398.838

**«ШВИДКІ НІЖЕНЬКИ СКУВАЛИ,
БІЛІ РУЧЕНЬКИ ЗВ'ЯЗАЛИ»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПОВЕРХНОСТНОЙ И ГЛУБИННОЙ СЕМАНТИКИ
ТЕКСТА ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ
(ФОРМУЛЫ С СОМАТИЗМАМИ)***

Инна Тубалова

Юлия Эмер

Томский государственный университет,
Томск, Россия

Ван Хуа

Шеньянский политехнический университет,
Шеньян, Китай

**“FAST LEGS SHACKLED, WHITE HANDS TIED”:
THE INTERACTION OF SURFACE AND DEEP SEMANTICS
IN LYRICAL SONGS (SOMATIC FORMULAE)****

Inna Tubalova

Julia Emer

Tomsk State University,
Tomsk, Russia

Wang Ghya

Shenyang Ligong University,
Shenyang, China

This article considers the principles of interaction between the deep and surface semantics of folklore texts with reference to East Slavic lyrical songs. The authors analyse folk formulas with somatisms. The research methods are based on the concept of the folklore text as a product of folklore discourse, defining its poly-code character and belonging to the folklore and genre system of a national tradition. The

---

* Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

** *Citation*: Tubalova, I., Emer, J., Wang Ghya. (2019). “Fast legs shackled, white hands tied”: The Interaction of Surface and Deep Semantics in Lyrical Songs (Somatic Formulae). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 992–1006. DOI 10.15826/qr.2019.3.420.

Цитування: Tubalova I., Emer J., Wang Ghya. “Fast legs shackled, white hands tied”: The Interaction of Surface and Deep Semantics of in Lyrical Songs (Somatic Formulae) // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 992–1006. DOI 10.15826/qr.2019.3.420 / Тубалова І., Эмер Ю., Ван Хуа. «Швидкі ніженьки скували, білі рученьки зв'язали»: взаємодія поверхностної і глибокої семантики тексту ліричної пісні (формули с соматизмами) // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 992–1006. DOI 10.15826/qr.2019.3.420.

presence of deep (symbolic) semantics in folklore texts is a subject that is actively discussed by researchers of folklore. The article aims to determine the role of surface semantics in folklore formulas with somatisms in the realisation of the deep semantics of East Slavic lyrical songs. The surface semantics of a folklore formula are determined by the nature of the cultural understanding of the nominated object (in this case, parts of the human body). The common character of the somatic code of Eastern Slavic folklore is determined by the unity of anatomy and physiology of all human beings and the unity of the culture of Eastern Slavs, which affects the character of the surface and deep semantics of formulas with somatisms. The most important role in the formation of the surface meanings of such formulas is played by the everyday understanding of the physiological functions of human body parts, everyday knowledge about the features of their external configuration and place on the body, and the experience of using them in social settings. The study demonstrates that the surface semantics of a folklore formula have functional significance, making it possible for underlying semantics conditioned by tradition to show. The types of surface semantics realised in East Slavic folk lyrical songs reflect the preservation of the actual somatic meaning of formulas under consideration or its transformation (their representation as a subject, object, and vessel). The genre-related expression of negative and positive emotions is done through the presentation of normative or non-normative conditions of the human organ: its non-normative movements or their restriction, non-normative place, damage, incompleteness or being filled with inappropriate content.

Keywords: East Slavic folklore; lyrical song; surface semantics; deep semantics.

На материале восточнославянской лирической песни исследуются принципы взаимодействия глубинной и поверхностной семантики фольклорного текста. Объектом анализа являются фольклорные формулы с соматизмами. Методология исследования опирается на концепцию фольклорного текста как продукта фольклорного дискурса, задающего его поликодовый характер и включенность в фольклорно-жанровую систему национальной традиции. Наличие у фольклорного слова глубинной (символической) семантики активно обсуждается исследователями фольклора. Цель статьи – оценить роль поверхностной семантики фольклорных формул с соматизмами в реализации глубинной семантики восточнославянской лирической песни. Поверхностная семантика фольклорной формулы исходит из характера культурного осмысления номинируемого объекта, в данном случае – частей тела человека. Общность соматического кода восточнославянского фольклора определяется единством анатомии и физиологии всех человеческих существ и единством культуры восточных славян. Наибольшую роль в формировании поверхностных значений исследуемых формул играют бытовые представления о физиологических функциях частей тела человека, обыденные знания об особенностях их внешней конфигурации и расположения на теле, опыт их использования в социальных функциях. Поверхностная семантика фольклорной формулы обладает функциональной значимостью, обеспечивая общекультурно и жанрово обусловленную трансляцию глубинной семантики, заданную традицией. Виды

поверхностной семантики, реализуемой в восточнославянской народной лирике, отражают результаты сохранения собственно соматического значения рассматриваемых формул или его трансформации (их представления как субъекта, объекта, сосуда). Жанрово обусловленная трансляция негативных и позитивных эмоций осуществляется через представление нормативных/ненормативных состояний органа тела человека: его ненормативных движений или их ограничения, ненормативного расположения, нанесения ему ущерба, незаполненности или заполненности неуместным содержимым.

Ключевые слова: восточнославянский фольклор; лирическая песня; поверхностная семантика; глубинная семантика; соматизмы.

Фольклорный дискурс представляет собой один из видов культурных практик. Его цель – «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [Эмер, с. 52]. Реализация указанной цели предполагает наличие у представителей определенного культурного сообщества общей традиции как части коллективной памяти, основанной на единстве знания особых вербальных моделей, предназначенных для фиксации ценностно значимой информации (Е. Б. Артеменко, С. Е. Никитина, А. Т. Хроленко и др.).

Дискурсивный принцип распространения коллективного ценностного знания основан на том, что «многие слова языка фольклора живут “двойной жизнью”: как обозначения составляющих вечно мира и как знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений» [Никитина, с. 171]. Наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы глубинной (символической) семантики уже достаточно давно обсуждается фольклористами (Е. Б. Артеменко, Г. И. Мальцевым, С. Е. Никитиной, А. Т. Хроленко и др.). Характеризуя способ включения фольклорного слова в фольклорный контекст, А. Т. Хроленко подчеркивает, что «выбранное слово уже имеет те коммуникации, которые органически подключаются в общие связи фольклорного произведения» [Хроленко, 2008, с. 39].

Итак, наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы особой глубинной (символической, кодовой) семантики доказано многими исследованиями. Нас же в данном случае интересуют принципы включения этого слова, обладающего культурной и фольклорной «презумпцией», в фольклорный текст, то есть предъявляемые к нему как обладателю «двойной» (не только глубинной, но поверхностной) семантики самим текстом «требования».

Цель данной статьи – определить роль поверхностной семантики фольклорных формул с соматизмами в реализации глубинной семантики восточнославянской лирической песни.

В качестве эмпирического материала для данного исследования выступили тексты восточнославянских лирических песен с соматизмами, выбранные из фольклорных сборников: 386 русских [Жили да были; Лирические песни; Лирические народные песни; Русские народные песни; Русское народное поэтическое творчество], 220 украинских [Иваницький; Хрестоматія], 187 белорусских [Беларускі фальклор; Белорусские народные песни; Хрэстаматыя] и 106 русинских [Етнографічний збірник; Угро-русские народные песни].

Вопрос о привлечении к анализу материалов русинского фольклора в качестве национально специфического требует особого решения. Выбор русинской составляющей нашего материала, включающей фольклор Угорской Руси и Лемковщины, основан на работах, доказывающих этническую специфичность русинов [Дуличенко; Катунин, 2015a; Катунин, 2015b; Плішкова, Цітрякова; Суляк].

В основе представления семантики текста как совокупности его поверхностного и глубинного смысловых слоев лежит идея о невыводимости целостного смысла текста из простой суммы значений составляющих его единиц. Н. С. Болотнова определяет поверхностную семантическую и смысловую структуры текста как «1) связь значений его элементов (слов, высказываний) и 2) связь их смысловых коррелятов в процессе последовательного развертывания текста от уровня высказывания к блоку высказываний и целому тексту» [Болотнова, с. 364]. При этом «глубинная семантическая структура текста предполагает соотношенность значений его элементов (слов, высказываний) не только “по горизонтали”, но и “по вертикали”, т. е. в сложной и глубокой перспективе целого текста в соответствии с его концептуальной заданностью» [Там же].

Фольклорный текст в силу участия традиции в его формировании отличается особым характером взаимодействия глубинной и поверхностной семантики. Глубинная семантика фольклорного высказывания может быть воспринята «лишь благодаря знанию других текстов» данной традиции [Неклюдов, с. 2], и «большая часть подобного знания здесь будет относиться уже не к конкретным текстам, а к традиции в целом» [Там же].

Объектом нашего анализа являются соматизмы, включенные в фольклорные формулы наряду с предикатом, в актантную структуру которого он входит, а в некоторых случаях – и с его определителями, а также с другими актантами этого предиката (*резвы ноги подломились; не плачьте, мои ясные очи* и под.).

Поверхностная семантика фольклорной формулы предполагает реализацию прямых (*белой рученькой махать; сердце болит*) и переносных (*моему сердцу не раделося; сердце взрадуется*) значений составляющих ее единиц и не зависит от семантики фольклорного произведения в целом. Фольклорные формулы с соматизмами *сердце болит* и *рученьки болят* на уровне поверхностной семантики текстов лирических песен реализуют значение однотипных физиологических

состояний органов человеческого тела, номинированных глаголом «болеть». При этом на уровне глубинной семантики эти соматизмы выступают как символы разных чувств: *сердце* – любовных (*Уж ты, веснушка, весна! / Ты не в радость мне пришла / <...> / Болит сердце по тому / По зеленому саду* [Лирические народные песни, с. 214]), *рученьки* – отторжения подневольной работы в «чужой» семье – как одной из составляющих тоски по родительскому дому (*Нам не надо в чужие люди торопиться, / Жить у бабушки дома хорошо. / В чужих людях поутру рано будят, / На работушку гонят с утра. / Мне чужа работа робить не по силам – / С той работы рученьки болят* [Русское народное поэтическое творчество, с. 337]), что определяется глубинным значением рассматриваемых формул.

Глубинная семантика фольклорной формулы определяется характером культурного осмысления номинируемого объекта, в качестве которого в нашем случае выступают части тела человека.

Соматический код отличает культурная универсальность, определяемая единством анатомии и физиологии всех человеческих существ [Гудков, Ковшова, с. 78-79]. Органичность стабилизации культурных смыслов соматизмов определяется тем, что «с помощью тела, используемого как инструмент познания мира, человек ориентируется в пространстве и времени, выражая свое отношение к событиям и процессам, происходящим в мире, и давая им разные квалификации и оценки» [Евсеева, Крейдлин, с. 5].

Формирование соматического кода культуры основывается на бытовом восприятии значимых для человека особенностей частей человеческого тела и видов их деятельности. Среди них – (1) бытовые представления об их физиологических функциях: в голове размещается мозг, рукой человек захватывает предметы, ноги – опора человека при перемещении и под.; (2) обыденные знания об особенностях их внешней конфигурации и расположения на теле: руки имеют продольно-вытянутую форму, голова – округлую; голова, живот наполнены определенным содержимым, голова – верхний, а ноги – нижний элементы человеческого тела и под.; (3) опыт использования частей тела в социальных функциях: рука – наиболее значимый орган, участвующий в физической работе, кроме того, это орган коммуникативной активности, задействованный в жестах приветствия и прощания и под. (см.: [Ван; Ойноткинова; Тубалова, Ван] и др.).

Кодовые смыслы культуры, в частности, культурно-кодовые смыслы соматизмов (некоторые из них описаны нами [Ван; Тубалова, Ван]), в фольклорном дискурсе интерпретируются в соответствии с жанровыми задачами.

Лирическая песня как жанр народной лирики направлена на трансляцию эмоций и чувств исполнителя [Соколов, с. 414; Лазутин, с. 63]. Символическая система восточнославянских лирических песен подчиняется жанровой цели, на основании которой формируется их жанровое содержание, включающее «два основных цикла челове-

ских эмоций – радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями» [Колпакова, с. 207].

Сосредоточимся на исследовании поверхностной семантики фольклорных формул с соматизмами *руки, ноги, глаза, сердце*, которые, согласно результатам анализа состава и частотности использования соматизмов в русской лирической песне [Ван], употребляются в данном жанре наиболее регулярно, при этом – в силу выраженного различия их конфигурации и соматических функций – фиксируют разнообразные культурные смыслы. Выявим перечень поверхностных значений выбранных соматизмов, реализуемых в текстах восточнославянских лирических песен, установим их соотношения с глубинной семантикой фольклорного текста, отражающей эмоции горя и эмоции радости. Определим функции каждого вида поверхностного значения при реализации глубинной семантики фольклорного текста.

При использовании соматизмов в фольклорном тексте их прямое значение (*руки, ноги, глаза, сердце* – «части тела человека») на уровне поверхностной семантики фольклорного текста (А) сохраняется (*рученьки болят*) или (Б) трансформируется, представляя части тела человека как субъект действия (*ноженьки пляшут*), объект оперирования (*сердце вынул*), сосуд, полость (*глазки выплаканы*) и т. д.

Рассмотрим, каким образом каждое поверхностное значение участвует в реализации глубинной семантики лирической песни.

1. Наиболее частотно в лирической песне соматизмы реализуются в собственно-соматическом поверхностном значении. Высокий уровень частотности собственно соматических значений объясняется сюжетной обоснованностью поверхностного смысла текста данного жанра, предполагающего наличие героев и описание их действий.

Описания действий, совершаемых при помощи органов тела, а также их состояний способствуют реализации глубинной семантики текста лирической песни – трансляции эмоций и чувств – в соответствии с отмечаемым исследователями принципом формирования народной эстетики «выражать внутреннее через внешнее, через жест» [Мальцев, с. 29] (см. об этом также: [Веселовский, с. 362–363]).

В лирических песнях восточных славян сохранение первичных языковых значений соматизмов сопровождается описанием особых действий/состояний номинируемых частей тела. Эти описания приобретают психологическую значимость: в тексте лирической песни транслируются жанрово обусловленные глубинные смыслы, фиксирующие эмоции и чувства.

Различные варианты использования такого типа значений соматизмов способствуют реализации глубинной семантики фольклорного текста следующим образом:

– Представление любых частей тела героев (кроме волос – по собственно физиологическим причинам) как пребывающих в негативном физиологическом состоянии способствует трансляции эмоции

горя: *Балиць маё сэрца, балиць і душа. Дзе мілы паехаў, Куды паляцеў?* [Белорусские народные песни, с. 230].

- Описание *рук, ног, глаз* и др. как ограниченных в возможности осуществлять свои физиологические функции, в том числе в движениях (в основном *руки, ноги* – как наиболее двигательны активные), также способствует представлению негативных состояний героя: *Сижу я, млад ясён сокол, / Я во той ли золотой во клеточке. / <...> / У сокола ножки сопутаны, / На ноженьках путечки шелковыя, / Занавесочки на глазыньках жемчужные!* [Русское народное поэтическое творчество, с. 14]; *Йак упустьаат грішине тыло у глибокі доли, / Засыпаіут піском очи, не глянута нїколе. / У гробі будут ребра, боковы, з головоу рукы, / Душа піде безсмертельна на вічнійі мукы* [Угро-русские народные песни, с. 113]. В связи с тем, что физиологическая деятельность сердца в бытовой интерпретации не оформлена, номинирующий этот орган соматизм формулы рассматриваемого типа не образует.

- Трансляции глубинной семантики подобного типа способствует описание органов тела как поврежденных. В основном в этой функции используются соматизмы *руки* и *ноги* – как номинации органов наиболее «выступающих» и поэтому подверженных повреждению: *В тоске своей возговорит девица: / «Я в те поры мила друга забуду, / Когда подломятся мои скорые ноги, / Когда опустятся мои белые руки...»* [Русское народное поэтическое творчество, с. 44]; *Пыбужаюць Машыньку / До бьленькой до зары, / Пысналяюць Машыньку / У ключь рано за водой. / Одморозила ноженьки, / Ключь за водой идя, / Зазнобила рученьки, / Съ ключа черная воду* [Белорусские народные песни, с. 238]. Близкую функцию выполняет поверхностная семантика текста при описании *глаз* как *заплаканных* (*Горяча любовь, слезами облита. / Как у Машеньки заплаканы глаза, / У красавицы затерто белое лицо* [Лирические народные песни, с. 230]): такое их физиологическое состояние, с одной стороны, маркирует реальную реакцию обладателя глаз на негатив, а с другой – характеризуется общекультурной связью с эмоцией горя.

При описаниях соматических действий такого типа проявляется еще одно свойство поверхностной семантики исследуемого текста, участвующее в реализации его глубинной семантики. Перечисление множества соматических движений способствует нагнетанию эмоции горя, отражая отмеченную О. Р. Николаевым специфику реализации эмоций в лирической песне как «потока переживаний» [Николаев, с. 129].

- В качестве отдельной группы можно выделить семантику описания социально значимых жестов с участием рук, сформированную за пределами фольклорного дискурса. Их описание в лирической песне специализировано для трансляции эмоций, сопровождающих значимое взаимодействие любовной пары – встречу или расставание. Данный тип поверхностного значения также основан на физиологических функциях рук, но промежуточным этапом его фольклорной

интерпретации является их социокультурное осмысление, закрепленное в семантике жестов в качестве проявления коммуникативной функции. Описания действий в этом случае реализуются в виде лирических формул *подавать руку, махать рукой* и т. п.: *Закукала зозуленька / Та й сказала куку. / Подай, подай, моя мила, / На коника руку. / Ой, хіба быць одур'яла, / Разуму не мала, / А быць свою б'ялу ручку / На коня подала* [Етнографічний збірник, с. 16]; *Далёка, далёка мілы ад мяне, / У чужой старонцы, не прыйдзе ка мне, эх. / Стаіць над ракой, махае рукой...* [Белорусские народные песни, с. 205].

– Также с семантикой жеста, но значительно менее стабильного для восточнославянских культур, связано значение формул опускания частей тела (чаще всего *руки опустились*, реже – *головушка склонилась* и под.). Стабильность поверхностного смысла проявляется в отражении подобной семантики в восточнославянской фразеологии (рус. *руки опустились, понурить голову* и др.; укр. *опускати руки, понурювати голову* и др.; белорус. *рукі злажыць* и др.), но, в отличие от вышеописанных жестов, связанных с руками (*подать руку* и под.), жест опускания частей тела за пределами фольклорного дискурса получает семантическое оформление не последовательно (например, опускание головы – стабильный жест «виновности», а опускание рук – семантически нейтральный). В восточнославянской лирической песне формулы такого типа последовательно обнаруживают символику негатива. Среди таких действий – опускание героем/героиней рук/ног/головы: *Старый в гусли заиграет, заиграет. / Мое сердце ноет, ноет, занывает. / Скоры ноги подломились, подломились, / Руки белы опустились, опустились...* [Русское народное поэтическое творчество, с. 229].

Другие варианты реализации поверхностной семантики формул с соматизмами в восточнославянской лирической песне отражают результат интерпретации соматизмов уже на уровне их поверхностного значения.

2. Наиболее высокой частотностью среди них обладают формулы с соматизмами, где часть тела человека интерпретируется как субъект (действующий самостоятельно, испытывающий воздействие или пребывающий в свойственном человеку состоянии). При их реализации сохраняется принцип «выражать аффекты действием» [Веселовский, с. 362], но эти действия интерпретируются как совершаемые органом человеческого тела как будто без участия их обладателя.

В исследуемых песнях поверхностные значения формул такого типа основываются на бытовом восприятии физиологических функций частей тела человека. Их участие в трансляции глубинного смысла реализуется в следующих вариантах:

– Максимально близкими по характеру трансляции глубинной семантики к описанным собственно соматическим являются формулы, где соматизм номинирует часть тела, действие которой описывается как физиологически нормальное для нее, но действует соответствующе-

ший орган как будто «самостоятельно» («руками машут» -> *руки машут*, «ногами ходят» -> *ноги ходят* и под.). В основном такой вариант поверхностного значения реализуют формулы с соматизмами *руки* и *ноги* как номинирующими наиболее физиологически «отделенные» и поэтому воспринимаемые как наиболее активные органы: *Дай ти Боже здоровьечка / И тобъ, и ментъ, / Та й и твоимъ бѣлымъ нужкамъ, / Што ходятъ идъ ментъ* [Угро-русские народные песни, с. 113].

- Подобная поверхностная семантика соматизмов *глаза* и *сердце* – результат еще более активного переосмысления их первичной семантики. Действия глаз интерпретируются как несоматические социально значимые действия человека, что основано на физиологической функции органа зрения: *Подбодрился мой хороший-дорогой, / Словно гоголь над кормой. / Кудри шелковы по плечиками бегут, / Ясны оченьки расшиву стерегут* [Лирические народные песни, с. 246]. Усилению требуемой жанром эмоциональной напряженности способствует представление органов тела человека так, как будто лирический герой перекладывает на них ответственность за свое состояние: *Очи мои черненькии, / Бѣда ментъ съ вами, / Хоть не дивлюся на хлопцевъ, / Мургають сами* [Етнографічний збірник, с. 32]. Если соматизмы *руки* и *ноги* номинируют части тела более активные, но менее «социально самостоятельные», то соматизмы *глаза* и *сердце* как связанные с прямым маркированием духовных ценностей уже на уровне общекультурного соматического кода в поверхностной семантике исследуемых формул маркируют субъект в его социокультурной функции. При этом *сердце* в поверхностной семантике приближается к номинанту личности еще ближе, чем *глаза*, и предстает не только как исполнитель социальных действий, но и как носитель эмоций: *Ні шуміце зялёные лугі, / Ні задавайце майму сэрцу тугі. / Бо маё сэрца і так тугу мае / Што мой брацятка вялік банкет мае* [Беларускі фальклор, с. 314].

- Кроме того, в поверхностной семантике текста восточнославянской лирической песни соматизмы реализуются в формулах, представляющих их как «несоматический объект» (в частности, «сосуд, полость»). Отметим, что в рассматриваемом значении не используются соматизмы *руки* и *ноги*, вероятно, в связи с бытовым представлением номинируемых ими органов как протяженных и активно двигающихся. *Глаза* и *сердце*, номинирующие органы, в бытовом восприятии небольшие по объему, компактные и округлые по форме, реализуют поверхностную семантику такого типа достаточно последовательно.

3. Соматизмы *глаза* и *сердце* регулярно реализуют поверхностную семантику объекта как «площадки для размещения чего-либо», на уровне глубинной семантики представляющей как место размещения эмоций и чувств героя. «Размещаемые» эмоции прямо называются в песнях – *печаль* (*Ты зачем меня, сударушка, / Повысушила? / <...> / Ты рассеяла печаль / По моим ясным очам...* [Русское на-

родное поэтическое творчество, с. 131]), *тоска (Ой туга ми на серденьку, ой туга ми, туга, / Не виділа-м миленького вже неділя друга* [Іваницький, с. 376]) и др.

– Глаза и сердце описываются как объекты, над которыми совершаются неестественные для них операции, например, их разрушение, что передает эмоцию горя: *Не пой, соловейко, так рано, / Не пой, соловейко, на заре, / Не разрушай мое сердечко, / Ведь я на чужой стороне!* [Жили да были, с. 66].

– И глаза, и сердце при реализации номинирующих их соматизмов могут быть осмыслены как «сосуд», «полость». При этом поверхностная семантика соматизмов *глаза* и *сердце* различается, что определяется особенностями обыденных представлений о том, что сердце – внутренний орган, а глаза – внешний. Уже за пределами фольклорного дискурса сердце – «хранилище эмоций», глаза – «транслятор эмоций».

Культурная интерпретация сердца как «сосуда для хранения эмоций» способствует трансляции эмоций горя в основном через представление его либо как «закрытого» для позитивного эмоционального обмена (*Мамко моя, мамко, / Сердце ми ся замкло, / Не е того ключа, / А бы оно ся взомкло, / А ни лакатоша [слесарь], / А бы мь ключа нашла* [Етнографічний збірник, с. 34]), либо как наполненного негативным содержанием – эмоциями, чувствами или этическими качествами (*Ах, пал туман на сине море, / Вселилася кручина в ретиво сердце. / Не схаживать туману со синя моря, / Злодейке кручине с ретива сердца* [Русское народное поэтическое творчество, с. 267]). Для трансляции эмоций радости это содержимое, наоборот, оказывается позитивным (*Була весна, ми стрітились случайно, / Ти, молод був, а я була дитя, / В серцях у нас відкрилась любов тайно, / І оба ми любились не тая* [Хрестоматія, с. 273]).

Соматизм *глаза* реализует близкую семантику в формулах, основанных на социокультурно заданной связи физиологических функций плача и слез с негативными эмоциями (*Засвистали козаченьки / В похід з полуночі, / Виплакала Марусенька / Своїясні очі* [Іваницький, с. 168]), а также в формулах, где данный соматизм реализует поверхностную семантику «полость, в которую можно поместить эмоционально значимую информацию» (*Била мене мати, била, / Семь раз по битому, / За что я ся подивляла / В очи женатому* [Етнографічний збірник, с. 42]). В последнем случае активизируется восточнославянская культурная семантическая интерпретация глаз как органа взаимодействия внутреннего мира человека с внешним миром.

* * *

Поверхностная семантика фольклорной формулы в тексте народной художественной культуры обладает функциональной значимостью, реализуя определенные заданные на уровне общекультурного кода, фольклорной традиции и жанровых установок глубинные

смыслы. Она предстает как результат сохранения собственно соматического значения фольклорной формулы (как исходного для нее) или его трансформации. Ее выбор в восточнославянской лирической песне является жанрово обусловленным.

При использовании собственно соматического поверхностного значения соматизмов в восточнославянской лирике жанрово обусловленная трансляция негативных и позитивных эмоций реализуется через представление органов человеческого тела как больных или нецелостных. Кроме того, в этом случае в лирической песне используются результаты культурной интерпретации социально значимых жестов.

Трансформация исходного значения соматизмов предполагает реализацию их субъектной и объектной поверхностной семантики. Жанрово обусловленная трансляция негативных и позитивных эмоций осуществляется через представление нормативных/ненормативных состояний субъекта (его ненормативных движений или их ограничения) и несоматического объекта (его ненормативного расположения, нанесение ему ущерба, незаполненности или заполненности неуместным содержанием).

Список литературы

Артеменко Е. Б. Концептосфера и язык фольклора : характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : Материалы науч. регион. конф. 2004 г. : сб. ст. Воронеж : ВГУ, 2006. С. 138–150.

Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 174 с.

Беларускі фальклор : Матэрыялы і даследаванні : Зборнік навуковых прац. Вып. 3 / гал. рэд. Т. В. Валодзіна. Мінск : Беларуская навука, 2016. 519 с.

Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями / сб. П. В. Шейна. СПб : Тип. Майкова, 1874. 563 с.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М. : Флинта : Наука, 2009. 520 с.

Ван Х. Кодовая функция соматизмов в русской лирической песне // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2019. № 4 (201). С. 138–147. DOI 10.23951/1609–624X-2019–4–138–149.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высш. шк., 1989. 405 с.

Гудков Д. Б., Ковшиова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

Дуличенко А. Д. Славянская микролингвистика и славянская микрофилология // Русин. 2017. № 48. С. 41–50. DOI 10.17223/18572685/48/4.

Евсеева И. В., Крейдлин Г. Е. Фреймовое моделирование фрагментов лексико-словообразовательных гнезд с семантикой «заболевание» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2017. № 49. С. 5–23. DOI 10.17223/19986645/49/1.

Етнографічний збірник : в 38 т. Т. 2 / під ред. М. Грушевського. Львов : Наукове товариство імені Шевченка, 1896. 51 с.

Жили да были : Фольклор и обряды томских сибиряков / сост. П. Е. Бардина. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1997. 222 с.

Іваницький А. І. Хрестоматія з українського музичного фольклору. Вінниця : Нова книга, 2008. 520 с.

Катунин Д. А. Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 1 // Русин. 2015b. № 42. С. 235–250. DOI

10.17223/18572685/42/16.

Катунин Д. А. Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // Русин. 2015а. № 39. С. 229–236. DOI 10.17223/18572685/39/15.

Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 283 с.

Кравцов Н. И., Кулагина А. В. Славянский фольклор. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 264 с.

Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М. : Высш. шк., 1981. 221 с.

Лирические народные песни / сост. Е. Лопырева. Л. : Сов. писатель, 1955. 438 с.

Лирические песни / сост. П. С. Выходцева. М. : Современник, 1990. 653 с.

Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики : Исследования по эстетике устно-поэтического канона. Л. : Наука, 1989. 169 с.

Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2002. С. 21–31.

Никитина С. Е. Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 1999. С. 16–28.

Николаев О. Р. Почему мы не поем «русские народные» песни до конца (о некоторых механизмах трансляции русской песенной традиции) // Рус. текст. 1997. № 5. С. 125–140.

Ойроткинова Н. Р. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев // Сиб. филол. журн. 2011. № 3. С. 5–14.

Плійшкова А., Цітрякова З. Русинський літературний мовний код у концепціях учених і стратегіях мовних конгресів // Русин. 2017. № 48. С. 99–125. DOI 10.17223/18572685/48/8.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб. : Наука, 1994. 239 с.

Русские народные песни / сост. В. В. Варганова. М. : Правда, 1988. 576 с.

Русское народное поэтическое творчество : хрестоматия / сост. М. А. Вавилова, В. А. Василенко, В. И. Игнатов и др. М. : Высш. шк., 1987. 511 с.

Соколов Ю. Лирические песни // Литературная энциклопедия : словарь лит. терминов : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/l1/l1-4141.htm#> (дата обращения: 12.11.2018).

Суляк С. Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI 10.17223/18572685/55/16.

Тубалова И. В., Ван Х. Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках // Русин. 2018. № 52. С. 141–160. DOI 10.17223/18572685/52/11.

Угро-русские народные песни / собр. Г. А. де Воллан. СПб : Тип. М-ва внутр. дел, 1885. 265 с.

Хрестоматія з українського народнопісенного виконавства (з методичними поясненнями і коментарями) / сост. І. Я. Павленко. Київ : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2013. 286 с.

Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор : Вопросы теории фольклора. Л. : Наука, 1979. Т. 19. С. 147–156.

Хроленко А. Т. Лингвофольклористика : Листая годы и страницы. Курск : Курск. гос. ун-т, 2008. 229 с.

Хрэстаматыя па беларускай народнай музычнай творчасці / аўтар-укладальнік Л. В. Зыкава. Мінск : Інстытут культуры Беларусі, 2012. 209 с.

Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2011. 266 с.

References

- Artemenko, E. B. (1988). *Printsipy narodno-pesenogo tekstoobrazovaniya* [Principles of the Formation of Folk Song]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 174 p.
- Artemenko, E. B. (2006). Kontseptosfera i yazyk fol'klora : kharakter i formy vzaimodeistviya [The Conceptual Sphere and the Language of Folklore: The Nature and Forms of Interaction]. In *Narodnaya kul'tura segodnya i problemy ee izucheniya. Materialy nauchnoi regional'noi konferentsii 2004 goda. Sbornik statei*. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, pp. 138–150.
- Bardina, P. E. (Ed.). (1997). *Zhili da byli: Fol'klor i obryady tomских sibir'yakov* [There Once Lived: Folklore and Rites of Tomsk Siberians]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 222 p.
- Bolotnova, N. S. (2009). *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of Text]. Moscow, Flinta, Nauka. 520 p.
- Dulichenko, A. D. (2017). Slavyanskaya mikrolingvistika i slavyanskaya mikrofilologiya [Slavic Microlinguistics and Slavic Microphilology]. In *Rusin*. No. 48, pp. 41–50. DOI 10.17223/18572685/48/4.
- Emer, Yu. A. (2011). *Sovremennyy pesenny fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore: Cognitions and Discourses]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 266 p.
- Evsheeva, I. V., Kreidlin, G. E. (2017). Freimovoe modelirovanie fragmentov leksiko-slovoobrazovatel'nykh gnezd s semantikoi "zabolevanie" [Frame Modeling of Fragments of Lexical-Derivational Nests with the Semantics of 'Disease']. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya*. No. 49, pp. 5–23. DOI 10.17223/19986645/49/1.
- Grushevs'kii, M. (Ed.). (1896). *Etnografichnii zbirnik v 38 t.* [Ethnographic Collection. 38 Vols.]. Vol. 2. L'vov, Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. 51 p.
- Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. (2007). *Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovaryu* [The Bodily Code of Russian Culture: Materials for a Dictionary]. Moscow, Gnozis. 288 p.
- Ivanits'kii, A. I. (2008). *Khrestomatiya z ukrains'kogo muzichnogo fol'kloru* [Reader of Ukrainian Folk Music]. Vinnitsa, Nova kniga. 520 p.
- Katunin, D. A. (2015a). Yazykovye prava rusinov, ukrainsev i drugikh natsional'nykh men'shinstv v zakonodatel'stve Respubliki Serbiya [The Rusyn and Ukrainian Languages in the Current Laws of Serbia]. In *Rusin*. No. 39, pp. 229–236. DOI 10.17223/18572685/39/15.
- Katunin, D. A. (2015b). Rusinskii yazyk i yazyki drugikh natsional'nykh men'shinstv v zakonodatel'stve Voevodiny. Staf'ya 1 [The Rusyn Language and the Languages of Other National Minorities in the Legislation of the Vojvodina. Article 1]. In *Rusin*. No. 42, pp. 235–250. DOI 10.17223/18572685/42/16.
- Khrolenko, A. T. (1979). Semanticheskaya struktura fol'klornogo slova [The Semantic Structure of the Folklore Word]. In *Russkii fol'klor. Voprosy teorii fol'klora*. Leningrad, Nauka. Vol. 19, pp. 147–156.
- Khrolenko, A. T. (2008). *Lingvofol'kloristika. Listaya gody i stranitsy* [Linguistic Folklore Studies. Leafing Through the Years and Pages]. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi universitet. 229 p.
- Kolpakova, N. P. (1962). *Russkaya narodnaya bytovaya pesnya* [Everyday Russian Folk Song]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 238 p.
- Lazutin, S. G. (1981). *Poetika russkogo fol'klora* [Poetics of Russian Folklore]. Moscow, Vysshaya shkola. 221 p.
- Lopyreva, L. (Ed.). (1955). *Liricheskie narodnye pesni* [Lyrical Folk Songs]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 438 p.
- Mal'tsev, G. I. (1989). *Traditsionnye formuly russkoi narodnoi neobryadovoi liriki. Issledovaniya po estetike usno-poeticheskogo kanona* [Traditional Formulae of Russian

Non-Rite Folk Lyrical Poetry. Studies on the Aesthetics of the Oral Poetic Canon]. Leningrad, Nauka. 169 p.

Neklyudov, S. Yu. (2002). Veshchestvennye ob'ekty i ikh svoystva v fol'klornoi kartine mira [Material Objects and Their Properties in the Folklore Picture of the World]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Priznakovoe prostranstvo kul'tury*. Moscow, Indrik, pp. 21–31.

Nikitina, S. E. (1999). Serdtse i dusha fol'klornogo cheloveka [The Heart and Soul of a Folklore Person]. In Arutyunova, N. D. (Ed.). *Logicheskii analiz yazyka: obraz cheloveka v kul'ture i yazyke*. Moscow, Indrik, pp. 16–28.

Nikolaev, O. R. (1997). Pochemu my ne poem “russkie narodnye” pesni do kontsa (o nekotorykh mekhanizмах translyatsii russkoi pesennoi traditsii) [Why We Do Not Sing “Russian Folk” Songs to the End (Some Mechanisms of Transmission in the Russian Song Tradition)]. In *Russkii tekst*. No. 5, pp. 125–140.

Oinotkinova, N. R. (2011). Somaticheskii kod kul'tury v poslovitsakh i pogovorkakh altaitsev [Somatic Code of Culture in the Proverbs and Sayings of Altaians]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3. pp. 5–14.

Pavlenko, I. Ya. (2013). *Khrestomatiya z ukrains'kogo narodnopisennogo vikonavstva (z metodichnimi poyasnenniyami i komentaryami)* [Readings on the Ukrainian Folk Song Performance (with Methodical Explanations and Comments)]. Kiev, Vidavnicho-poligrafichnii tsentr “Kiivs'kii universitet”. 286 p.

Plishkova, A., Tsitryakova, Z. (2017). Rusin'skyi literaturnyi yazyk u kontseptsyakh uchenykh i strateriyakh yazykovykh konresiv [The Rusyn Literary Language in Concepts and Strategies of Language Congresses]. In *Rusin*. No. 48, pp. 99–125. DOI 10.17223/18572685/48/8.

Putilov, B. N. (1994). *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St Petersburg, Nauka. 239 p.

Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo : Khrestomatiya [Russian Folk Poetry: A Reader]. Compiled by M. A. Vavilova, V. A. Vasilenko, V. I. Ignatov and others. Moscow, Graduate School. 511 p.

Shein, P. V. (Ed.). (1874). *Belorusskie narodnye pesni s otnosyashchimisya k nim obryadami, obychayami i sueveriyami* [Belarusian Folk Songs with Related Rites, Customs, and Superstitions]. St Petersburg, Tipografiya Maikova. 563 p.

Sokolov, Yu. (1925). Liricheskie pesni [Lyrical Songs]. In *Literaturnaya entsiklopediya. Slovar' literaturnykh terminov v 2 t.* [Literary Encyclopaedia: Dictionary of Literary Terms. 2 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo L. D. Frenkel'. Vol. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm#> (mode of access: 12.11.2018).

Sulyak, S. G. (2019). K voprosu o terminologii Karpatskoi Rusi [On Carpathian Rus' Terminology]. In *Rusin*. No. 55, pp. 272–316. DOI 10.17223/18572685/55/16.

Tubalova, I. V., Wang, Gh. (2018). Somaticheskii kod v vostochnoslavyanskikh poslovitsakh i chastushkakh [Somatic Code in East Slavic Proverbs and Ditties]. In *Rusin*. No. 52, pp. 141–160. DOI 10.17223/18572685/52/11.

Valodzina, T. V. (Ed.). (2016). *Belaruski fal'klor. Materiyaly i dasledavanni. Zbornik navukovykh prats* [Belarusian Folklore: Materials and Research. A Collection of Scholarly Papers]. Minsk, Belorusskaya navuka. Iss. 3. 519 p.

Varganova, V. V. (Ed.). (1988). *Russkie narodnye pesni* [Russian Folk Songs]. Moscow, Pravda. 576 p.

Vavilova, M. A., Vasilenko, V. A., Ignatov, V. I. et al (Eds.). (1987). *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Khrestomatiya* [Russian Folk Poetry. Anthology]. Moscow, Vysshaya shkola. 511 p.

Veselovskii, A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola. 405 p.

Vollan, G. A. de (Ed.). (1885). *Ugro-russkie narodnye pesni* [Ugro-Russian Folk Songs]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 265 p.

Vykhodtseva, P. S. (Ed.). (1990). *Liricheskie pesni* [Lyrical Songs]. Moscow, Sovremennik. 653 p.

Wang, Gh. (2019). Kodovaya funktsiya somatizmov v russkoi liricheskoi pesne [Code Function of Somatisms in the Russian Lyrical Song]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (201), pp. 138–147. DOI 10.23951/1609–624X-2019–4–138–149.

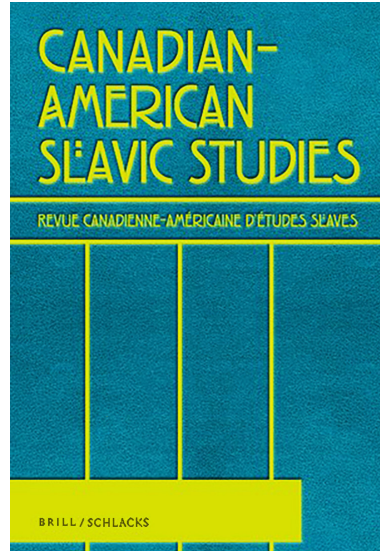
Zykova, L. V. (Ed.). (2012). *Khrestamatyya pa belaruskai narodnai muzychnai tvorchasti* [A Collection of Belarusian Folk Music]. Minsk, Instytut kul'tury Belarusi. 209 p.

The article was submitted on 10.05.2019

Controversiae
et recensiones

DOI 10.15826/qr.2019.3.421

УДК 929.522.2+929.52:81'373.232+94(571.1/.2)

КАКОВ ЖЕ ОН, СИБИРСКИЙ КУПЕЦ?*

Рец. на: *Гаврилова Н. И.* Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск : Оттиск, 2017. 152 с.

Евгения Комлева

Институт истории СО РАН,
Новосибирск, Россия

WHAT IS A SIBERIAN MERCHANT LIKE?

Rev. of: *Gavrilova, N. I.* Kupecheskii rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii [The Sibiryakov Merchant Family: Pages of History]. Irkutsk, Ottisk, 2017. 152 p.

Evgenia Komleva

Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

This review considers a book by the Irkutsk researcher Natalia I. Gavrilova, published in 2017 and devoted to the history of the Sibiryakov family, one of the most famous merchant families both in Siberia and Russia as a whole. Despite its name, the work reviewed is not limited to the genre of historical biography. Considered together, the detailed information about the representatives of different generations of the Sibiryakov merchant family reflects the history of all Russian merchantry, making it possible to judge the journey that took the family almost two hundred years, from the early eighteenth to the early twentieth century, to make. The author describes the full variety of merchant behaviour and the debatable character of their contribution for their contemporaries; to make it easier to understand the essence of the merchantry, the author also considers issues such as the interaction of individuals and public and state structures, the importance of merchant activity in the economic development of remote territories, the scale of private charity and the evolution of worldviews and daily practices among both merchant men and women. These factors, along with the excellent style of presentation and abundance of illustrative material, make Gavrilova's work important and interesting both for specialists and for general audiences.

Keywords: Natalia I. Gavrilova; Russian merchantry; Irkutsk; Sibiryakov family; business; charity; lifestyle; worldview.

---

* *Citation:* Komleva, E. (2019). What Is a Siberian Merchant Like? In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 1009–1017. DOI 10.15826/qr.2019.3.421.

Цитирование: *Komleva E.* What Is a Siberian Merchant Like? // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 1009–1017. DOI 10.15826/qr.2019.3.421 / *Комлева Е.* Каков же он, сибирский купец? // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 1009–1017. DOI 10.15826/qr.2019.3.421.

Представлена рецензия на монографию иркутского исследователя Н. И. Гавриловой, посвященную истории одного из самых известных купеческих семейств не только Сибири, но и России в целом – Сибиряковых. Несмотря на название, представленная работа не сводится к жанру исторической биографии. Собранные воедино подробные сведения о представителях разных поколений купеческого рода Сибиряковых отражают историю всего российского купечества и позволяют судить о том пути, который оно прошло за почти двухсотлетний период – с начала XVIII до начала XX в. Раскрывая многообразие поступков купцов и неоднозначность их оценок современниками, автор книги затрагивает такие важные для понимания сущности купечества вопросы, как взаимодействие отдельной личности, общественных и государственных структур, значение деятельности купцов в области хозяйственного освоения и изучения труднодоступных территорий, масштабы частной благотворительности, эволюция мировоззренческих установок и повседневных практик как мужчин, так и женщин, принадлежавших к купеческому кругу. Все это наряду с прекрасным стилем изложения и обилием иллюстративного материала делает рассматриваемое монографическое исследование Н. И. Гавриловой важным и интересным как для специалистов, так и для широкой читательской аудитории.

Ключевые слова: Н. И. Гаврилова; русское купечество; Иркутск; купцы Сибиряковы; хозяйственная деятельность; благотворительность; мировоззрение.

Два года назад увидела свет важная и интересная работа иркутского исследователя Натальи Игоревны Гавриловой, посвященная истории знаменитой купеческой династии Сибиряковых, – «Купеческий род Сибиряковых: страницы истории» (Иркутск, 2017). Наряду с изданиями о целом ряде купеческих родов России¹, книга Н. И. Гавриловой подробно освещает становление и эволюцию купечества на примере одного семейства.

Исследования подобного рода приобретают особое значение после публикации целой серии библиографических справочников по истории купечества, в крупнейшем из которых – «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири» – представлены сведения о нескольких тысячах владельцев купеческих капиталов [Энциклопедический словарь]. Благодаря этим изданиям, по словам О. Д. Журавель, открылись «новые перспективные возможности для научных изысканий в области антропологии, менталь-

---

¹ Среди них биографии видных купцов и купеческих родов Сибири. См., например: П. И. Макушин [Сталева], М. А. Зензинов [Суркова, Алферина], М. Г. Шевелев [Белокрыс, Янковский], М. Д. Бутин [Ушакова], Кузнецовы [Сысоева], Г. В. Юдин [Половникова], Кандинские [Жеребцов], Гадаловы [Киселев], Кушнаревы [Кушнарева], А. Д. Корнакова [Сергеева]. Иркутские купцы представлены именами Г. И. Шелихов [Ситников], И. М. Сибиряков [Шорохова], Баснины [Связь времен].

ной истории, истории культуры и общественного сознания Сибири и России в целом» [Журавель, с. 294]. Однако, как считает В. П. Зиновьев, все же это «только начало изучения купечества как сословия» – необходимо показать его значение «в освоении Сибири, в становлении современной России» (цит. по: [Комлева, Зиновьев, Журавель, с. 262]). Несомненно, сибирское купечество, способствовавшее «приращению не только экономического потенциала, но и культурного уровня региона» [Журавель, с. 293], достойно самого пристального внимания и детального изучения.

Когда-то имена Михаила Васильевича, Александра Михайловича и Иннокентия Михайловича Сибиряковых были хорошо известны не только жителям Иркутска, но и многим современникам по всей Российской империи. И это неудивительно – столь сильный стержень был внутри каждого представителя этого большого семейства и столь велик был их вклад в освоение Сибирского Севера, в науку, просвещение и другие сферы.

«Купеческий род Сибиряковых можно рассматривать как уникальное явление в истории Иркутска и Сибири в целом» (с. 4)², эта семья обладала чертами, присущими всему купеческому сословию, а в ее судьбе отразился двухсотлетний путь сибирского и российского купечества. Выходцы из Поморья, начавшие с перевозки товаров, Сибиряковы сумели накопить внушительный капитал и распространить свое влияние на торговлю, добывающую и обрабатывающую промышленность. Были среди них видные деятели городского самоуправления, щедрые жертвователи, люди как жесткие и прижимистые, так и обладавшие мягким нравом, альтруисты и филантропы.

Многогранность деятельности и характеров представителей купеческого рода Сибиряковых повлияла на их неоднозначное восприятие современниками, оставившими самые разные, зачастую противоположные суждения о членах этого семейства. В глазах сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля иркутские купцы М. В. Сибиряков и Н. П. Мыльников – «главные зачинщики... доносов», «люди бессовестные и беспокойные», «главные плуты в губернии» [Пестель, с. 379, 380]. Мемуарист И. Т. Калашников, напротив, отзывался о них с большим почтением как о лидерах, сумевших в трудное время возглавить купеческое общество и противостоять «самоуправству и беззаконию» [Калашников, с. 200]. Для него оба купца были «достойные, умные, готовые на всякое доброе дело», «два главные столпа, на которых опиралось иркутское купечество... люди пожилые и весьма почтенные», сам же М. В. Сибиряков – «человек железный по своей натуре» [Калашников, с. 200–221]. Противоречивостью отличаются и отзывы об Иннокентии Михайловиче Сибирякове – человеке глубоко религиозном, тратившем огромные средства на благотворитель-

---

² Здесь и далее ссылки на рецензируемую монографию даются в тексте в круглых скобках.

ность и окончившем свои дни в монастыре на Афоне. Это ему часто приписывают знаменитое восклицание: «Помогите, я страшно богат!» (хотя эти слова на самом деле принадлежит его брату Константину). Для кого-то Сибиряков был бескорыстным, светлым человеком, пекущимся об общем благе, для кого-то – просто сумасшедшим [Гаврилова, Резун, с. 259].

Все это многообразие и поступков, и оценок передает в своей книге Н. И. Гаврилова. Вышедшая монография – первое разностороннее исследование, раскрывающее историю известного, многочисленного и влиятельного купеческого рода на протяжении полутора веков и повествующего о представителях шести его поколений начиная с рубежа XVII–XVIII и заканчивая началом XX в. Исследователю удалось привлечь большой массив источников, в числе которых не вводившиеся ранее в научный оборот материалы, и на основе их анализа создать захватывающее развернутое повествование. И хотя автор пишет, что «издание не претендует на обобщающий характер» и что «его задача более скромная: показать наиболее яркие страницы истории купеческого рода Сибиряковых» (с. 5), книга выходит за рамки биографического жанра. Освещая историю династии Сибиряковых, Н. И. Гаврилова поднимает такие актуальные проблемы, как взаимоотношения властных структур, органов местного самоуправления и обладателей частного капитала, роль личности в истории, вклад купечества в изучение и хозяйственное освоение труднодоступных территорий северо-восточной Евразии, влияние купечества на городскую среду, эволюция культурно-образовательного уровня и ценностных ориентиров купцов, жизнь и интересы женщин из купеческой среды.

Одна из важнейших тем – взаимодействие власти и частного капитала. Очевидно, что без взаимовыгодного сотрудничества было бы крайне затруднительно осваивать огромные и зачастую труднодоступные пространства Азиатской части страны. Местная администрация старалась привлечь купечество к решению насущных задач по развитию инфраструктуры региона, обеспечению жителей самых отдаленных районов продовольствием и промышленными товарами, улучшению условий жизни населения. Отмечая совпадение интересов государства и предпринимателей, Н. И. Гаврилова, в частности, пишет: «В увеличении объемов перевозок через Байкал, с одной стороны, было заинтересовано купечество, с другой стороны, данная деятельность пользовалась и поддержкой государства» (с. 8). Выбор таких выгодных обеим сторонам областей для приложения сил и средств обеспечивал купцам неплохие условия для приращения капитала. Именно так поступил родоначальник династии Афанасий Сибиряков – и не ошибся.

У некоторых дельцов возникало желание оказывать давление на региональные власти, добиваясь от них принятия тех или иных решений в своих корыстных интересах. Справедливо ли обвинение

И. Б. Пестеля в адрес крупных купцов в попытках подчинить взятками не только местных чиновников, но и найти «покровителей даже в столице»? Верно ли он расценивал М. В. Сибирякова и Н. П. Мыльниковых как противников благотворных для большинства горожан изменений, купцов-монополистов, «которые обратили торговлю мукою и говядиною в монополию для себя и, получая от того большие выгоды, делились с чиновниками» [Пестель, с. 379]?

Н. И. Гаврилова показывает Сибиряковых как рачительных хозяев, пекущихся о материальном благосостоянии своего семейства, и как людей, не только помнивших о личных сиюминутных выгодах, но и стремившихся улучшить жизнь сограждан. Сибиряковы никогда не уклонялись от несения довольно обременительных общественных служб по выбору, смело отстаивали свое мнение, заботясь в том числе о благе соотечественников. Автор констатирует: «Династию отличал необычайный размах благотворительной деятельности. Миллионы были пожертвованы на развитие культуры, науки и просвещения, нуждающимся» (с. 5). Понятно, почему иркутяне целых шесть раз избирали членов династии в городские головы.

Не меньший интерес представляет и проблема влияния купечества на формирование городской среды региона. Несмотря на невысокий удельный вес купечества в составе горожан, купцы, бесспорно, занимали особое положение в сибирском социуме. «Аристократия», «господствующий класс» [Щукин, с. 230] – недаром подобные оценки получили широкое распространение в мемуаристике XIX в. По словам автора монографии, «осознание себя и своего положения в... обществе как доминирующего требовало визуализированной символизации в публичном пространстве» и толкало купцов на возведение каменных дворцов (с. 32). Некоторые современники не только описывают роскошные купеческие особняки, способные украсить улицы любого города, но и говорят о практически безграничном влиянии купечества на образ жизни сограждан: «...как маленький везде подражает большому, то и выходит, что общий характер здешних жителей есть купеческий. Повсюду видна излишняя бережливость, везде стремление к деньгам с пренебрежением чести...» [Щукин, с. 213]. При этом нередко можно встретить высказывания о консерватизме сибирского купечества, о длительном сохранении купцами элементов традиционного патриархального уклада. Наряду с этим несомненно, что купцы выступали и в роли проводников западноевропейской культуры и дворянского образа жизни среди сибиряков. Благодаря усилиям купечества многие технические новинки и другие материальные достижения европейской цивилизации проникали в самые глухие уголки.

Влияние купечества на городскую среду в значительной степени определялось эволюцией культурно-образовательного уровня владельцев капиталов. На примере Сибиряковых видно, как представители сибирского купечества с каждым поколением становились гра-

мотнее, все больше ценили систематическое образование, поскольку «расширение масштабов ведения коммерческих дел влекло за собой потребность расширения культурного горизонта купца» (с. 32). Династия Сибиряковых дала России таких выдающихся деятелей, как Александр, Константин и Иннокентий Михайловичи – все они были людьми блестяще образованными.

Однако повышение культурно-образовательного уровня неизбежно вело к размыванию купечества, к появлению в его среде иных, не нацеленных на ведение хозяйства и получение прибыли ценностных ориентиров. Хорошо известно, что во второй половине XIX в. все большее число купеческих детей не желали продолжать семейный бизнес, стремясь переключиться на другие сферы деятельности: становились путешественниками, книгоиздателями, журналистами, пробовали себя в научной и общественно-просветительской деятельности. Смена ценностных установок вела к изменению образа жизни: если на рубеже XVIII–XIX вв., «несмотря на фраки и бритые подбородки... нравы купечества были крайне оригинальны... попойки были господствующим увеселением, и ни одна пирушка не обходилась без драки», то «впоследствии, когда просвещение более проникло в купеческие семейства, подобные вакханалии окончились, и среди купеческого сословия явились молодые люди весьма образованные и жаждущие науки» [Калашников, с. 201]. В связи с происходившими переменами Н. И. Гаврилова ставит вопрос о характерном для второй половины XIX в. кризисе идентичности молодых представителей купечества: «...признание виновности за обладание богатством, растерянность в распоряжении им, а главное – моральная подавленность богатством слабо согласовываются с традиционными сословными представлениями купечества о религиозно-нравственной ответственности за богатство и правильность его распределения» (с. 87).

Среди прочих сюжетов, затронутых Н. И. Гавриловой, интерес вызывают яркие образы женщин из среды сибирского купечества. Купеческая жена в Сибири – это не только хранительница семейного очага, но и зачастую помощница супруга в коммерческих делах. Многие сибирские купчихи сумели проявить себя в хозяйственной сфере, на ниве благотворительности, просвещения и даже науки. Надежной опорой мужьям и в то же время сильными, самостоятельными личностями были женщины из рода Сибиряковых Наталья Дмитриевна (урожденная Мыльникова) и ее дочь Александра Ксенофонтовна (в замужестве Медведникова). Особо выделяются сложившиеся по-разному судьбы дочерей Михаила Александровича Сибирякова Ольги, Антонины и Анны, родившихся в середине XIX в. Окончившая Иркутский девичий институт талантливая пианистка Ольга вышла замуж за князя В. В. Вяземского. Запоздалым, оказавшимся невестребованным сословным триумфом называет этот брак Н. И. Гаврилова (с. 127). Ольга стала заботливой супругой и матерью, приверженной консервативным взглядам на семейный быт и общественное устрой-

ство. Исповедуя православную веру и искренне почитая монархию, она не могла понять и тем более разделить увлечения младшей сестры Анны либерально-демократическим идеями. Анна же так и не соединила ни с кем свою жизнь, посвятив ее служению «общественным интересам, связывая их прежде всего с областью просвещения и образования народа» (с. 134), и окончила свои дни в нищете.

Помимо вышеперечисленных, в монографии Н. И. Гавриловой можно обнаружить немало других, не менее актуальных тем и оригинальных поворотов. Автор повествует о взаимоотношениях сибирских купцов со ссыльными декабристами и поляками, об их встречах и дружбе с писателями и художниками, о духовных исканиях мужчин и женщин разных поколений рода Сибиряковых, о судьбе их потомков при советской власти. Все это наряду с прекрасно подобранным визуальным рядом делает чтение поистине увлекательным, расширяет кругозор и позволяет не только познакомиться с судьбами представителей конкретной купеческой династии, но и приблизиться к пониманию важнейших проблем исторического развития как Сибири, так и всей России в целом.

Знакомство с работой в конечном итоге заставляет задуматься: так каким же он был, сибирский купец? Скупым или щедрым, невежественным или высокоэрудированным, монархистом или бунтарем? Как смотрели обладатели капиталов на место Сибири в составе Российского государства, как оценивали перспективы дальнейшего развития региона? Насколько прочно связывали они свою личную жизнь и жизнь своих потомков с судьбой малой родины? Поиск ответов на эти и другие возникающие после прочтения книги Н. И. Гавриловой многочисленные вопросы не просто праздное любопытство, но попытка провести некие исторические параллели и соединить судьбу дореволюционной и современной России. Вот в этом, думается, и состоит главное значение труда Натальи Игоревны, прочитать который мы рекомендуем всем желающим не только познакомиться с жизнедеятельностью сибирского купечества, но и осмыслить свое собственное место и место своих предков в истории нашей страны.

Список литературы

Белокрыс М., Янковский В. Шевелевы. Кн. 1. На пути к Великой стене. Кн. 2. Михаил Григорьевич Шевелев и его потомки от XIX века до наших дней : исследовательская проза. Владимир : Маркарт, 2005. 156 с.

Гаврилова Н. И., Резун Д. Я. Сибиряковы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Новосибирск : Гео, 2013. Т. 2. С. 257–260.

Гаврилова Н. И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. Иркутск : Оттиск, 2017. 152 с.

Жеребцов Г. А. Купцы Кандинские и их потомки. Чита : Ред.-изд. комплекс пресс-центра Управления Судебного департамента в Забайкальском крае, 2012. 400 с.

Журавель О. Д. История и культура купечества Востока России: лица и судьбы // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. Т. 16. 2014. № 1 (124). С. 292–294.

- Калашиников И. Т.* Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. С. 187–251.
- Киселев Л. В.* Гадаловы. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2012. 206 с.
- Комлева Е. В., Зиновьев В. П., Журавель О. Д.* «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири»: возвращенные имена и раскрытые судьбы // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 251–266. DOI 10.15826/qr.2015.2.106.
- Кушнарцева М. Д.* Торговый дом «Наследники А. М. Кушнарцева»: происхождение, пушная торговля и общественно-просветительская деятельность во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2014. 247 с.
- [*Пестель И. Б.*]. Записка о службе И. Б. Пестеля, им самим писанная // Рус. архив. 1875. Кн. 1. Вып. 4. С. 376–406.
- Половникова И. А.* Геннадий Васильевич Юдин : Жизнь. Библиотека. М. : Тип. «Новости», 2011. 456 с.
- Связь времен : Баснины в истории Иркутска : сб. ст. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 2008. 152 с.
- Сергеева Е. Н.* Авгу-Бакши : Жизнеописание Августы Дмитриевны Корнаковой в кругу Шевелевых, Бринеров, Токмаковых и ее этнографические работы о Монголии. Владивосток : Тихоокеан. изд-во «Рубеж», 2015. 200 с.
- Ситников Л. А.* Григорий Шелихов. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1990. 412 с.
- Сталева Т. В.* Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск : Томск. кн. изд-во, 1990. 248 с.
- Суркова Н. А., Алферина М. И.* Михаил Андреевич Зензинов – краевед, естествоиспытатель Забайкалья (20–70 годы XIX в.). Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры, 2004. 254 с.
- Сысоева Л. А.* Во славу любезного Отечества: семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск : Сиб. печат. двор, 2010. 119 с.
- Ушакова О. В.* Михаил Дмитриевич Бутин : Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 2006. 300 с.
- Шорохова Т. С.* Благотворитель Иннокентий Сибиряков : Биографические повествования. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2005. 140 с.
- Шукин Н.* Поездка в Якутск // Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеев. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1990. С. 142–243.
- Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Новосибирск : Гео, 2012–2013. Т. 1. 450 с. Т. 2. 464 с.

References

- Belokryz, M., Yankovskii, V. (2005). *Shevelevy. Kniga 1. Na puti k Velikoi stene. Kniga 2. Mikhail Grigor'evich Shevelev i ego potomki ot XIX veka do nashikh dnei* [The Shevelevs. Book 1. On the Way to the Great Wall. Book 2. Mikhail Grigor'evich Shevelev and His Descendants from the 19th Century to the Present Day]. Vladimir, Markart. 156 p.
- Entsiklopedicheskii slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri v 2 t.* [Encyclopaedic Dictionary on the History of Siberian Merchantry and Commerce. 2 Vols.]. (2012–2013). Novosibirsk, Geo. Vol. 1. 450 p. Vol. 2. 464 p.
- Gavrilova, N. I., Rezun, D. Ya. (2013). Sibiryakovy [The Sibiryakovs]. In *Entsiklopedicheskii slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri v 2 t.* Novosibirsk, Geo. Vol. 2, pp. 257–260.
- Gavrilova, N. I. (2017). *Kupecheskii rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii* [The Sibiryakov Merchant Family: Pages in History]. Irkutsk, Ottisk. 152 p.
- Kalashnikov, I. T. (1905). Zapiski irkutskogo zhitelya [Notes of an Irkutsk Inhabitant]. In *Russkaya starina*, pp. 187–251.
- Kiselev, L. V. (2012). *Gadalovy* [The Gadalovs]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. 206 p.
- Komleva, E. V., Zinov'ev, V. P., Zhuravel', O. D. (2015). “Entsiklopedicheskii slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri”: vozvrashchennyye imena i raskrytye sud'by

[An Encyclopaedic Dictionary of the History of the Merchantry and Commerce of Siberia]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 251–266. DOI 10.15826/qr.2015.2.106.

Kushnareva, M. D. (2014). *Torgovyi dom “Nasledniki A. M. Kushnareva”*: *proiskhozhdenie, pushnaya trgovlya i obshchestvenno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The Trading House “The Heirs of A. Kushnarev”: Origins, Fur Trade and Public Activity in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 247 p.

[Pestel', I. B.]. (1875). *Zapiska o sluzhbe I. B. Pestelya, im samim pisannaya* [Note about the Service of I. B. Pestel', Written by Himself]. In *Russkii arkhiv*. Book 1. Iss. 4, pp. 376–406.

Polovnikova, I. A. (2011). *Gennadii Vasil'evich Yudin. Zhizn'. Biblioteka* [Gennady Vasilyevich Yudin. Life. Library]. Moscow, Tipografiya “Novosti”. 456 p.

Sergeeva, E. N. (2015). *Avgu-Bakshi: Zhizneopisanie Avgusty Dmitrievny Kornakovo v krugu Shevelevykh, Brinerov, Tokmakovykh i ee etnograficheskie raboty o Mongolii* [Avgu-Bakshi: The Life Story of Avgusta Dmitrievna Kornakova in the Circle of the Shevelevs, Briners, and Tokmakovs and Her Ethnographic Works about Mongolia]. Vladivostok, Tikhookeanskoe izdatel'stvo “Rubezh”. 200 p.

Shchukin, N. (1990). *Poezdka v Yakutsk* [Trip to Yakutsk]. In Sergeev, M. D. (Ed.). *Zapiski irkutskikh zhitelei*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 142–243.

Shorokhova, T. S. (2005). *Blagotvoritel' Innokentii Sibiryakov: Biograficheskie povestvovaniya* [Innokenty Sibiryakov, a Philanthropist: Biographical Narratives]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 140 p.

Sitnikov, L. A. (1990). *Grigorii Shelikhov* [Grigory Shelikhov]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 412 p.

Staleva, T. V. (1990). *Sibirskii prosvetitel' Petr Makushin* [The Siberian Enlightener Pyotr Makushin]. Tomsk, Tomskoe knizhnoe izdatel'stvo. 248 p.

Surkova, N. A., Alferina, M. I. (2004). *Mikhail Andreevich Zenzinov – kraeved, estestvoispytatel' Zabaikal'ya (20–70 gody XIX v.)* [Mikhail Andreevich Zenzinov – Local Historian and Natural Scientist of Transbaikalia (1820s–1870s)]. Ulan-Ude, Izdatel'sko-poliigraficheskii kompleks Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 254 p.

Svyaz' vremen: Basniny v istorii Irkutsk [The Link of Times: The Basnins in the History of Irkutsk]. (2008). Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe izdatel'stvo. 152 p.

Sysoeva, L. A. (2010). *Vo slavu lyubeznogo Otechestva: sem'ya Kuznetsovykh v istorii Krasnoyarska i Rossii* [For the Glory of the Beloved Fatherland: The Kuznetsov Family in the History of Krasnoyarsk and Russia]. Krasnoyarsk, Sibirskii pechatnyi dvor. 119 p.

Ushakova, O. V. (2006). *Mikhail Dmitrievich Butin. Predprinimatel' i metsenat Zabaikal'ya (60-e gg. XIX – nachalo XX v.)* [Mikhail Dmitrievich Butin. Entrepreneur and Philanthropist of Transbaikalia (1860s – Early 20th Century)]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 300 p.

Zherebtsov, G. A. (2012). *Kuptsy Kandinskie i ikh potomki* [The Kadinsky Merchants and Their Descendants]. Chita, Redaktorsko-izdatel'skii kompleks press-tsentra Upravleniya Sudebnogo departamenta v Zabaikal'skom krae. 400 p.

Zhuravel', O. D. (2014). *Istoria i kul'tura kupechestva Vostoka Rossii: litsa i sud'by* [The History and Culture of the Merchants of the East of Russia]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*. Vol. 16. No. 1 (124), pp. 292–294.

The article was submitted on 25.10.2018

DOI 10.15826/qr.2019.3.422
УДК 655.11(09)+929Федоров+002.2(470)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАСЛЕДИЮ ИВАНА ФЕДОРОВА*

Рец. на: Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51. № 2–3.
The Journeys of Ivan Fedorov: New Perspectives on Early Cyrillic Printing

Ирина Починская

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

RETURNING TO THE LEGACY OF IVAN FYODOROV**

Rev. of: Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51. № 2–3.
The Journeys of Ivan Fedorov: New Perspectives on Early Cyrillic Printing.

Irina Pochinskaya

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review considers a thematic issue of *Canadian-American Slavic Studies* devoted to the activity of the first Russian printer Ivan Fyodorov. This issue completes a joint project by University College London and the British Library on the history of early Cyrillic printing. It includes eleven articles written by researchers from Great Britain, Russia, and Ukraine. The reviewer briefly characterises each of the articles and hopes that the newly emerging interest in the first stages of Russian printing will generate interest in Russian book culture. Additionally, the reviewer points out that some of the authors put forward hypotheses referring to them as “new” and never mentioning that they have existed for many years or referring to their respective authors. The reviewer demonstrates that some of the hypotheses have already been refuted; also, the authors are not critical enough of circumstantial sources. This approach causes ungrounded hypotheses to appear.

Keywords: printing; Ivan Fyodorov; Russia; Grand Duchy of Lithuania; Pyotr Mstislavets.

---

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/4.6. («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания МО РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

** *Citation:* Pochinskaya, I. (2019). Returning to the Legacy of Ivan Fyodorov. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 1018–1025. DOI 10.15826/qr.2019.3.422.

Цитирование: Pochinskaya I. Returning to the Legacy of Ivan Fyodorov // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 1018–1025. DOI 10.15826/qr.2019.3.422 / Починская И. Возвращение к наследию Ивана Федорова // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 1018–1025. DOI 10.15826/qr.2019.3.422.

Анализируется тематический выпуск журнала *Canadian-American Slavic Studies*, посвященный книгоиздательской деятельности русского первопечатника Ивана Федорова. Это издание подводит итог совместному проекту Лондонского университетского колледжа (UCL) и Британской библиотеки по истории ранней кириллической печати. Оно включает 11 статей исследователей из Великобритании, России и Украины. Рецензент дает краткие характеристики каждой из статей и выражает надежду на то, что возрождающийся сегодня интерес к проблеме начального этапа русского книгопечатания станет исходной точкой нового интереса к русской книжной культуре. При этом в рецензии обращено внимание на то, что в ряде статей авторы в качестве новых выдвигают гипотезы, которые были сформулированы предшественниками много лет назад, не называя их имен. Кроме того, отмечено, что некоторые из этих гипотез уже были оспорены в историографии. Также автор рецензии обращает внимание на недостаточно критическое отношение исследователей к косвенным источникам. Такой подход ведет к появлению гипотез, не имеющих достаточных оснований для существования.

Ключевые слова: книгопечатание; Иван Федоров; Россия; Великое княжество Литовское; Петр Мстиславец.

В 2017 г. вышел в свет номер журнала *Canadian-American Slavic Studies* (Т. 51. № 2–3), целиком посвященный русскому первопечатнику Ивану Федорову. Он имеет название *The Journeys of Ivan Fedorov: New Perspectives on Early Cyrillic Printing* («Странствие Ивана Федорова: новые перспективы ранней кириллической печати»). Этот журнал стал завершающей публикацией в рамках совместного проекта Лондонского университетского колледжа (UCL) и Британской библиотеки по истории ранней кириллической печати. В выпуск вошли преимущественно статьи, которые были написаны по материалам докладов, прозвучавших на конференции 2014 г. *Revisiting Ivan Fedorov's Legacy in Early Modern Europe* («Возвращение к наследию Ивана Федорова в ранней современной Европе»). Конференция была приурочена к юбилейным датам книг, напечатанных Иваном Федоровым: к 450-летию выхода в свет первой московской датированной книги Апостола и 440-летию львовского Букваря.

К середине 1970-х гг. окончательно сформировалась советская концепция возникновения и становления московского книгопечатания, после чего активность исследования этой темы стала существенно спадать. К этому времени большая часть ученых, работавших по данной проблематике, либо ушла из жизни, либо достигла весьма солидного возраста. Количество и многообразие написанных ими трудов в совокупности с ограниченностью источниковой базы создавали впечатление обретенного максимума возможных знаний. В 70-е гг. XX в. начинает происходить перераспределение интересов советских ученых в рамках изучения истории книги. Молодые исследователи больше стали обращаться к проблемам книгопечатания XVII в., причем к периоду с 1620 г., хорошо обеспеченному архивными

материалами. Исследование книгоиздания XVI в. в этот период продолжил Е. Л. Немировский, который публиковал преимущественно свои переработанные труды более раннего периода, а также украинские исследователи (наиболее крупные из них – Я. Д. Исаевич, А. П. Запаско, О. Я. Мацюк), которые главным образом изучали западнорусский период деятельности московских печатников¹. Возрождающийся сегодня интерес к проблеме начального этапа русского книгопечатания может способствовать новым поворотам исследовательской мысли.

В журнале опубликовано 11 статей, касающихся различных аспектов темы: одни из них содержат попытки поиска новых концептуальных подходов к исследованию, другие посвящены конкретным фактам, событиям, книгам. Во вводной статье, написанной редактором выпуска С. Богатыревым (р. 173–183)², объясняется название, под которым выходит номер журнала, указываются цели проекта, в рамках которого он готовился. Богатырев пишет о том, что исследования творчества Ивана Федорова обычно замыкаются в рамках его деятельности в одной из стран, при этом игнорируется творчество предыдущих или последующих периодов, связанных с его пребыванием на других территориях. Новый международный проект стремился выйти за пределы национальных рамок. Отсюда тема странствия в обозначении проблематики журнала.

Первой в выпуске является статья британского исследователя Р. М. Клеменсона *Ivan Fedorov's Text of the Apostolos* («Текст Апостола Ивана Федорова») (р. 185–198). Автор с осторожностью относится к мнению о самостоятельной подготовке Иваном Федоровым к печати текста Апостола, поскольку тому нет прямых свидетельств. В результате анализа текстов нескольких апостольских посланий в четырех изданиях Ивана Федорова (Апостол. Москва, 1564 и Львов, 1574; Новый Завет с Псалтырью. Острог, 1580; Библия. Острог, 1581) Клеменсон пришел к выводу, что первые два издания и два вторых практически идентичны, а между этими двумя группами изданий есть определенный набор различий, но они не носят радикального характера.

К сожалению, Р. М. Клеменсон не упоминает труды Г. И. Коляды, подробнейшим образом анализирующие тексты федоровских изданий Апостола [Коляда, 1961; Коляда, 1963а; Коляда, 1963б], из чего можно сделать вывод, что автор статьи не знаком с работами крупнейшего исследователя наследия Ивана Федорова. Между тем, знакомство с трудами Г. И. Коляды избавило бы Р. М. Клеменсона от необхо-

---

¹ В предисловии к журналу С. Богатырев отмечает, что в статьях используются разные понятия для описания этнических и культурных групп местного населения, но имперских терминов, таких как «западнорусский», авторы сознательно избегали. Я не вижу в этом понятии ничего имперского, а воспринимаю его как определение географическое, аналогичное понятиям «восточные», «западные», «южные славяне». Поэтому я буду употреблять термины «западнорусский» и «восточнорусский» в соответствии со сложившейся историографической традицией.

² Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

димости повторять уже проделанную работу, а выводы российского ученого могли стать отправной точкой для новых исследований и позволить бы ускорить продвижение в познании проблемы.

Вторая статья сборника *Издательская программа Ивана Федорова и Петра Мстиславца. К постановке проблемы* (р. 199–228) написана украинской исследовательницей Н. Бондар. Главный аспект изучения автора – репертуар изданий первопечатников. Н. Бондар считает, что в их деятельности просматривается единая для обоих печатников самостоятельная издательская программа, которая объединяет их книги, издававшиеся во всех географических точках, где они работали. Этот репертуар, по мнению исследовательницы, составляют публикации наиболее популярных библейских книг для обучения письму и грамотности, мотивация их деятельности – гуманистическая и просветительская. В связи с этим хочется отметить, что существующая историография деятельности русских первопечатников не оспаривает гуманистическую и просветительскую составляющую их деятельности³, но она не была единственной. К сожалению, Н. Бондар уходит от проблемы соотносительности этой деятельности с общественно-политическим контекстом жизни государств. Вместо этого автор статьи рассуждает о различных общественно-религиозных, гуманистических течениях в позднесредневековой Европе, приходя к умозаключению, что первопечатники тоже принадлежали к некоему подобному течению, носившему светский характер. На мой взгляд, Н. Бондар нередко искусственно пытается подтянуть под свою гипотезу «доказательства», которые несложно опровергнуть. В целом статья мне кажется довольно спорной.

В статье российского исследователя А. С. Усачева *О возможных причинах начала книгопечатания в России* (р. 229–247) делается попытка найти новую аргументацию гипотезы Г. И. Коляды о том, что начало организации книгопечатания связано с московским пожаром 1547 г. А. С. Усачев утверждает, что этот пожар стал главным катализатором создания анонимной типографии в 1550-х гг. Однако в главных обоснованиях точки зрения исследователя нет ничего нового, он еще раз вслед за историографией XIX – начала XX в. акцентирует внимание на миссиях саксонца Г. Шлитте и датчанина Г. Миссенгейма-Бокбиндера. Историография критики их роли в начале русского книгопечатания достаточно велика [Немировский, с. 505–507, 883–885], и, чтобы опровергнуть ее, необходимы новые веские аргументы, а в работе Усачева их нет. В отличие от Г. И. Коляды, который говорил о роли пожара 1547 г. в начале книгопечатания, но не отвергал в качестве причины его организации необходимость устранения книжных ошибок, названных Стоглавым собором серьезной проблемой,

---

³ Особенность статьи Н. Бондар заключается в том, что, давая краткую характеристику оценок деятельности первопечатников в историографии, она нередко спорит сама с собой, придумывает историографическую проблему и оспаривает ее.

и не отрицал роли присоединения новых территорий к Московскому государству [Коляда, 1963b, с. 104–118], А. С. Усачев ставит эти факторы под сомнение.

На мой взгляд, утверждение о том, что поводом к началу книгопечатания стал пожар 1547 г., упрощает ситуацию и не имеет под собой достаточных оснований. Данные о распространении первых печатных книг позволили высказать предположение, что новый способ тиражирования должен был дать в первую очередь исправный образец для переписки, который в сравнительно большом количестве можно было распространить по всей стране [Починская, с. 224].

В статье *The Patronage of Early Printing in Moscow* («Патронаж раннего книгопечатания в Москве») (р. 249–288) британский исследователь С. Богатырев рассуждает о взаимоотношениях печатников и власти, как светской, так и духовной, размышляет о природе покровительства царя и церковных иерархов первым московским типографиям. Автор статьи подтверждает ранее неоднократно повторявшуюся в литературе мысль о том, что царские и духовные покровители укрепляли политическое и иерархическое положение, продвигая свои положительные образы в печатных книгах.

В ходе рассуждений о роли покровителей в деятельности московских печатников С. Богатырев высказывает любопытную трактовку причин их отъезда из Москвы. Он подчеркивает особую роль митрополита Афанасия в русском книгопечатании 1560-х гг. Его культурные инициативы привели к появлению двух групп печатников, что было избыточным на ограниченном рынке печатной книги России. Ухудшение качества изданий Ивана Федорова и Петра Мстиславца привело к тому, что Афанасий прекратил свои отношения с их типографией, и печатникам ничего не оставалось, как уехать в Великое княжество Литовское. Не отвечавшим требованиям С. Богатырев считает первое издание Часовника 1565 г.

Если мысль о существовании двух независимых друг от друга конкурирующих групп печатников не нова, об этом еще в XIX в. писал архимандрит Леонид Кавелин [Леонид, с. 15, 29–30], то трактовка причин отъезда печатников оригинальна и требует осмысления.

Продолжением темы покровительства печатникам является статья В. Ульяновского (Украина) *Острожская книжность в контексте жизнедеятельности князя Василия-Константина Острожского. Парадигма оценок* (р. 289–311), рассматривающая покровительство со стороны ученого магната. Автор, опираясь на точки зрения своих предшественников, пытается понять, что двигало князем в создании кружка интеллектуалов в Остроге. Вывод, к которому он приходит, заключается в следующем: «...и сам кружок, и типография создавались князем исключительно для библейского мегапроекта» (р. 308). На мой взгляд, вывод спорный, тем более что сами рассуждения и наблюдения В. Ульяновского нередко вступают с ним в противоречие.

О культурной среде, причастной к книгопечатанию, пишет российский ученый К. Ю. Ерусалимский в статье *Две книги из библиотеки князя А. М. Курбского* (р. 312–338). Судьба двух книг («Сочинения Василия Великого» и «Апостол») из библиотеки А. Курбского, упомянутых им в жалобе о краже имущества слугой в 1575 г., стали поводом порассуждать о литературной деятельности князя, о его причастности к православному книгоиздательству в Великом княжестве Литовском, о характере контактов с участниками этого предприятия, да и вообще о православной книжности XVI в.

А. Филюшкин (Россия) в своей статье задается вопросом: *Why Did Muscovy Not Participate in the "Communication Revolution" in the Sixteenth Century?* («Почему Московия не участвовала в «коммуникационной революции» шестнадцатого века?») (р. 339–350). Отвечая на него, историк выделяет ряд особенностей развития русской культуры: отсутствие подготовительного эпистолярного этапа коммуникационной революции, направленного на обмен новостями; отсутствие потребности в политической информации в силу того, что в стране не было политического плюрализма и свободы слова, вся необходимая информация поступала от государства. Как резюмирует автор, основной причиной задержки коммуникационной революции в России была не технологическая отсталость, технические возможности были, а отсутствие общественного спроса на информацию. Книгопечатание появилось и развивалось в России в первые 150 лет не как средство коммуникации в обществе, а как инструмент управления религиозными и государственными делами. Не могу не согласиться с этим выводом, но должна заметить: анализ российской и советской историографии показал, что эта точка зрения и прежде являлась доминирующей [Починская, с. 6].

Продолжением темы особенностей русской культуры позднего Средневековья, определивших своеобразие книгопечатания в России, стала статья С. Франклина (Великобритания) *Three Types of Asymmetry in the Muscovite Engagement with Print* («Три типа асимметрии в московском книгопечатании») (р. 351–375). Автор обращает внимание на то, что при изучении книгопечатания недостаточно сосредоточиваться только на книгопроизводстве, как это преимущественно происходит в историографии, а необходимо анализировать историю осознания, использования и культурного отклика на продукцию, напечатанную в других странах.

С. Франклин выделяет три различия, или асимметрии между московским и западноевропейским книгопечатанием. Первое из них заключается в том, что доступность технологии печати не привела к равноценной «печатной революции» в Московском государстве. Второе – несоответствие между началом местного печатного производства и контактами с технологией через импортируемую продукцию, то есть знакомство с печатной книгой в России произошло задолго до введения книгопечатания. Автор статьи подчеркивает, что необходимо проводить четкое различие между Россией как произво-

дителем и Россией как потребителем печатной культуры. Третий тип асимметрии, на котором подробнее всего останавливается С. Франклин, связан со вторым и заключается в том, что взаимодействие России с импортной печатной культурой чаще всего было связано с приемом продукта, но не носителя. Один из наиболее ярких примеров тому – феномен обратного трансфера технологий, перенос европейских печатных текстов в рукописную традицию. Это не просто реверсия технологии, а полная инверсия функции.

По выводам автора, продукты западноевропейской печатной культуры были усвоены русской культурой глубоко и разнообразно в тех областях, куда еще не проникло книгопечатание. Это ситуация отражает иную структуру взаимодействия с технологиями письма и печати, иную экологию медиа, своеобразный набор культурных фильтров при проникновении печати в Россию.

Две статьи, завершающие журнал, посвящены коллекции книг С. Дягилева и С. Лифаря, хранящейся в Британской библиотеке. В первой статье куратора восточноевропейской коллекции Британской библиотеки Е. Рогачевской *A Beautiful, Tremendous Russian Book, and Other Things Too* («Великолепная, потрясающая русская книга и многое другое») (р. 376–397) речь идет о судьбе этой коллекции, об истории ее приобретения, о составе. Особое внимание уделено экземпляру Букваря, изданному Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. Во второй статье – *Something New about the 1564 Apostol from the Diaghilev – Lifar Collection* («Немного нового об Апостоле 1564 года из коллекции С. Дягилева – С. Лифаря») (р. 399–403), автором которой является С. Богатырев, прослеживается судьба экземпляра московского Апостола 1564 г. по записям на книге. Эти записи позволили установить, что книга совершила путешествие из Москвы в Казань, оттуда в Париж на аукцион «Сотбис», в Монако и, наконец, в Лондон.

Подводя итог анализу журнала *Canadian-American Slavic Studies*, хочу подчеркнуть важность этого тематического выпуска, свидетельствующего о подъеме интереса к истории начала русского книгопечатания. Однако нельзя не отметить, что многие публикации повторяют гипотезы, высказанные несколько десятилетий назад, без указания на предшественников. При этом статьи не добавляют к ним новой аргументации, что создает опасность «топтания на месте». Кроме того, хотелось бы указать на необходимость более ответственного отношения к косвенным источникам, недостаточно критический взгляд на которые приводит к появлению фантазийных гипотез.

Список литературы

Коляда Г. И. Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву // Тр. Отд. древнерус. лит. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 17. С. 225–254.

Коляда Г. И. Иван Федоров – редактор первопечатного Апостола // Славянский сборник. 1963а. Т. 2. С. 136–144.

Коляда Г. И. У истоков русского книгопечатания // Тр. Ташкент. гос. ун-та. 1963б. Вып. 211. С. 96–136.

Леонид (Кавелин), архим. Евангелие, напечатанное в Москве: 1564–1568. СПб. : Тип. Добродеева, 1883. 35 с.

Немировский Е. Л. Иван Федоров и его эпоха : энцикл. словарь. М. : Энциклопедия, 2007. 912 с.

Починская И. В. Книгопечатание Московского государства второй половины XVI – начала XVII века в отечественной историографии: концепции, проблемы, гипотезы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 400 с.

References

Kolyada, G. I. (1961). Rabota Ivana Fedorova nad tekstami Apostola i Chasovnika i vopros o ego ukhode v Litvu [Ivan Fyodorov's Work on the Texts of *Acts and Epistles of the Apostles* and the *Horologion* and the Issue of His Flight to Lithuania]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 17, pp. 225–254.

Kolyada, G. I. (1963a). Ivan Fedorov – redaktor pervopechatnogo Apostola [Ivan Fyodorov as Editor of the First Printed *Acts and Epistles of the Apostles*]. In *Slavyanskii sbornik*. Vol. 2, pp. 136–144.

Kolyada, G. I. (1963b). U istokov russkogo knigopechataniya [At the Dawn of Russian Book Printing]. In *Trudy Tashkentskogo gosudarstvennogo universiteta*, Iss. 211, pp. 96–136.

Leonid (Kavelin), Archim. (1883). Evangelie, napechatannoye v Moskve: 1564–1568 [A Gospel Printed in Moscow, 1564–1568]. In *Pamyatniki drevnerusskoi pis'mennosti i iskusstva*. St Petersburg, Tipografiya Dobrodeeva. 35 p.

Nemirovskii, E. L. (2007). *Ivan Fedorov i ego epokha. Entsiklopedicheskii slovar* [Ivan Fyodorov and His Era. Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Entsiklopediya. 912 p.

Pochinskaya, I. V. (2012). *Knigopechatanie Moskovskogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – nachala XVII veka v otechestvennoi istoriografii: kontseptsii, problemy, gipotezy* [Book Printing in the Moscow State, Second Half of the 16th – Early 17th Centuries: Concepts, Issues, Hypotheses]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 400 p.

The article was submitted on 10.06.2018

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Ван Хуа, преподаватель, Шеньянский политехнический университет.
Китай, Шеньян, Nanping Central Road, 6.
ORCID 0000-0003-0287-4150
wanghuakzxy@yandex.ru

Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор,
Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-2230-1985
irina_vepreva@mail.ru

Владимирски Ирина, PhD (History), заведующий кафедрой истории общественной мысли, Академический колледж Ахва.
7980400, Израиль, Беэр-Товия, Аругот.
ORCID 0000-0002-4766-5312
irena@achva.ac.il

Громинова Андреа, PhD, заведующий кафедрой русистики, Университет св. Кирилла и Мефодия в Трнаве.
917 01, Словакия, Трнава, пл. Йозефа Герды, 2.
ORCID 0000-0002-2384-6880
andrea.grominova@ucm.sk

Гун Лэй, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли.
Китай, Гуанчжоу, Baiyun North Avenue, 2.
ORCID 0000-0002-6978-7724
nikigong@foxmail.com

Дворцова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет.
625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6.
ORCID 0000-0001-5586-0575
kaf_idir@utmn.ru

Дмитриева Наталья Валерьевна, младший научный сотрудник, Южный научный центр РАН; старший преподаватель, Южный федеральный университет.
344006, Россия, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41.
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.
ORCID 0000-0002-3720-7932
nvdmitrieva@sfn.ru

Дюро Эрик, PhD (History), ассоциированный научный сотрудник, Центр Ролана Мунье, Университет Париж – Сорбонна.
75005, Франция, Париж, rue Victor Cousin, 1.
ORCID 0000-0002-8046-0247
ericdurot@gmail.com

Итскович Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-5841-2943
tatiana.itckovich@urfu.ru

Комлева Евгения Владиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН.
630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
ORCID 0000-0002-6975-3516
feodal@history.nsc.ru

Крот Максим Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Южный научный центр РАН; доцент, Южный федеральный университет.
344006, Россия, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41.
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.
ORCID 0000-0001-5855-8160
mnkrot@sfedu.ru

Лю Цзюань, доктор филологических наук, декан факультета русского языка, Цзянсуский океанологический университет.
Китай, Цзянсу, Нянкин, Jiangning Qu, Zhiyuan Rd.
ORCID 0000-0002-0536-1417
liujuan1971@yandex.ru

Матвеева Тамара Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный научно-исследовательский университет.
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.
ORCID 0000-0003-4802-221X
tomat-44@mail.ru

Матханова Наталья Петровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН.
630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
ORCID 0000-0003-2155-2982
nmatkhanova@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
ORCID 0000-0002-0264-0576
mokienko40@mail.ru

Починская Ирина Викторовна, доктор исторических наук, заведующий лабораторией археографических исследований, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-7431-856X
poirvi12@gmail.com

Раздорский Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Российская национальная библиотека.
191069, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18.
ORCID 0000-0003-2506-7714
razdor68@mail.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Родигина Наталия Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН; профессор, Новосибирский государственный педагогический университет.

626152, Россия, Тобольск, ул. Академика Ю. Осипова, 15.

630126, Россия, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.

ORCID 0000-0003-4938-0924

natrodigina@list.ru

Серов Дмитрий Олегович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Новосибирский государственный университет экономики и управления; Уральский федеральный университет.

630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0003-0097-7180

serov1313@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Стаф Владислав Сергеевич, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0002-3580-6130

stafvlad@gmail.com

Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

ORCID 0000-0003-1050-4264

tairovayak@mail.ru

Тубалова Инна Витальевна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный университет.

634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.

ORCID 0000-0001-6519-0739

tina09@inbox.ru

Филиппенко Ольга Вячеславовна, научный сотрудник, Йенский университет имени Фридриха Шиллера.

07743, Германия, Йена, Fuerstengraben, 1.

ORCID 0000-0001-9287-196X

olga.kanyshkova@mail.ru

Хоруженко Татьяна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-0477-7517
tkhoruzhenko@mail.ru

Шалина Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-1127-4264
irina_shalina@mail.ru

Шварц Искра, PhD (History), доцент, Институт восточноевропейской истории Венского университета.
1010, Австрия, Вена, Universitätsring, 1.
ORCID 0000-0003-3223-5894
iskra.schwarcz@univie.ac.at

Шелестюк Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет.
454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.
ORCID 0000-0003-4254-4439
shelestiuk@yandex.ru

Шишкин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
ORCID 0000-0002-5163-5474
shivlad@mail.ru

Эмер Юлия Антоновна, доктор филологических наук, начальник управления информационной политики, Томский государственный университет.
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36.
ORCID 0000-0003-0124-4392
emerjulial@gmail.com

Юрлова Светлана Валерьевна, кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-1836-1803
yurlova2000@yandex.ru

Dmitrieva Natalia, Junior Researcher, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer, Southern Federal University.
41, Chekhov Ave., 344006, Rostov-on-Don, Russia.
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.
ORCID 0000-0002-3720-7932
nvdmitrieva@sfedu.ru

Durot Eric, PhD (History), Associate Member, Centre Roland Mousnier, Université Paris-Sorbonne.

1, rue Victor Cousin, 75005, Paris, France.
ORCID 0000-0002-8046-0247
ericdurot@gmail.com

Dvortsova Natalia, Dr. Hab. (Philology), Professor, Tyumen State University.
6, Volodarsky Str., 625003, Tyumen, Russia.

ORCID 0000-0001-5586-0575
kaf_idir@utmn.ru

Emer Julia, Dr. Hab. (Philology), Head of Information Policy Department, Tomsk State University.

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.
ORCID 0000-0003-0124-4392
emerjulia1@gmail.com

Filippenko Olga, Research Fellow, Friedrich Schiller University Jena.

1, Fuerstengraben, 07743, Jena, Germany.
ORCID 0000-0001-9287-196X
olga.kanyshkova@mail.ru

Grominová Andrea, PhD, Head of the Department of Russian Studies, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava.

2, Námestie J. Herdu 2, 917 01 Trnava, Slovak Republic.
ORCID 0000-0002-2384-6880
andrea.grominova@ucm.sk

Gong Lei, PhD (Philology), Senior Lecturer, Guangdong University of Foreign Studies.

2, Baiyun North Avenue, Guangzhou, China.
ORCID 0000-0002-6978-7724
nikigong@foxmail.com

Itskovich Tatiana, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-5841-2943
tatiana.itckovich@urfu.ru

Khoruzhenko Tatiana, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-0477-7517
tkhoruzhenko@mail.ru

Komleva Evgenia, PhD (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0002-6975-3516
feodal@history.nsc.ru

Krot Maxim, PhD (History), Research Fellow, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Southern Federal University.

41, Chekhov Ave., 344006, Rostov-on-Don, Russia.
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.
ORCID 0000-0001-5855-8160
mnkrot@sfedu.ru

Liu Juan, Dr. Hab. (Philology), Dean of the Department of the Russian Language, Jiangsu Ocean University.

Zhiyuan Rd, Jiangning Qu, Nanjing, Jiangsu, China.

ORCID 0000-0002-0536-1417

liujuan1971@yandex.ru

Matkhanova Natalia, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0003-2155-2982

nmatkhanova@mail.ru

Matveeva Tamara, Dr. Hab. (Philology), Professor, Perm State National Research University.

15, Bukirev Str., 614990, Perm, Russia.

ORCID 0000-0003-4802-221X

tomat-44@mail.ru

Mokienko Valery, Dr. Hab. (Philology), Professor, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0264-0576

mokienko40@mail.ru

Pochinskaia Irina, Dr. Hab. (History), Head of Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-7431-856X

poirvi12@gmail.com

Razdorsky Aleksey, PhD (History), Leading Researcher, National Library of Russia.

18, Sadovaya Str., 191069, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-2506-7714

razdor68@mail.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Deputy Chief Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Rodigina Natalia, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Tobolsk Integrated Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Novosibirsk State Pedagogical University.

15, Academician Yu. Osipov Str., 626152, Tobolsk, Russia.

28, Vilyuiskaya Str., 630126, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0003-4938-0924

natrodigina@list.ru

Schwarcz Iskra, PhD (History), Associate Professor, Institute of Eastern European History, University of Vienna.

1, Universitätsring, 1010, Vienna, Austria.

ORCID 0000-0003-3223-5894

iskra.schwarcz@univie.ac.at

Serov Dmitry, Dr. Hab. (History), Head of the Department of the Theory and History of State and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management; Ural Federal University.

56, Kamenskaya Str., 630099, Novosibirsk, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-0097-7180

serov1313@mail.ru

Shalina Irina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-1127-4264

irina_shalina@mail.ru

Shelestyuk Elena, Dr. Hab. (Philology), Professor, Chelyabinsk State University.

129, BratyeV Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia.

ORCID 0000-0003-4254-4439

shelestiuk@yandex.ru

Shishkin Vladimir, PhD (History), Associate Professor, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-5163-5474

shivlad@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Staf Vladislav, PhD Candidate, National Research University Higher School of Economics.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-3580-6130

stafvlad@gmail.com

Tairova-Yakovleva Tatiana, Dr. Hab. (History), Professor, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-1050-4264

tairovayak@mail.ru

Tubalova Inna, Dr. Hab. (Philology), Professor, Tomsk State University.

36, Lenin Ave., 634050, Tomsk, Russia.

ORCID 0000-0001-6519-0739

tina09@inbox.ru

Vepreva Irina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-2230-1985

irina_vepreva@mail.ru

Vladimirsky Irena, PhD (History), Head of the Department of History of Social Thinking, Achva Academic College.

7980400, Arugot, Beer Tuvia, Israel.

ORCID 0000-0002-4766-5312

irena@achva.ac.il

Wang Ghya, Lecturer, Shenyang Ligong University.
6, Nanping Central Road, Shenyang, China.
ORCID 0000-0003-0287-4150
wanghuakzxy@yandex.ru

Yurlova Svetlana, PhD (Philosophy), Associate Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-1836-1803
yurlova2000@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

Архив ВИМАИВиВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Arkhir VIMAIViVS – Arkhir Voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi

Архив ТОКМ – Архив Томского областного краеведческого музея

Arkhir TOKM – Arkhir Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya

БСЭ – Большая Советская энциклопедия

BSE – Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya

ГАКО – Государственный архив Кемеровской области

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАТО – Государственный архив Томской области

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti

ІР НБУВ – Інститут рукопису, Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського

IR NBUV – Institut rukopisu, Natsional'na biblioteka Ukraïni im. V. I. Vernads'kogo

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ОУН – Организация украинских националистов

OUN – Organizatsiya ukrainskikh natsionalistov

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГИА – Российский государственный исторический архив

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества
Sb. RIO – Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva

ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области
TsDNI TO – Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Tomskoi oblasti

ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей Россий-
ских при Московском университете
ChOIDR – Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh
pri Moskovskom universitete

ASV – Archivio Segreto Vaticano

BNF – Bibliothèque nationale de France

GStA PK – Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz

HHStA – Haus-, Hof- und Staatsarchiv

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 7, 2019, № 3

Редакторы *Е. Березина*
А. Попович
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Alexey Popovich
Imposition *Alexey Matveev*

Дата выхода в свет – 27.09.2019. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 32,3. Усл. печ. л. 34,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 292.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru